

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.	SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.
Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.	Founded in 1999. Published 6 times a year.
До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.	Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.
Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.	The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K 1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission in 2023.
Журнал относится к категории К1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям К1, К2, К3 в 2023 году.	
Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.	Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.
Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.	The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.
Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.	
Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания: https://sibscript.ru	The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.
Журнал включен в базы данных: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.	For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: https://sibscript.ru
Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.	The journal is registered in the following databases: EBSCO, ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-84812. Выдано Роскомнадзором.	The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.
ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).	Certificate of registration: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.
Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.	ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).
Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).	Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".
Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru	Founder and publisher: Kemerovo State University.
Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru	Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru
	Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН,
Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р. филол. наук, доцент, БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург,
Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет
Эксетера (Эксетер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск,
Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушникова Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт
археологии и этнографии СО РАН
(Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пелех Юрий Владимирович

Dr. hab., проф., Академия им. Иоанна Длугоша
(Ченстохова, Польша).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный
гуманитарный университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского (Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского
Университета (Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет
науки и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Editorial board

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Yurii Pelekh

Dr. hab., Prof., Jan Dlugosz University (Czestochowa, Poland).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Номер посвящен актуальным тенденциям современной науки, отражающим разноаспектное изучение языка / слова / текста: через призму художественного, политического дискурса, культуру, сопоставительных и теоретических исследований, специфику функционирования лексических единиц в языковой системе.

В тематический выпуск журнала вошли исследования, проблематикой которых стало изучение различных аспектов лексикологии. Так, лексикографическая и обыденная практика толкования слов представлена в публикации Т. Ю. Сатучиной.

В статье отражен опыт авторского акцентирования ведущей роли обучающихся неродному языку в процессе освоения лексического уровня.

Проблема семантизации лексики рассматривается, таким образом, не с точки зрения обучающихся языку, а в контексте освоения неродного языка студентами-иностранцами.

Неолексемы стали объектом исследования М. А. Хатламаджиян: изучение лексики происходит с точки зрения активного и пассивного словарного запаса, что в свою очередь отражает современные процессы, происходящие в языке. Актуальным видится описание культурно значимых лексических единиц по пьесам А. Н. Островского, поскольку авторский анализ В. М. Мокиенко слов-библейзмов позволяет по-новому осмыслить творчество драматурга в лингвокультурологическом контексте.

Взаимодействие языка и культуры, языка и мышления имеет давнюю лингвистическую традицию, не потерявшую свою актуальность в представленных публикациях по исследованию когнитивных аспектов языка. В статьях отражена методическая оригинальность подхода изучения концептов, семиотический историко-генетический метод регистрации культурных феноменов (С. Г. Проскурин и А. В. Проскурина), специфика концептологии и типологической мифологии (М. В. Румянцева). Следовательно, авторские исследования сопряжены с поиском новых оригинальных методик, принципов описания языкового материала, подходов к изучению объекта исследования.

По-прежнему остаются востребованными исследования, посвященные политическому дискурсу, а именно комбинированным тактикам и речеповедческим стратегиям (Е. А. Бурмакова и Н. В. Полякова), что имеет непосредственный потенциал в возможности оказания сопротивления манипулятивному воздействию и формам информационной агрессии.

Сравнительно-сопоставительные исследования представлены публикациями, в которых отражен сравнительный анализ языковых фактов в разных языках: русском, английском и китайском (О. А. Булгакова и Л. Ф. Пепелова); русским и персидском (А. Давуди и А. Валипур).

Публикации по разделу теоретических вопросов лингвистики (статьи Н. Д. Голева и А. В. Загуменнова) направлены на осмысление нерешенных до сих пор вопросов в области морфологии русского языка, теории языковой личности. Авторы статей объединяет подход, сопряженный с поиском новых идей и оригинальных методов изучения объекта исследования.

Последние разделы посвящены анализу художественного текста в лингвистическом (А. В. Бровина и Е. Ю. Маленко; Г. И. Лушникова и Т. Ю. Осадчая) и литературоведческом (М. Р. Ненарокова; С. В. Рудакова, Т. Б. Зайцева и А. П. Власкин) аспектах. В качестве объектов авторских исследований становятся язык / стиль / гендерные стратегии переводов художественного произведения, специфика речевого общения героев.

P.S.: Редакция журнала благодарит авторов за представленные публикации. Приглашаем к сотрудничеству исследователей, научные интересы которых связаны с актуальными проблемами науки в области филологии.

Dear readers,

This issue introduces modern trends in multifaceted linguistic studies, i.e., fiction, political discourse, cultural linguistics, comparative analysis, theoretical linguistics, various lexical units, etc.

Several publications focus on lexicology. For instance, T. Yu. Satuchina explains how foreign students of Russian interpret the lexical meaning of new words. The author demonstrates the phenomenon of lexical semantization not from the point of view of the teaching staff but as seen by non-Russian speakers. M. A. Khatlamadzhiyan studies neolexemes of active and passive vocabulary. The research reflects some ongoing linguistic processes. V. M. Mokienko describes culturally-marked lexical units in A. N. Ostrovsky's plays: a non-conventional approach to biblical idioms allows the author to re-interpret the famous plays in a new linguistic and cultural context.

The articles on cognitive linguistics approach the mystery of language, culture, and thinking, which is as old

as linguistics itself but never loses its scientific appeal. S. G. Proskurin and A. V. Proskurina write about linguistic concepts and the semiotic historical-genetic method of recording cultural phenomena; M. V. Rummyantseva describes the specifics of concept studies and typological mythology. These authentic studies look for new methods, alternative principles of linguistic description, and novel approaches to language units.

Political discourse, which combines tactics and speech-behavioral strategies, maintains its relevance as a linguistic phenomenon. In this issue, E. A. Burmakova and N. V. Polyakova will teach you how to resist manipulative influence and information aggression.

The comparative section contains publications that contrast and compare linguistic facts across languages.

For instance, O. A. Bulgakova and L. F. Pepelova work with similar idioms in Russian, English, and Chinese while A. Davoudi and A. Valipour dwell upon Russian and Persian phonological systems.

N. D. Golev and A. V. Zagumennov introduce some theoretical issues of Russian morphology and the theory of linguistic personality. The authors are unanimous in their attempt to find new ideas and advanced methods.

The miscellaneous section covers studies connected with fiction (A. V. Brovina and E. Iu. Malenko; G. I. Lushnikova and T. Iu. Osadchaia) and literary criticism (M. R. Nenarokova; S. V. Rudakova, T. B. Zaitseva, and A. P. Vlaskin). These articles feature style, gender, translation, and verbal communication in fiction.

P.S.: We thank our authors for entrusting us with their works and invite new authors to submit their manuscripts on various philological issues.

Актуальные проблемы лексикологии

Крылатые слова-библеизмы в пьесах А. Н. Островского

Мокиенко В. М.

1

Стратегии семантизации слов студентами-иностранцами: экспериментальное исследование метаязыковой деятельности

Сатучина Т. Ю.

13

Когнитивные и структурно-семантические особенности неологизмов с профессиональным компонентом в современном английском языке

Хатламаджиян М. А.

22

Когнитивная лингвистика

Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты

Проскурин С. Г., Проскурина А. В.

37

Когнитивные особенности дуального художественного концепта *море-океан* в творчестве Б. В. Шергина

Румянцева М. В.

49

Политическая лингвистика

Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи *Tucker Carlson Tonight*

Бурмакова Е. А., Полякова Н. В.

62

Сравнительно-сопоставительные исследования языка

Концептуализация действительности во фреймовой организации фразеологизмов с компонентом *цветы* в русском, английском и китайском языках

Булгакова О. А., Пенелова Л. Ф.

72

Роль порядка слов в реализации коммуникативной структуры предложения в русском и персидском языках

Давуди А., Валипур А.

84

Теоретические вопросы лингвистики

Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное

Голев Н. Д.

94

Лингвоперсоналогия и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В. В. Колесова

Загуменнов А. В.

108

Анализ художественного текста: лингвистические аспекты

Гендерные стратегии переводов романа «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера

Бровина А. В., Маленко Е. Ю.

117

Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической диалогии Д. Эггерса

Лушикова Г. И., Осадчая Т. Ю.

130

Анализ художественного текста: литературоведческие аспекты

«Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром

Ненарокова М. Р.

140

Формы и функции речевого общения в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского

Рудакова С. В., Зайцева Т. Б., Власкин А. П.

150

Lexicology

- Biblical Expressions in A. N. Ostrovsky's Plays
Mokienko V. M. 1
- Strategies of Lexical Semantization by Foreign Students: Experimental Study of Metalinguistic Activity
Satuchina T. Yu. 13
- Cognitive, Structural, and Semantic Features of Professional Neologisms in Modern English
Khatlamadzhijan M. A. 22

Cognitive Linguistics

- Duality in Language and Culture: Values and Meta-Concepts
Proskurin S. G., Proskurina A. V. 37
- Cognitive Duality of the Artistic Concept of *Sea-Ocean* in B. V. Shergin's Short Stories
Rumyantseva M. V. 49

Political linguistics

- Combined Tactics of Communication Strategy: Discrediting Biden's Administration in *Tucker Carlson Tonight*
Burmakova E. A., Polyakova N. V. 62

Comparative Linguistics

- Reality Framing in Russian, English, and Chinese Phraseological Units with *Flowers*
Bulgakova O. A., Pepelova L. F. 72
- Word Order in the Communicative Structure of the Sentence in Russian and Persian Languages
Davoudi A., Valipour A. 84

Linguistic Theory

- Antinomies of Russian Morphology: Communicative vs. Cognitive; Syntagmatic vs. Nominative
Golev N. D. 94
- Linguistic Personology and Linguistic Personality as Subjects of Vladimir V. Kolesov's Scientific Reflection
Zagumennov A. V. 108

Linguistic Aspects of Text Analysis

- Gender Strategies in Translation: *The Catcher in the Rye* by J. Salinger
Brovina A. V., Malenko E. Iu. 117
- Language of the Future as an Object of Satire in D. Eggers's Dystopic Dilogy
Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. 130

Literary Aspects of Text Analysis

- Einhard's *Vita Karoli Magni*: Dialogue with Classical Genre
Nenarokova M. R. 140
- Forms and Functions of Speech Communication in F. M. Dostoevsky's *Demons*
Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Vlaskin A. P. 150

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/cajuwo>

Крылатые слова-библейзмы в пьесах А. Н. Островского

Мокиенко Валерий Михайлович

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Scopus Author ID: 55676245400

mokienko40@mail.ru

Аннотация: 2023 год – год 200-летия Александра Николаевича Островского – живописателя русского народного быта и «темного царства» крепостнической России. Сюжеты пьес драматурга и их язык давно уже стали востребованными темами литературоведческих и лингвистических исследований. Цель – анализ лексических интертекстем-библейзмов, использованных в пьесах А. Н. Островского. Материал собран методом сплошной выборки из драматических произведений А. Н. Островского. Применена методика лингвокультурологического анализа. При характеристике библейзмов использовались методы интерпретации, лингвокультурологического комментирования и прием систематизации описываемых фактов. Одной из недостаточно изученных проблем языка пьес А. Н. Островского до сих пор остаются прецедентные тексты, источником которых является Библия. Такие языковые единицы не только часто встречаются в текстах драматурга, но и играют в них важную смысловую и лингвокультурологическую роль, придавая им своеобразную книжную стилистическую окраску. Символика слов-библейзмов характеризует речь отдельных персонажей пьес А. Н. Островского, отражая доминанты их мировоззрения. Непонятность, архаичность, семантическая диффузность некоторых из таких библейзмов вскрывают недостаточную образованность отдельных персонажей. Проведен анализ однолексемных крылатых слов такого рода. Они составляют 2 группы: 1) имена собственные библейских персонажей (*аред / Иаред, Ирод, Иуда, Лазарь*) и образованные от них фразеологизмы (например, *запеть Лазаря*); 2) нарицательные существительные библейского происхождения, имеющие особую символику в тексте драматургии А. Н. Островского (*твердь, бдение, пост, воздержание, завет, благодать, благость, щедроты, мытарство, жупел* и др.). В процессе анализа каждой из таких лексем предложены как комментарии к их библейскому источнику, так и функциональная характеристика в конкретном тексте.

Ключевые слова: А. Н. Островский, драматургия, пьеса, речь персонажей, крылатые слова, прецедентный текст, библейзм, фразеологизм

Цитирование: Мокиенко В. М. Крылатые слова-библейзмы в пьесах А. Н. Островского. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 1–12. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-1-12>

Поступила в редакцию 31.08.2023. Принята после рецензирования 14.11.2023. Принята в печать 20.11.2023.

full article

Biblical Expressions in A. N. Ostrovsky's Plays

Valerij M. Mokienko

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

<https://orcid.org/0000-0002-0264-0576>

Scopus Author ID: 55676245400

mokienko40@mail.ru

Abstract: In 2023, Russia celebrates the 200th anniversary of Alexander N. Ostrovsky, the famous playwright who portrayed Russia in the epoch of serfdom. The author used the method of continuous sampling to harvest lexical intertextualisms from A. N. Ostrovsky's plays, as well as the methods of linguistic culturological analysis, interpretation, linguacultural commentary, and systematizing to describe the material. Biblical expressions in A. N. Ostrovsky's plays are numerous but remain understudied. However, they play an important semantic and linguacultural role in that they

render the text a bookish style. Some personages demonstrate the symbolism of biblical words as dominants of their worldview. Quite often, biblical expressions are incomprehensible, archaic, or semantically random, thus revealing poor education. The article focuses on one-lexeme biblical expressions. They could be divided into two groups: 1) proper names, e.g., *Jared, Herod, Judas, Lazarus*, etc., and related phraseological units, e.g., *to sing Lazarus*, i.e. to lament or complain; 2) common nouns with a special symbolism in the text, e.g., *expanse, vigil, fasting, abstinence, covenant, grace, goodness, bounty, ordeal, brimstone*, etc. Each example is provided with comments on their biblical source and the functional characteristics in the context.

Keywords: A. N. Ostrovsky, dramaturgy, play, the speech of the characters, winged words, precedent text, biblicalism, phryzaeologism

Citation: Mokienko V. M. Biblical Expressions in A. N. Ostrovsky's Plays. *SibScript*, 2024, 26(1): 1–12. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-1-12>

Received 31 Aug 2023. Accepted after peer review 14 Nov 2023. Accepted for publication 20 Nov 2023.

Настасья Панкратьевна. *Оставьте, я вас прошу.*
Уж я такая робкая, право, ни на что не похоже.
Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги
и затрясутся¹
 А. Н. Островский. Тяжелые дни

Введение

2023 год – год 200-летия Александра Николаевича Островского – живописателя русского народного быта и «темного царства» крепостнической России. Сюжеты пьес драматурга и их язык, творческая личность и ее судьба, народная поэтика языка персонажей, образы актеров, языковая и речевая рефлексия в пьесах А. Н. Островского, лексическое и фразеологическое своеобразие его стиля давно уже стали востребованными темами литературоведческих и лингвистических исследований. На эти и многие другие темы написаны диссертации, книги, статьи. Не случайно и то, что творчество классика отечественной драматургии давно заинтересовало лексикографов. Непростую и не менее драматическую, чем драмы А. Н. Островского, историю создания и публикации «Словаря к пьесам А. Н. Островского»² недавно с летописной повествовательностью воспроизвел О. В. Никитин [Никитин 2021]. Словари костромских исследователей³ [Ганцовская и др. 2012] стали оригинальной попыткой не только довольно полно описать лексическую систему произведений драматурга, но и определить частотность ее составляющих. В словаре А. Г. Ломова⁴ и его докторской диссертации

[Ломов 1998] специальное внимание уделено изучению экспрессивно-оценочных потенций фразеологии в текстах А. Н. Островского. Интерес к этой проблематике не увядает и в наши дни.

При всей изученности лексического и фразеологического наследия драматурга остаются недостаточно исследованные зоны. Одна из них – точная диагностика его прецедентных текстов и их анализ. Такой материал лишь фрагментарно входит в характеристику тех или иных аспектов творчества писателя, например, при квалификации иноязычной фразеологии в его пьесах [Ломов 1978]. Первая специализированная попытка анализа прецедентных текстов (resp. интертекстом) сделана недавно [Филей 2020; 2022].

Прежде чем перейти к конкретному анализу соответствующих языковых единиц, следует оговорить сам термин *прецедентный текст*. Он стал в лингвистике (особенно в психолингвистике) популярным обозначением стихийно или сознательно отобранных текстов, которые в конкретной речевой культуре производят впечатление общеизвестных и допускают тем самым особые формы их использования [Гудков 1999]. При частотности употребления они

¹ Островский А. Н. Тяжелые дни. 1863. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0080.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

² Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А. Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Веста, 1993. 246 с.

³ Словарь языка А. Н. Островского. В 4 т., сост. А. А. Хуснутдинов, А. А. Хуснутдинова. Шуя: ШГПУ, 2012. <https://elibrary.ru/qxavzt>

⁴ Ломов А. Г. Фразеологический словарь драматургии А. Н. Островского. Ташкент: Укитувчи, 1988. Вып. 1. 328 с.

приближаются к лингвокультурологическим символам [Слышкин 2000]. Этот термин равноположен термину *текстовые реминисценции*, который предложил А. Е. Супрун [Супрун 1995; 2001], в свою очередь, близок по содержанию к терминам *интертекст* и *интертекстуальность*.

Одним из основных свойств интертекстуальности является то, что она способствует созданию двойственности знака: с одной стороны, он принадлежит данному, новому тексту, с другой – уже некогда созданному [Арнольд 1999: 376]. Большинство исследователей характеризуют интертекстуальность именно с позиций такой амбивалентности [Мокиенко 2003; 2017; Mokienko 2003], которая в какой-то мере и отражается в вариантах терминологического обозначения интертекстуальности.

Как бы при этом ни различались терминологические обозначения данного явления, понимание его разными исследователями в целом близозначно. Они покрываются определением, данным И. В. Арнольд: «Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд 1999: 346]. Палитра языковых единиц, соответствующих такому обозначению, весьма широка. В европейской (в частности, немецкой) филологической традиции интертекстуальность охватывает такие явления, как заимствование, интерпретация тем, сюжетов, цитация различных типов, плагиат, аллюзия, парафраза, пародия, экранизация, литературные эпиграфы [Сидоренко 2002].

При всей новизне терминологии в конкретном понимании языкового материала, которым оперируют соответствующие исследователи, речь идет в основном о давно уже изучаемых и интересующих филологов единицах, названных более полутора века назад *крылатыми словами и выражениями* (нем. *Geflügelte Worte und Wendungen* [Büchmann 1864]). История и эволюции этих терминов привели к тому, что наука о соответствующих языковых единицах стала уже привычно называться *крылатологией*, а свойство

прецедентности – *крылатостью* [Шулежкова 2008]. В научный обиход вошел и термин *энтоним* – греческий аналог *крылатого выражения* [Дядечко 2006]. Очевидно, что никакой новый термин полностью не повторяет традиционного, привычного. И в отношении приводимой терминосистемы некоторые различия просматриваются, хотя основной признак – воспроизводимость в готовом виде и печать авторства – остаются неизменными. При этом тенденция такова: при лингвистическом анализе соответствующих единиц они именуется *прецедентными текстами*, *текстовыми реминисценциями*, *интертекстемами* и т. д., при словарном же описании авторы предпочитают традиционные их наименования. Таковы, например, словари крылатых слов и выражений произведений А. С. Пушкина⁵, А. С. Грибоедова⁶, И. А. Крылова⁷, И. Ильфа и Е. Петрова⁸.

В настоящей статье о прецедентных текстах А. Н. Островского в ее названии автор предпочел традиционное наименование *крылатых слов и выражений*, хотя при этом термин *прецедентный текст* для их анализа также значим. Ведь с точки зрения формальной структуры прецедентные тексты представляют собой языковую универсалию, имея диапазон от однолексемной единицы (слова) до законченного предложения, отточенного афористическим смыслом. Единственным признаком, на основе которого они выделяются как особые языковые единицы, является маркированность авторством [Mokienko 2003]. Наиболее активна в структурном отношении именно триада интертекстем – лексические, фразеологические и паремиологические.

Каждая из названных структурных групп прецедентных текстов имеет, как правило, свою семантическую специфику, ибо сама их форма налагает определенные ограничения на содержание и образность таких языковых единиц. Цель настоящей статьи – анализ лексических интертекстем-библеизмов, использованных в пьесах А. Н. Островского. Такой концентрированный подход и определяет новизну предлагаемой проблематики. Новизну в каком-то смысле парадоксальную, ибо речь идет о давно укоренившихся в европейских языках единицах – библеизмах.

⁵ Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Нева, 2005. 800 с. <https://elibrary.ru/pairre>

⁶ Мокиенко В. М., Семенец О. П., Сидоренко К. П. Большой словарь крылатых выражений А. С. Грибоедова («Горе от ума»). М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. 800 с. <https://elibrary.ru/qulvds>

⁷ Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова: словарь. СПб.: СПбГУ, 2018. 796 с.

⁸ Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Крылатые слова диалогии Ильи Ильфа и Евгения Петрова («Двенадцать стульев» и «Золотой теленок»): словарь-справочник. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 312 с. <https://elibrary.ru/dgliuc>

Методы и материалы

Материал для анализа собирался методом сплошной выборки из драматических произведений А. Н. Островского. Статус библеизмов позволял уточнить сопоставление избранного материала с имевшимся у нас корпусом библейских крылатых слов и выражений, отраженным в указанных выше словарях и других источниках⁹ [Дубровина 2012; Иванов и др. 2022; Мокиенко 2017]. Для точной квалификации сакрального первоисточника интертекстом, употребленных А. Н. Островским, использовался метод идентификации. В языковом наследии драматурга их достаточно много, и они отличаются символическим и морфологическим разнообразием, и уже потому их комплексная функционально-стилистическая, историко-этимологическая и лингвокультурологическая характеристика кажется актуальной.

С одной стороны, методика лингвокультурологического анализа восходит к классическим трудам по изучению сакральных текстов, с другой – постоянно обогащается сопряжением с новейшими задачами лингвистики и лингвокультурологии. Термин *библеизм*, в отличие от рассмотренных выше терминов, у разных исследователей неоднозначен и допускает широкие или узкие трактовки. Доминирующим признаком при этом всегда остается идентификация библеизма на основе его первоисточника. Так, в одном из наиболее ёмких определений – дефиниции В. Хлебды – этот показатель справедливо признается альфой и омегой определяемого явления: «Библеизм – это языковая единица, происхождение которой можно стабильно связать с библейскими текстами, независимо от своей формальной структуры (слово – словосочетание – предложение) и семантического статуса, закодированная в языковой памяти данного народа и воспроизводимая в текстах данного языка»¹⁰ [Chlebda 1998]. Нами же уже давно было принято следующее определение термина: библеизм – языковая единица, характеризующаяся рядом признаков: смысловой законченностью, воспроизводимостью (с возможными вариантами), семантической и стилистической маркированностью (переносным значением, повышенной экспрессивностью, часто принадлежностью к книжному слою лексики)

[Лилич и др. 1993: 52]. В группу библеизмов как одного из видов прецедентных текстов входят слова, устойчивые словосочетания и афоризмы библейского происхождения. При их характеристике использовались методы интерпретации, лингвокультурологического комментирования и прием систематизации описываемых фактов.

Результаты

Собраны и проанализированы типичные для произведений драматурга библеизмы трех структурных типов. Степень их отнесения к библеизмам при этом различна. Относительно легко опознаются как библеизмы собственные имена с традиционной мифологической маркированностью.

В пьесе А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (явление тринадцатое) одна из героинь объявляет, что к ним вот-вот пожалует богатый дядя Крутицкий, от которого ждут денег на приданое бедной невесте Насте:

Мигачева. *Пришел, матушка, пришел. Что-то он принес – вот любопытно.*

Фетинья. *Потерпи, узнаем. Куда торопиться-то!*
Мигачева. *Каково терпеть-то! Неужли он в самом деле деньги принес.*

Петрович. *Кто ж его знает; человек темный, **аред** как есть.*

Елеся. *Алхимик¹¹.*

Слово *аред*, как явствует уже из достаточно определенного контекста, делает ожидания материальной помощи от Крутицкого беспочвенными. Ведь уже и по этимологическому смыслу его фамилии понятно, что он будет выкручиваться, но денег не даст. И действительно: устаревшее ныне слово *аред* в пьесе А. Н. Островского характеризует скупого старика. Подобное значение встречается и у других писателей – современников нашего драматурга: *Позорные слухи могут разнестись про меня по купечеству... **Аред**, скажут, этакой, родной дочери денег пожалел¹².*

⁹ Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов: около 2000 единиц. М.: АСТ; Астрель, 2010. 639 с.

¹⁰ Перевод приведен по: Мокиенко В. М., Лилич Г. А., Трофимкина О. И. Толковый словарь библейских выражений и слов. С. 9.

¹¹ Островский А. Н. Не было ни гроша, да вдруг алтын. 1872. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0134.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

¹² Мельников-Печерский П. На Горах. 1879. URL: http://az.lib.ru/m/melxnikowpecherskij_p/text_0070.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

Это слово – русифицированное в народной речи имя ветхозаветного патриарха Иареда: **Иаред** жил сто шестьдесят два года, и родил Еноха. По рождении Еноха, **Иаред** жил восемьсот лет, и родил сынов и дочерей. Всех же дней **Иареда** было девятьсот шестьдесят два года; и он умер¹³.

Как видим, в тексте Священного Писания ничего не говорится о скупости Иареда, он отмечен там лишь своим долголетием и обильным потомством. Отрицательная же оценочность его переносного значения могла появиться благодаря звуковой ассоциации со словами *Ирод* – именем жестокого и злого царя Иудеи, с которым связан евангельский рассказ об избииении младенцев, и *скарעד* ‘очень скупой человек’. Ср. поговорку: *Рассыпья аредом, да не доставайся скаредам*.

С не меньшей, а пожалуй, даже большей бранной экспрессией в пьесе «На бойком месте» (действие третье, явление третье) употребляется библейское имя *Иуда*. Здесь таким предателем оказывается барин Миловидов, разлюбивший простодушную героиню. Вот ее монолог:

Аннушка (одна). *Вот я до чего дожила! Что я слышала! Как я жива стою! Дурой меня называли, смеялись надо мной! А какая ж я дура? Чем я дура? Разве тем только и дура, что верю человеку, когда он на небо глядит да божится, да верю тому, кто меня целует, что он меня любит. Виновата ли ж я, что у нас на каждом шагу **Иуду** встретишь, который тебя целует, а сам тут же продает ни за грош. За что ж смеяться-то! <...> Ох! Не снесет сердце! Вся душа-то у меня чернеет, как черная ночь. Самоё себя мне страшно! Зажгу... Зажгу дом. Пусть сгорят оба, и я с ними...*¹⁴

За предательство любимого героиня готова поджечь дом и умереть. В русской литературе *иудами* называют и изменников, действующих под маской дружбы, и предателей родины, и подлецов более низкого пошиба: *Берегись ты этого князя. Это **Иуда**-предатель и даже*

*хуже того*¹⁵; *И где ж Мазепа? Где злодей? // Куда бежал **Иуда** в страхе? // Зачем изменник не на плахе?*¹⁶; *Выпученные глаза подполковника блеснули. – Я вижу, в моем ведомстве отыскался **иуда***¹⁷.

Евангельская легенда известна всем: *Иуда Искариот* – один из 12 учеников Иисуса Христа, предавший его за 30 серебрянников. Ср.: *Тогда один из двенадцати, называемый **Иуда** Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать серебрянников. Приведя стражу в Гефсиманский сад, где молился Иисус, **Иуда** подошел к нему и поцеловал, что было знаком для стражи*¹⁸; *Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его*¹⁹. Раскаившись в содеянном, Иуда удавился. По народному преданию, он повесился на осине, листья которой поэтому якобы постоянно дрожат.

В литературном языке встречаются и книжные выражения с этим именем: ***Иудина** работа, Иудино племя, Поцелуй **Иуды**, иудино лобзание*. Они известны многим языкам.

Составной частью устойчивых выражений стало и имя евангельского нищего *Лазаря* (др.-евр. *El'azar* ‘помощник Богу’). Ослабевший от голода, больной проказой Лазарь лежал у ворот богача, напрасно умоляя о подавании. Тот отказал ему даже в остатках пищи, падавших с его переполненного стола. Но зато после смерти, как и полагается по библейским законам, богач угодил в преисподнюю, а Лазарь – в рай²⁰.

В пьесах А. Н. Островского это имя неоднократно повторяется в сочетании с глаголом *прикидываться*. Так, в пьесе «Не все коту масленица» (сцена третья, явление третье) это выражение употреблено в диалоге богатого дядюшки Ахова с его бедным племянником Ипполитом, работающим у него в конторе. Ипполит пришел за законным жалованием, но скупой дядюшка сурово отчитывает его:

*Связался я с тобой говорить; а говорить мне тошно. Либо ты глуп, либо ты меня обманываешь... Цена вам, брат, всем одна, **Лазарем** ты мне не прикидывайся!*

¹³ Бытие. Глава 5. Стихи: 18–20.

¹⁴ Островский А. Н. На бойком месте. 1865. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0094.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁵ Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. 1961. URL: <https://ilibrary.ru/text/64/p.32/index.html> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁶ Пушкин А. С. Полтава. 1828–1829. URL: <https://ilibrary.ru/text/447/p.1/index.html> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁷ Акунин Б. Статский советник. 1999. URL: <https://loveread.com.ua/boris-akunin-statskii-sovetnik/page-51.html> (дата обращения: 25.07.2023).

¹⁸ Евангелие от Матфея. Глава 26. Стихи: 14–15:

¹⁹ Евангелие от Матфея. Глава 26. Стих: 48.

²⁰ Евангелие от Луки. Глава 16. Стихи: 19–25.

*На честность твою я, брат, не расчувствуюсь, потому ничем ты меня в ней не уверишь...*²¹

В близком контексте употреблено драматургом это выражение и в другой пьесе:

*Экой вор мужик-то! Тонкая бестия. Ведь каким Лазарем прикинется*²².

Это сочетание стало уже фразеологизмом в значении 'притворяться несчастным, бедным, стараться разжалобить кого-либо'. Употребление в пьесах драматурга подтверждает устойчивость оборота. Возможно, этому способствовало ассоциативное сопряжение с ироническим народным фразеологизмом *петь (тянуть) Лазаря (Лазарем)* 'прибедняться, плакаться, стараясь разжалобить, выпросить что-либо'. Он обязан своим происхождением духовному стиху о Лазаре, который был на Руси любимой песней бродячих нищих. Заунывный мотив песни, распеваемой далеко не бескорыстно, и вызвал к жизни чисто русские выражения. Ср.: арх. *запеть Лазаря* 'попасть в неприятное, затруднительное положение'²³; селигер. *запеть страдание* 'начать страдать, терпеть нужду'²⁴.

Нарицательные существительные библейского происхождения в пьесах А. Н. Островского представлены широко, ибо играют особую роль стилистической сакрализации текста. Несмотря на семантическое разнообразие, почти все такие существительные сохраняют инерцию библейской символики, запечатленной в их книжной стилистике: *бдение, благодать, благость, воздержание, завет, мытарства, твердь, щедроты*.

Одно из основополагающих, космогонических слов и понятий Библии – слово *твердь*. В пьесе «Горячее сердце» (действие пятое, явление первое) именитый купец Павлин Павлынич Курослепов припрятывает от своей жены Матрены Харитоновны деньги в сапог, а чтобы отвлечь ее внимание, предлагает ей посмотреть на небо, которое будто бы падает:

Курослепов (со страхом). *Матрена! Матрена! Матрена. Что с тобой?*

Курослепов. *Смотри кверху! Гляди сюда!*

Матрена. *Ох! Как ты, Павлин Павлынич, вдруг женщине! Ведь ты как испугать можешь!.. Чуть жива стою, вся как пустая.*

Курослепов. *Гляди ты кверху, говорят тебе!*

Матрена. *Зачем?*

Курослепов. *Падает?*

Матрена. *Что падает-то, оглашенный человек?*

Курослепов. *Небо.*

Матрена. *Ну, будет! Поговорил, и будет. Ступай спать! Мочи моей нет с тобой! Связать тебя да в сумасшедший дом! Как может небо падать, когда оно утвержденное. Сказано: **твердь!** Ступай спать! Ступай без разговору. Минуты с тобой покою нет*²⁵.

Матрена Харитоновна хорошо знает библейскую космогонию и благодаря этому разоблачает попытки мужа припрятать деньги. И действительно, в Библии слово *твердь* 'небесный свод, небо', которое никогда не упадет на землю, употребляется часто. Оно встречается уже в самой первой книге Священного Писания: *И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под **твердью**, от воды, которая над **твердью**. И стало так. И назвал Бог **твердь** небом*²⁶. Ср.: *И сказал Бог: да будут светила на **тверди** небесной*²⁷.

Устаревшее книжное слово *бдение* обозначает в церковном обиходе длительную ночную молитву. В этом значении оно и употребляется в Библии: *Во всем являем себя как Служители Божию – в великом терпении, в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в изгнаниях, в трудах, в **бдениях**, в постах*²⁸; *Это – ночь **бдения** Господу за Изведение их из Земли Египетской*²⁹.

В пьесе А. Н. Островского «Василиса Мелентьева» (действие второе, явление девятое) слово *бдение* употреблено в одной смысловой связке со словом *пост*

²¹ Островский А. Н. Не все коту масленица. 1871. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0132.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

²² Островский А. Н. Семейная картина. 1847. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0001.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

²³ Архангельский областной словарь, под ред. О. Г. Гецовоной. Вып. 18: Замагнитить – Запись, сост. Н. А. Артамонова и др. М.: МГУ, 2017. С. 343.

²⁴ Селигер: Материалы по русской диалектологии. Словарь. Вып. 2. Д–И, под ред. А. С. Герда. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. С. 135.

²⁵ Островский А. Н. Горячее сердце. 1869. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0114.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

²⁶ Бытие. Глава 1. Стихи: 7–3.

²⁷ Бытие. Глава 1. Стих: 14.

²⁸ 2-е Коринфянам. Глава 6. Стихи: 4–5.

²⁹ Исход. Глава 12. Стих: 42.

и характеризует *подвижников смиренных*. В диалоге главной героини с царем она, притворно изображая страх и якобы осознавая свою греховность, говорит:

Василиса (с притворным испугом)
*Ахти, грехи! Куда теперь мне деться!
 Пожаловал наш сокол ясный, царь,
 Наш батюшка.*

Царь

Чего ты испугалась? <...>

*Чего боишься? Я тебя не на-дух
 Зову к себе! За блудное житье
 Эпитимьи не положу тяжелой.
 Не постник я! Подвижников смиренных
 Постом и бдением испытые лица
 Вам, грешным бабам, видеть тяжело;
 Я также слаб своей греховной волей...³⁰*

Из текста понятно, что ни царь, ни Василиса Мелентьева себя к подвижникам смиренным не причисляют и постами и ночному бдению не спешат предаваться.

Близкое по семантике слово *воздержание* А. Н. Островский употребляет в пьесе «Не от мира сего» (действие первое, явление шестое), само название которой навеивает ассоциации с библейской тематикой. Но, в отличие от «антиподвижницы» Василисы, здесь оно характеризует героиню, строго соблюдающую посты и другие регламентации, накладываемые церковным уставом. При этом герои пьесы также рассуждают о греховности и пороке, справедливости и несправедливости:

Барбарисов. *Мне, конечно, все равно; я посторонний человек; одно обидно, что нигде, решительно нигде на свете не найдешь справедливости.*

Елохов. *О какой справедливости вы говорите?*

Барбарисов. *Да как же! У Евлампии Платоновны две дочери; она должна любить их одинаково. А это на что ж похоже? Для одной готова душу отдать, а другая, как и не дочь.*

Елохов. *Да ведь им назначено приданое равное. <...> Барбарисов. Евлампия Платоновна женщина особенная; требования ее огромные: и непоколебимые нравственные правила требуются, и красноречивые рассуждения на нравственные темы... В этом семействе добродетели довольно суровые, старинные: и отречение от удовольствий, и строгое **воздержание** в пище, постничество... По настоящему-то времени много ли найдется охотников?³¹*

Воздержание здесь – ‘ограничение себя в удовольствиях, отказ от излишеств как одна из христианских добродетелей’. Именно такова семантика этого слова в Новом Завете: *Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона*³².

Воздержание, постничество, ночное бдение и другие ограничения – это, собственно, строгое соблюдение особых ветхозаветных и новозаветных правил, *заветов*. Слово *завет* поэтому закономерно вошло в лексику персонажей драматургии А. Н. Островского, постоянно задумывающихся о Добре и Зле, Добродетели и Пороке, Справедливости и Несправедливости. Это слово в церковнославянском тексте и русском переводе Библии встречается в нескольких связанных между собой значениях.

Исходным здесь является значение ‘договор и основанный на нём союз’: *Вот, Я поставлю завет Мой с вами и с потомством вашим после вас*³³; *И будет радуга в облаке, и Я увижу ее, и вспомню завет вечный между Богом и между всякою душою живою во всякой плоти, которая на земле*³⁴. В Евангелии же *Новый Завет* знаменует новый договор и союз между Богом и людьми, основанный на крови Христа: *Ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов*³⁵.

Второе значение слова *завет* – ‘наставление, наказ; завещание’: *И сказал Бог Аврааму: ты же соблюдай завет Мой, ты и потомки твои после тебя и роды их*³⁶; *И объявил Он вам завет Свой, который повелел вам исполнять, десятословие, и написал его на двух*

³⁰ Островский А. Н. Василиса Мелентьева. 1867. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0262.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

³¹ Островский А. Н. Не от мира сего. 1884. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0222.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

³² Послание к Галатам. Глава: 5. Стихи: 22–23.

³³ Бытие. Глава 9. Стих: 9.

³⁴ Бытие. Глава 9. Стих: 16.

³⁵ Евангелие от Матфея. Глава 26. Стих: 28.

³⁶ Бытие. Глава 17. Стих: 9.

каменных скрижалях³⁷; Слушай, сын мой, наставление отца твоего, и не отвергай **завета** матери твоей³⁸.

Указанные значения проявляются и в названиях двух частей Библии: *Ветхий Завет* и *Новый Завет* – и часто встречаются уже в тексте послания апостола Павла к Коринфянам.

А. Н. Островский употребляет слово *завет* во втором значении в пьесе «Снегурочка», причем почти дословно цитируя Притчи Соломоновы и апеллируя к истине, что такие заветы обычно передаются детям их родителями. Признаваясь Мизгирю во взаимной любви, Снегурочка готова стать его женой, даже зная, что в его доме Солнце ей *грозит погибелью*. Но при этом, вспоминая предупреждения своих родителей, нарушает их завет, принося его в жертву любви:

Снегурочка (на коленях)

Завет отца и матери, о милый,
Не смею я нарушить. Вещим сердцем
Почуяли они беду, – таить
Велели мне мою любовь от Солнца.
Погибну я! Спаси мою любовь,
Спаси мое сердечко! Пожалей
Снегурочку! <...>

Мизгирь

Оставь ребячьи страхи
Неведомой беды! Но если вправду
Беда придет – тогда погибнем вместе³⁹.

Известно, чем завершилась история этой любви. Завершилась трагически, как и многие повествования о нарушении библейских заветов. Соблюдающих же их ждет вознаграждение – *благодать* и *благость*. Оба эти слова также пришли к нам из сакрального источника, Библии, где часто встречаются. Значение первого – ‘благоволение, помощь, ниспосланные Богом’, значение второго – ‘милость, милосердие, исходящие от Бога’: *Господь дает **Благодать** и Славу; ходящих в непорочности Он не лишает благ⁴⁰; Младенец же возрастал и укреплялся Духом, исполняясь Премудрости и **Благодать** Божия была на Нем⁴¹;*

Народ Твой там – по Благости Твоей, Боже, Ты готовил необходимое для бедного⁴². Показательно, что в текстах А. Н. Островского эти слова сохраняют свое исконное библейское значение.

В пьесе «Не так живи, как хочется» (действие первое, явление третье) строгий и благочестивый отец Илья укоряет своего сына Петра, загулявшего в Масленицу, и пытается наставить его на праведный путь. При этом он дважды употребляет слово *благодать*, подчеркивая, что она дается лишь тем, кто соблюдает евангельские заповеди:

Илья. Так что ж? Нешто я так жил? Молод, так и распутничать! Не для веселья мы на свете-то живем. Не под старость, а смолоду добрыми-то делами запасаются. <...> Кабы разум был, а без разума и ученье не впрок.

Петр. А нет, так и негде взять. На нет и суда нет. <...> Илья. А нет, так наберись у добрых людей, да проси Бога, чтоб дал, а то, как червь, погибнешь! <...> Помни, Петр! перед твоими ногами бездна разверстая. Кто впал в гульбу да в распутство, от того **благодать** отступает, а враги человеческие возрадуются, что их волю творят, и приступают, поучая на зло, на гнев, на ненависть, на волхование и на всякие козни. <...> Выбирай, что лучше: либо жить честно, в любви у отца, с душой своей в мире, с **благодатью** в доме; либо жить весело, на смех и покор людям, на горе родным, на радость врагу человекам. Прощайте!⁴³

Слово же *благость* («Кузьма Захарьич Минин-Сухорук», действие второе, сцена вторая, явление второе) употребляет защитник отечества Минин в полном созвучии с библейским упованием на Бога:

Минин

*И вправду. Нам теперь одна надежда –
На Бога. Помощи откуда ждать!
Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чист пред Богом? Только чистый может
Святое дело честно совершить.*

³⁷ Второзаконие. Глава 4. Стих: 13.

³⁸ Притчи Соломона. Глава 1. Стих: 8.

³⁹ Островский А. Н. Снегурочка. 1873. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0142.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

⁴⁰ Псалтирь. Глава 83. Стих: 12.

⁴¹ Евангелие от Луки. Глава 2. Стих: 40.

⁴² Псалтирь. Глава 67. Стих: 11.

⁴³ Островский А. Н. Не так живи, как хочется. 1854. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0042.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

*Народ страдает, кровь отмищенья просит,
На небо вопиет. А кто подымет,
Кто поведет народ? Он без вождя,
Как стадо робкое, рассеян розно. <...>
О Господи! Грешу я; мал я духом,
Смел усомниться в **благости** твоей!
Нет, прочь сомненья! Перст твой вижу ясно.
Со всех сторон мне шепчут голоса:
«Встань за Русь, на то есть воля Божья!»⁴⁴.*

В определенном смысле к **благодатям** относятся и **щедроты**, т. е., в соответствии со Священным Писанием, милости и благодеяния, посылаемые Богом верующим. Именно так это слово, неоднократно встречающееся в Библейских текстах, употребляется в молитвах и псалмах: *Услышь меня, Господи, ибо **блага** милость Твоя; по множеству **щедрот** Твоих призри на меня*⁴⁵. Видим прямую переключку с цитируемым выше контекстом к слову **благодать**. Переключка, подкрепляемая соединением этих слов с прилагательным **благой** и существительным **благо**: *Господь дает **Благодать** и **Славу**; ходящих в непорочности Он не лишает **благ***⁴⁶.

В пьесе «Воспитанница» (действие второе, явления третье и четвертое) щедротами обозначаются не милости, воздаваемые свыше, а благодеяния человеческие. Причем – в ироническом контексте, ибо это стилистически высокое слово произносит мелкий чиновник-недоучка Неглигентов в адрес дядюшки, который его якобы пообещал женить на богатой и красивой невесте.

Леонид. *Хотите, я его позову. Потапыч, позови Неглигентов! Он говорил, что вы нынче были у его дяди и обещали отдать за него Надю <...>*
Потапыч и Неглигентов входят.
Те же, Неглигентов и Потапыч.
Уланбекова. *Ах, ах, какой противный! Не подходи ко мне!*
Неглигентов. *Послан от дяди возблагодарить за **щедроты** ваши.*
Леонид. *Он говорит, мамаша, что его много учили, только никак нельзя было выучить*⁴⁷.

В пьесе «Доходное место» (действие четвертое, явление шестое) героиня (Полина) укоряет своего мужа Жадова за то, что он скупится, не давая ей денег даже на нарядную одежду и причиняя ей этим страдания:

*– Не на **мытарство**, не на **тиранство** я за тебя замуж шла*⁴⁸.

Слова **мытарство** и **тиранство**, как видим, выглядят здесь как синонимы. Однако, это не так: **тиранство** – это жестокость, произвол, приравниваемые к поведению тирана, **мытарство** же – книжное обозначение мучений, страданий, жизненных невзгод. По церковному учению, это жестокие, мучительные испытания, через которые проходит душа умершего в течение 40 дней после смерти.

Слово **жупел** употреблено в пьесе «Тяжелые дни» (действие второе, явление второе), где купчиха Наталья Никаноровна Круглова и жена богатого купца Настасья Панкратьевна говорят с пожилым, важного вида стряпчим Харлампием Гаврилычем Мудровым о том, как влияет чтение книг на мораль и нравы читателей.

Настасья Панкратьевна. *Только вот, Харлапий Гаврилыч, в хороших-то книгах очень нехорошо про богатство пишут.*
Мудров. *Да, не одобряют-с, очень не одобряют-с.*
Настасья Панкратьевна. *Вот оно и страшно такие книги-то читать.*
Наталья Никаноровна. *Да лучше не читать никаких, меньше думается.*
Настасья Панкратьевна. *От думы-то ведь тоже вред человеку.*
Мудров. *Дума разная бывает-с, разная.*
Настасья Панкратьевна. *Да какая хочешь дума, все человек худеет от нее; уж на нем того тела нет. Вот я еще мудреных слов боюсь.*
Мудров. *Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысл сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с...*
Настасья Панкратьевна. *Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно.*

⁴⁴ Островский А. Н. Кузьма Захарыч Минин, Сухопук. 1861. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0066.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

⁴⁵ Псалтирь. Глава 68. Стих: 17.

⁴⁶ Евангелие от Луки. Глава 2. Стих: 40.

⁴⁷ Островский А. Н. Воспитанница. 1858. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0056.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

⁴⁸ Островский А. Н. Доходное место. 1857. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0050.shtml (дата обращения: 25.07.2023).

Мудров. *Вот, например-с...*

Настасья Панкратьевна. *Ох, уж не говорите лучше! право, я всегда себя после как-то нехорошо чувствую.*

Наталья Никаноровна. *Нет, что ж, пускай говорит; интересно послушать.*

Настасья Панкратьевна. *Разве уж одно словечко какое, а то, право, страшно.*

Мудров. *Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нем смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий». – «Глагол времен, металла звон». Это значит, сударыня, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть еще благородные металлы...*

Настасья Панкратьевна. *Оставьте, я вас прошу. Уж я такая робкая, право, ни на что не похоже. Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги и затрясутся.*

Мудров. *Да, есть словечки, есть-с. Вот тоже...*

Настасья Панкратьевна. *Батюшка, оставьте! Убедительно я вас прошу. Конечно, все мы смертны; разве кто спорит! Ну, там уж после будь что будет. Что ж теперь заживо-то такие страсти слушать.*

Наталья Никаноровна. *И в самом деле, что за разговор завели!⁴⁹*

Слово *жупел* в представлении купчихи – нечто грозное, неотвратимое, пугающее своей непонятностью. Его употребление предваряется цитатой из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского» (1779), патетически произносимой Мудровым:

*Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как знак, сечет⁵⁰.*

Завершается же оно констатацией Конечно, *все мы смертны...* И действительно, *жупел* прямо связан

с morbидными представлениями, от которых у Настасьи Панкратьевны трясутся руки и ноги. Ведь в старославянском тексте Библии *жупель* – это горящая сера или кипящая смола как Божья кара грешникам в аду: *И гдѣ ѡдожди на содомъ и гоморрь жупельъ, и огонь ѡ гдѣ съ небесе.* Ср. в русском синодальном переводе: *И пролил Господь на Содом и Гомору дождем серу и огонь от Господа с неба⁵¹.*

Небезынтересным представляется, что первым обратил внимание на символизм слова *жупел* в употреблении драматурга его современник А. П. Чехов. В письме И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 22 марта 1890 г. он пишет по поводу призывов усиливать в его произведениях художественность: «А слова "художественности" я боюсь, как купчиха боится жупела. Когда мне говорят о художественном или антихудожественном, о том, что сценично или не сценично, о тенденции, реализме и т. п., я теряюсь, решительно поддакиваю и отвечаю банальными полуистинами, которые не стоят и гроша медного»⁵².

А. Н. Островский, вложив это книжное слово в речь невежественной купчихи, охарактеризовал тем самым и ее суеверный страх перед всеми непонятными словами, всей книжной, библейской мудростью. Ведь ничего так не боятся невежественные персонажи драматурга, как *жупела* грамотности и просвещения. И до тех пор, пока такой страх не будет рассеян просветителями и сеятелями «разумного, доброго, вечного», творчество А. Н. Островского не потеряет своей злободневности, возвращая нас к морально-этическим истинам Книги книг.

Заключение

Прецедентные тексты играют в пьесах А. Н. Островского важную смысловую и лингвокультурологическую роль. Символика слов-библейзмов характеризует речь отдельных персонажей, отражая доминанты их мировоззрения. Непонятность, архаичность, семантическая диффузность некоторых из таких библейзмов вскрывает недостаточную образованность отдельных персонажей. Рассмотренные слова-библейзмы составляют 2 группы: 1) имена собственные библейских персонажей (*аред-Иаред, Ирод, Иуда, Лазарь*)

⁴⁹ Островский А. Н. Тяжелые дни. 1863...

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Бытие. Глава 19. Стих: 24.

⁵² Чехов А. П. Письмо Леонтьеву (Щеглову) И. Л., 22 марта 1890 г. Москва. In: Чехов А. П. *Полное собрание сочинений и писем.* Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 1975. С. 44–46. URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/letters/1890-1892/letter-791.htm> (дата обращения: 25.07.2023).

и образованные от них фразеологизмы (например, *запеть Лазаря*); 2) нарицательные существительные библейского происхождения, имеющие особую символику в тексте драматургии А. Н. Островского (*твердь, бдение, пост, воздержание, завет, благодать, благость, щедроты, мытарство, жупел* и др.).

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00252 «Библейское наследие восточно-славянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библейзмов)», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00252 Biblical heritage of East Slavic languages in linguacultural and lexicographic interpretation: Big Russian-Belarusian-Ukrainian-Rusyn Dictionary of Biblical Expressions, St. Petersburg State University.

Литература / References

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: СПбГУ, 1999. 443 с. [Arnold I. V. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. St. Petersburg: SPbSU, 1999, 443. (In Russ.)]
- Ганцовская Н. С., Неганова Г. Д., Верба И. П., Батова Е. Н. Частотный словарь языка А. Н. Островского. *А. Н. Островский. Энциклопедия*, отв. ред. И. А. Овчинина. Шуя: ШГПУ, 2012. С. 530–654. [Gantsovskaya N. S., Neganova G. D., Verba I. P., Batova E. N. Frequency dictionary of the language A. N. Ostrovsky. *A. N. Ostrovsky. Encyclopedia*, ed. Ovchinina I. A. Shuya: ShSPU, 2012, 530–654. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yprmwsx>
- Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: МГУ, 1999. 152 с. [Gudkov D. B. *Precedent name and problems of precedent*. Moscow: MSU, 1999, 152. (In Russ.)]
- Дубровина К. Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта, 2012. 264 с. [Dubrovina K. N. *Biblical phraseological units in Russian and European culture*. Moscow: Flinta, 2012, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sdqxkj>
- Дядечко Л. П. «Крылатый слова звук» или Русская эптология. К., 2006. 336 с. [Dyadechko L. P. *The sound of words' wings, or Russian Eptology*. Kyiv, 2006, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qtdpfb>
- Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М.: РУДН, 2022. 496 с. [Ivanov E. E., Maslova V. A., Mokienko V. M. *The Heritage of the Bible in the languages and cultures of the peoples of Russia and Belarus*. Moscow: PFUR, 2022, 496. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ngygg0>
- Лилич Г. А., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Библейзмы в русском, чешском и словацком литературных языках. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение*. 1993. № 3. С. 51–59. [Lilich G. A., Mokienko V. M., Stepanova L. I. Biblical expressions in Russian, Czech, and Slovak literary languages. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2. Istoriia, iazykoznanie, literaturovedenie*, 1993, (3): 51–59. (In Russ.)]
- Ломов А. Г. Иноязычная фразеология в языке произведений А. Н. Островского. *Вопросы русской и славянской фразеологии*. Самарканд, 1978. Вып. XIII. С. 5–16. [Lomov A. G. Foreign language phraseology in A. N. Ostrovsky's language. *Questions of Russian and Slavic phraseology*. Samarkand, 1978, iss. XIII, 5–16. (In Russ.)]
- Ломов А. Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя: На материале драматических произведений А. Н. Островского: дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 1998. 514 с. [Lomov A. G. *Phraseology in the writer's creative laboratory: plays by A. N. Ostrovsky*. Dr. Philol. Sci. Diss. Yelets, 1998, 514. (In Russ.)]
- Мокиенко В. М. Адам Евгеньевич Супрун и исследования интертекста. *Текст в языке, речи, культуре: Междунар. науч. конф. "X Супруновские чтения"*. (Минск, 4–6 ноября 2017 г.) Мн.: РИВШ, 2017. С. 32–46. [Mokienko V. M. Adam E. Suprun and intertext research. *Text in language, speech, and culture: Proc. Intern. Sci. Conf. X Suprunov Readings*, Minsk, 4–6 Nov 2017. Minsk: NiHE, 2017, 32–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykeykh>

- Мокиенко В. М. Интертексты и текст в славянских языках. *Интертекст в художественном и публицистическом дискурсе*: Междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 12–14 ноября 2003 г.) Магнитогорск: МаГУ, 2003. С. 4–27. [Mokienko V. M. Intertexts and text in Slavic languages. *Intertext in artistic and journalistic discourse*: Intern. Sci. Conf., Magnitogorsk, 12–14 Nov 2003. Magnitogorsk: MaSU, 2003, 4–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qqustf>
- Никитин О. В. «Оказывается, что "Словарь Островского" в Главлите еще не подписан...» (из переписки Н. С. Ашукина и С. И. Ожегова 1940–1960-х годов). *Научный диалог*. 2021. № 6. С. 113–135. [Nikitin O. V. "It turns out Glavlit has not yet signed off on Ostrovsky Dictionary..." (correspondence of N. S. Ashukin and S. I. Ozhegov 1940–1960s). *Nauchnyi Dialog*, 2021, (6): 113–135. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-113-135>
- Сидоренко К. П. Интертекстематика (Пушкинский текст в интертекстовой динамике: лингвистический аспект). СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2002. 40 с. [Sidorenko K. P. *Intertextematics. Pushkin's text in intertextual dynamics: linguistic aspect*. St. Petersburg: RSPU, 2002, 40. (In Russ.)].
- Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Akademia, 2000. 128 с. [Slyshkin G. G. *From text to symbol: linguocultural concepts in consciousness and discourse*. Moscow: Akademia, 2000, 128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qslphh>
- Супрун А. Е. Исследования по лингвистике текста. Мн.: БГУ, 2001. 308 с. [Suprun A. E. *Text linguistics*. Minsk: BSU, 2001, 308. (In Russ.)]
- Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление. *Вопросы языкознания*. 1995. № 6. С. 17–29. [Suprun A. E. Text reminiscences as a linguistic phenomenon. *Voprosy Jazykoznanija*, 1995, (6): 17–29. (In Russ.)]
- Филей Т. В. Прецедентные феномены в драме А. Н. Островского «Гроза». *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2020. № 2. С. 306–312. [Filey T. V. Precedent phenomena in A. N. Ostrovsky's drama "The Storm". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2020, (2): 306–312. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjhzrd>
- Филей Т. В. Специфика функций фразеологии в русской драматургии 1850–1860-х годов (на материале пьес А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, А. В. Сухово-Кобылина): дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 210 с. [Filey T. V. *Specificity of the functions of phraseology in Russian drama in 1850–1860s: plays by A. N. Ostrovsky, A. F. Pisemsky, and A. V. Sukhovo-Kobylin*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Saransk, 2022, 210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zpyxke>
- Шулежкова С. Г. Крылатые слова и выражения русского языка как объект лексикографического описания. In: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. Т. 1. А–М. 2-е изд., испр. и доп. Магнитогорск: МаГУ, 2008. С. 3–15. [Shulezhkova S. G. Proverbial words and expressions in the Russian language as an object of lexicographic description. In: Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Big dictionary of catchphrases and expressions of the Russian language*. Vol. 1. A–M, 2nd ed. Magnitogorsk: MaSU, 2008, 3–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sifgix>
- Büchmann G. *Geflügelte Worte. Der Citatenschatz des deutschen Volks*, Ges. und erl. von G. Büchmann. Berlin: Haude und Spener, 1864, 220.
- Chlebda W. Stereotyp jako jedność języka, myślenia i działania. *Język a kultura*, 1998, (12): 31–40.
- Mokienko V. Intertexte und Text in slavischen Sprachen. *Funktionale Beschreibung slavischer Sprachen. Beiträge zum XIII. Internationalen Slavistenkongress in Ljubljana*, Hrsg. T. Berger, K. Gutschmidt. München: Verlag Otto Sagner, 2003, 162–186.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/dbfahh>

Стратегии семантизации слов студентами-иностранцами: экспериментальное исследование метаязыковой деятельности

Сатучина Татьяна Юрьевна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>

TatianaKuznetsova86@mail.ru

Аннотация: Представлено исследование стратегий толкования значений слов студентами-иностранцами. Выявлены преобладающие и второстепенные стратегии семантизации, описана специфика доминирующих способов толкования значения слова. Результаты эксперимента показали, что преобладающая дефиниционная стратегия имеет разные модели в обыденной практике семантизации слова. Толкования реципиентов строятся либо по модели *денотат* и *дифференциальные признаки (вербально-логические)*, либо по модели *денотат* и *дифференциальные признаки (наглядно-действенные)*. В соответствии с выделенными моделями / типами дефиниционной стратегии представлена гипотеза о корреляции между уровнем усвоения лексики русского языка говорящими и их выбором преимущественной стратегии и ее моделей. В этом аспекте данная концепция не подвергалась глубокому осмыслению, что и определяет актуальность предпринятого исследования. Ставится цель описать доминирующие и второстепенные стратегии, их специфику. В качестве материала исследования использовалась конкретная лексика русского языка (*дом, книга, кольцо, стол, фонарь*). При верификации результатов использовались как общенаучные методы, так и частнонаучные. Полученные данные в ходе проведения лингвистического эксперимента позволяют определить возможности и прикладной характер их использования в аспекте изучения русского языка как неродного, расширить границы исследований механизмов понимания слов иностранными гражданами.

Ключевые слова: дефиниционная стратегия, значение слова, описательная стратегия, лексика русского языка, русский язык как иностранный, стратегии семантизации слова, толкование слова

Цитирование: Сатучина Т. Ю. Стратегии семантизации слов студентами-иностранцами: экспериментальное исследование метаязыковой деятельности. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 13–21. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-13-21>

Поступила в редакцию 28.08.2023. Принята после рецензирования 15.11.2023. Принята в печать 20.11.2023.

full article

Strategies of Lexical Semantization by Foreign Students: Experimental Study of Metalinguistic Activity

Tatyana Yu. Satuchina

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>

TatianaKuznetsova86@mail.ru

Abstract: Foreign students demonstrate different strategies in interpreting lexical meaning as they struggle to explain new words. This article introduces predominant and secondary semantization strategies in students of Russian as a foreign language. The predominant definition strategy was represented by different models in everyday practice of lexical semantization. Interpretations developed according to two models: 1) denotation and verbally-logical differential characteristics; 2) denotation and visually-efficient differential characteristics. The research hypothesis presupposes a certain correlation between the level of Russian vocabulary acquisition and the default semantization strategy. The research objective was to describe predominant and secondary semantization strategies using general

and specific scientific methods. The linguistic experiment involved specific vocabulary of the Russian language, i.e., lexemes *house*, *book*, *ring*, *table*, and *lantern*. The results could be used in teaching Russian as a foreign language, as well as to expand the boundaries of research in the ways of foreign vocabulary acquisition.

Keywords: definition strategy, lexical meaning, descriptive strategy, Russian language lexis, Russian as a foreign language, word semantization strategies, word interpretation

Citation: Satuchina T. Yu. Strategies of Lexical Semantization by Foreign Students: Experimental Study of Metalinguistic Activity. *SibScript*, 2024, 26(1): 13–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-13-21>

Received 28 Aug 2023. Accepted after peer review 15 Nov 2023. Accepted for publication 20 Nov 2023.

Введение

Ведущие способы толкования значений слов были описаны Д. И. Арбатским. По замечанию исследователя, многовековая практика толкования лексических значений слов и их дифференциация выявили конкретные приемы / способы / стратегии семантизации лексики: синонимический, перечислительный, через указание более широкого класса и отличительных признаков, описательный, отрицательный, отсылочный [Арбатский 1970]. Данные способы толкования значений слов активно используются в научной лексикографической практике при составлении словарных статей. В психологии традиция обращения к способам толкования сложилась при изучении вопросов психологического строения языкового знака, развития значения слова в онтогенезе [Выготский 2011; Лурия 2022]. Кроме того, в психологической и психолингвистической практике существует разработанная система методов определения языковых понятий, описание специфики процесса толкования значений слов [Выготский 2011; Гольдин, Сдобнова 2014; Залевская 1990; Корлякова 2020; Леонтьев 1996; Лурия 2022; Рудакова 2011; Стернин 1985; Стернин, Рудакова 2021; Яковлева 1992]. По замечанию А. Р. Лурии, самым простым и понятным способом выяснения содержания слова «является широко известный метод определения понятий... этот метод давно укоренился в психологии и получил широкую известность» [Лурия 2022: 85]. Данный метод синонимичен определению через указание более широкого класса и отличительных признаков, поскольку сводится либо к актуализации родового понятия (кошка – это животное), либо к перечислению дифференциальных признаков (кошка – это животное, *небольшая, серая*). Например, В. В. Тур [Тур 2021a; 2021b] и Т. В. Корбачёва [Корбачёва 2022] исследуют семантику слова, лексикографические дефиниции в лингвистическом аспекте. Таким образом, в разных научных областях отмечается интерес к толкованию слов.

Известно, что наряду с научными толкованиями существуют *житейские понятия* (Л. С. Выготский) о языке, когда говорящий становится в позицию наивного лексикографа и дает определение словам. Следовательно, перед лингвистами возникла задача описать способы толкования, используемые в обыденной лексикографической практике. Так, на основе диалектного материала А. Н. Ростова выделила четыре типа языковых стратегий, к которым апеллируют рядовые носители языка: идентифицирующий, иллюстрирующий, классифицирующий и ассоциативный типы [Ростова 2000; 2009]. Дальнейшие научные исследования, проводимые, в частности, Н. Д. Голевым и возглавляемым им научным коллективом, позволяют говорить о следующих типах стратегий семантизации: дефиниционная, описательная, ассоциативная, контекстная, мотивационная и отсылочная [Волобуева, Голев 2010; Голев 1973; 2010; Ким, Кузнецова 2010; Кузнецова 2011; 2015; Сатучина 2022].

Целесообразно отметить зоны пересечения между способами толкования в обыденной и лексикографической практиках. Дефиниционная стратегия семантизации соотносима с классическими в лексикографии способами толкования – определение через указание более широкого класса и отличительных признаков слова и отрицательный способ, описательная стратегия коррелирует с описательным способом толкования, отсылочная стратегия соотносима с отсылочным способом толкования, другие стратегии не имеют сопоставлений. В настоящей работе мы обращаемся к системе способов толкования значений слов, разработанной Н. Д. Голевым и его коллегами, поскольку объектом изучения является обыденная семантизация слова.

В современном языкознании существуют также работы по описанию традиционных способов толкования значений слов в рамках учебной научной практики, на уроках преподавания русского языка как иностранного (например, перевод и беспереводные

способы). Кроме того, широко представлены практика составления учебных словарей с описанием способов толкования представленной в них лексики для иностранцев и методика обучения родному и неродному языку [Архипова 2022a; 2022b; Левенталь 2014a; 2014b; Чубур, Кислинская 2022; Шкабара 2019; Юсупова 2017].

Вместе с тем в лингвистике не подвергался глубокому осмыслению тезис о корреляциях между степенью усвоения лексического уровня русского языка и выбором способа толкования слова и его моделей студентами-иностранцами, об актуализации преобладающей стратегии обыденной семантизации применительно к системе способов толкований, разработанных Н. Д. Голевым и его коллегами. Данными обстоятельствами определяется актуальность принятого исследования. Новизна работы видится в актуализации специфики обыденного толкования слова иностранными гражданами, выделении разных моделей / типов дефиниционной стратегии семантизации. Кроме того, новизна исследования определяется неклассическим подходом к проблеме изучения русской лексики. Большинство работ, посвященных данной проблематике, связано с ключевой фигурой преподавателя, с поиском новых методик. Преподаватель выстраивает процесс обучения, используя различные методы и методики. В настоящем исследовании акцентирована ведущая роль обучающихся. Следовательно, проблема семантизации лексики рассматривается не с точки зрения обучающихся языку, а в контексте освоения неродного языка студентами-иностранцами.

Методы и материалы

В исследовании применяется комплексная методика обще- и частнонаучных методов. Общенаучные методы связаны с отбором языкового материала и его систематизацией: описательный метод (лингвистическое наблюдение, обобщение и интерпретация результатов), метод лингвистического эксперимента, сопоставительный метод (выявление типичных и нетипичных способов толкования слов иностранцами в сопоставлении с лексикографическим материалом). Ведущим частным методом является метод компонентного анализа, связанный с изучением содержательной стороны слова, его структуры. Частично были задействованы социолингвистический (сбор материала посредством анкетирования) и психолингвистический методы по исследованию семантики слова.

Материалом исследования является конкретная (предметная) лексика русского языка (*дом, кольцо, книга, ложка, стол, сумка, фонарь* и др.). Всего

проанализировано 100 толкований. А. А. Уфимцева отметила, «что имена классов (подводимых под категорию конкретной лексики) по самой своей сути не только обозначают конкретные сущности, предметы, включаемые в круг референции этих имен, но, называя их как члены классов, они обозначают одновременно и понятие, отображающее отличительные признаки каждого предмета целого класса предметов» [Уфимцева 1986: 108]. Результаты анализа материала продемонстрированы в статье на примере толкований 5 лексем: *дом, книга, кольцо, стол, фонарь*. Выбор данных лексем – произвольный.

Респондентами стали 30 студентов-иностранцев (Таджикистан) Кемеровского государственного университета преимущественно негуманитарного профиля обучения 1–2 курсов. Уровень владения русским языком – большей частью базовый с разной степенью усвоения лексики (начальный базовый / средний базовый / выше среднего базовый уровень). Группе участников эксперимента предлагалось заполнить анкету, определив лексическое значение слов. Например: *дом – это...* Общее количество слов для толкования – 30. Цель эксперимента – выявить специфику значения слова в аспекте его обыденной семантизации, определить доминирующие и второстепенные стратегии толкования слов.

Результаты

Толкование лексических единиц, принадлежащих к разряду конкретных существительных, происходит в пределах стандартных моделей (языковых стратегий) с перечислением дифференциальных признаков.

По результатам лингвистического эксперимента можно заключить, что в процессе толкования конкретных слов студенты-иностранцы использовали различные семантизирующие стратегии: дефиниционную, описательную, ассоциативную и др. Однако репертуар этих стратегий представлен неравномерно (табл.). Доминирующими оказались две стратегии семантизации лексики: дефиниционная и описательная.

Ведущей стратегией семантизации слов студентами-иностранцами является **дефиниционная стратегия**, в основе которой находятся следующие логические операции:

- (1) обобщение (отнесение слова к определенной категории по наличию общего существенного признака, свойства, качества);
- (2) дифференцирование или абстрагирование (выявление отличительных признаков и свойств предмета в ряду ему подобных).

Табл. Использование стратегий обыденной семантизации по данным лингвистического эксперимента, %
Tab. Using the strategy of everyday semantics according to the linguistic experiment, %

Стратегии	Дом	Книга	Кольцо	Стол	Фонарь
Дефиниционная	63	58	60	73	63
Описательная	30	26	28	17	20
Другие (контекстная, синонимическая, ассоциативная)	7	16	12	10	17

Проиллюстрируем теоретические положения ответами респондентов¹:

- **Дом** – место / сооружение / жилое здание / помещение (обобщение), состоит из стен и крыши / в котором проживают члены семьи / в котором мы живем (дифференцирование).
- **Книга** – вещь / предмет (обобщение), которую мы читаем / которая хранит полезную информацию (дифференцирование).
- **Кольцо** – драгоценная вещь / предмет (обобщение), которую носят люди на своих руках / которая имеет форму круга (дифференцирование).
- **Стол** – предмет / неодушевленный предмет / мебель (обобщение), за которым вы сидите / который построен из дерева (дифференцирование).
- **Фонарь** – предмет / вещь (обобщение), который освещает нам дорогу / который мы используем ночью / с помощью него мы можем видеть ночью (дифференцирование).

Используемая дефиниционная стратегия семантизации слов студентами-иностранцами позволяет обнаружить вариативность в характере описания слова, точнее в апелляции респондентов к разным моделям дефинирования. В одних случаях модель дефиниционной стратегии приближена к лексикографической, т. е. репрезентируемое значение слова студентами приближено к его ближайшему референтному значению, отраженному в толковых словарях. Данная модель толкования построена по схеме: А – это В, которое имеет С; где В – денотат, С – референтные (объективные, вербально-логические) признаки слова. В других случаях модель дефиниционной стратегии иная. В ее основе находится схема: А – это В, которое имеет С; где В – денотат, С – наглядно-

действенные признаки слова. При восприятии слова применительно к последней модели реципиент обращается к своему опыту (как речевому, так и преимущественно неречевому), встраивает слово в систему своих личных жизненных ситуаций и представлений. На данном этапе слово не отвлечено от практического опыта говорящего, от его впечатлений, переживаний, наблюдений и т. д. В то время как в лексикографической практике значение слова максимально абстрагировано от конкретного *жизельского* опыта носителя языка (т. е. авторов и составителей научных толковых словарей), встраивается в сложную иерархическую понятийную систему, в вербально-логические отношения. Безусловно, в процедуре толкования слова в лексикографической практике задействованы и личностные знания лексикографа о мире, его наблюдения и выводы. Однако при этом они в меньшей степени актуализированы.

Рассмотрим примеры, демонстрирующие обозначенные выше позиции.

Ответы с использованием модели дефиниционной стратегии, **приближенной к лексикографической**:

- **Дом**
 - 1. здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. жилое помещение, квартира; жильё²;
 - помещение, в котором живут люди (ответы респондентов).
- **Книга**
 - произведение печати в виде сброшюрованных, переплетенных вместе листов с каким-л. текстом³;
 - объект из листов бумаги, в ней – информация (ответы респондентов).

¹ Некоторые ответы студентов-иностранцев приведены с незначительной корректировкой (орфография и грамматические случаи согласования: *предмет, которЫЙ / произведение, которОЕ*), что не влияет на исходные предположения и интерпретацию полученных данных.

² Дом. *Большой толковый словарь русского языка*, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: [https://gramota.ru/poisk?query=-дом&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=-дом&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 10.08.2023).

³ Книга. *Большой толковый словарь...* URL: [https://gramota.ru/poisk?query=книга&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=книга&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 10.08.2023).

- **Кольцо**
 - предмет в виде обода, обруча из металла, дерева или другого материала⁴;
 - объект, у которого круглая форма (ответы респондентов).
- **Стол**
 - род мебели в виде широкой пластины из досок, пластмассы и других материалов, укрепленной в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках, служащий для размещения на поверхности каких-л. предметов⁵;
 - деревянное изделие из четырех ножек (ответы респондентов).
- **Фонарь**
 - осветительный прибор, в котором источник света окружен стеклом, слюдой и т. п.⁶;
 - предмет, который дает свет (ответы респондентов).

Следовательно, на данном этапе говорящий абстрагируется от своего неречевых опыта (т. е. от наглядных личностных ситуаций, в которые вписано толкуемое слово) и «вводит данный предмет в известную систему понятий, относит его к определенной категории» [Лурия 2022: 86]. Говорящий «передает опыт, накопленный в общественной истории в отношении его функций, и передает, таким образом, систему общественно упрочившихся знаний о функциях этого предмета» [Лурия 2022: 52]. Иными словами, респонденты опираются при толковании значения лексемы на известную информацию о ней, которая сформировалась в отдаленном социальном прошлом, независимо от индивидуального опыта субъекта процесса семантизации.

Следующая группа ответов демонстрирует выбор говорящим не зону лексикографического ближайшего значения слова, а зону **личностного ближайшего значения** данного языкового знака (для говорящих может быть несколько таких значений).

- **Дом** – место, где мы все живем / помещение, в котором живем / место, где мы живем с родителями, и также у всех есть свои дома / то место, в котором мы живем и все наши надежды там / это самое красивое место.

- **Книга** – предмет, откуда мы берем знания о мире / предмет, с помощью него мы изучаем разные темы.
- **Кольцо** – украшение, которое можно подарить кому-то и порадовать / круглая вещь, которую носят люди на своих руках / предмет, который украшает / ювелирное изделие, нужно оно для того, чтобы носить на пальцах.
- **Стол** – предмет, который можно использовать как для учебы, так и для еды / предмет для выполнения работ, принятия пищи, игр, рисования и другой деятельности / вещь, за ним мы делаем уроки / предмет, за которым вы сидите / предмет, который есть в школе и университете / это мебель, на которой мы будем делать уроки, обедать, ужинать, книги читать, играть в компьютер / предмет, на котором мы рисуем, чертим, кушаем.
- **Фонарь** – предмет, что мы ночью используем / светящаяся вещь, которая помогает нам в темноте / аппарат, который нужен в трудную минуту (темнота) / предмет, мы с помощью него можем увидеть вечером в темное время / предмет, который нужен в темноте / предмет, нужный нам, когда нет света.

Таким образом, студенты-иностранцы в толкованиях отражают практические свойства предмета (наглядно-действенные признаки), имеющие непосредственное включение в жизнедеятельность говорящих. В процессе семантизации носители языка ориентируются в первую очередь на свой индивидуальный опыт. Однако он не является единственным источником знаний о словах, лишь в определенных условиях акцентированным. Так, стол становится местом, за которым возможны разные виды деятельности (учебная, игровая). Для респондентов в этом случае не важно, что стол – это предмет мебели.

Описанные модели дефиниционной стратегии отличаются не только характером информации о слове, но и использованием соответствующих лексем. Для модели, в которой доминируют наглядно-действенные признаки слова, будет характерно использование преимущественно личных местоимений:

⁴ Кольцо. Большой толковый словарь... URL: [https://gramota.ru/poisk?query=кольцо&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=кольцо&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 10.08.2023).

⁵ Стол. Большой толковый словарь... URL: [https://gramota.ru/poisk?query=стол&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=стол&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 10.08.2023).

⁶ Фонарь. Большой толковый словарь... URL: [https://gramota.ru/poisk?query=фонарь&mode=slovari&dicts\[\]=42](https://gramota.ru/poisk?query=фонарь&mode=slovari&dicts[]=42) (дата обращения: 10.08.2023).

в котором **мы** живем / где **мы** живем / **мы** используем ночью / нужен **нам**, когда нет света / нужен **нам** ночью, когда нет света / когда у **нас** нет света или свет не работает / по которой **мы** учим информацию / по ней **мы** учим уроки / за которым **вы** сидите. В модели с вербально-логическими признаками данные местоимения, как правило, отсутствуют. Кроме того, в моделях с наглядными признаками часто используется оценочный компонент (*дом – самое красивое место*).

Предположим, что апелляция к разным моделям дефиниционной стратегии студентов-иностранцев предполагает наличие разной степени освоения лексического уровня языка. Так, использование модели с указанием на вербально-логические характеристики коррелирует со средним (выше среднего) / продвинутым лексическим уровнем владения иностранным языком. Модель с наглядно-действенными признаками соотносима с начальным / слабым средним уровнем. Следовательно, на первоначальном этапе изучения лексики говорящий в большей степени будет ориентироваться на свой наглядно-практический опыт, на дальнейшем этапе – на логические взаимосвязи, существующие в языковой системе. Однако данное предположение нуждается в своей дальнейшей верификации и на актуальном этапе научного поиска остается гипотезой.

Следующая по степени частотности говорящими используется **описательная стратегия**. Суть ее заключается в том, что в толковании отсутствует первый номинативный элемент, а вся информация о слове вводится описательной частью с помощью слов *то, что, тот, кто, который* и др. Примеры:

- **Дом** – где все живут.
- **Кольцо** – что-то круглое / **то, что** есть у всех, у мужчины и женщины есть кольцо.
- **Книга** – это **то, что** использует ученик и учитель.
- **Стол** – **который** имеет несколько ножек, из дерева.
- **Фонарь** – это **то, что** светит.

В процессе своей интерпретационной деятельности респонденты заменяют родовой компонент значений слов (*мебель / предмет / объект* и др.) на описательную часть (*что-то / то / который*) с последовательным перечислением дифференциальных признаков.

Второстепенные стратегии представлены в меньшей степени (табл.). Например: синонимический способ толкования: *Дом – квартира; Кольцо – обручальное и золотое кольцо*; ассоциативный способ толкования: *Книга – знания / знание и сила*. На наш взгляд, возможными причинами использования в большинстве случаев дефиниционной стратегии являются:

- сам тип семантизирующей стратегии, наиболее подходящий для установления соответствия смыслового содержания языкового знака реалиям окружающей действительности;
- тип толкуемой лексической единицы (к примеру, семантизация абстрактной лексики будет предполагать иное распределение стратегий по шкале *доминирующие – второстепенные*);
- тип интерпретационной деятельности говорящих (многие испытуемые стремятся к логически выстроенному дефинированию, к отражению фоновых знаний о языке);
- тип задания лингвистического эксперимента (респонденты получают простую инструкцию (дать толкование словам) и используют наиболее удобную семантизирующую стратегию в контексте смоделированной ситуации) и др.

Заключение

Результаты проведенного лингвистического эксперимента позволяют определить, «какого характера связи (наглядно-действенные или вербально-логические) стоят за словом и играют преобладающую роль» [Лурия 2022: 86–87]. Процесс толкования слов, принадлежащих конкретной лексике, осуществляется с применением различных семантизирующих стратегий. Отмечено преимущественное применение студентами-иностранцами дефиниционной стратегии.

Исследование показало, что дефиниционная стратегия в лексикографической и обыденной практике различна. В лексикографической практике слово соотносится с определенной категорией и системой понятий. При обыденной семантизации респондент либо воспроизводит толкование, близкое к лексикографическому, выделяя денотат и внешние характеристики объекта, либо моделирует определенную конкретную ситуацию, в которую вписано толкуемое слово. Кроме того, было отмечено, что дефиниционная стратегия в обыденной практике семантизации имеет свои разные модели, что определяет новизну настоящего исследования. Все это позволяет заключить, что ответы реципиентов имеют разное психологическое строение. В одних случаях за словом стоят конкретные жизненные ситуации (речевой и неречевой опыт говорящего), в других – сложные, отвлеченные, понятийные и категориальные системы. На данное обстоятельство влияют разные факторы. Вероятно, это обусловлено и степенью освоения лексики русского языка (начальный уровень – средний уровень – продвинутый уровень).

Теоретическая ценность настоящего исследования коррелирует с его практической значимостью, поскольку актуализированная специфика дефиниционной стратегии может быть акцентирована в аспекте изучения лексики русского языка студентами-иностранцами на начальном и продвинутом уровнях. Перспектива работы видится в дальнейшей верификации представленной гипотезы, в сравнительно-сопоставительном исследовании с ответами студентов, для которых русский язык является родным. Небезынтересным

представляется изучение влияния специальности обучающихся на результат дефинирования.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Арбатский Д. И. Основные способы толкования значений слова. *Русский язык в школе*. 1970. № 3. С. 26–31. [Arbatskiy D. I. The main methods word meaning explanation. *Russian Language at School*, 1970, (3): 26–31. (In Russ.)]
- Архипова Е. В. Подготовка студентов-филологов к лексической работе на уроках русского языка (когнитивно-прагматический аспект). *Русская филология и национальная культура*. 2022а. № 1. С. 56–65. [Arkhipova E. V. Students-linguists preparation to vocabulary work in the Russian language lessons (a cognitive-pragmatic approach). *Russkaia filologiya i natsionalnaia kultura*, 2022a, (1): 56–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tceхuj>
- Архипова Е. В. Способы толкования значения слова и обучение лексикологии на уроках русского языка (когнитивно-прагматический аспект). *Психолого-педагогический поиск*. 2022b. № 2. С. 45–53. [Arkhipova E. V. Interpreting inherent aspects of lexical meaning and teaching vocabulary in the Russian language classroom (cognitive and pragmatic aspects). *Psikhologo-pedagogicheskii poisk*, 2022b, (2): 45–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37724/RSU.2022.62.2.005>
- Волобуева Ю. С., Голев Н. Д. Дефиниция и ассоциация как разные формы репрезентации лексического значения русских слов-денотативов. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 282–289. [Volobueva Yu. S., Golev N. D. Definition and association as different forms of representation of Russian denotation words. *Ordinary metalanguage consciousness: Ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: Kemsu, 2010, pt. 3, 282–289. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rndjmf>
- Выготский Л. С. Мышление и речь. М.: АСТ, 2011. 637 с. [Vygotsky L. S. *Thinking and speech*. Moscow: AST, 2011, 637. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qyctrl>
- Голев Н. Д. Об описании значений слов-денотативов. *Актуальные проблемы лексикологии и словообразования*, ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск: НГУ, 1973. С. 26–34. [Golev N. D. Describing denotative words. *Relevant issues of lexicology and word-formation*, ed. Lukyanova N. A. Novosibirsk: NSU, 1973, 26–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rmmdfz>
- Голев Н. Д. Обыденное и профессиональное лексикографирование: аспекты и оппозиции. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 219–251. [Golev N. D. Everyday and professional lexicography: Aspects and oppositions. *Ordinary metalanguage consciousness: Ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: Kemsu, 2010, pt. 3, 219–251. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rndjmf>
- Гольдин В. Е., Сдобнова А. П. О соотношении «словарных» и «психолингвистических» толкований слов. *Слово и текст: психолингвистический подход*. 2014. № 14. С. 189–193. [Goldin V. E., Sdobnova A. P. On correlation of "lexicographic" and "psycholinguistic" definitions of words. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskiy podkhod*, 2014, (14): 189–193. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tbwbfb>
- Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: ВГУ, 1990. 206 с. [Zalevskaya A. A. *A word in the human lexicon: A psycholinguistic study*. Voronezh: VSU, 1990, 206. (In Russ.)]

- Ким Л. Г., Кузнецова Т. Ю. Дефиниционная стратегия семантизации слов с предметным значением. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово: КемГУ, 2010. Ч. 3. С. 207–216. [Kim L. G., Kuznetsova T. Yu. Definitional strategy of the objective meaning words semantization. *Ordinary metalanguage consciousness: Ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo: KemSU, 2010, pt. 3, 207–216. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wquupd>
- Корбачёва Т. В. Семантика слова с позиции лексикографа и носителя языка. *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология*. 2022. № 1. С. 14–24. [Korbachova T. V. Meanings of words from the position of a lexicographer and a native speaker. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 2022, (1): 14–24. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/phumkl>
- Корлякова А. Ф. Значение слова: методы описания (на материале лингвистического эксперимента). *Евразийский гуманитарный журнал*. 2020. № 4. С. 49–56. [Korlyakova A. F. Semantics of a word (in terms of a linguistic experiment). *Eurasian Humanitarian Journal*, 2020, (4): 49–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tfjqfp>
- Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие их выбор. *Вестник Томского государственного университета*. 2011. № 343. С. 15–18. [Kuznetsova T. Yu. The strategies of word semantization and the factors that determine their choice. *Tomsk State University Journals*, 2011, (343): 15–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/negqzf>
- Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слов и факторы, детерминирующие их выбор. 2-е изд., испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2015. 92 с. [Kuznetsova T. Yu. *The strategies of word semantization and the factors that determine their choice*, 2nd ed. Kemerovo: KemSU, 2015, 92. (In Russ.)]
- Левенталь И. В. Семантизация лексических единиц в учебных словарях для иностранцев: поиск нового подхода. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014а. № 6-2. С. 120–125. [Levental' I. V. The semantization of lexical units in learner's dictionaries for foreigners: search for a new approach. *Philology. Theory & Practice*, 2014а, (6-2): 120–125. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sczvfxf>
- Левенталь И. В. Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014б. № 8-2. С. 77–81. [Levental' I. V. Interpretation strategies of words of ordinary metalinguistic consciousness and their application in academic lexicography. *Philology. Theory & Practice*, 2014б, (8-2): 77–81. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sftyet>
- Леонтьев Д. А. Значение и личностный смысл: две стороны одной медали. *Психологический журнал*. 1996. Т. 17. № 5. С. 19–30. [Leontiev D. A. Cultural meaning and personal meaning: Two sides of the same coin. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1996, 17(5): 19–30. (In Russ.)]
- Лурья А. Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2022. 448 с. [Luria A. R. *Language and consciousness*. St. Petersburg: Piter, 2022, 448. (In Russ.)]
- Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: ТГУ, 2000. 194 с. [Rostova A. N. *Metatext as a form of explicating metalanguage consciousness in Russian dialects of Siberia*. Tomsk: TSU, 2000, 194. (In Russ.)]
- Ростова А. Н. Обыденная семантизация слов. *Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты*, отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово-Барнаул: АлтГУ, 2009. Ч. 1. С. 182–202. [Rostova A. N. Ordinary lexical semantization. *Ordinary metalanguage consciousness: Ontological and epistemological aspects*, ed. Golev N. D. Kemerovo-Barnaul: AltSU, 2009, pt. 1, 182–202. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qmmqdp>
- Рудакова А. В. Лексикографическое и психологически реальное значение слова. *Лингвоконцептология и психолингвистика*, ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2011. Вып. 4. С. 133–136. [Rudakova A. V. Lexicographic and psychologically right meaning. *Linguistic conceptology and psycholinguistics*, ed. Sternin I. A. Voronezh: Istoki, 2011, iss. 4, 133–136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ufhugl>
- Сатучина Т. Ю. Описывающая и отождествляющая стратегии семантизации слов (экспериментальное исследование метаязыковой деятельности говорящих). *Актуальные вопросы лингвистики и литературоведения: Междунар. науч. конф. (Кемерово, 3–5 февраля 2022 г.)* Кемерово: КемГУ, 2022. С. 187–190. [Satuchina T. Yu. Describing and identifying strategies of lexical semantization: an experimental study of the metalinguistic activity in speech. *Topical issues of linguistics and literary criticism: Proc. Intern. Sci. Conf., Kemerovo, 3–5 Feb 2022*. Kemerovo: KemSU, 2022, 187–190. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tufdze>

- Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: ВГУ, 1985. 170 с. [Sternin I. A. *Lexical meaning in language*. Voronezh: VSU, 1985, 170. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rvrj0l>
- Стернин И. А., Рудакова А. В. Значение как феномен языкового сознания (психолингвистическое значение слова). *Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)*, ред. И. А. Стернин, Н. В. Уфимцева, Е. Ю. Мягкова. М.: ИЯз РАН, 2021. С. 140–148. [Sternin I. A., Rudakova A. V. Meaning as a phenomenon of linguistic consciousness: Psycholinguistic meaning of the word. *Russian Psycholinguistics: Results and Prospects (1966–2021)*, eds. Sternin I. A., Ufimtseva N. V., Myagkova E. Yu. Moscow: IL RAS, 2021, 140–148. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ouyvpqn>
- Тур В. В. Вариативность лексикографических дефиниций как отражение динамичной природы лексического значения. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021а. № 1. С. 87–96. [Tur V. V. Variability of lexicographic definitions as a reflection of the dynamic nature of lexical meaning. *Journal of the Belarusian State University. Philology*, 2021a, (1): 87–96. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/atuo0es>
- Тур В. В. Прагматический компонент в семантике слова и его роль в формировании структуры лексического значения. *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология*. 2021b. № 2. С. 62–68. [Tur V. V. Pragmatic component in the semantics of a word and its role in the formation of a word meaning structure. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1: Philology*, 2021b, (2): 62–68. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mgyppgh>
- Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. М. Наука, 1986. 239 с. [Ufimtseva A. A. *Lexical meaning of the word: Principle of semiotic description of vocabulary*. Moscow: Nauka, 1986, 239. (In Russ.)]
- Чубур Т. А., Кислинская Г. Е. К проблеме переводческой лексикографии. *Обучение иностранному языку для профессиональных целей: традиции, инновации и перспективы*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Москва, 3–4 февраля 2022 г.) М.: ИД МЭИ, 2022. С. 239–246. [Chubur T. A., Kislinskaya G. E. Translation lexicography. *Foreign language teaching for professional purpose: Traditions, innovations, and potential*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Moscow, 3–4 Feb 2022. Moscow: PH of MPEI, 2022, 239–246. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtynrv>
- Шкабара Н. И. Новое в методике преподавания русского языка как иностранного. *Языки и культуры*: Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 23–24 мая 2019 г.) Кострома: КГУ, 2019. С. 499–504. [Shkabara N. I. New areas in the methodology of teaching Russian as a foreign language. *Languages and countries*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Kostroma, 23–24 May 2019. Kostroma: KSU, 2019, 499–504. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uinvlu>
- Юсупова А. М. Роль способов семантизации лексики в методике преподавания русского языка в национальной школе. *Синергия*. 2017. № 1. С. 28–39. [Yusupova A. M. The role of ways of semantization of lexis in the method of teaching in Russian language in the national school. *SinerGiia*, 2017, (1): 28–39. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yjbned>
- Яковлева Е. С. Отражение в семантике слова личностных знаний говорящего. *Русский язык за рубежом*. 1992. № 5-6. С. 72–81. [Yakovleva E. S. Reflection of personal speaker's knowledge in the word semantics. *Russian Language Abroad*, 1992, (5-6): 72–81. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fhsswa>

Когнитивные и структурно-семантические особенности неологизмов с профессиональным компонентом в современном английском языке

Хатламаджиян Маргарита Аршалуйсовна

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия, Ростов-на-Дону

<https://orcid.org/0000-0002-3638-3256>

Margarita22@yandex.ru

Аннотация: Произведен анализ неолексем с профессиональным компонентом в современном английском языке с целью выявления структурно-семантических особенностей неологических единиц и исследования восприятия, концептуализации индивидуумом новых слов через духовно-практическую деятельность, приводящую к обновлению картины мира. Применены дефиниционный, словообразовательный, семантический виды анализа, использованы методы когнитивно-дискурсивной интерпретации, прием сплошной выборки, метод количественных подсчетов, описания и систематизации. Материалом послужили неологизмы с профессиональным компонентом в количестве 180 единиц. В настоящем исследовании предлагается классификация неологизмов по роду профессиональной деятельности на 6 лексико-семантических групп: 1) неолексем с компонентами лексико-семантических полей *бизнес, предпринимательство*; 2) неолексем с компонентом лексико-семантического поля *офис*; 3) неолексем с компонентами лексико-семантических полей *IT-технологии, социальные сети*; 4) неолексем с компонентом лексико-семантического поля *медицина*; 5) неолексем с компонентом лексико-семантического поля *сфера услуг*; 6) неолексем с компонентом лексико-семантического поля *научная деятельность*. Данные лексико-семантические группы объединены внутриязыковыми связями на основе взаимообусловленных коннотативных оттенков. Выдвигается положение о том, что многие неологизмы имеют метафорическую основу, которая служит инструментом создания выразительных образов. Отмечено очевидное и закономерное свойство неологических единиц – их эмотивность и оценочность. Эмотивное содержание неолексем служит для четкой передачи мыслей и чувств индивидуума, в то время как оценочность продиктована прагматической функцией неолексем и заключает в себе информацию об отношении говорящего к денотату. Обосновывается гендерно нейтральная природа неолексем с профессиональным компонентом. Универсальный характер образов в основе неологизмов свидетельствует о ментальных переменах в обществе, у которого на вершине ценностного пространства находится стремление к уравниванию гендерных ролей. На основании исследовательского анализа установлено, что интердискурсивность пронизывает все лексико-семантические поля английского неологического пространства. Гетерогенность неолексем объясняется комплексным характером деятельности индивидуума, постигающего сложный и многогранный мир, что, в свою очередь, характеризует антропоцентрически ориентированную природу неологических единиц. Актуальность темы исследования определяется стремительным развитием различных сфер жизни социума, неизбежно сказывающемся на характере современного коммуникативного взаимодействия и языковой картины мира в целом.

Ключевые слова: неологизм, профессиональный компонент, английский язык, когнитивные особенности, структура, семантика

Цитирование: Хатламаджиян М. А. Когнитивные и структурно-семантические особенности неологизмов с профессиональным компонентом в современном английском языке. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 22–36. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-22-36>

Поступила в редакцию 07.08.2023. Принята после рецензирования 09.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Cognitive, Structural, and Semantic Features of Professional Neologisms in Modern English

Margarita A. Khatlamadzhiyan

Rostov State University of Economics (RINH), Russia, Rostov-on-Don

<https://orcid.org/0000-0002-3638-3256>

Margarita22@yandex.ru

Abstract: This article describes 180 modern English neologisms with a professional component. Their structural and semantic features reveal how native speakers perceive and conceptualize new words through spiritual and practical activities, thus adjusting their worldview to the changing reality. The research involved the methods of definitional analysis, word formation, semantic assay, and cognitive-discursive interpretation, as well as various standard linguistic and statistical methods. The material was classified according to the type of professional activity. These lexical and semantic groups were united by intralinguistic links based on interrelated and interdependent connotative shades of meaning. Many neologisms demonstrated a metaphorical basis, which served as a tool for creating expressive images. All the neological units were emotive and evaluative. The emotive content conveyed the thoughts and feelings of the speaker, while the evaluative content was associated with the pragmatic function and contained information about the speaker's attitude to the denotation. Most professional neologisms were gender-neutral. The universal nature of the images behind the neologisms probably testifies to the current mental changes in a society that values gender equality. Interdiscursivity appeared to permeate all lexical and semantic fields of the English neological space. The heterogeneity reflected the complex activity the speaker performs in an attempt to comprehend a complex and multifaceted environment, which, in turn, gives the neological units an anthropocentric character. The relevance of the research is determined by the rapid development of various social spheres, which inevitably affects the modern communication and the linguistic worldview in general.

Keywords: neologism, professional component, English language, cognitive features, structure, semantics

Citation: Khatlamadzhiyan M. A. Cognitive, Structural, and Semantic Features of Professional Neologisms in Modern English. *SibScript*, 2024, 26(1): 22–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-22-36>

Received 7 Aug 2023. Accepted after peer review 9 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

Лексика языка реагирует на стремительное развитие всех сфер человеческого общества, непрерывно пополняясь, обогащаясь и обновляясь новыми лексическими единицами и новыми значениями для уже существующих в языке единиц. Согласно Л. С. Выготскому, слово – *живая субстанция и живое знание*, воплощающее в себе единство обобщения и общения, коммуникации и мышления [Выготский 1982]. На основании этих тезисов изучение новых лексических единиц требует двухаспектного подхода: с одной стороны, обращения к аспекту образования и развития неологизма, с другой – анализа их функционирования.

В разные периоды в языкознании актуальным оставался вопрос об участии языка в дифференциации материального мира и общественно-исторического опыта его выразителей. Очевидно, что процесс членения происходит в результате *освоения мира*

[Караулов 1976; Кубрякова 2012] или же номинативной деятельности, в результате которой происходит укрупнение фрагментов опыта познания и деятельности индивидуума в лексическом пласте языка.

Следует помнить, что процесс переработки вербального и невербального деятельностного опыта человека одной своей ипостасью обращен к образу мира носителя языка, а другой – к его национально-культурной картине мира. Как верно заметили Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, слово – это *зеркало жизни нации* [Верещагин, Костомаров 1980].

Творческая сущность языка, его способность, как губки, впитывать многообразные общественно-политические и культурные трансформации ускорили темпы знакообразования в языке в направлении неологизации профессионального дискурса. Пополнение словарного состава языка, безусловно, происходит

скачкообразно, особенно ускоряясь в периоды общественных перемен. Данная работа направлена на изучение особенностей английских неологизмов, номинирующих человека с профессиональным компонентом в структурно-семантическом и когнитивном аспектах.

Человек как «интерпретатор результатов мыслительного отражения действительности и центр лингвосомиоза» [Алефиренко 2006: 36] пытается выразить результаты когнитивной деятельности в новых лексических номинациях. Неономинация человека занимает важное место в структуре языка. Язык как отражение объективной реальности фиксирует знания как о самом человеке, так и его познания об окружающем мире. Как отметила В. В. Катермина, «номинации человека – ценностно значимая совокупность представлений о языковой личности, исторически сложившаяся в рамках национальной культуры как результат обобщения различных аспектов ценностных ориентаций – морально-этических, эстетических, прагматических установок и норм» [Катермина 2016: 7].

Актуальность темы исследования определяется тем, что стремительное развитие различных сфер жизни социума неизбежно сказывается на характере современного коммуникативного взаимодействия и языковой картины мира в целом, вызывая интерес языковедов к структурно-семантическим особенностям английских неологизмов с профессиональным компонентом. К профессиональной лексике относятся слова и словосочетания, возникающие в силу существования социальных групп и выделяющиеся на основании профессиональной принадлежности [Юсупова, Казыханова 2016].

В настоящее время изучение неологизмов в языкознании актуальнее, чем когда-либо. Анализ неологизмов в семантическом аспекте определяет специфику вторичного применения лексических единиц в совершенно новой для них номинативной функции, позволяя обозначать новые реалии и совершенствовать средства языкового выражения.

Вследствие развития науки и техники, роста информатизации социума, расширения сферы услуг и как языковой ответ на новые реалии в английском языке

появляется много неониминаций с коннотативным значением *лицо по роду занятий, лицо по профессии*.

Объект исследования – английские неологизмы с профессиональным компонентом. Предмет – структурно-семантический и когнитивный аспекты рассмотрения неологизмов с профессиональным компонентом.

Цель – изучить неологизмы с профессиональным компонентом, в частности выявить их структурно-семантические особенности для разработки и дальнейшего расширения лингвистической неологии и теории словообразования. Неологические единицы обладают большим воздействующим потенциалом, в связи с чем интересным представляется также исследование восприятия и концептуализации индивидуумом новых слов через духовно-практическую деятельность, приводящую к обновлению картины мира.

Теоретической базой исследования стали работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные неологии [Катермина 2022; Липириди 2023; Хуснуллина 2022]; семантико-прагматическому аспекту [Агеев и др. 2020; Зырянова 2006; Huang 2023]; метафорическим трансформациям [Липилина 2007; Романович 2021; Телия 1988; Gracia 2021; Lakoff, Johnson 1980]; категории эмотивности [Владимирова 2019; Ленко 2015; Нашхоева 2011; Шаховский 2009; Cottingham 2024]; когнитивным факторам [Алефиренко 2006; Кубрякова 2012; Милявская 2009]; интердискурсивности [Георгинова 2014; Пастухов 2016; Первова 2015].

Методы и материалы

Применены дефиниционный, словообразовательный, семантический виды анализа, использованы методы когнитивно-дискурсивной интерпретации, прием сплошной выборки, метод количественных подсчетов, описания и систематизации. Материалом послужили 180 неологизмов с профессиональным компонентом, выбранные из следующих ресурсов: Academic Dictionary of new words¹, Cambridge Dictionary², Collins Dictionary³, Macmillan Buzzword Dictionary⁴, Rice University Neologisms Database⁵, Urban Dictionary⁶.

¹ Academic Dictionary of new words. URL: <https://www.dictionary.com/> (accessed 4 Aug 2023).

² Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 4 Aug 2023).

³ Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (accessed 4 Aug 2023).

⁴ Macmillan Buzzword Dictionary. URL: <https://www.onestopenglish.com/adults/vocabulary/macmillan-dictionary-blog/> (accessed 4 Aug 2023).

⁵ Rice University Neologisms Database. URL: <https://neologisms.rice.edu/> (accessed 4 Aug 2023).

⁶ Urban Dictionary. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed 4 Aug 2023).

Результаты

В лингвистической неологии термин *неологизм* имеет широкое и узкое понимание. При широком понимании любые появляющиеся в языке и речи новые языковые новации принято относить к неологическим. Согласно узкому пониманию неологическими считаются только те лексические единицы, которые возникли в силу необходимости в номинации новых понятий и функционируют в речи в качестве готовых воспроизводимых единиц [Брагина 1973].

В данной работе мы будем придерживаться определения И. В. Арнольд, понимающей под неологизмом «новые слова или словосочетания, а также новые значения, появившиеся у существующих слов, или даже слова, заимствованные из других языков» [Арнольд 2012: 157]. Согласимся с исследователем и в том, что для любой лексической единицы ключевым является такой параметр, как временная коннотация новизны. Одновременно понимаем, что параметр новизны – довольно субъективное ощущение, варьирующееся у представителя лингвокультурной общности.

Основополагающими гипотезами нашего исследования выступают положения о том, что в большинстве случаев неологизмам с профессиональным компонентом свойственны метафоризация и употребление в переносном значении. При номинативных процессах, преимущественно при вторичной номинации, неолексемны способны из исходного смысла слова вычленить некоторый дифференциальный признак и перенести его на новую языковую единицу в качестве результирующего значения [Романович 2021].

Создание новых неологизмов посредством уже существующих мыслеобразов, т. н. устойчивых подобиий [Липилина 2007: 91], с когнитивной позиции является весьма сложным когнитивным процессом. Вследствие перемещения информации из обычного ситуативного окружения в непривычную ситуацию происходит вживание неологической единицы в оригинальную дискурсивную реальность, в широкий узус. В подтверждение данному постулату приведем положение В. Н. Телии, согласно которому смыслопорождающими истоками в процессах вторичного лингвосомиозиса оказываются опорные для данной лингвокультуры когнитивные метафоры, задающие ассоциации и аналогии между разными системами понятий [Телия 1988: 185–186].

Неологические единицы с профессиональным компонентом получают распространение также в силу эмотивности, экспрессивности, оценочности

и образности. Будучи системой, язык транслирует не только мысли, но и чувства. По утверждению Г. Н. Ленко, язык является не только орудием культуры, но и орудием эмоций. Именно взаимодействие рациональной и эмоциональной составляющих в сознании индивидуума позволяет ему чувствовать и переживать то, что отражает язык [Ленко 2015: 84]. Как отмечает В. И. Шаховский, эмотивный компонент выражает эмоциональную оценочность объектов мира и реализуется в процессе коммуникативного взаимодействия через речевые акты [Шаховский 2009: 35].

В своей работе категорию эмотивности мы, вслед за А. В. Владимировой, понимаем как функционально-семантическую категорию, служащую для языкового проявления эмоциональности и несущую в своей основе оценочный компонент [Владиминова 2019: 156]. Категория эмотивности репрезентируется через использование или же в процессе декодирования образных языковых средств. Важно подчеркнуть, что эмоциональность передает мысли и чувства человека. Благодаря эмотивности неолексем формируется яркий эмоциональный окрас мировидения через призму языка.

Экспрессивность, будучи интеллектуально обусловленной интенцией, служит для убеждения адресанта. Оценочность несет в себе информацию об одобрительной или неодобрительной характеристике объекта, выраженную средствами языка. Образность манифестируется в результате эмоционального постижения действительности, в силу чего эмотивный компонент обнаруживается в семантике образных языковых единиц, вызывающих в сознании наглядно-чувственные картинки и воздействующих на мыслительную сферу индивидуума.

Неологическим единицам свойственно создание оценочного компонента в семантике однозначного слова. На этот факт обращает внимание А. В. Зырянова, объясняя данное явление «социальным восприятием языка» [Зырянова 2006: 156].

Через анализ словарных дефиниций и использование компонентного анализа лексических значений отобранных неолексем нами были выявлены основные семантические признаки, позволившие классифицировать неологизмы на 6 лексико-семантических групп по роду профессиональной деятельности. Данные лексико-семантические группы объединены внутриязыковыми связями на основе взаимосвязанных и взаимообусловленных коннотативных оттенков.

1. Неолексемы с компонентами лексико-семантических полей *бизнес, предпринимательство*

Единицы: *edupreneur* (человек, работающий предпринимателем в сфере образования); *dadpreneur* (мужчина, создающий бизнес, связанный с отцовством); *tomager* (мать, управляющая карьерой одного или нескольких своих детей); *activist investor* (человек, который покупает акции компании, чтобы использовать предоставляемое им влияние для проведения кампании по какому-либо вопросу); *startup artist* (человек, специализирующийся на создании новых предприятий); *soul proprietor* (предприниматель, сочетающий работу с эмоциональным и духовным ростом); *homepreneur* (предприниматель, который создает и управляет домашним бизнесом); *serial entrepreneur* (предприниматель, создающий серию новых предприятий); *HENRY* (бизнесмен со значительным доходом, но еще не состоятельный).

Структурный анализ номинаций данной лексико-семантической группы в качестве способа словообразования отдельных неологизмов выявил контаминацию / блендинг или телескопию [Tomaszewicz 2008], основанную на сложении части двух либо более единиц для образования нового слова, с обязательным усечением, например: *edupreneur*, *dadpreneur*, *tomager*, *homepreneur*. Значение новообразования в основном является сочетанием исходных лексических единиц. Данный способ весьма популярен и эффективен за счет свежести и необычности формы слова, производящей определенный эффект на коммуниканта. Необходимо отметить, что для создания неологизмов по принципу контаминации отбираются объекты, представляющие собой самобытные национально-культурные концепты. Для корректного понимания подобных концептов носителям языка необходимо иметь определенные фоновые знания, порождающие в итоге специфические отношения к объектам окружающей действительности.

Рассмотрим неологические единицы *edupreneur* (*education + entrepreneur*), *dadpreneur* (*dad + entrepreneur*). Компонент *entrepreneur* (предприниматель) используется в исходном значении, вовлекая нас в профессиональную лексику. Обе неолексемы в силу положительного значения вторых компонентов – *education* и *dad* – обладают позитивной оценочной коннотацией, создавая образ человека, ведущего бизнес во благо социума.

Неологизмы отражают современное социальное взаимодействие. Неотъемлемой частью социальной

организации выступает гендерный аспект. За последние два десятилетия наблюдается рост гендерно маркированной лексики, который объясняется возникновением новых реалий. Так, неологизм *dadpreneur* имеет в семантической структуре гендерный компонент *dad*, усиливающий гендерную маркированность.

Согласно общепринятым представлениям, мужское начало истолковывается как динамическое, инициативное, деятельное, в то время как женское трактуется как страдательное, рецептивное, статическое [Катермина 2018: 71]. Вместе с тем с ходом времени стереотипные представления о маскулинном и феминном образах претерпевают изменения. В сфере бизнеса появляются языковые единицы, служащие подтверждением изменившегося статуса мужчины и женщины. Например, в исходной дефиниции неолексемы *tomager* (*tom + manager*) прослеживается бесспорный положительный смысл, который нивелируется добавлением второго компонента, создающего образ некой высокомерной женщины, считающей себя незаменимой и играющей главенствующую роль в развитии карьеры своего отпрыска. Отметим, что в сфере современного делового дискурса стремление женщин к равноправию и лидерству имеет значимую ценность.

Неолексемы с компонентами лексико-семантических полей *бизнес, предпринимательство* получают языковое оформление также с помощью приема словосложения, представляющего собой процесс сложения слов или их основ, без наложения элементов друг на друга, для создания одного сложного слова. Приведем выявленные соответствия: *activist investor*, *startup artist*, *soul proprietor*, образованные с помощью двухкомпонентных единиц по следующей модели: $N + N = N$; *serial entrepreneur*, получивший экспликацию через модель $A + N = N$.

Интересна тенденция образования неолексем посредством такого приема словообразования, как акронимия. Под акронимом понимается лексическая единица, образованная начальными буквами исходных слов или словосочетаний. В отличие от аббревиатуры акроним произносится слитно, как отдельное самостоятельное слово.

Например, акроним *HENRY* (*high earner, not reach yet*) направлен на «конденсирование средств выражения» [Иванова 2013: 52] для легкого запоминания. Отметим, что данный акроним-антропоним фонетически и графически узнаваем, создан сознательно для более яркого и экспрессивного осмысления его коннотации.

2. Неолексемы с компонентом лексико-семантического поля *офис*

По причине многочисленности неологических единиц понятийного пространства *офис* и многообразия их семантических структур разделим их на подгруппы:

- Неолексемы, заключающие в своем значении компонент **старшее должностное лицо**: *chief happiness officer* (кто-то, чья работа заключается в том, чтобы сотрудники конкретной компании были счастливы и удовлетворены); *chief content officer* (руководитель корпорации, отвечающий за создание и получение контента для веб-сайта); *chief privacy officer* (корпоративный руководитель, отвечающий за обеспечение конфиденциальности данных компании и клиентов); *boomerang CEO* (главный исполнительный директор, который возвращается в компанию, из которой он или она ранее вышел на пенсию или был уволен); *gray matter* (опытные руководители, нанятые для того, чтобы придать фирме авторитетность, особенно в новой компании, в которой доминируют молодые предприниматели).

Обратимся к новообразованию *boomerang CEO*, семантическое значение которого сформировалось под воздействием метафорического компонента *boomerang*, характеризующего признак направленности движения. Неолексема манифестирует руководителя, который, подобно бумерангу, возвращается на прежнее место работы на свою исходную точку.

Интересным представляется рассмотрение неолексемы с колоративным компонентом *grey matter*, описывающей опытного руководителя. Лексема *grey* выступает доминативным признаком, который указывает на цвет волос, свидетельствует о преклонном возрасте человека и его профессиональном опыте.

- Неолексемы, заключающие в своем значении компонент **менеджер**: *seagull manager* (менеджер, который взаимодействует с сотрудниками только для критики их работы или при возникновении проблемы); *snake manager* (сотрудник-манипулятор, одержимый жадностью, властью и использующий мир для удовлетворения своих личных потребностей); *cold manager* (управленец, не проявляющий эмоционального интеллекта или эмпатии в рабочей среде); *monarch manager* (менеджер-монарх со своими идеями, доминирует над всей организацией и создает диктатуру, не оставляющую места для коллективного разума); *glory seeker manager* (менеджер – искатель славы, жаждущий внимания и своей славы любой ценой, независимо от того, принимал ли он участие в работе или нет); *puppeteer manager* (менеджер, помешанный

на контроле, он никогда не признает своих ошибок, вездесущ и не доверяет своим сотрудникам).

Номинанты с лексемой *manager* отражают существующие в деловых кругах тенденции и подчеркивают функции, выполняемые представителями данной сферы бизнеса. Основным номинативным механизмом выступает частичная метафора, которая подразумевает семантическую переоценку одного из компонентов, наряду с этим второй компонент языковой единицы *manager* употребляется в буквальном смысле.

В анализируемой группе неолексем интерес представляют метафоричные единицы *seagull manager* и *snake manager* с зооморфными компонентами *seagull* и *snake*, придающими неолексемам негативную субъективно-оценочную коннотацию. Метафоричность данных единиц обусловлена приписыванием человеку определенных характеристик, присущих животным. В неологизмах с зооморфным компонентом заложена возможность экспрессивного, эмоционального, образного выражения речи. Речь стремится к сохранению наглядности восприятия, а восприятие, согласно А. Н. Савченко, всегда вызывает не только мысль, но и чувство [Савченко 1978: 84].

Важно отметить, что в контексте рассматриваемой группы внутренняя форма неолексем образована посредством метафорического переноса и несет в себе самобытную национальную образность процесса познания. Переосмысление значения неологических единиц происходит в результате персонификации метафоры, закрепившейся в сознании представителя языковой общности.

- Неолексемы, включающие в свою семантику признаки **трудолюбивого, усердного сотрудника**: *muscus trooper* (сотрудник с простудой или гриппом, который настаивает на том, чтобы прийти на работу); *clockless worker* (сотрудник, который готов работать в любое время дня и ночи); *engaged workaholic* (человек, который навязчиво работает из-за любви к своей работе).

Данная группа неолексем дополнена ассоциативным элементом, демонстрирующим идиоматичность семантики. Ассоциативно-образная коннотация наиболее ярко проявляется через оценочные компоненты *muscus*, *clockless*, *engaged*.

Рассмотрим неолексему *muscus trooper*, дополненную ассоциативным значением. Процесс метафоризации основывается на таком стилистическом приеме, как оксюморон, при котором происходит сопоставление двух противоречащих друг другу концептов – *muscus* (слизь) и *trooper* (кавалерист). Несмотря на отрицательное содержание первого компонента, семантика

сочетания в целом выражает позитивную коннотацию, описывая человека, который, будучи больным, просится на работу. Второй компонент неолексемы *trooper* (кавалерист), имея отношение к военному курсу, выступает связующим звеном, способствующим экспликации усердности и преданности сотрудника.

- Неолексемы, заключающие в себе **образно-ассоциативные значения и эмоционально-окрашенный компонент**: *corridor cruiser* (работник, который тратит много времени на прогулки по офисным коридорам, обычно по пути с одной встречи на другую); *Mongolian hordes* (большое количество рабочих, нанятых для помощи в завершении большого или сложного проекта, особенно такого, который отстает от графика); *ghost colleague* (сотрудник компании, который работает один, часто дома, и не находится в частых контактах с другими людьми, работающими в той же компании); *boomerang employee* (тот, кто возвращается на работу в компанию, в которой он уже работал в прошлом); *corporate jester* (консультант или третье лицо, которое с помощью юмора указывает на недостатки компании и предлагает решения); *new-collar worker* (новый наемный работник, выполняющий хорошо оплачиваемую и сложную работу, для которой не требуется высшее образование); *white-collar worker* (работник умственного труда).

Значительное количество неолексем в рамках анализируемой группы транслируют образно-ассоциативное, метафорическое значение с эмоционально-окрашенным компонентом, отражая эмотивное отношение к реалиям действительности и окрашивая современную картину мира.

Обратимся к неолексеме *corridor cruiser*. Данная неологическая единица основана на образном переносе смысла второго компонента *cruiser*, который содержит в своей семантике компонент направления движения вперед-назад и характеризует сотрудника, передвигающегося по коридору туда и обратно по пути с одного совещания на другое.

Иная стилистическая особенность неолексем заключается в способности образовывать аллюзии по тематическому признаку, наиболее частотно эксплицируясь в антропонимах или именах собственных. Приведем следующий пример: неолексема *Mongolian hordes* выступает аллюзией, которая отсылает нас к подлинным историческим событиям времен Монгольской империи (Золотой Орды) и способствует актуализации хронотопа. За основу образного переосмысления не берется пейоративная коннотация компонента *hordes* (орда, полчища). Через процесс метафоризации

происходит смещение ментального пространства, и лексема приобретает положительный смысл, манифестируя большое количество рабочих, которых нанимают для помощи в завершении большого или сложного проекта при отставании от графика. Неологизмы-антропонимы, несомненно, расширяют информационный объем лексического пласта за счет социокультурного пространства, глубина их истолкования в значительной степени зависит от лингвокультурологической компетенции коммуниканта.

Интересным представляется лингвистический анализ неолексемы с эмоционально-окрашенным компонентом *corporate jester*. Коннотативное значение новообразования иллюстрирует соответствие основному денотативному значению компонента *jester* (шут). Концепция неолексемы *corporate jester* основана на фигуре придворного шута. С конца XVI в. в Европе шут исполнял роль советника короля. Чаще всего шутами были мужчины, уважаемые специалисты или образованные ученые. У них была привилегия, им было позволено раздражать и провоцировать короля. По традиции ни у кого, кроме шута, не хватало смелости ставить под сомнение решения, принятые королем или королевой, из страха потерять их благосклонность. Шут же имел право задавать вопросы, критиковать и выражать сомнения, не опасаясь репрессий. В наши дни неолексема манифестирует признак вторичной коннотации, характеризуя сотрудника, который с помощью юмора указывает на недостатки компании и предлагает решения проблем. Как правило, такие сотрудники не участвуют в корпоративной иерархии, поэтому смело бросают вызов руководству, не опасаясь негативных последствий.

- Неолексемы с компонентами **удаленная работа, фрилансер**: *virtual manager* (менеджер, который руководит сотрудниками из удаленного места, например, из дома или центрального офиса); *portfolio worker* (работник, занимающий несколько должностей или заключающий контракты в нескольких областях с несколькими компаниями); *human cloud* (независимые работники, которых компания может временно нанять с помощью онлайн-сайтов или приложений для выполнения задач по мере необходимости); *open-collar worker* (человек, работающий из дома); *free agent* (человек, который работает на себя и не является постоянным сотрудником корпорации); *flexecutive* (специалист с гибким графиком и местом работы).

В современных социально-экономических условиях наблюдается появление новой прослойки свободных, независимых работников. Ключевые лексемы,

выраженные посредством образных компонентов *virtual, portfolio, open, free, flexible*, убедительно указывают на данную тенденцию – удаленное, виртуальное управление процессами. Информационная надстройка об условиях работы современного человека равным образом играет существенную роль при образовании неологизмов данной лексико-семантической группы.

- Неолексемы на основе **зооморфного компонента**: *worker bee* (человек, который выполняет самую тяжелую работу, но получает мало или вообще не получает никакого признания); *one-trick pony* (тот, кто специализируется только в одной области, обладает только одним талантом или ограниченными способностями); *lion food* (любой сотрудник среднего звена; административная должность).

Обращают на себя внимание метафорические образы неолексем, основанные на фигуральных значениях производящих слов. Одновременно прослеживается прямая связь с доминантными признаками манифестируемых объектов животного мира.

Неологическое сочетание *one-trick pony* пришло из циркового дискурса. Термин *пони с одним трюком* появился на рубеже XIX–XX вв. Считается, что цирковой пони тяжело поддается дрессировке, может овладеть очень небольшим количеством трюков и потому не в состоянии долго развлекать публику. Неолексема *one-trick pony* используется в отношении работника, специализирующегося в какой-либо определенной области и обладающего ограниченными способностями. Прослеживается оценочный коннотативный признак неолексемы.

Интересным представляется рассмотрение неолексемы *lion food*, которая изначально была выведена из анекдота о двух львах. Львы сбежали из зоопарка и разделились, чтобы увеличить свои шансы на выживание. Через два месяца они снова встречаются, и обнаруживается, что один представитель кошачьего семейства – упитанный, а другой – худой. На вопрос исхудавшего товарища упитанный лев стал бахвалиться и произнес следующую фразу: *Well, I hid near an IBM office and ate a manager a day. And nobody even noticed!* – Ну, я прятался возле офиса IBM и ел менеджера в день. И никто даже не заметил! Данный каламбур способствовал оформлению в семантической коннотации существительного *food* нового смысла – *something weak and more to the point countless* (нечто слабое и, главное, в несметном количестве). На основе метафоризации компонентов неологической единицы наблюдается смешение ментальных пространств.

3. Неолексемы с компонентами лексико-семантических полей ИТ-технологии, социальные сети

Единицы: *tumblogger* (мать, которая ведет блог на темы, интересующие других матерей); *white hat* (тот, кто занимается компьютерной безопасностью); *black hat* (компьютерный взломщик); *microworker* (тот, чья работа заключается в выполнении ряда небольших, но важных задач в Интернете, которые требуют участия человека и не могут быть выполнены компьютером); *finfluencer* (тот, кто привлекает подписчиков в социальных сетях, давая финансовые советы); *cyber mercenary* (человек, которому организация платит за использование Интернета для незаконного проникновения в компьютерную систему без разрешения, например, для получения секретной информации или повреждения системы); *digital removalist* (человек, чья работа заключается в удалении любого контента из сообщений человека в социальных сетях, который может нанести ущерб его репутации); *cyber ambassador* (человек, который помогает другим людям безопасно пользоваться Интернетом и защищать себя и свою компьютерную информацию от преступлений или атак, совершаемых в Интернете); *cyber troops* (люди, которым платят за распространение политической пропаганды в Интернете, особенно в социальных сетях); *hacktivist* (кто-то, кто взламывает компьютерные данные в качестве формы активности); *cybrarian* (библиотекарь, который специализируется на поиске, расстановке приоритетов и организации информации в Интернете).

Основными приемами словообразования выделенной группы неолексем являются блендинг (*finfluencer, hacktivist, cybrarian*); словосложение (*white hat, black hat, digital removalist, cyber ambassador, cyber mercenary, cyber troops*); аффиксация (*microworker*).

Дефиниционный анализ неолексем данной лексико-семантической группы показывает, что лексические единицы содержат дифференциальные признаки (*blogger, cyber, digital, micro-*), указывающие на работу, соотносящуюся со сферой информационных технологий.

подавляющее большинство неологических единиц в рассматриваемой группе составляют гендерно нейтральные неологизмы. Это обусловлено тенденцией к уравниванию социальных гендерных ролей. Универсальный характер образов подчеркивается оценочными компонентами. Единственной гендерно окрашенной единицей из данной выборки выступает неологизм *tumblogger*, который репрезентирует молодых мам, ведущих блогинг в социальных сетях.

В выделенной группе неолексем наблюдается интересная тенденция образования неологизмов с компонентами цветообозначения (колоративов), отличающихся ассоциативностью и образностью, например, *white hat*, *black hat*. Под колоративом понимается языковая или речевая единица, в состав которой входит корневой морф, семантически или этимологически связанный с цветопониманием [Зубарева 2013]. Лексика с цветообозначением как элемент описания выступает в прямом значении либо имеет дополнительную образность. Содержание цветовых символов манифестирует положительную или отрицательную коннотацию, которая обусловлена опытом человека и ассоциативным содержанием его концептуальной картины мира. Смысловые оттенки способны репрезентировать разнообразные нравственно-эстетические ценности.

Так, первый компонент неолексем *white hat* и *black hat* указывает на цвет, а второй – на предмет одежды. Лексико-семантическое поле белого цвета олицетворяет чистоту, открытость, добродетель. В неолексеме *white hat* ситуативно актуализируется человек, от чьей работы зависит компьютерная безопасность компании. Полной противоположностью белому цвету выступает черный – символ мрака, смерти, тяжести, беспросветности. Тональность неолексемы *black hat* характеризует человека со злыми намерениями, способного взламывать и проникать в компьютерные системы и программы.

Обратим внимание на неолексемы с метафоризацией военного компонента, например, *cyber troops* и *cyber mercenary*. Вторые компоненты неологизмов, *troops* (войска) и *mercenary* (наемный солдат), демонстрируют переход языковых единиц из военного субъязыка в разговорный и актуализируют негативную оценочную коннотацию. Оба сочетания манифестируют работников, нацеленных не на созидательный труд, а на кибердиверсии. Метафоризация неологизмов с военным компонентом дает возможность подчеркнуть остроту ситуации, ее опасность и серьезность, создает напряженность. Согласимся с Л. Н. Третьяковой в том, что распространение военных метафор обусловлено пропагандой насилия в социуме, снижением уровня коммуникативной компетенции, вульгаризацией речи в СМИ и социальных сетях в особенности [Третьякова 2018].

В рамках анализируемой подгруппы выделим неолексему *cyber ambassador*, которая демонстрирует дипломатический дискурс. Мелиоративную коннотацию данной неолексеме придает основной

компонент *ambassador*, именующий человека, главной целью которого является информирование аудитории. Обращение к массовому адресату и побуждение к действию характеризуют публичную дипломатическую коммуникацию, где информативность, по словам Л. М. Терентия, обеспечивается также оценочной акцентированностью и пристрастностью адресанта [Терентий 2010: 53].

Обращает на себя внимание феномен взаимодействия дискурсов. М. Пешё справедливо заключил, что «дискурс всегда опирается на предшествующий дискурсный материал, играющий для него роль сырья, первичной материи» [Пешё 1999: 225]. Интердискурсивность иллюстрирует сознание личности, диалогичность ее мышления и творческий потенциал.

4. Неолексемы с компонентом лексико-семантического поля медицина

Единицы: *equine therapist* (врач, практикующий терапию с участием лошадей для людей с психологическими расстройствами); *bibliotherapist* (терапевт, использующий книги для улучшения психического здоровья пациента); *life extensionist* (специалист по продлению жизни людей); *stretchologist* (тот, кто помогает вам улучшить осанку и стать более гибким, показывая, как правильно растягиваться); *life extensionist* (человек, который пытается найти способы продления жизни людей); *valeologist* (специалист по вопросам профилактики заболеваний и формированию здорового образа жизни); *baby catcher* (акушер-гинеколог); *candy striper* (волонтер в больнице); *health coach* (консультант, который помогает людям справиться с проблемами со здоровьем); *back whisperer* (человек, который помогает кому-то контролировать и управлять болью в спине без использования обычных лекарств); *flu hunter* (ученый, который ищет новые штаммы гриппа, чтобы разработать эффективную вакцину).

Основными способами словообразования выделенной группы неолексем являются словосложение (*equine therapist*, *life extensionist*, *baby catcher*, *candy striper*, *health coach*, *back whisperer*), блендинг (*stretchologist*, *valeologist*) и аффиксация (*bibliotherapist*).

Данная группа неологизмов имеет общие семантические компоненты *help*, *support*, *improve* и демонстрирует прозрачную внутреннюю форму, эксплицирующую помощь и участие пациенту. Характерным структурным компонентом приведенных лексических единиц является наличие суффиксов *-ist*, *-er*, манифестирующих деятельность человека.

Бурное развитие науки способствует появлению профессионально ориентированных слов в сфере медицины. Наблюдается активное внедрение в лексический пласт языка номинаций новых профессий как ответ на новые реалии в жизни социума, например, *equine therapist*, *life extensionist*, *stretchologist*, *bibliotherapist*.

Лексическое наполнение происходит в том числе и за счет неологической метафоризации, как, например, *baby catcher*, *candy striper*, *back whisperer*. В ходе речемыслительной деятельности продуцирование и восприятие языковой единицы осуществляются под воздействием образов. На это указывает и О. С. Зубкова, полагая, что основой медицинской метафоры является психический образ, транслируемый в ментальную сеть реципиента [Зубкова 2010]. Образы и дискретные знания формируются в ходе деятельности индивидуума и определяются его потребностями, установками, эмоциями. Отметим, что основными принципами образования медицинской неолексикой выступают функционализм и антропоцентризм.

5. Неолексем с компонентом лексико-семантического поля *сфера услуг*

Анализ словарных дефиниций данной лексико-семантической группы выявил семантические компоненты *help*, *fun*, *joy*, *luxury*, *friendly*, *good vibes*, репрезентирующие положительную коннотацию: помощь, радость, эмоции. Формирование положительной оценочной семы для неологизмов данной группы крайне важно для привлечения клиентов и создания эмоциональной связи с ними.

В рамках отобранных неологических единиц выделим следующие подгруппы неолексем на основе различных компонентов и дискурсов:

- **Ассоциативно-образный компонент:** *sleep concierge* (консьерж отеля, который помогает гостям, которым трудно уснуть); *procrastination nanny* (человек, чья работа состоит в том, чтобы побуждать вас выполнять задачи, которые вы откладывали); *air nanny* (женщина, чья работа заключается в том, чтобы заботиться о детях конкретной семьи во время полета); *book doula* (человек, чья работа состоит в том, чтобы помочь потенциальному автору опубликовать свою книгу и предложить совет и поддержку на протяжении всего процесса); *rental family* (актеры, которым платят за то, чтобы они притворялись членами чьей-то семьи для обеспечения дружеского отношения или сопровождения человека на общественных мероприятиях); *disco nanny* (няня, которая сидит с детьми по ночам,

пока родители отдыхают в ночном клубе или на вечеринке); *knowledge angel* (человек с обширными знаниями в одном или нескольких аспектах бизнеса, консультирующий начинающие компании, которым не хватает опыта).

- **Гендерный компонент:** *PUA (pick-up artist)* (человек, обычно мужчина, который обучает людей, обычно мужчин, искусству общаться с женщинами); *manny* (няня-мужчина).

- **Экономический дискурс:** *funcsultant* (тот, кто советует сотрудникам, как сделать компанию более интересным местом для работы); *happiness economist* (тот, чья работа заключается в изучении связи между богатством страны и счастьем ее людей).

- **Юридический дискурс:** *wine detective* (тот, чья работа состоит в том, чтобы доказать, что вино поддельное); *luxury detective* (тот, чья работа состоит в том, чтобы найти редкие и очень дорогие сумки, часы, украшения и т.д. для покупки другими людьми); *divorce doula* (адвокат, который предоставляет юридические и финансовые консультации, а также эмоциональную поддержку клиенту, переживающему развод).

- **Медицинский дискурс:** *homework therapist* (человек, чья работа состоит в том, чтобы помогать учащимся с выполнением школьных заданий и экзаменов, а также справляться с тревожным состоянием).

- **Зооморфный компонент:** *cat cuddler* (кто-то, чья работа состоит в том, чтобы заботиться о кошках в центре спасения животных или ветеринарной клинике, ухаживая за ними и играя с ними); *bee broker* (человек, который консультирует пчеловодов или организывает перемещение пчел).

- **Бизнес-дискурс:** *vibe manager* (кто-то, чья работа заключается в создании хорошей атмосферы на рабочем месте); *director of first impressions* (сотрудник офиса или гостиницы, чья работа состоит в том, чтобы приветствовать посетителей и помогать им).

Анализ показывает, что выявленные неолексем созданы при помощи следующих способов словообразования: словосложение (*sleep concierge*, *procrastination nanny*, *air nanny*, *book doula*, *rental family*, *disco nanny*, *knowledge angel*, *happiness economist*, *wine detective*, *luxury detective*, *divorce doula*, *homework therapist*, *cat cuddler*, *bee broker*, *vibe manager*, *director of first impressions*); блендинг (*manny*, *funcsultant*); сокращение, выраженное акронимом (*PUA*).

Наблюдения подтверждают, что большинству проанализированных неолексем свойственен процесс формирования образных наименований благодаря структуре знаний, содержащей, по утверждению

А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, в свернутом виде опыт взаимодействия индивида с окружающим миром [Баранов, Добровольский 2009: 25].

В подтверждение рассмотрим следующие неолоксемы: *book doula* содержит компонент греческого происхождения *doula*, который по исходному коннотативному значению описывает профессионала (чаще женщину), обученного поддерживать роженицу эмоционально и физически на протяжении всей беременности, во время и даже после родов. Применимо к неологической единице с профессиональным компонентом, вследствие ассоциативного переноса, неолоксама *book doula* манифестирует человека, поддерживающего писателей в процессе составления, редактирования и представления их проектов массовому читателю.

Образность, лежащая в основе неолоксем с элементом юридического дискурса *divorce doula*, демонстрирует человека, защищающего интересы клиента в ходе бракоразводного процесса и оказывающего содействие в получении доступа к необходимой информации. Стоит отметить, что юридический дискурс направлен на адресата (общество) и выполняет информационно-воздействующую (суггестивную) функцию [Дединкин 2021: 222].

В семантике выявленных неологических единиц помимо образности эксплицируются эмотивность, экспрессивность и оценочность. Трансляция эмоционального отношения к явлениям и предметам окружающего мира крайне важна для человека. Это отношение по сути своей удовлетворяет потребность индивидуума в коммуникативном взаимодействии и вербализации оценочности объектов действительности.

Эмотивность обнаруживается в семантике образной неолоксем *knowledge angel*. Аллюзия с библейским образом ангела отождествляет человека с невероятно обширными знаниями, который помогает компаниям в запуске бизнеса. Очевидно, что компонент *angel* создает выразительность и придает всему сочетанию мелиоративную коннотацию. Эмоциональная сила данного образа заключается в его конкретности и устойчивости.

Контекстуальное поле неолоксем анализируемой группы зачастую лишено феминной или маскулинной составляющей. Исключением является гендерно окрашенный неологизм *tanny*, называющий няню-мужчину. Тенденция преобладания гендерно нейтральных неолоксем объясняется смещением ценностных ориентиров, стремлением женщин к нивелированию социальных ролей с мужчинами.

6. Неолоксем с компонентом лексико-семантического поля научная деятельность

Единицы: *maphead* (человек, занимающийся картографией); *ghostwriter* (призрачный писатель; человек, который пишет книги, статью и т.д. для другого человека); *information tamer* (технический писатель, специализирующийся на объяснении сложных концепций из таких областей, как наука и вычислительная техника); *biblionaut* (исследователь книг); *slanguist* (лингвист, специализирующийся на изучении сленговых слов и выражений).

Представленная группа полилексемных единиц отличается семантическими компонентами, такими как *map*, *head*, *writer*, *information*, *biblio*, *linguist*, создавая образный компонент коннотации, ассоциирующийся с наукой, научной деятельностью, презентуя положительный коннотативный смысл.

В рамках рассматриваемого лексико-семантического поля выделим неолоксаму *information tamer*, которая дословно описывает «укротителя информации», объясняющего простым языком сложные научные понятия. Через метафоризацию второго компонента, его ёмкий и запоминающийся образ, *tamer* (*укротитель*), подчеркивается сложность и прогрессивность познавательной деятельности человека, результаты которой преломляются в зеркале языка.

Заключение

Важным выводом, вытекающим из проведенного анализа, является наблюдение о том, что неологические номинации возникают вследствие социального запроса, выступающего в роли основной движущей силы неологизации в языке.

Словосложение и блендинг – доминантные и наиболее продуктивные словообразовательные приемы. Неологизмы с профессиональным компонентом охватывают различные направления деятельности человека (бизнес, IT-технологии, социальные сети, сфера услуг, медицина, наука и т.д.) ввиду совершенствования технологий и постоянных изменений в общественном сознании.

По результатам проведенного исследования отметим, что многие неологизмы имеют метафорическую основу, служащую инструментом создания выразительных образов. Метафорической трансформации подвергся огромный пласт языковых единиц, затрагивающих совершенно разные сферы жизни. В соответствии с этим можно вести речь не только о семантическом приращении, но и о новых общественных явлениях. Метафорическое переосмысление

неолексемы способствует как образному оформлению языковой единицы, так и лучшему пониманию индивидуумом его содержания.

Стоит выделить очевидные и закономерные свойства неологических единиц – их эмотивность и оценочность. Эмотивное содержание неолексем служит для четкой передачи мыслей и чувств индивидуума. Оценочность обусловлена прагматической функцией неолексем и заключает в себе информацию об отношении говорящего к денотату.

Контекстуальное поле большей части рассмотренных неолексем не подразделяется на феминную и маскулинную сферы. Универсальный характер образов в основе неологизмов свидетельствует о ментальных переменных в обществе, у которого на вершине ценностного пространства находится стремление к уравниванию гендерных ролей.

На основании исследовательского анализа было установлено, что интердискурсивность пронизывает все лексико-семантические поля английского неологического пространства. Гетерогенность неолексем объясняется комплексным характером деятельности индивидуума, постигающего сложный и многогранный мир, что, в свою очередь, характеризует антропоцентрически ориентированную природу неологических единиц.

Отметим, что неолексемы с компонентом лексико-семантического поля *сфера услуг* составляют наиболее обширную группу. Большой приток новых слов объясняется неуклонным ростом сферы услуг и развлечений, выдвиганием данного сектора на доминирующие позиции в мировой экономике. Немногочисленную группу в представленной работе составляют неолексемы лексико-семантического поля *научная деятельность*. Менее активное образование неологических единиц, актуализирующих профессионала, занятого научным осмыслением, связано, на наш взгляд, с меньшей вовлеченностью социума в сферу научного познания.

Перспективы изучения неологизмов с профессиональным компонентом мы видим в их более основательном и полиаспектном исследовательском анализе, обусловленном повышенной коммуникативной значимостью данных неологических единиц.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Агеев С. В., Антоненко Н. В., Пушкарев Е. А. О когнитивно-прагматическом функционировании неологизма. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2020. Т. 6. № 2. С. 5–7. [Ageev S. V., Antonenko N. V., Pushkarev E. A. Cognitive and pragmatic functions of neologisms in speech. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2020, 6(2): 5–7. (In Russ.)] https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_5_17
- Алефиренко Н. Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка. *Слово – сознание – культура*, сост. Л. Г. Золотых. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 31–41. [Alefirenko N. F. Issues of cognitive and semiological research in linguistics. *Word, consciousness, and culture*, comp. Zolotykh L. G. Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 31–41. (In Russ.)]
- Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. 2-е изд., перераб. М.: Флинта; Наука, 2012. 376 с. [Arnold I. V. *Lexicology of modern English*. 2nd ed. Moscow: Flinta; Nauka, 2012, 376. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdqwy1>
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии. *Вопросы языкознания*. 2009. № 6. С. 21–34. [Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. The principles of the semantic description of phraseology. *Voprosy Jazykoznanija*, 2009, (6): 21–34. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lhjlz1>
- Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973. 224 с. [Bragina A. A. *Neologisms in Russian*. Moscow: Prosveshchenie, 1973, 224. (In Russ.)]
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с. [Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Linguistic and regional theory of the word*. Moscow: Rus. iaz., 1980, 320. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pgwrsr>

- Владимирова А. В. Эмотивность как самостоятельная лингвистическая категория. *NovaInfo.Ru*. 2019. Т. 1. № 96. С. 156–159. [Vladimirova E. M. Emotivity as an independent linguistic category. *NovaInfo.Ru*, 2019, 1(96): 156–159. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yutudr>
- Выготский Л. С. *Собрание сочинений. Т. 2. Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика, 1982. 504 с. [Vygotzky L. S. *Collected works. Vol. 2. Problems of general psychology*. Moscow: Pedagogika, 1982, 504. (In Russ.)]
- Георгинова Н. Ю. Интердискурсивность, интертекстуальность, полифония: к соотношению понятий. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2014. Т. 1. № 1. С. 149–155. [Georginova N. Yu. Interdiscursivity, intertextuality, polyphony: To the correlation of terms. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2014, 1(1): 149–155. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/secesd>
- Дединкин А. Л. Юридический дискурс как многомерный интегративный феномен и юрислингвистика как синкретичная наука. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 1. С. 220–228. [Dedinkin A. L. Legal discourse as a multi-dimensional integrative phenomenon and legal linguistics as a syncretic science. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(1): 220–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-1-220-228>
- Зубарева А. В. Проблематика колоративной лексики в современной лингвистике. *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия*: III Междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15 ноября 2013 г.) Ростов-на-Дону: Донское кн. изд-во, 2013. Вып. 3. С. 107–114. [Zubareva A. V. Color vocabulary in modern linguistics. *Language and law: current problems of interaction*: III Intern. Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 15 Nov 2013. Rostov-on-Don: Donskoe kn. izd-vo, 2013, iss. 3, 107–114. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ucnurh>
- Зубкова О. С. Медицинская метафора-термин как ментальная репрезентация. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 3. С. 41–48. [Zubkova O. S. Medical metaphor-term as a mental representation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2010, (3): 41–48. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvgqvvd>
- Зырянова А. В. Неологизмы-заимствования в аспекте их семантики (на материале средств массовой информации). *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2006. № 6-1. С. 156–164. [Zyryanova A. V. Semantics of borrowed neologisms in the media. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2006, (6-1): 156–154. (In Russ.)]
- Иванова Н. К. Английские аббревиатуры-неологизмы: особенности образования и написания. *Вестник Пермского научного центра УрО РАН*. 2013. № 4. С. 52–60. [Ivanova N. K. English neologisms-abbreviations: Peculiarities of formation and spelling. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2013, (4): 52–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rzccsrpx>
- Караулов Ю. Н. *Общая и русская идеография*. М.: Наука, 1976. 355 с. [Karaulov U. N. *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka, 1976, 355. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdcmjz>
- Катермина В. В. Гендерный стереотип: особенности формирования и функционирования в языке и речи. *Язык: категории, функции, речевое действие*: XI Междунар. науч. конф. (Москва-Коломна, 12–13 апреля 2018 г.) М.: МПГУ, 2018. Вып. 11. Ч. 1. С. 71–73. [Katermina V. V. Gender stereotype: formation and functioning in language and speech. *Language: categories, functions, speech action*: Proc. XI Intern. Sci. Conf., Moscow-Kolomna, 12–13 Apr 2018. Moscow: MPSU, 2018, iss. 11, pt. 1, 71–73. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yzwshr>
- Катермина В. В. Неологизмы англоязычного дискурса как отражение ценностей современного общества. *Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования*. 2022. № 3-1. С. 27–33. [Katermina V. V. Neologisms of the English discourse as a reflection of the values of modern society. *Iazyk i kultura v epokhu integratsii nauchnogo znaniia i professionalizatsii obrazovaniia*, 2022, (3-1): 27–33. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ryrqso>
- Катермина В. В. Номинация человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М.: Флинта, 2016. 222 с. [Katermina V. V. *Nomination of a person: National and cultural aspect (based on the Russian and English languages)*. Moscow: Flinta, 2016, 222. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/whizpr>
- Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 156 с. [Kubryakova E. S. *Nominative aspect of speech activity*. Moscow: LIBROKOM, 2012, 156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sapkvp>

- Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2015. Т. 1. № 1. С. 84–91. [Lenko G. N. Emotivity category and related to it. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2015, 1(1): 84–91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uaorsf>
- Липилина Л. А. Когнитивная роль языковой аналогии в создании новых метафор (на материале современного английского языка). *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2007. № 2. С. 91–98. [Lipilina L. A. The cognitive role of linguistic analogy in generating novel metaphors in English. *Vestnik Baltiiskogo federalnogo universiteta im. I. Kanta*, 2007, (2): 91–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/hysbgn>
- Липириди С. Х. Неологизмы в деловом дискурсе современного английского языка. *Гуманитарные исследования*. 2023. № 3. С. 74–79. [Lipiridi S. Kh. Eologisms in the business discourse of the modern english language. *Gumanitarnyye issledovaniya*, 2023, (3): 74–79. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qokfpr>
- Милявская Н. Б. Когнитивные основы формирования значения неологизмов, образованных в результате метафтонимического переноса (на материале современного английского языка). *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009. № 571-2. С. 70–84. [Milyavskaya N. B. Cognitive basis of meaning development of metaphonymic neologisms (based on the modern English language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 2009, (571-2): 70–84. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbterz>
- Нашхоева М. Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*. 2011. № 1. С. 95–98. [Nashkhoeva M. R. Linguistic concept of emotions and emotivity of the text. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2011, (1): 95–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ofpslb>
- Пастухов А. Г. Вопросы интердискурсивности и селекция новостей. *Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования; Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом: II Междунар. науч.-практ. конф. (Белгород, 5–7 октября 2016 г.)* Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 57–68. [Pastuchov A. G. Issues of interdiscursivity and news selection. *Discourse of modern mass media in the perspective of theory, social practice and education; Topical issues of modern media linguistics and media criticism in Russia and abroad: II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Belgorod, 5–7 Oct 2016. Belgorod: ID "Belgorod", 2016, 57–68. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yhscun>
- Первова А. В. Интердискурсивность как форма гетерогенности текста и способ нарушения его структуры. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2015. № 4. С. 152–158. [Pervova A. V. Interdiscursivity as a form of heterogeneity of the text and a method of violation of its structure. *Vestnik TvGU. Series: Philology*, 2015, (4): 152–158. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vkeurr>
- Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия. *Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса*, ред. П. Серио. М.: Прогресс, 1999. С. 225–290. [Pêcheux M. Capital truths. Linguistics, semantics, and philosophy. *The quadrature of meaning: The French school of discourse analysis*, ed. Sériot P. Moscow: Progress, 1999, 225–290. (In Russ.)]
- Романович М. Ю. Номинативно-когнитивные основания метафорических трансформаций в английской неологии. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 4. С. 165–175. [Romanovich M. Yu. Cognitive basis for metaphoric nomination in English neology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2021, (4): 165–175. (In Russ.)] https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_4_846_165
- Савченко А. Н. Образно-эмоциональная функция речи и поэтическая речь. Ростов н/Д: Рост. ун-т, 1978. 128 с. [Savchenko A. N. *Figurative-emotional function of speech and poetic speech*. Rostov-on-Don: Rostov University, 1978, 128. (In Russ.)]
- Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира. *Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира*, отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Высш. шк., 1988. С. 173–203. [Teliya V. N. Metaphorization and its role in creating a linguistic worldview. *The role of the human factor in language. Language and worldview*, ed. Serebrennikov B. A. Moscow: Vyssh. shk., 1988, 173–203. (In Russ.)]
- Терентий Л. М. Дипломатический дискурс как особая форма политической коммуникации. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2010. № 1. С. 47–56. [Terentii L. M. Diplomatic discourse as a specific form of political communication. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2010, (1): 47–56. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mvdfbr>

- Третьякова Л. Н. Военная метафора и военная фразеология в современном русском языке. *Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: XVII Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Москва, 13 апреля 2018 г.) М.: РУДН, 2018. С. 42–55. [Tretiakova L. N. Military metaphor and phraseology in modern Russian language. *Relevant issues of the Russian language and methods of teaching Russian: traditions and innovations: Proc. XVII All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. Participation, Moscow, 13 Apr 2018.* Moscow: PFUR, 2018, 42–55. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vpbihw>
- Хуснуллина Ю. А. Динамика развития фонда английских неологизмов. *Современные исследования социальных проблем.* 2022. Т. 14. № 1. С. 217–227. [Husnullina Yu. A. Dynamics of English neologisms development. *Modern Studies of Social Issues*, 2022, 14(1): 217–227. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2022-14-1-214-227>
- Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: URSS, 2009. 206 с. [Shakhovskiy V. I. *Categorization of emotions in the lexical semantical system of language.* 3rd ed. Moscow: URSS, 2009, 206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qubucf>
- Юсупова Л. Г., Казыханова Г. Х. Особенности профессиональной лексики и ее отличие от терминов. *Достижения вузовской науки.* 2016. № 21. С. 175–178. [Yusupova L. G., Kazykhanova G. Kh. Professional vocabulary vs. terms. *Dostizheniia vuzovskoi nauki*, 2016, (21): 175–178. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vsbinn>
- Cottingham M. D. Neo-emotions: An interdisciplinary research agenda. *Emotion Review*, 2024, 16(1): 5–15. <https://doi.org/10.1177/17540739231198636>
- Gracia B. M. Metapragmatic neology in digital discourse: Solid groundwork for morphopragmatics and construction morphology. *Language under Discussion*, 2021, 6(1): 38–42. <https://doi.org/10.31885/lud.6.1.255>
- Huang J. Semantic construction of internet neologisms under conceptual integration theory. *Frontiers in Humanities and Social Sciences*, 2023, 3(8): 109–115. <https://doi.org/10.54691/fhss.v3i8.5546>
- Lafoff G., Johnson M. *Metaphors we live by.* Chicago: University of Chicago Press, 1980, 242.
- Tomaszewicz E. Novel words with final combining forms in English. A case for blends in word formation. *Poznan Studies in Contemporary Linguistics*, 2008, 44(3): 363–378. <https://doi.org/10.2478/v10010-008-0018-7>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gesjcd>

Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты

Проскурин Сергей Геннадьевич

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Россия, Новосибирск

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0001-7244-264X>

Scopus Author ID: 36864449900

s.proskurin@mail.ru

Проскурина Анна Вячеславовна

Новосибирский государственный технический университет, Россия, Новосибирск

<https://orcid.org/0000-0001-9026-2511>

Scopus Author ID: 57204811594

Аннотация: В процессе обращения к текстам языка и культуры нами регистрируется их дуальная организация. В концептуальном ядре содержатся ценности, переживаемые носителем культуры, а на периферии системы обнаруживаются метаконцепты, оформленные с позиции внешнего наблюдателя. В результате устанавливаются парные концепты *вера – религия, закон – право, надежда – перспектива, жизнь – экзистенция* и т.д. Новизна исследования вытекает из новой трактовки дуальности. Рассматриваются не бинарные оппозиции, а семантически близкие ряды терминов и метатерминов. Цель – установить типологию текстов на базе акцентов на концепт-ценность, метаконцепт и смешанный третий тип, объединяющий переживания субъекта культуры и метаконцепты наблюдателя. Во главу угла положен семиотический историко-генетический метод регистрации культурных феноменов. Актуальность исследования связана с открытием тематической семантической сети языка и культуры, в которой актуализируется указанный набор ценностей. В результате при говорении возникает цепь разрешенных и запрещенных правил употребления терминов. Так, не говорится *Я таращу глаза*, поскольку для оценки предиката должен быть использован акт оценивания со стороны внешнего наблюдателя. Более реалистично сказать *он таращит глаза*, поскольку есть закадровый наблюдатель когнитивного сценария. Подобные запреты и табу характерны для функционирования терминов и метатерминов.

Ключевые слова: ценность, концепт, метаконцепт, когнитивный сценарий, бинарные оппозиции, дуальность

Цитирование: Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Дуальность в языке и культуре: ценности и метаконцепты. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 37–48. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-37-48>

Поступила в редакцию 20.07.2023. Принята после рецензирования 09.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Duality in Language and Culture: Values and Meta-Concepts

Sergey G. Proskurin

Novosibirsk National Research State University, Russia, Novosibirsk

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0001-7244-264X>

Scopus Author ID: 36864449900

s.proskurin@mail.ru

Anna V. Proskurina

Novosibirsk State Technical University, Russia, Novosibirsk

<https://orcid.org/0000-0001-9026-2511>

Scopus Author ID: 57204811594

Abstract: Texts of language and culture have a dual organization. The conceptual core contains the values experienced by a culture bearer while the periphery contains meta-concepts that belong to an outside observer. Such duality produces paired concepts of *faith – religion, justice – law, hope – prospects, life – existence*, etc. This article introduces a new interpretation of duality – not as a binary opposition, but as a semantically close chain of terms and meta-terms. The authors classified texts as those based on value-concepts, meta-concepts, and a mix of the experiences that belong to the culture bearer and the meta-concepts that belong to the observer. The resulting semiotic historical-genetic method makes it possible to detect cultural phenomena and build thematic semantic networks of language and culture that update the values. This leads to permitted and prohibited term usage. For instance, a Russian speaker cannot say

I'm goggling because the action described by predicate can be evaluated only by an outside observer. However, one can say *he's goggling* because this cognitive scenario presupposes an outside observer. Such taboos are associated with terms and meta-terms.

Keywords: value, concept, meta-concept, cognitive scenario, binary oppositions, duality

Citation: Proskurin S. G., Proskurina A. V. Duality in Language and Culture: Values and Meta-Concepts. *SibScript*, 2024, 26(1): 37–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-37-48>

Received 20 Jul 2023. Accepted after peer review 9 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

В процессе обращения к вокабуляру языка культуры обнаруживается тематическая семантическая сеть, которая представляет ценности, переживаемые субъектом, а также метапонятия, сопряженные семантически с ценностями культуры, но существующие с позиции наблюдателя в культуре (сторонний взгляд). Иными словами, определяется классическая дуальность семантики, которая регистрируется в парных понятиях. Парные понятия в семантике сосуществуют с противоположностями, или бинарными оппозициями. До сих пор исследование дуальности в семантике проводилось по линии противопоставлений, или бинарных оппозиций. Хорошо известны работы К. Леви-Строса, посвященные структурной антропологии в культуре. В настоящей работе предлагается новый взгляд на парность понятий, предполагающий базовую параллель *субъект культуры – наблюдатель*. При активации суждений в когнитивной системе регистрируется ядерная модель, определяемая ценностями самой культуры. Помимо этого, есть и иной порядок – порядок внешнего наблюдателя. Так, метапонятие *религия* в Словаре индоевропейских социальных терминов Э. Бенвениста наполняется ценностями, формирующими концептуальное ядро¹. В свою работу автор вносит следующие срединные ценности: *священное, возлияние, жертвоприношение, обет, молитва, моление, предзнаменование, предсказание, суеверие*. Эти ценности переживаются как данность субъектами культуры, а с позиции внешнего наблюдателя объединяются в тематическую группу *религия*. Культурные концепты занимают промежуточное, среднее, звено в семиотике культуры – где-то между категориями (например, *пространство, время*) и родо-видовыми понятиями (например, *животное (осел), наука (лингвистика)*) – и могут быть представлены культурными ценностями-понятиями, находящимися во владении каждого индивида, такими как *мир, судьба, закон, вера* и т.д.

В отличие от предельных понятий, категорий, средние концепты являются непредельными понятиями, переживаемыми субъектом культуры. С лингвистической точки зрения, слово, выражающее культурный концепт, изначально находится в зоне слабых лексических связей, оно редко синонимизируется. В этом смысле определение культурного концепта может оказаться решающим для обозначения его специфики. Действительно, опираясь на суждение М. Хайдеггера [Хайдеггер 1993], замечаем, что философские концепты, как правило, вбирают в себя понятия, тогда как концепты семиотики культуры являются обособленными областями смысла, обычно неподчиненными иным областям (ср. «чистые» концепты: *честь, слава, бесчестье, стыд* и т.д.). Последнее значит, что в языке эти слова представлены обособленными группами имен в искомым значениях, но сами эти слова редко синонимизируются.

Методы и материалы

Материалом послужили древнеанглийские поэмы *The Dream of the Rood* (156 строк), *Judgment Day (I)* (119 строк) и *Soul and Body* (170 строк). Общая цель и задачи исследования определяют комплексный характер используемых традиционных методов филологического анализа текстов и семиотического подхода к текстам, но в новом качестве – во внимание принимаются совокупность коммуникативно-релевантных факторов, обуславливающих высказывание, а также ситуативная и контекстная отнесенность лексического значения.

Результаты

Переживаемые ценности и метатермины соположены в концептуальной системе текста в культуре. С одной стороны, в процессе номинации ценностей индивидуума обнаруживаются списки концептов, переживаемых и осознаваемых в контексте культуры с позиции ее субъекта, а с другой стороны, в номинациях

¹ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.

прослеживаются метатермины, т. е. корреляты ценностей, связанные не с субъектом культуры, а со сторонним наблюдателем. Так, индоевропейские тематические группы содержат в своей основе метатермины, противопоставленные центральному или срединному концептам-ценностям. Например, ценности *вера*, *закон*, *праздник* принадлежат ценностям субъекта, переживаемым им, тогда как *религия*, *право* и *ритуал* связаны с позицией наблюдателя извне. В результате возникает централизованная структура в виде ценности и метаконцепта. В культурном лексиконе регистрируются парные термины, с одной стороны, передающие ценности, а с другой – метаконцепты, отражающие позицию наблюдателя. Первые переживаются субъектом культуры, а вторые означаются на рациональном уровне.

Рассмотрим это положение более детально в рамках парных понятий *вера* и *религия*. Как отмечает Ю. И. Семенов, любой религии присуща вера в сверхъестественную силу, от которой напрямую зависит судьба человека, и эта вера является основным принципом и элементом любой религии².

Приведем определения этих понятий из классических толковых и этимологических словарей.

Вѣра – ж. увѣренность, убѣждение, твердое сознание, понятие о чемъ-либо, особенно о предметахъ высшихъ, невещественныхъ, духовныхъ; | вѣрованіе, отсутствіе всякаго сомнѣнія или колебанія о бытіи и существѣ Бога; безусловное признаніе истинъ, открытыхъ Богомъ; | совокупность ученія, принятаго народомъ, вѣроисповѣданіе, исповѣданіе, законъ (Божій, церковный, духовный), религія, церковь, духовное братство. | Увѣренность, твердая надежда, упованіе, ожиданіе; | стар. клятва, присяга. *Сльпая вѣра противна разсудку. Вѣра по убѣжденію, сляніе разума съ волей. Вѣра*, это та способность разума, которая воспринимаетъ дѣйствительная (реальная) данныя, передаваемая ею на разборъ и сознаніе разсудка. Хомяковъ <...>³.

Вера – *верить*, укр. *віра*, др.-русс., ст.-слав. *Вѣра* *πίστις* (Супр., Клоц.), болг. *вяра*, сербохорв. *вјѣра*, словен. *véra*, чеш. *víra*, польск. *Wiara*, в.-луж., н.-луж. *wjera*. | Родственно авест. *var* – «верить», *varəna* – «вера», осет. *urnun* «верить»; см. Мейе, Et. 169. Далее, вероятно,

сюда же д.-в.-н. *wāga* ж. «правда, верность, милость», др.-исл. *vár* «обет, торжественное обещание», д.-в.-н. *wâr* «правдивый, верный», др.-ирл. *fír* «правдивый, истинный», лат. *vērus* «истинный, правдивый», гот. *tuzwērjan* «сомневаться», *unwērjan* «досадовать»; см. Уленбек, *Aind.Wb.* 293; Торп 395; Траутман, *BSW* 351; Педерсен, *Kelt Gr.* 1, 50; Вальде 825⁴.

Религія – ж. лат. *вѣра*, духовная *вѣра*, исповѣданіе, богопочитаніе, или основныя духовныя убѣжденія. **Религіозный** *обрядъ*, *обрядъ вѣры*. **Религіозный** *человѣкъ*, *вѣрующій*, *твердый въ вѣрѣ*. **Религіозность** ж. свойство, состояніе по приглт⁵.

Религія – уже у Куракина: *религія*, *релея* (1705–1706 гг.; см. Христиани 17). Заимств. через польск. *religia* из лат. *religiō*; см. Преобр. II, 195. Сюда же *религіозный* – через нем. *religiös* – то же из лат. *religiōsus* «набожный»⁶.

Реконструируя древние слои культуры, можно восстановить терминологию первого порядка, т. е. ценности, такие как, к примеру, *вера*. Однако термин *религия* принадлежит метасистеме и связан с наблюдателем в культуре. Понятие *вера в Бога* предстает осознанным достоянием верующего человека в культуре, тогда как *религия* относится не столько к каждому верующему, сколько к учредителю религиозных установлений и наблюдателю извне, т. е. исследователю. В русской культуре древний предикат *Я верую* является ценностью и сопоставим с современной версией *Я верю*. Высказывание *Я верю* составляет ценность культуры, тогда как выражение *Я религиозен* теряет смысл в произнесении от первого лица, как, например, *Я ошибочно утверждаю*. Следовательно, ценность веры переживается, тогда как религия означивается.

В работе Ю. С. Степанова и С. Г. Проскурина сравнивается два выражения: *Я верую* и **Я религиозен*. Первое утверждение является непосредственным выражением чего-то, составляющего достояние данной культуры и достояние человека в ней, выражением принадлежащей ему ценности. Второе же – привносится в культуру ее наблюдателем извне, и поэтому не обладает семантической согласованностью с субъектом – говорящим, который (в норме) не может заявлять себя носителем этого предиката. Первое утверждение – перформатив, тогда как второе – констатив. Первое выражение

² О происхождении и развитии религиозной философии см. [Семенов 2002; 2017; 2022].

³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз, 1991. Т. 4. 683 с.

⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 576 с.

⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка...

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

Я религиозен, англ. *I am religious* в чем-то сопоставимо с выражением *Я ошибочно утверждаю*, что является бессмысленным. В то же самое время *он ошибочно утверждает* вполне нормально. Первые концепты – это неопредельные концепты культуры, это ценности, находящиеся во владении каждого субъекта культуры [Степанов, Проскурин 1993: 12]. Следовательно, *вера* являет собой более широкое понятие по сравнению с понятием *религия* ввиду переживаемости концепта в культуре, тогда как религиозное чувство – «непосредственное или на основе образа Бога – полностью специфицировано в мире по своим интенциональным свойствам и взаимодействиям с другими структурами сознания (образ Бога возникает в мире)» [Кирсберг 2016: 154]. Иногда ключевые концепты коррелируют с данными, привлекаемыми авторами из экстралингвистических источников [Радбиль, Сайгин 2019].

Парность концептов и метаконцептов отличается от привычного понимания бинарных оппозиций, которые, как правило, интерпретируются через противоположности. В то же самое время парные понятия – это термины одного семантического поля, но разной интерпретации относительно порядка следования в контексте *субъект культуры – наблюдатель в культуре*. Пионер в области лингвистических принципов анализа культурных явлений Якоб Гримм [Grimm 1844] устанавливает соответствия между фонологической системой языков одной семьи и различными божествами, исполнявшими схожую функцию в рамках родственных мифологий. В XX в. аналогичный подход был предпринят в структурной антропологии К. Леви-Строса, который в отличие от соответствий Я. Гримма сделал акцент на фонологических оппозициях в одной фонологической системе. К. Леви-Строс провел аналогию между противопоставлениями и структурой модели мира [Леви-Строс 1985: 64–75]. Исходя из этого, модель мира определяется как «сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах» [Топоров 1988: 161]. Необходимо различать синхронию и диахронию в рамках такого подхода [Красухин 2017].

Отечественные ученые В. В. Иванов и В. Н. Топоров определили в общеславянской культурной традиции следующие бинарные оппозиции, которые образуют определенную систему и взаимосвязь основных

противопоставлений: левый – правый, женский – мужской, младший – старший, нижний – верхний, западный – восточный, северный – южный, черный – красный (белый), смерть – жизнь, болезнь – здоровье, тьма – свет, луна – солнце, земля – небо, лес – дом, вода – огонь, вода – земля, нечет – чет, море – суша, зима – весна [Иванов, Топоров 1974]. В дальнейшем эти связи были выделены на фоне обширного и разного по хронологической и территориальной приуроченности материала, тем самым показав высокую степень универсальности. Однако наблюдения над функционированием оппозиций в отдельно взятой конкретной традиции и даже одном синхронном срезе выявили узость бинарного подхода, особенно при анализе отражения в языке динамических процессов смены мировоззрений – ситуации двоеверия⁷.

Функционирование семиотических бинарных оппозиций ограничивается контекстами преимущественно сакральной тематики: заговорами, молитвами, лечебными процедурами [Леви-Строс 2008]. Например, бинарная оппозиция *чистый – грязный*, фигурирующая во многих религиозных культах и ритуалах в виде повреждений и удалений определенных частей пограничных зон тела (крайняя плоть, зубы, волосы и т. п.). Данный обряд удаления, как отмечает Э. Лич [Лич 2001: 75], представляет собой обряд очищения, связанный с двойственностью границ и их связи с табу. «Мэри Дуглас четко резюмировала свою аргументацию в афоризме: "Грязь – это вещество не на своем месте". Земля в огороде – это именно земля; это обычное вещество на своем обычном месте. Земля в кухне – это *грязь*; это – вещество не на своем месте. Чем определеннее мы обозначаем наши границы, тем ощутимее для нас грязь, каким-то образом попавшая не на ту сторону границы. Границы становятся грязными по определению, и мы тратим немалые усилия на то, чтобы содержать их в чистоте, именно для того, чтобы иметь возможность утверждаться в собственной категориальной системе» [Лич 2001: 75].

Однако совсем не представлены указанные оппозиции в эпосе, географических трактатах, исторических хрониках, что свидетельствует об определенной «лимитированности и устойчивости границ функционирования рассмотренных представлений» [Толстой 1987: 182].

В отличие от бинарности парность предстает как модель. Хорошо известна дуальная трактовка *закон – право*, которая сыграла решающую роль

⁷ Более подробно об этом см. [Проскурин 2010].

в происхождении современных терминов права. Индоевропейское представление о порядке или ряде восходит к концепту *ritus* (ритуал). В результате в индоевропейском прошлом намечается антитеза закона, порядка и права. Термин *ряд* принадлежит ценностному слою концепта по определению, а термин *право* возникает как метатермин на краю системы.

Таким образом, возникает корреляция в терминах К. Поппера, а именно: объекты мира 3 взаимодействуют с мыслительными процессами мира 2. Физический мир – мир 1 – открыт по отношению к психическому миру 2, а также все это сосуществует с миром 3 – миром продуктов человеческого духа. «Стало быть, по происхождению человеческий мир 2 есть в той же мере продукт мира 3, в какой мир 3 – продукт мира 2. Иначе говоря, мы представляем собой продукт своих продуктов, следовательно, нашей цивилизации, развитию которой мы содействуем» [Поппер 2019: 128]. Концепт *вера* принадлежит миру сознания, т. е. миру 2, который взаимодействует с миром теорий или метаконцептов, к примеру, религией (т. е. миром 3). В мире 2 актуализируются ценности, переживаемые индивидуумом, а мир 3 состоит из метатерминов научных теорий. Например, концепт *жизнь* переживается субъектом культуры, а метатермин *экзистенция* возникает как метатермин научной теории.

Такие же парные понятия обнаруживаются при взаимодействии систем субъекта культуры и наблюдателя в текстах. Так, тексты, центрированные на субъекта культуры или вокруг субъекта противопоставлены текстам, ориентированным вокруг метаконцепта, иными словами, тексты распадаются на два вида текстов, где первый ориентирован на переживаемые ценности, т. е. интерпретацию, тогда как второй направлен на метаконцепты, т. е. описание или означивание. Следовательно, сущность культуры заключается в том, что она не имеет объективных искусственных границ. Древнеанглийские религиозные тексты являются ярким примером построения материала с позиции членения на концепты и метаконцепты.

В древнеанглийской поэме X в. *The Dream of the Rood* (Видение креста) повествование ведется от лица переживаемого концепта Я. Эта поэма представляет собой развитие надписи *говорящая вещь*, т. е. предмет, от лица которого ведется повествование. В данном случае это деревянный крест, на котором был распят Иисус Христос. Приведем буквальный перевод отрывка этой поэмы на английский язык:

1

God almighty stripped Himself
When He would mount upon the gallows (the cross),
Courageous before all men;
I (the cross) durst not bow down.

2

I (the cross) reared up the rothal King,
The Lord of heaven; I durst not bend down.
Men reviled **us two (the cross and Christ) both together.**
I was moistened with the blood poured forth from His side.

3

Christ was upon the cross;
Howbeit, thither came eagerly from afar
Princes to (see) that One; **I beheld** all that
Sorely **was I** afflicted with sorrows;
I submitted however to the men's hands⁸.

События в поэме переживаются носителем раннехристианской культуры, накладываемой на языческую картину мира. Крест с позиции Я повествует историю о том, как солдаты срубили его (дерево) на опушке леса, воздвигли на холм, а затем распяли на нем Спасителя. С этого момента Христос и Крест представляют собой единый образ самопожертвования, столь необходимый во спасение человеческих душ. Иными словами, Я как ценность первого порядка определяет говорящий и чувствующий крест, характерный для ранних письменных практик. Так, в ранней письменной традиции известны надписи *говорящая вещь*, т. е. вещь, от лица которой ведется повествование. Во многом переводы Библии имеют свои полюса, т. е. буквальность и адаптивность. По какой причине предмет начинает повествование от первого лица? Ответом на этот вопрос является факт того, что в устной культуре субъект речи и ситуация общения неотделимы друг от друга, в связи с чем субъект неизбежно присутствует в речи в ранних письменных памятниках и необходим для того, чтобы надписи выполняли свою функцию, т. е. доносили информацию и читались (см. также [Казаков 2021]). Примечательно, что использование формы 1-го лица позволяет имитировать речь, предмет замещает говорящего, выступая в его роли.

Ко второму типу текстов, ведущих повествование с позиции наблюдателя культуры, т. е. раскрывающихся через стороннего наблюдателя при помощи метаконцептов, относится большинство раннехристианских древнеанглийских текстов, направленных на изложение нравственных установок для паствы.

⁸ Skeat W. W. A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1935.

Христианская идея конца света легла в основу повествования древнеанглийской поэмы *Judgment Day (I)*, вошедшей в манускрипт Эксетерской рукописи, датированной X в. Обратимся к фрагменту данной поэмы (оригинал текста представлен по изданию *Old English Shorter Poems*⁹) (табл. 1).

Отстраненная номинация Всевышнего от третьего лица сливается с метаконцептом *Бог* (см. также [Казаков 2013]), приводя к двойственности трактовки в экспликации. Следовательно, все номинации Всевышнего коррелируют с метаконцептом *Бог*, находясь на краю семиотической системы номинации. Изобразим данную семиотическую идею графически (рис.).

Рис. Концепт и метаконцепт
Fig. Concept and meta-concept

Рисунок отражает основную концептуальную линию *концепт – метаконцепт*, где ценности переживаются, а метатермин означает. Таких ценностей, переживаемых индивидуумом, немного. По мнению Ю. С. Степанова, высказанному в нашей личной беседе о культурных концептах, их насчитывается порядка 40–50 единиц. Они составляют концептуальное ядро системы и имеют параллели, т.е. вторые части пары, или метаконцепты. Так, в тексте *The Dream of the Rood* актуализируется концепт *крест* в значении *Я*, т.е. лица, от которого ведется всё повествование и которому соответствует ядерная ценность аксиологического порядка. Таковы особенности текстов первого типа. К текстам второго типа относятся рубрики метаконцептов, которые актуализируют понятия, связанные с миссией наблюдателя в системе. С позиции наблюдателя означает концепт *Бог* как Господь. Повествование ведется от третьего лица, а реконструируемый метаконцепт существует только по причине существования наблюдателя в знаковой системе.

Обнаруживается и третий тип текстов – смешанный тип, в котором концепты-ценности совмещаются с метаконцептами, возникающий в силу наличия порядка наблюдателя. Так, в работе И. Ю. Колесова отмечается, что есть глаголы, которые получают свое воплощение в когнитивном измерении только

Табл. 1. Страшный суд (I): оригинал (Old English Shorter Poems) и перевод (С. Г. Прокурин, А. В. Прокурин)
Tab. 1. Judgment Day (I): original (Old English Shorter Poems) and translation (by S. G. Proskurin and A. V. Proskurina)

Judgment Day (I)		Страшный суд (I)	
	Dæt gelimpan sceal þætte lagu floweð, flod ofer foldan; feores bið æt ende anra gehwylcum. Oft mæg se þe wile in his sylfes sefan soð gefencan.		Будет так, что вода хлынет потоком, и случится потоп на всей тверди земной, и настанет последний день для каждого творения. Всякий, кто пожелает, может почасть сосредоточить свои помыслы на этой истине.
5	Hafað him geþinged hider þeoden user on þam mæstan dæge, mægen-cyninga hyhst , wile þonne forbærnan breago mon-cynnes lond mid lige. Nis þæt lytulu spræc to geheganne! Hat bið onæled,	5	Господь наш, Первоверховный Царь Всемогуший , предопределил явиться в этот великий день; а потом Правитель людской испепелит земли огнем. И это не будет праздным общением! Жара не спадет,
10	siþþan fyr nimeð foldan sceatas, byrnende lig beorhte gesceafte; bið eal þes ginna grund gleda gefylled, geþra bronda, swa nu rixiað grom-hynge guman, gylpe strynað <...>	10	стало быть огонь уничтожит поверхность Земли, испепеляющее пламя охватит светлое творенье; раскаленными углями, неистово пылающими, все это бескрайнее пространство будет наполнено, там, где жестоко нравные люди правят, владеют роскошью <...>

⁹ Old English shorter poems, edited and translated by Christopher A. Jones. Harvard University Press, 2012, 456.

с позиции внешнего наблюдателя [Колесов 2008]. Например, предикат *таращить* (глаза) возможен, если имеется кто-то еще, кто производит оценивание вашего взгляда. А выражение *я таращу глаза* предстает своего рода в виде неуспешного перформатива типа *Я ошибочно утверждаю*, поскольку для такого утверждения необходим кто-то третий, кто дает такую внешнюю оценку.

«В подобных случаях речь идет о наблюдателе как "внутреннем" компоненте когнитивной сцены – он находится "в кадре" ситуации, описываемой предложением, и концептуализируется как неотъемлемая часть события. Ему противопоставлен внешний "закадровый наблюдатель" – субъект восприятия, вынесенный за рамку концептуализации ситуации» [Колесов 2008: 307]. Следовательно, наблюдатель за кадром соотносится с такими русскими глаголами, как *глазеть*, *коситься*, *выпялиться* и т. д. Наличие наблюдателя за кадром препятствует употреблению

вышеотмеченных глаголов восприятия в субъективных суждениях от первого лица.

Анализ древнеанглийских текстовых памятников показал существование смешанного типа текстов, в которых повествование ориентировано и на личные ценности индивидуума, и на метаконцепты наблюдателя в культуре. В качестве примера приведем фрагмент древнеанглийской поэмы X в. *Soul and Body* (Душа и плоть) (табл. 2).

Построение этого текста – оппозиция повествований мучающейся души (до 129 строки) и торжествующей ввиду греховности либо праведности тела. В поэме *Soul and Body*, как и во многих христианских текстах, присутствуют концептуальные противопоставления: жизнь / смерть, добро / зло, греховность / праведность, душа / тело и т. п. Привлекает внимание исследователя текст поэмы и тем, что не отрицает наличие интеракционистского дуализма (см. также [Радбиль и др. 2020]), а наоборот, предвосхищает его.

Табл. 2. Душа и плоть: оригинал (Old English Shorter Poems) и перевод (С. Г. Проскурин, А. В. Проскурина)
Tab. 2. Soul and Body: original (Old English Shorter Poems) and translation (by S. G. Proskurin and A. V. Proskurina)

Soul and Body		Душа и плоть	
1	Huru ðæs behofað hæleða æghwylc þæt he his sawle sið sylfa geþence, hu þæt bið deoplic þonne se deað cymeð, asynðreð þa sybbe þe ær samod wæron.	1	Поистине необходимо, чтобы каждый человек задумался о странствии своей души , каким тяжким оно может быть, когда наступит смерть, разделяя тогдашних неразлучных сродников, –
5	lic ond sawle .	5	плоть и душу .
15	Cleopað þonne swa cearful cealdan reorde, spreceð grimlice se gast to þam duste: "Hwat druge ðu dreorega? To hwan drehtest ðu me, Eorðan fulnes eal forwisnad, lames gelicnes? Lyt ðu gemundest	15	Зловещим голосом дух , раздираемый муками, поэтому громко и немилостиво окликает прах: «Что ж ты наделал, несчастный? Почему ты причинил страдание мне, всецело нечистая тленная скверна, обличье грязи? Достаточно ли ты задумывался о том, что станет с твоей
20	to hwan þinre sawle þing siðþan wurde, syððan of lic-homan læded wære! Hwæt wite ðu me, weirga? Hwæt, ðu huru, wyrma gyfl, lyt geþohtest, þa ðu lust-gryrum eallum fulgeodest, hu ðu on eorðan scealt wyrnum to wiste!	20	душой , однажды покинувшей тело! Будешь ли ты порицать меня, несчастный? Поистине ты корм для червей, привыкший послаблять своим неисчислимым ужасным страстям, достаточно ли ты задумывался о том, что станешь прокормом для червей в земле!
145	Wære ðu on wædle, sealdest me wilna geniht. Forðan ðu ne þearft sceamian, þonne sceadene beoþ þa synfullan ond þa soðfæstan on þam mæran dæge, þæs ðu me geafe, ne ðe hreowan þearf her on life		Ты прибывал в нищете и принес мне изобилие радости. Посему, когда в тот чудесный день обременённые грехами и праведные люди отделятся друг от друга, тебе не нужно стыдиться за все то, что ты дал мне, не испытывать угрызания совести здесь, в этой жизни,
150	ealles swa mycles swa ðu me sealdest On gemot-stede manna ond engla.	150	за всё то, чем ты наделишь меня на том месте встречи человеческих существ и ангелов».

В поэме ярко прослеживается двойственность независимых и самостоятельных начал – идеального и материального, проблема взаимодействия которых разрешается введением общего источника – Бога. По Рене Декарту [Декарт 2022], Бог являет собой высшую субстанцию, формирующую дух и материю по одним и тем же законам. Бог предстает бесконечной и основной субстанцией, тогда как дух и материя являются конечными. Текст поэмы также пронизан идеей бинарных оппозиций¹⁰:

- 1) *sāwle, gāst* (душа, дух) / *eorðfæt* (мирской сосуд, тело), *dūst* (прах), *flāsc* (плоть), *lāmfæt, lichama, lic* (тело);
- 2) *wuldor* (прославления) / *wite* (наказания);
- 3) *wiln* (изобилие радости) / *hellewite* (страдания адские);
- 4) *sodfæstan* (праведные люди) / *synfullan* (обремененные грехами);
- 5) *engla* (ангелы) / *manna* (человеческие существа);
- 6) *heofon* (небеса) / *woruldric* (Царство этого мира).

Повествование древнеанглийского текста расслаивается на противопоставление ценности *души* и мета-концепта *дух*.

В сердцевине повествования лежат концепты, выводящие его на позиции интерпретации и описания. Существуют переживаемые ценности – концепты – и означиваемые ценности культуры – метаконцепты. В этимологии концепта *душа* и метаконцепта *дух* имеется общее основание, т.е. оба восходят к др.-греч. *ψυχή*¹¹. Происхождение концептов имеет общий корень, однако душа – это переживаемая субъектом сущность, тогда как дух относится к объективируемой сущности. Родственно лит. *daĩsos* «воздух», с другой ступенью вокализма – лит. *dvāse* «дух, душа», *dvesiù* «дохнуть», греч. *θεός* «бог» (**ʒFεσός*), *θήλειον* «сера» (**ʒFεσειον*)¹².

Обратимся к толковому словарю живого великорусского языка В. Даля, в котором понятия *дух* и *душа* приведены в отдельных словарных статьях только лишь для удобства нахождения производных. Приведем примеры, иллюстрирующие положение *духа* относительно *души*.

Душа – ж. бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волею; въ общемъ знач. человекъ, съ духомъ и тѣломъ; въ болѣе тѣсномъ: | человекъ безъ плоти, безтѣлесный, по смерти своей; въ смыслѣ же

тѣснѣйшемъ: | жизненное существо человекъ, воображаемое отдѣльно отъ тѣла и отъ духа, и въ этомъ смыслѣ говорится, что и у животныхъ есть душа. | Говоря *душа*, въ знач. человекъ, разумѣютъ иногда людей обоюго пола, либо только мужеского, *душу ревизскую*, что собственно означаетъ человекъ податнаго состоянія. | **Душа также душевныя и духовныя качества человекъ, совѣсть, внутреннее чувство ипр. Душа есть безплотное тѣло духа; въ этомъ знач. духъ выше души <...>** (прим. авторов – жирный шрифт в цитате наш)¹³.

Духъ – м. безтѣлесное существо; обитатель невестественнаго, а существеннаго міра; безплотный житель недоступнаго намъ духовнаго міра. Относя слово это къ человекъ, иные разумѣютъ душу его, иные же видятъ въ душѣ только то, что даетъ жизнь плоти, а въ *духъ* высшую искру Божества, умъ и волю, или же стремление къ небесному. *Добрый духъ*, ангель, духъ свѣта, чистый; *злой духъ*, духъ тьмы, діаволь, нечистый духъ. *Святой Духъ*, третье Лицо Св. Троицы. *Духъ Божій*, благодать, вдохновенье, наитіе, откровенье. | Видѣніе, привидѣнье, тѣнь, призракъ, безтѣлесное явленье на землѣ. | Сила души, доблесть, крѣпость и самостоятельность, отважность, рѣшимость; бодрость. *У меня на это не станетъ духу*. | Отличительное свойство, сущность, суть, направление, значенье, сила, разумъ, смыслъ. **Духъ вѣры христіанской. Его смущаетъ духъ суетумудрія. Духомъ кротости, а не палкой по кости.** | Дыханье. **Дай перевести духъ. Бѣжалъ, захватило или заложило духъ.** | Видимое дыханье, паръ выходящій изъ рта. **Въ этомъ знач. духъ, какъ жизнь, ниже души; а въ высшемъ знач. искры Божества, духъ выше души и отличаетъ человекъ отъ животнаго <...>**¹⁴ (прим. авторов – жирный шрифт в цитате наш).

В работе Х. Куссе [Куссе 2022] подчеркивается идея Анны Вежбицкой о концепте *душа*, которая переживается, являясь органом чувствования. Именно поэтому это слово в большинстве случаев должно переводиться на английский как *heart* [Wierzbicka 1992: 51]. Сопоставляя английские и русские концепты, А. Вежбицкая отмечает, что концепт *soul* переводится как *душа*, но обратный перевод не всегда уместен, поскольку *душа* чаще всего будет переводиться как *mind*

¹⁰ Более подробно об этом см. [Проскурина 2020].

¹¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986. Т. I. 576 с.

¹² Там же.

¹³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1991. Т. 4. 683 с.

¹⁴ Там же.

и *heart*. Исследователь выделяет в английском языке два значения слова *soul*, где оба значения основываются на христианской дихотомии *духовное / физическое* в человеке. Однако первое значение предстает фундаментальным и в полном виде является составной частью значения. Разница между значениями состоит в том, что во втором случае субъект интроспективно наблюдает свою собственную душу, а не другой посторонний объект:

*Soul*₁ – one of two parts of a person; one cannot see it; it is part of another world; good beings are part of that world; things are not part of that world; because of this part a person can be a good person.

*Soul*₂ – one of two parts of a person; one cannot see it; it is part of another world; good beings are part of that world; things are not part of that world; other people can't know what things happen in that part of a person; something the person doesn't know what these things are; these things can be good or bad; because of this part a person can be a good person [Wierzbicka 1992: 36–37].

Концепт *mind*, так же как и концепт *soul*, относится к нематериальной сущности человека, однако в отличие от концепта *soul* принадлежит к реальному миру, обозначая место, где осуществляется познание и мыслительная активность. Как пишет Х. Куссе, в проведенном компаративном анализе англо- и русскоязычной культур А. Вежбицкой отмечается высокая значимость концепта *душа*, в то время как в английском языке концепт *soul* все более вытесняется концептом *mind* – концептом чистого мышления и знания [Куссе 2022: 106].

Как скоро концепт *душа* ассоциируется в английском языке с концептом *heart* (микрокосм), метаконцепт *дух* взаимосвязан с понятием *воздух*. Таким образом, оформляется пропорция *душа – сердце* (микрокосм), *дух – воздух* (макркосм). Первые являются переживаемыми концептами, тогда как вторые – означиваемыми. Отношение *микрокосм – макрокосм* имеет две лингвистические версии, где направление семантического значения задается от: а) элементов макромира к микромиру и наоборот; б) от микрокосмоса к окружающему миру.

Таким образом, миры К. Поппера взаимодействуют с двумя видами сущностей: переживаемыми ценностями и объективируемыми метаконцептами с позиции наблюдателя, где первые порождают вторые. Мы регистрируем три типа текстов: тексты мира 2 – тексты о ценностях, переживаемых носителем культуры,

и тексты мира 3 – тексты о метоконцептах в культуре. Есть и третий тип – смешанный, когда ценности и метаконцепты встречаются вместе в повествовании. Такое деление текстов возможно только тогда, когда существует тематическая семантическая сеть языка и культуры.

Как представлена в лексиконе его внутренняя организация? Лексикон может быть описан в алфавитном порядке. В языке используется слово англ. *dictionary*, франц. *le dictionnaire* etc. Словарный состав может быть описан как совокупность лексики: ср. англ. *lexis*, фр. *le lexique*. Остается еще один термин – англ. *vocabulary*, фр. *vocabulaire*, «который означает 'лексикон', но лексикон достаточно полный или же лексикон достаточно обширной области, и при этом не выровненный в простом алфавитном порядке» [Степанов 1995] (ср. название книги Э. Бенвениста *Le vocabulaire des Institutions Indo-Européennes*). Согласно дифференциальным признакам всех вышеописанных терминов в концептуализации лексикона, именно *vocabulary* позволяет классифицировать словарный состав как совокупность тематических групп, внутренняя организация которых простирается от содержания к форме. В результате возникают идеографические, аналитические, синтетические, топикальные словари (ср. англ. *topical dictionary*). В коммуникации субъект языка и культуры зависит от всех элементов языка и культуры, поскольку в его говорении неразрывно слиты и его собственные переживания и внешние оценки наблюдателя. Иными словами, языкам народов мира присуща особенность, в результате которой корректируется грамматика говорящего ввиду запретов и табу. Все это становится возможным вследствие наличия глубинной тематической семантической сети языка и культуры. Представим тематическую сеть языка и культуры в виде таблицы (табл. 3), где стрелками обозначены соответствия и преемственность между понятиями.

Следовательно, тематическая семантическая сеть языка и культуры существует объективно, поскольку верифицирована в практике обращения с духовными продуктами. Ценности культуры напрямую взаимодействуют с метаязыком культуры в виде порождения одних другими. Так, культурные концепты коррелируют с метаязыком субъекта культуры, перформативные ядра / блоки разворачиваются в метапредикаты, представленные ритуалами, жанровыми текстами и сценариями в языке и культуре.

Табл. 3. Тематическая семантическая сеть языка и культуры
Tab. 3. Thematic semantic network of language and culture

Индивидуум (аутосистема) Ценности культуры	Наблюдатель (метасистема) Метаязык культуры
1. Культурные концепты <i>вера, надежда, любовь, закон</i> [Степанов, Проскурин 1993] →	1. Метаязык исследователя <i>право, культура, секс</i> ¹⁵ Категории: пространство / время; родовидовые понятия: <i>осел</i> (животное), <i>лингвистика</i> (наука) ↓
2. Перформативные ядра / блоки: <i>*Я оскорбляю, Я клянусь, Я утверждаю, Я свидетельствую</i> →	2. Метапредикаты: <i>оскорбляет, клянется, утверждает, свидетельствует</i> ↓
а) формы культурного исполнения [Traditional India... 1959] →	а) ритуалы (клятва) ↓
б) перформативные высказывания [Austin 1962] →	б) жанровые тексты (текст клятвы) ↓
в) искусство перформанса [Wulf 2013] →	в) сценарии (возложение текста клятвы перед статуей божества)

Заключение

Главная идея работы связана с открытием дуальности семантики. В культуре регистрируются ценности и метаконцепты, которые в свою очередь определяют типологию текстов на базе обнаруженных дуальностей. В классической культурологии дуальность изначально связывалась с противоположностями, или бинарными оппозициями. Исследования текстов проводились с позиции двоичности, на которую опиралась картина мира. В проведенном исследовании на первый план выходят средние концепты, являющиеся неопредельными сущностями, в тематической семантической сети они соположены с метаконцептами, регистрируемыми с позиции внешнего наблюдателя. В результате оказывается, что сами тексты тяготеют к ценностям, метаконцептам, смешанному типу ценностей и метаконцептов. В то же самое время нужно отметить искусственность границы между концептами и метаконцептами. Как утверждает Э. Лич, «Когда мы используем символы (вербальные и невербальные), чтобы отделить один класс предметов или действий от другого, мы создаем искусственные границы на том пространстве, которое в своем "естественном" виде является неразрывным. Это понятие границы нуждается в осмыслении» [Лич 2001: 44]. Таким образом, ценности и метаконцепты – это рабочее определение членов дихотомии, которая становится возможной благодаря наличию субъекта и наблюдателя в культуре.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 22-28-01712 «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

Funding: The research was supported by Russian Science Foundation, project "Neopaganism in the artistic practices of modern Russia: ethnocultural receptions, communicative technologies, value foundations", No. 22-28-01712.

¹⁵ Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов...

Литература / References

- Декарт Р. Рассуждение о методе. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 320 с. [Descartes R. *Reasoning about the method*. St. Petersburg: Azbuka-Attikus, 2022, 320. (In Russ.)]
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследование в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974. 342 с. [Ivanov V. V., Toporov V. N. *Research in the field of Slavic antiquities: Lexical and phraseological issues of text reconstruction*. Moscow: Nauka, 1974, 342. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uftqfj>
- Казаков Г. А. Лексические аспекты русских переводов Библии. *Научный диалог*. 2021. № 6. С. 59–77. [Kazakov G. A. Lexical aspects of Russian Bible translations. *Nauchnyi Dialog*, 2021, (6): 59–77. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-59-77>
- Казаков Г. А. Религия и язык в постсоветской России: взгляд из-за океана. *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2013. № 4. С. 172–175. [Kazakov G. A. Religion and language in post-Soviet Russia: A view from the other side of the ocean. *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 2013, (4): 172–175. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rpxzlx>
- Кирсберг И. В. Феноменология в религиоведении: какой она может быть? Исследование религии только как сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2016. 304 с. [Kirsberg I. V. *Phenomenology in Religious Studies: What Can It Be? A study of religion as mere consciousness*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2016, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zuwvwyj>
- Колесов И. Ю. Проблемы концептуализации и языковой репрезентации зрительного восприятия. Барнаул: АлтГПУ, 2008. 354 с. [Kolesov I. Yu. *Problems of conceptualization and linguistic representation of visual perception*. Barnaul: AltSPU, 2008, 354. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qufkvr>
- Красухин К. Г. О соотношении синхронии и диахронии у Ф. де Соссюра. *Критика и семиотика*. 2017. № 1. С. 69–80. [Krasukhin K. G. The relations between synchrony and diachrony by Ferdinand de Saussure. *Kritika i Semiotika*, 2017, (1): 69–80. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqkunz>
- Кусе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022. 536 с. [Kuße H. *Cultural linguistics*. Moscow: Gnozis, 2022, 536. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uxiezn>
- Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с. [Lèvi-Strauss C. *Structural anthropology*. Moscow: Nauka, 1985, 536 (In Russ.)]
- Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Акад. проект, 2008. 520 с. [Lèvi-Strauss C. *Totemism today. Untamed Thought*. Moscow: Akad. proekt, 2008. 520. (In Russ.)]
- Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Вост. лит., 2001. 142 с. [Leach E. *Culture and communication: The logic by which symbols are connected. An introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology*. Moscow: Vost. lit., 2001, 142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rjkszy>
- Поппер К. Вся жизнь – решение проблем: о познании, истории и политике. Ч. 1. Вопросы познания природы. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2019. 200 с. [Popper K. *All life is problem solving: knowledge, history and politics. Part 1. Questions of knowledge of nature*. Moscow: URSS; LENAND, 2019, 200. (In Russ.)]
- Проскурин С. Г. Тематическая сеть языка и культуры. *Критика и семиотика*. 2010. № 14. С. 335–353. [Proskurin S. G. Thematic Network of Language and Culture. *Kritika i Semiotika*, 2010, (14): 335–353. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/towqax>
- Проскурина А. В. Представление о душе и теле в древнеанглийской традиции. *Критика и семиотика*. 2020. № 2. С. 237–255. [Proskurina A. V. The concept of body and soul in the Old English tradition. *Kritika i Semiotika*, 2020, (2): 237–255. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2020-2-237-255>
- Радбиль Т. Б., Ахметжанова Г. А., Жумагулова Ж. Ж., Сералиева А. Е., Сералиева Г. Е. Душа и тело в аспекте сопоставительного анализа концептов культуры: материалы к лингвокультурологическому фразеологическому словарю русско-казахских соответствий. *Научный диалог*. 2020. № 3. С. 127–150. [Radbil T. B., Akhmetzhanova G. A., Zhumagulova Zh. Zh., Seralieva A. E., Seralieva G. E. DUSHA ("SOUL") and TELO ("BODY") in the aspect of contrastive analysis of cultural concepts: Materials for the linguo-cultorological phraseological dictionary of Russian-Kazakh correlations. *Nauchnyi Dialog*, 2020, (3): 127–150. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-127-150>

- Радбиль Т. Б., Сайгин В. В. Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры. *Вопросы лексикографии*. 2019. № 15. С. 36–59. [Radbil T. B., Saygin V. V. The concept "Grekh" ("Sin") in the context of the lexicographic description of key concepts of Russian culture. *Voprosy Leksikografii*, 2019, (15): 36–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/15/3>
- Семенов Ю. И. Введение в науку философии. Кн. 3. Марксистский прорыв в философии. М.: Ленанд; URSS, 2017. 232 с. [Semenov Yu. I. *Introduction to the science of philosophy. Book 3. Marxist breakthrough in philosophy*. Moscow: Lenand; URSS, 2017, 232. (In Russ.)]
- Семенов Ю. И. Как возникло человечество. 2-е изд., с нов. предисл. и прилож. М.: ГПИБ, 2002. 790 с. [Semenov Yu. I. *How did humanity originate*. 2nd ed. Moscow: GPIB, 2002, 790. (In Russ.)]
- Семенов Ю. И. Происхождение и развитие религии, мифологии, теологии и религиозной философии: краткий теоретический очерк. М.: ЛЕНАНД, 2022. 200 с. [Semenov Yu. I. *The origin and development of religion, mythology, theology, and religious philosophy: A brief theoretical essay*. Moscow: LENAND, 2022, 200. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С. «Слова», «Понятия», «Вещи». К новому синтезу в науке о культуре. In: Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс-Универс, 1995. С. 5–26. [Stepanov Yu. S. Words, Concepts, and Things. Towards a new synthesis in the science of culture. In: Benveniste É. *Dictionary of Indo-European social terms*. Moscow: Progress-Univers, 1995, 5–26. (In Russ.)]
- Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавит и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993. 158 с. [Stepanov Yu. S., Proskurin S. G. *Constants of world culture. Alphabet and alphabetic texts in the period of dual faith*. Moscow: Nauka, 1993, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsthfl>
- Толстой Н. И. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский. *Языки культуры и проблемы переводимости*, отв. ред. Б. А. Успенский. М.: Наука, 1987. С. 169–183. [Tolstoy N. I. Binary oppositions right – left, male – female. *Cultural languages and problems of translatability*, ed. Uspensky B. A. Moscow: Nauka, 1987, 169–183. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wlotvr>
- Топоров В. Н. Модель мира (мифопоэтическая). *Мифы народов мира*, гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М.: Сов. Энцикл., 1988. Т. 2. С. 161–164. [Toporov V. N. Mythopoetic world model. *Myths of the world*, ed. Tokarev S. A. 2nd ed. Moscow: Sov. Entsikl., 1988, 161–164. (In Russ.)]
- Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М.: Гнозис, 1993. 464 с. [Heidegger M. *Works and thoughts of different years*. Moscow: Gnozis, 1993, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xgmrqz>
- Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962, 174.
- Grimm J. *Deutsche Mythologie*. Göttingen: Dieterich, 1844, 1246.
- Traditional India: Structure and change*, ed. Singer M. Philadelphia: American Folklore Society, 1959, 332.
- Wierzbicka A. *Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations*. Oxford: Oxford University Press, 1992, 487.
- Wulf C. *Anthropology. A continental perspective*. Chicago: Chicago University Press, 2013, 408.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gszvpe>

Когнитивные особенности дуального художественного концепта *море-океан* в творчестве Б. В. Шергина

Румянцева Марина Васильевна

Тюменский государственный медицинский университет, Россия, Тюмень

<https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>m.rumjanzewa@rambler.ru

Аннотация: В современной лингвокультурологии интерес вызывают исследования художественных концептов, которые представляют собой лингвокультурные познавательные концепты, получившие авторское переосмысление и особую индивидуальность в художественном тексте. Актуальность исследования определена тенденцией к выявлению особенностей идиостиля и специфики языковой личности отдельно взятого писателя посредством описания ключевых концептов его творчества. Цель – проанализировать и описать когнитивные особенности двуядерного концепта *море-океан* в творчестве Б. В. Шергина. Обращение к общечеловеческим мифологическим универсалиям и мифологическому наследию русского народа позволяет выделить дополнительные, отличные от мифологических оттенки исследуемого концепта. Материалом для исследования послужили рассказы-миниатюры из однотомника «Повести и рассказы». Исследование показало, что в творчестве писателя двуядерный концепт *море-океан* представляет собой дуальный художественный концепт. Его ядра образуют эквиполентную оппозицию, которая предполагает наличие у них как общего значения *водное пространство*, так и антонимичных значений, таких как *жизнь / смерть, свет / тьма, постоянство / изменчивость, созидание / разрушение* и др. Противоположные значения не исключают друг друга, а теснейшим образом связаны между собой. Сделан вывод, что дуальные признаки ядер концепта заложены в этимологии лексем *океан* и *море*: первая имеет значение живой воды, вторая – мертвой. В мифологическом мировоззрении поморов *море-океан* – это первичная материя, в которой в процессе борьбы противоположностей возникает, гибнет и вновь возрождается Вселенная. Мыслится эта материя живым существом. Биоморфные признаки концепта актуализируются посредством антропоморфного и зооморфного кодов. Лексико-семантическое поле *человек* представлено лексемами *батюшка, седой старик, водяной царь, справедливый судья, строитель души, музыкант, певец* и др. Лексико-семантическое поле *животное* ограничено лексемами *конь* и *белый медведь*.

Ключевые слова: концепт, художественный концепт, двуядерный концепт, дуальный художественный концепт, концепт *море-океан*, миф, мифологема, Б. В. Шергин

Цитирование: Румянцева М. В. Когнитивные особенности дуального художественного концепта *море-океан* в творчестве Б. В. Шергина. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 49–61. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-49-61>

Поступила в редакцию 10.08.2023. Принята после рецензирования 03.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Cognitive Duality of the Artistic Concept of *Sea-Ocean* in B. V. Shergin's Short Stories

Marina V. Rumyantseva

Tyumen State Medical University, Russia, Tyumen

<https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>m.rumjanzewa@rambler.ru

Abstract: Artistic concepts are linguistic and cultural cognitive concepts processed by a particular author. As a result, they acquire the individuality in the text they belong to. In cultural linguistics, artistic concepts help to describe the individual style of an author as a linguistic personality. This article introduces the cognitive features of the binuclear concept of *sea-ocean* in B. V. Shergin's short stories. Mythological universals and Russian mythology made it possible

to distinguish additional shades of the concept under study, different from its traditional mythological content. The binuclear concept of *sea-ocean* proved to be a dual artistic concept. Its cores form an equipolar opposition, i.e., they all share the meaning of water space but differ in antonymic values, e.g., life / death, light / darkness, constancy / variability, creation / destruction, etc. These opposite meanings are not mutually exclusive: in fact, they are quite close. The duality is part of the etymology of lexemes *ocean* and *sea*: the former has the meaning of living water while the second contains the seme of death, i.e., dead water. In the mythological worldview of the Pomors, who inhabit the White Sea and Russian Arctic coasts, the sea-ocean is the primary matter in which the never-ending struggle of opposites gives birth to the new Universe, which then perishes and is reborn again. This matter is thought of as a living being. The biomorphic features of the concept are expressed through anthropomorphic and zoomorphic codes. The lexical and semantic field *man* is represented by such lexemes as *old father*, *gray-haired old man*, *water king*, *fair judge*, *soul builder*, *musician*, *singer*, etc. The lexical and semantic field *animal* is limited such lexemes as *horse* and *polar bear*.
Keywords: concept, art concept, binuclear concept, dual art concept, concept *sea-ocean*, myth, mythologeme, B. V. Shergin

Citation: Rumyantseva M. V. Cognitive Duality of the Artistic Concept of *Sea-Ocean* in B. V. Shergin's Short Stories. *SibScript*, 2024, 26(1): 49–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-49-61>

Received 10 Aug 2023. Accepted after peer review 3 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

В рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии продолжается деятельность исследователей по осмыслению понятий *концептуальная картина мира*, *концептуальная система* и собственно *концепт*, усовершенствуются методики описания концептов, уточняются их типологии, исследуются культурные и художественные концепты и их вербализация в разных языках. Многие вопросы остаются дискуссионными, например, вопросы о типологии концептов, об их количестве и структуре.

Особый интерес сегодня вызывают исследования художественных концептов, которые представляют собой лингвокультурные или познавательные концепты, получившие отражение в художественном тексте. Автор, пропустив сквозь свое воображение познавательный концепт, переосмысляет его и придает ему особую индивидуальность. Исследование художественных концептов видится актуальным, т. к. «всестороннее рассмотрение концептосферы произведения или нескольких произведений отдельно взятого писателя позволяет решить ряд ключевых задач по выявлению особенностей идиостиля писателя, специфики его языковой личности, репрезентированной в творчестве» [Огнева 2017: 196].

Одной из особенностей авторского стиля является наличие в произведениях писателя дуального художественного концепта. Научных работ, описывающих дуальные художественные концепты, мало, явление требует дополнительных исследований. Цель – анализ и описание когнитивных особенностей дуального

художественного концепта *море-океан* в творчестве русского писателя-помора Б. В. Шергина. Для достижения поставленной цели стало необходимым обратиться к изучению общечеловеческих мифологических универсалий, а также к мифологическому наследию русских поморов, что позволило выделить дополнительные, отличные от выявленных в мифах оттенки исследуемого концепта. Научная новизна статьи заключается в том, что исследование такого плана на материале произведений писателя проводится впервые. Теоретическая значимость состоит в уточнении и углублении понятия *дуальный художественный концепт* и его места в типологии концептов. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материала статьи в спецкурсах по лингвокультурологии, при разработке семинаров, посвященных специфике языковой личности и идиостиля Б. В. Шергина.

Методы и материалы

Исследование выполнено на материале коротких рассказов писателя русского Севера Бориса Викторовича Шергина. Творчество данного писателя характеризуется наличием двух основных тематических доминант – *море* и *человек*, которые отражают явления и признаки главного объекта среды обитания поморов (*морская вода*, *морской ветер*, *мореплавание*, *корабль* и др.) и качества человека как деятельного субъекта в его взаимодействии со средой обитания (*промысел*, *одежда*, *поведение*, *характер*) [Комкова 2021;

Морозова 2020]. Анализу подвергнуты произведения (повести, рассказы, древние памяти, былины, сказки, сказки, записи из дневника), собранные в однотомнике «Повести и рассказы»¹.

Основные методы исследования: метод концептуального анализа, представляющий собой синтез существующих методик (см. работы [Маслова 2008; Пименова 2013; Попова, Стернин 2007]); метод концептуального моделирования, заключающийся в интерпретации базовых семантических признаков в сознании носителей языковой картины мира. В качестве дополнительных использовались этимологический, сравнительно-исторический и описательный методы.

Литературный обзор

В научной литературе предлагаются десятки определений концепта. Одно из первых принадлежит А. Вежицкой, которая определяет концепт как «объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире "Действительность"» [Вежицкая 1996: 36]. По С. Г. Воркачеву, концепт – это «единица коллективного знания / сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 70]. М. В. Пименова под концептом понимает некое представление человека / этноса о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами [Пименова 2011: 126]. Таким образом, концепты формируются в сознании человека как некие категории языкового видения мира и национально-культурной ментальности и изучаются в лингвистике через языковые средства – репрезентанты концептов, набор которых очень разнообразен.

Выявление специфики концепта тесно связано с проблемой типологии концептов, которые могут классифицироваться по разным параметрам. Так, С. Г. Воркачев разделяет концепты на высшие и обычные [Воркачев 2004]; Г. Г. Слышкин выделяет первичные и вторичные концепты [Слышкин 2004]; З. Д. Попова и И. А. Стернин классифицируют концепты по типу отражаемого ими знания на универсальные, национальные, групповые и индивидуальные концепты [Попова, Стернин 2007]; В. А. Маслова выстраивает свою классификацию на основе семантических принципов

[Маслова 2008]; М. В. Пименова предлагает трехчленную классификацию концептов, распределенных по трем категориальным классам: базовые, концепты-дескрипторы и концепты-релятивы [Пименова 2013]. Любой концепт – это смысловая единица, имеющая отражение в языке, а значит и в тексте, который можно рассматривать как один из возможных способов объективации сознания или индивидуально-авторской картины мира. В этом контексте о концепте говорят как о «глубинном смысле, изначально максимально и абсолютно свернутой смысловой структуре текста, являющейся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [Красных 1998: 202]. Такой концепт образует художественную картину мира и может называться художественным [Милейко, Рус-Брюшнина 2016]. Художественный концепт, создаваемый по принципу образности, по своей природе противопоставляется познавательному концепту, в основе которого лежит принцип информативности [Аскольдов-Алексеев 1997: 268]. Основу художественного концепта составляет диалогическая структура отношений человека, культуры и природы. С одной стороны, автор художественного текста опирается на собственные ощущения, жизненный опыт, душевные переживания, с другой – на общественное мнение, культурные традиции, морально-нравственные устои общества [Тарасова 2004].

Своеобразие художественного концепта зависит от способа его номинации и от языковой репрезентации и семантических оппозиций. С этой точки зрения концепты подразделяются на простые, номинируемые одним словом, и составные, объединенные в сознании носителей языка в некое единство и вербализуемые двумя и более языковыми единицами [Рублева 2013], «когнитивными блоками» [Топорова, Беляева 2008: 174]. Составные концепты, в свою очередь, делятся на подтипы в зависимости от вида семантической оппозиции, в которой находятся, а также от способа ее выражения в языке, в том числе и графического.

Исследуемый нами концепт-мифологема *море-океан* является двудерным и реализуется, на первый взгляд, в синонимическом объединении на основе понятийного тождества и пересечения. М. В. Пименова называет такие концепты парными, определяя их как концепты, у которых слова-репрезентанты считаются полными или частичными синонимами, бывшими или ставшими

¹ Шергин Б. В. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. 495 с. Далее по тексту примеры из данного сборника даны с указанием названия произведения в круглых скобках, например, (Двинская земля).

такowymi на определенном этапе развития языка [Пименова 2011: 127]. Однако при более детальном изучении становится очевидно, что исследуемый концепт приобретает в творчестве Б. В. Шергина антонимичные признаки, что не позволяет нам классифицировать его как парный концепт, но и бинарным концептом, слова-репрезентанты которого являются антонимами, он тоже не является. И. А. Даниленко, рассуждая о парных художественных концептах, приобретающих в художественном тексте дополнительные оттенки, называет их дуальными [Даниленко 2020]. Именно так мы его и будем классифицировать.

В научной литературе достаточно полно разработан концепт *море*: выявлена репрезентирующая система лексико-семантического поля *море* в современном русском языке и описано ее функционирование [Потапова 2020]; концепт *море* проанализирован в контексте русской мифологической картины мира [Ильина 2014]; моделировался как фрагмент языковой картины мира в языковом сознании поморов [Кошарная 2008]; исследована концептуализация образа моря в когнитивном стиле Б. Шергина [Сидорова 2020] и описаны особенности репрезентации концепта *море* в его прозе [Комкова 2020]. Концепт *океан* требует более глубоких исследований. Научные исследования дуального художественного концепта *море-океан* отсутствуют.

Результаты

Парный концепт *море-океан* представляет собой устойчивую мифологему, типичный речевой стереотип как для архаичного пласта русского фольклора (заговоров и заклинаний), так и для сказительной культурной традиции (песен, сказок, былин). Вслед за А. П. Бабушкиным под мифологемой пониманием дискретную единицу коллективного сознания, концепт, отражающий объекты возможных миров и представленный в национальной памяти носителей языка в вербальной форме. Вербальный способ представления мифологемы осуществляется при помощи лексем и словосочетаний, употребляющихся в прямом или переносном значении [Бабушкин 1998: 47]. Двухъядерная пара *море-океан* устроена почти по тому же принципу,

что и достаточно многие парные образования, характерные для русской фольклорной языковой картины мира, например, *грибы-ягоды*, *мёд-пиво*, *гуси-лебеди*, *хлеб-соль*, *ёлки-палки* и т. п. Но она имеет вариативность репрезентации. В отличие от других двухъядерных концептов, где лексемы имеют устойчивую последовательность, слова *океан* и *море* могут переставляться местами: *Глубока глубина океан-моря, Широко раздолье по всей земле*². В графическом изображении они могут писаться через дефис или отдельными словами с повторяющимся предлогом, со строчной или заглавной буквы:

*Добрый путь вам, господа,
По морю по Окияну
К славному царю Салтану...*³

В творчестве Б. В. Шергина концепт *море-океан* и его корреляты вербализуются синонимическим разнообразием гидронимов: *Океан – море русское, море Окиян, Студеный океан, Студеное море, Ледовитый океан, Ледовитое море, Белое море, Мерзлое море, Зимнее море, Соловецкое море, Северское море, Мурманское море, Варяжское море, Гандвик*. Основным способом номинации концепта является признаковая номинация. Используется также способ образной номинации: *Океан – батюшка, старик, Гандвик – колдовской залив* и др. Рассмотрим некоторые особенности актуализации и признаки каждого из ядер концепта.

Океан

В более ранних фольклорных произведениях на первое место выносятся слово *океан*, которое зачастую производилось северными сказителями как *окиян*: «*Поцёмю окиян-морё называицье?*» – «*Потому окиян-морё называицье: В окияни-то мори да есь веть тит-рыба!..*»⁴. В письменных изложениях фольклорных текстов часто находим написание лексемы *окиян* с большой буквы как имени собственного: *Встану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду, перекрестясь; умоюсь утреннюю росую, утрусь тонким белым полотном и пойду из избы в двери, из дверей в ворота, под восточную сторону к Окияну-морю*⁵. Сохранившийся архаичный вариант слова – *Киян-море*. Эта форма зафиксирована

² Вольга Всеславович. *Былины о русских богатырях*. URL: <http://wee14.narod.ru/Rus/Byliny.html#10> (дата обращения: 27.05.2023).

³ Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане. URL: <https://www.culture.ru/poems/4415/skazka-o-care-saltane> (дата обращения: 27.05.2023).

⁴ Голубиная книга. Напев № 36. («...») [Табуев Егор Семенович]. *Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа*. СПб.: Тропа Троянова, 2002–2003. 2003. Т. III. Ч. 4: Мезень. С. 340–343. URL: <http://feb-web.ru/feb/byliny/texts/ag3/ag3-340-.htm> (дата обращения: 26.05.2023).

⁵ Заговоры от любой болезни. URL: <https://v-kosmose.com/zagovory/ot-lyuboj-bolezni/> (дата обращения: 17.05.2023).

в Толковом словаре В. И. Даля: «Океанъ м. в сказк. и заговор. *окіанъ, кіанъ*; всемірне море; солоногорькія воды, окружающія весь материкъ земной, сушу, и занимающія болѣе двухъ третей земной поверхности»⁶. Наличие данной формы слова в словаре русского языка свидетельствует о ее первичности. Как совершенно верно замечает А. А. Абрашкин, в русском языке при добавлении к существительным или глаголам приставки *о-* их смысл существенно не меняется. Например, *о-круг, о-крик, о-город* или *о-дарить, о-судить, о-печалить* [Абрашкин 2017].

В этимологических и толковых словарях русского языка (см. словари М. Фасмера⁷, Г. А. Крылова⁸, Д. Н. Ушакова⁹) утверждается, что слово *океан* является древнерусским заимствованием из греческого языка, где *okeanos* (*οκεανός*) первоначально – имя собственное в мифологии (Океан – древнейший бог водной стихии, величайшей мировой реки, окружающей землю), а потом – всемирное море, океан. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона повествует, что, согласно Гезиодовской теогонии, Океан был титаном, сыном Урана (бога неба) и Геи (богини земли). Он породил три тысячи дочерей – океанид и столько же сыновей – речных потоков. «Оставаясь в сказаниях родоначальником водных божеств, Океан не смог создать себе культа в силу неясного и общего характера своего облика, и был забыт в позднейшей мифологии, уступив место Посейдону»¹⁰. Такая «неясность и общий характер облика» божества, на наш взгляд, объясняется только тем, что это божество было чуждо грекам, принесено извне и сохранено языковой памятью другого, более древнего народа.

В иерархии славянских богов есть могущественный бог воды, рожденный отцом Небом и Матерью Сырой Землей. Собирателями русского фольклора записан целый ряд былин, сказаний, сказок, в которых повелитель водной стихии именуется Киян-морем, Морским или Поддонным Царем или Чудом-Юдом морским. По мнению собирателей и исследователей русского фольклора, этот могучий бог властвовал изначально не только в морских глубинах, но и в бездонной синеве неба, а, постарев, ушел в морскую

глубь [Коринфский 1995: 68]. О том, что в народном миропонимании океан-море означает пространство над землей, говорит обстановка, в которой это выражение употребляется: *Посреди океан-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель со снегами* [Афанасьев 2021: 73–74]. Представление неба океаном присутствует в мифологиях и религиях разных народов, живущих за тысячи километров друг от друга, что говорит о его древности.

Например, у египтян небо – это безбрежное море, по которому солнце Ра свой дневной путь проплывает в ладье, а вечером у западных гор пересаживается на ночную ладью и продолжает движение уже по подземному Нилу, чтобы утром вновь выплыть на востоке. Перед нами картина мира: мировые воды вокруг земли, под землей и на небе. А древние шумеры представляли вселенную, главными частями которой считались небо и земля в окружении безбрежного мирового океана, не имеющего начала и конца. Шумеры так и называли ее *ан-ки* или *эн-ки* – небо-земля [Евсюков 1988]. В шумерско-аккадской мифологии Энки – это также имя одного из верховных богов, хозяина мирового океана, живущего в морской глубине. Он – носитель мудрости, культуры и хранитель основ цивилизации [Крамер 1977].

Случаен ли набор слогов (*ан-ки – ки-ан*)? Уместно предположить, что эти слоги обозначали союз земли и неба в некогда едином праязыке. Союз этот мог осуществляться только через такую всеобъемлющую субстанцию, как вода. Особенно интересно значение корня *ки*. В воссоздаваемом лингвистами словаре праиндоевропейского языка корень *ки* имеет два значения: первое – ‘сильный, могущественный’, второе – ‘быстрое движение»¹¹. Но думается, что этот корень уходит в такую старину, когда границы между индоевропейскими и неиндоевропейскими языками были более чем размыты. Так, в японском варианте *ки* (иногда *кэ*), в китайском *ци* – одна из основных категорий восточной философии, которая «выражает идею фундаментальной, континуальной, динамической, пространственно-временной,

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: О-во люб-й рос. словес-и, учр. при Имп. Моск. ун-те, 1865. Ч. 2. С. 1240.

⁷ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer/океан> (дата обращения: 27.05.2023).

⁸ Этимологический словарь русского языка, сост. Г. А. Крылов. СПб.: Victory, cop. 2017. 428 с.

⁹ Толковый словарь русского языка, ред. Д. Н. Ушаков. М.: Сов. Энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

¹⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/Океан> (дата обращения: 27.05.2023).

¹¹ Словари праязыков. URL: <https://www.lexicons.ru/proto/index.html> (дата обращения: 15.06.2023).

духовно-материальной и витально-энергетической субстанции» [Кобзев 2006: 549], лежащей в основе устройства Вселенной, где всё существует благодаря ее видоизменениям и движению. На космологическом уровне в китайской философии *ци* представляется первовеществом, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой хаосом [Кобзев 2006]. В китайских трактатах движение *ци* уподобляется движению по кругу без начала и конца. В человеческом организме оно связано с движением крови, в масштабах планеты – с водой. В масштабах вселенной *ки* (*ци*) – это энергия, способная проявлять силу вовне, или энергетическое состояние чего-либо живого. Древние видели в ней энергию животворящего духа, мужского начала, активного принципа.

В русской языковой картине мира вода тоже представляется живой. В сказочной передаче былины о Василье Буслаевиче вода есть живая бесформенная субстанция, наделенная биоморфными признаками – глазами, умом, душой и умением говорить: *Плыл как-то Василий Буслаевич через море к зелёным лужкам. Видит, лежит впереди Морская Пучина – Кругом Глаза. Начал Василий вокруг Морской Пучины похаживать, сафьян-сапожком её попинывать. Посмотрела на богатыря новгородского Морская Пучина – Кругом Глаза: «Не пинай меня, – говорит, – не то сам тут будешь!»*¹². Человек олицетворяет воду, наделяет ее способностью менять свой облик, превращаться в антропоморфное или зооморфное божество. В сказке «Про Киянь-море» Киянь-море – это водяной царь, он *лих, рбзлх*, из воды появляется (*Шел с низу человек, двадцать лет дома не был, в припадку стал пить; Киянь-море его за бороду взял: «Отдай, говорит, что дома не знаешь»*), водой растекается (*Стал Киянь опять воду пить, да брюхо его и лопнуло*)¹³. В русских фольклорных текстах Океан-море зовется отцом (реже матерью) всех морей и рек: *Акиян-море – всем морям отец. Почему он всем морям отец? Потому он всем морям отец, – Все моря из него выпали, И все реки ему покорились*¹⁴.

В творчестве Б. В. Шергина Океан – грозный, но мудрый и справедливый вершитель судеб, праведный судья. Поморы твердо верили, что море-океан

не принимает нерадивых, ленивых или корыстных. Отправляться в морское путешествие можно было лишь с чистой душой и светлыми помыслами, в противном случае человек рисковал не вернуться на большую землю, быть погребенным морской пучиной. Так, Б. В. Шергин изображает повелителя морских волн, узнавшего о предательстве брата братом ради любви девушки, в страшном гневе: *«Батюшко Океан, Студеное море! Сам и ныне рассуди меня с братом!» Будто гром сгрел Океан в ответ Гореславу. Гнев учинил в море. Седой непомерный вал взвился над лодьей, подхватил Лихослава и унес его в бездну* (Гнев). Океан – это также учитель и воспитатель для человека. Б. В. Шергин называет его строителем человеческой души и упоминает о существовании векового неписаного морского устава для мореходов, только соблюдая который можно выжить в суровых условиях Северной Земли: *Все мы, мореходы, связаны и все живем такую круговую помощью. Это вековой морской устав!* (Егор увеселяется морем). Океан представляется и седым старцем, который любит развлекаться игрой на музыкальных инструментах и петь, вызывая тем самым штормы в море: *В непогодушку старик океан в тысячу труб трубит и кипит валами* (Мурманские зуйки); *А седой океан будто пуще загремит, затрубит, подпевать человеку приметя. Кто это видал да слышал, не забудет* (Мурманские зуйки). Пристрастие Морского Царя к красивой музыке известно и по былине о новгородском гусяре Садко.

Таким образом, океан – это живая вода. Физики утверждают, что наряду с гравитацией в нашей Вселенной существует один вид энергии – электромагнитная, хорошим накопителем и проводником которой является вода. «Океан представляет собой огромный аккумулятор солнечного тепла и влаги. Благодаря ему на Земле сглаживаются резкие колебания температуры и увлажняются отдаленные районы суши, что создает благоприятные условия для развития жизни»¹⁵. Бесспорно, воды мирового океана стали тем местом, а электромагнитная энергия – той силой, благодаря которым всё живое на земле зародилось и получило возможность существовать и развиваться.

¹² Опрометчивый богатырь. URL: https://ruhistor.ru/culture_fol_pred12_019.html (дата обращения: 14.06.2023).

¹³ Про Киянь-море. Сказки и легенды пушкинских мест: Записи на местах, наблюдения и исслед. В. И. Чернышева. Литературные памятники. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. URL: [https://ru.wikisource.org/wiki/Сказки_и_легенды_пушкинских_мест_\(Чернышёв\)/Про_Киянь-море](https://ru.wikisource.org/wiki/Сказки_и_легенды_пушкинских_мест_(Чернышёв)/Про_Киянь-море) (дата обращения: 14.06.2023).

¹⁴ Голубина книга сорока пядень. Древние Российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е дополн. изд. М.: Наука, 1977. 488 с. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Древние_Российские_стихотворения,_собранные_Киршею_Даниловым/Голубина_книга_сорока_пядень (дата обращения: 15.06.2023).

¹⁵ Большая советская энциклопедия. URL: <https://bse.slovaronline.com/24873-ОКЕАН> (дата обращения: 16.06.2023).

Море

В энергии *кияна* видится мужское начало, а морская вода во всех мифологиях мира ассоциируется с женской ипостасью (*Какая мать своих дочерей сосет?* – спрашивает о старинная загадка) и связывается не только с бытийным модусом рождения, но и с модусом смерти. Лексема *смерть* этимологически соотносится с лексемой *море*. Древняя основа *мор-* / *мар-* / *мер-* уходит корнями в праиндоевропейский язык. Свидетельством тому является ее широкая распространенность во многих индоевропейских языках в двух значениях:

1. Наименование водоемов (чаще со стоячей водой) и природных явлений, связанных с водой: в ряде русских говоров *море* – озеро, *мара* – туман, *моряна* – холодный и резкий ветер, дующий в направлении с моря на сушу, *марев* – мираж в насыщенном парами воздухе, *морось* – мелкий дождь, *мороз* – холод, *мерзлота* – цементированные льдом мерзлые грунты, н.-луж. *mgoz* – иней, укр. *хмара* – туча, слав. *morje* – море, укр. диал. *мороква* – болото, др.-исл. *marr*, др.-англ. *tere* – море, озеро, нем. *Meer* – море, *Moor* – болото, арм. *tawr* – болото и т.д.

2. Смерть и связанные с ней понятия: в серб., макед. *смрт*, хорв., босн. *smrt*, болг. *смърт*, итал. *morte*, лит. *mirtis* и т.д.; рус. *мор* – повальная болезнь, *уморить* – умертвить; курск., сужд. *мары* – носилки, на которых носят хоронить мертвых, *мрак* – тьма; *мар* – сон, *кимарить* – дремать; *мара* – призрак, *морочить* – обманывать, *мерещиться* – казаться, польск. *mora*, *mara* – кошмар – тягостное, гнетущее сновидение, сопровождающееся ощущением удушья, *mara*, *zmora* – ходячий покойник, укр. *мора* – нечистый дух, болг. *мора* – ночной кошмар, с.-хорв. *мора* – домовый, кошмар, нем. *die Mare* – природный дух, который может являться людям в виде ночных кошмаров, а также *Морена* (другие имена *Марена*, *Морана*, *Моряна*, *Морея*, *Маруха*, *Марушка*, *Мора*, *Мара*, *Маара*, *Моржана*) – языческая богиня, мрачная повелительница ночи, зимы, болезни и смерти, которая обитает за рекой *Смородиной*, отделяющей мир живых от мира мертвых, в мрачном мерзлом мире.

С. А. Кошарная полагает, что индоевропейский корень *mor-* может быть рассмотрен как синкрета «вода» + «смерть», а лексема *море* могла обозначать смерть как локус (ср. слово *смерть* (др.-рус. *смьртъ*) с приставкой присоединения (*съ-*), отражающее

в протозначении присоединение к области нахождения мертвых) [Кошарная 2008: 20]. В этой связи вспоминаются многочисленные мифологические сказания (в том числе и библейское) о всемирном потопе, получившие широкое распространение по всему земному шару. Данные современной геологии, подтвержденные космическими снимками поверхности земного шара, доказывают, что наша планета в далеком прошлом пережила не одну великую катастрофу, связанную с затоплением огромных участков суши массами океанских вод. Согласно результатам исследований российских географов, геологов, гляциологов М. Г. Гросвальда, В. П. Полеванова и др., последняя такая катастрофа произошла приблизительно 7,6 тысяч лет назад в Ледниковый период, в результате чего были затоплены северные районы Восточной Европы и Западносибирская равнина, на их месте образовались два огромных водных бассейна – Русское море и Евразийский океан¹⁶. Вода принесла смерть людям и всему живому. Прямые указания на произошедшую катастрофу содержатся в гимнах «Ригведы», обращенных к богу Индре: *Ты [Индра] заставил шуметь реки, (раскачал) громко скрипящие деревья, Как людям не сгрудиться вместе от страха? (I, 54) Ведь это он [Индра], жаждущий славы, возросший силой, Уничтожающий искусственные поселения на земле, Создающий надежные светила для жертвователя, С замечательной силой духа, выпустил воды, чтобы они текли (I, 55)*¹⁷.

Те, кому удалось выжить, воспринимали случившееся как мор. Вода, уничтожившая целую цивилизацию, вероятно, стала называться морем. Вода разделила мир на до и после (отсюда слово *допотопный*), на царство живых и царство мертвых. В мифологиях многих народов существует сюжет преодоления человеком водной преграды с целью достижения после смерти царства мертвых. В мифах древних шумеров, египтян, греков, славян умерших встречает лодочник, чтобы перевезти их через реку на лодке в иной мир. У народов Африки, Юго-Восточной Азии, Северной Америки, Сибири, Урала, Балтики лодка фигурирует в похоронной обрядности: в ней покойника хоронили, сжигали на погребальном костре или отправляли вплавь по течению реки.

В плачах северорусских поморов, которые органично вплетает в тексты сказов Б. В. Шергин, метафорой смерти является отправление за море корабля:

¹⁶ Полеванов В. П. Всемирные потопаы Евразии. *Вертикаль. XXI век. Литературно-художественный журнал*. Н. Новгород: Вертикаль. XXI век, 2011. Вып. 32. С. 82–85.

¹⁷ Ригведа. Мандала I. Перевод Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1989. С. 64, 65.

*Увы, увы, дитяtko,
Поморский сын:
Белопарусный кораблик ушел за море,
Улетела чаица за синее (Двинская земля).*

По мнению В. М. Мокиенко, древнейшая мифологическая концептуализация морского пути как дороги на тот свет может быть связана со славянским мифонимом *Навь* (первоначально – божество смерти древних славян; ср. в др.-рус.: навь, навьи – умершие предки, покойники, мертвецы, др.-греч. *ναῶ* – плыву, *naútēs* – пловец, *nautilus* – моряк, лат. *navis* – корабль), т. к. славянский *Навь* обеспечивал переправу усопших в иной мир [Мокиенко 1990: 104–105]. Ассоциация морского плавания со смертью стала причиной возникновения поморского обычая брать с собой в море смертную одежду, о котором пишет Б. В. Шергин: *Снял наш юрочицк шапку и выговорил: «Брат, племянник!.. Смерточка пришла!» Подает из сумки сверток. Развертываем. У каждого рубаха смертная долгая, саван с кукулем, венец на голову, лестовка полотняная (В отнесе морском).*

В творчестве Б. В. Шергина находим сохранившееся у поморов представление о некоей белой северной земле, к которой плывут души умерших: *Мы с тобой поплывем в светлый путь, в Гусиную белую землю, где вкушают покой души добрых и храбрых. Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми (Любовь сильнее смерти).* Потусторонний мир, где обитают души предков, окружен водой или погружен в воду, и чтобы попасть туда, нужно совершить путешествие через водное пространство, которое мыслится магической границей между жизнью, смертью и бессмертием.

Восприятие моря как места погребения в творчестве Б. В. Шергина подтверждается сравнением льдин с гробами: *Море увидел: белое такое... Лёд, сколько глазам достать, всё лёд. Льдины – что гробы белые (Новая земля).* Думается, что лексема *гроб* изначально и обозначала то плавательное средство, на котором человек отправлялся в свой последний путь. Во-первых, гроб имеет форму лодки-плоскодонки, а во-вторых, чередование корня *гроб-* / *греб-* явно указывает на способ плавания на веслах (*гребля, гребец*). В контексте концептуальной параллели *море – путь в иной мир* возникает синонимичный ряд символов *лодка – корабль – гроб*, связанных с морем не как частью мирового океана, а как царством мертвых. Умереть – не значит исчезнуть совсем, а лишь перейти в иную форму существования.

Море-океан

В произведениях Б. В. Шергина концепт *море-океан* приобретает некоторые особенные когнитивные признаки.

Во-первых, он преобразуется в дуальный художественный концепт, ядра которого образуют, по терминологии Э. В. Кузнецовой, эквиполентную оппозицию [Кузнецова 1989: 46]. Такая оппозиция связывает слова, в которых кроме общего значения имеются специфические компоненты, по которым они противопоставляются друг другу. Схематически эта оппозиция может быть выражены формулой АБГ – АВД, где элемент А – общее значение, а элементы Б / В, Г / Д – специфические компоненты, которыми ядра концепта различаются. Специфические компоненты представляют собой знаковый комплекс для описания мира путем двоичных смысловых противопоставлений – бинарных оппозиций, что свойственно мифопоэтической картине мира. Таким образом, концепт приобретает свойства фольклорных парных образований, семантика которых, по утверждению А. Т. Хроленко, шире их разговорно-бытового «номинала», поэтому семантический объем распространенных в народном творчестве ассоциативных сочетаний больше суммы значений каждого компонента [Хроленко 1992]. Такая взаимодополняемость двух разных понятий обеспечивает целостность концептуального союза и несводимость его значения ни к одному из значений составляющих его ядер. Море-океан – это и не море, и не океан, это нечто не похожее ни на одно из них и вместе с тем совмещающее в себе черты каждого из них. Общей семой обоих ядер концепта является *водное пространство*. Набор специфических компонентов концепта с демонстрирующими их примерами представлен в таблице.

Анализ семантики исследуемого дуального концепта дает основание сопоставить его с алогичными конструкциями в устнопоэтическом слове, где компоненты организованы по принципу антиномий. Многокомпонентность и внутренняя антиномичность значений ведут к смысловой неопределенности слова, повышающей его информативность. Неопределенность семантики создает, по терминологии А. Т. Хроленко, *стереоскопичность* изображения, обуславливает тенденцию к парности и, как следствие, появление своеобразного параллелизма внутри слова [Хроленко 1992]. Индивидуально-авторское мировоззрение Б. В. Шергина репрезентирует концепт через множество противоположных компонентов оппозиции, которые мыслятся не просто как антагонисты,

Табл. Набор специфических компонентов эквивалентной оппозиции *море-океан* в творчестве Б. В. Шергина
 Tab. Components of the equipolent opposition *sea-ocean* in B. V. Shergin's short stories

Специфические компоненты	Примеры
Жизнь / смерть	<ul style="list-style-type: none"> • <i>А в нашей стране – вода начало и вода конец. Воды рождают и воды погребают</i> (Двинская земля)
Свет / тьма	<ul style="list-style-type: none"> • <i>От Студеного океана на полдень развеличилось Белое море, наш Светлый Гандвиг</i> (Двинская земля) • <i>Угрюмо Студеное море – седой океан</i> (Новая земля)
Постоянство / изменчивость	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Я знаю Студеное море, как любой человек знает свой дом. Ты идешь в темной комнате, знаешь, где скрипит половица, где порог, где косяк. Я судно в тумане веду. Не стукну о камень, не задену о коргу</i> (Егор увеселяется морем) • <i>Море – измена лютая</i> (В отнoсе морском)
Созидание / разрушение	<ul style="list-style-type: none"> • <i>О, море! Души моей строитель!</i> (Егор увеселяется морем) • <i>А потом придет весть страшна и грозна: «Одна бортовина с другой не осталась... А сына вашего вода взяла»</i> (Двинская земля)
Свой / чужой	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Высоко-высоко небо синее, Широко-широко океан-море, А мхи-болота – и конца не знай От нашей Двины, от архангельской...</i> (Двинская земля) • <i>Были три брата, три американа, и сидели они за морем. За морем прок потеряли, только хитрость одна</i> (Пронька Грязной)
Счастье / беда	<ul style="list-style-type: none"> • <i>В море простор, ширь, свет, счастье в море!</i> (Мурманские зуйки) • <i>Мы помогли тебе и этим крепко обязали тебя помочь нам, когда мы окажемся в морской беде</i> (Круговая помощь)
Радость / горе	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Когда в море выбежали, на волю, на ветер да на простор, радость Саньке припала</i> (Детство в Архангельске) • <i>О, коль тяжко и горько, печали и тоски несказанно исполнено человеку водою конец принимать</i> (Двинская земля)
Милость / гнев	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Проматерь морская – попутная поветерь была до Кирика милостива</i> (Любовь сильнее смерти) • <i>Будто гром, сгрелел Океан в ответ Гореславу. Гнев учинил в море. Седой непомерный вал взвился над лодьей, подхватил Лихослава и унес его в бездну</i> (Гнев)
Приятие / отторжение	<ul style="list-style-type: none"> • <i>В летнюю пору, когда солнце светит в полночь и в полдень, жить у моря светло и любо</i> (Двинская земля) • <i>Тошно в море – земля и небо стонут</i> (Мурманские зуйки)
Белое / черное	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Вал черный, гребень белый – кружево белое на черном бархате</i> (Мурманские зуйки)

а как теснейшим образом связанные между собой явления, дополняющие друг друга. Все эти компоненты – жизнь / смерть, свет / тьма, созидание / разрушение – лишь разные стороны единого круговорота бытия. Наблюдаем единое для мировой мифологии представление, связанное с космическим символизмом воды: образовавшись из этой первичной праматери, космос (на разных уровнях своего существования, в том числе и как человек), отжив свой век, гибнет, вновь в нее обращаясь. Соединение в мифологии воды мотивов рождения с мотивами смерти закодировано и в русском фольклоре в мифологемах *живая вода* и *мертвая вода*, имеющих широкую смысловую

палитру. Как отмечает Н. Ф. Алефиренко, в самых различных мифологемных фраземах вода тоже считается первоначалом, исходным состоянием всего сущего, эквивалентом первобытного хаоса (*пройти сквозь огонь и воду*). В большинстве паремий мифологического происхождения встречаются мотив поднятия мира со дна первичного океана (*выводить на чистую воду*), мотив акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте (этот аспект мифологемы воды удержан в христианской символике крещения). В то же время водная бездна – репрезентант опасности или когнитивная метафора смерти (*как в воду кануть, концы в воду*) [Алефиренко 2013].

Во-вторых, в произведениях Б. В. Шергина присутствует биоморфный код в актуализации концепта *море-океан*. Устами архангельских поморов писатель говорит, что вода живет, дышит, любит: *Вода в море и в реках не стоит без перемены, но живет в сутках две воды – большая и малая, или «полая» и «кроткая». Эти две воды – дыхание моря. Человек дышит скоро и часто, а море велико: пока раз вздохнет, много часов пройдет. Над водами прошумит слышно. Мы говорим: «Море вздохнуло» (Двинская земля). Среди моряков бытует поверье, что настоящим моряком может стать лишь тот, кого вода любит: С малых лет повадимся по пароходам и отступить не можем, кого море полюбит. А не залюбит море, бьет человека да укачивает...* (Двинская земля).

Преобладает антропоморфный код актуализации концепта. Как уже указывалось, океан именуется отцом-батюшкой, седым старцем, грозным, справедливым судьей, учителем, строителем человеческих душ, музыкантом и певцом. Реже концепт *море-океан* актуализируется посредством зооморфного кода. Б. В. Шергин использует известный в мировой мифологии и в литературе образ коней для изображения океанских или морских волн. В древности это животное с блестящим телом, плавными движениями и развевающейся гривой представляли волшебным конем бога или самим богом солнца, моря или ветра. Древнегреческий Посейдон изображался в образе белого коня, что перекликается с древнеримскими и североевропейскими мифами о морских лошадях (гиппокампусах), у которых голова, передняя часть туловища и передние ноги – коня, а задняя часть – рыбы или дельфина. Довольно широко представлены морские кони в помпейской живописи. Они везут колесницу Нептуна. Когда на море начинается шторм, ирландцы называют волны белыми конями Мананнана мак Лира – владыки моря, бога-покровителя мореплавателей в ранней ирландской мифологии. В русских сказках Морской царь иногда является в виде необузданного жеребца, которого должен укротить богатырь.

Специфика космогонической символики коня связана с цветом его масти. Белый и золотой (медный) цвет – символ солнечного света, жизни и духовного просветления. Черный цвет – символ смерти, тайн потустороннего мира (конь – проводник в иной мир) [Орел 2013: 171–178]. У Б. В. Шергина умеренной высоты волны – серого цвета с белыми гривами, они не опасны для опытных мореходов, наоборот, ускоряют ход корабля: *Волны с белыми гребнями, будто серые кони бегут с белыми гривами* (Миша Ласкин).

А вот девятый вал в Ледовитом океане имеет образ вороных коней с седыми гривами и представляет угрозу для жизни моряков: *Как кони вороные с седыми гривами, валы летят по океану* (Мурманские зуйки). Таким образом, кони олицетворяют силу ветра, бури, волн и текущей воды и являются символом непрерывности бытия.

Еще один зооморфный образ, который Б. В. Шергин использует для концептуализации закованной во льды Арктики, – это хозяин Северной земли и Ледовитого океана белый медведь (ушкуй), который в языческой мифологии северных народов (русского Севера, Сибири, Финляндии) был таинственным и светлым богом ветра и солнечного восхода. Его считают творцом, который учит человека мудрости Вселенной [Орел 2013: 180]. По поверьям северных народов, пока жив белый медведь, будет существовать и привычный для людей мир, они будут помнить свой язык, обычаи и нравственные устои. Эвенки, ненцы извинялись перед убитым ушкуем, кланялись ему как хозяину Новой Земли и моря. Даже духа зверя боялись и старались его не гневить.

Б. В. Шергин описывает случай из жизни грумаланов – русских зверобоев, промышлявших на Груманте (Шпицбергене) и зимовавших там. Двое из них не захотели подчиняться старосте и соблюдать жесткую дисциплину, установленную в артели. Захотелось им жить *по своим волям и есть-спать без меры*. За послушание привиделся им *грумаланский страх: Мы обувь шьем, сзади кто-то дышит-пышет. Оглянулись – медведище белый с нар заподымался. Зубами скалит, глаза как свечки светят...* (Груманти-медведь). На что услышали объяснение старосты: *Сам Грумант-батюшка вас на ум наводит. Он не любит, чтобы люди порознь жили. Вы устав нарушили, Грумант вас за это пострадал* (Груманти-медведь). Так, суровая северная природа не терпит слабого, безвольного человека, наказывает его за послушание и невыполнение правил общежития.

Заключение

Парный концепт *море-океан*, являясь ключевым для творчества Б. В. Шергина и будучи преобразованным в его сознании, приобретает в произведениях писателя дополнительные оттенки и становится дуальным художественным концептом. Это выражается в номинативном поле концепта, где присутствуют признаки, образующие эквиполентную оппозицию. Данная оппозиция связывает ядра концепта как общей семьей *водное пространство*, так и противоположными семами *жизнь / смерть, свет / тьма, постоянство /*

изменчивость, созидание / разрушение, свой / чужой, счастье / беда, радость / горе, милость / гнев, приятие / отторжение, белое / черное. Но противоположные семы не являются взаимоисключающими антагонистами, это связанные между собой, дополняющие друг друга явления: смерть – начало новой жизни; разрушение есть оборотная сторона созидания; черное и белое – не просто цвета, это философия жизни.

Как показало исследование, противоположный смысл концепта заложен уже в этимологии его ядерных лексем *океан* и *море*: первая имеет значение живой воды, вторая – мертвой. Именно Океан-море в мифологическом сознании есть Вселенная, т. е. вода – это ступок всего, что есть Мир с его борьбой противоположностей. Вселенная и человек (согласно мифам, они едины и целиком повторяют друг друга) возникают, гибнут и вновь возрождаются из вечных, вездесущих мировых вод.

Актуализация образных признаков концепта *море-океан* как живого существа происходит в творчестве Б. В. Шергина посредством антропоморфного и зооморфного кодов. Лексико-семантическое поле *человек* представлено лексемами *батюшка, седой старик, водяной царь, справедливый судья, учитель,*

строитель души, музыкант, певец и др. Лексико-семантическое поле *животное* ограничено лексемами *конь* и *белый медведь*. Эти животные – символы грозной водной стихии, являясь воплощением силы, выносливости и стойкости, требуют от человека таких же качеств характера и учат соблюдать морально-нравственные устои общества.

Несмотря на авторское своеобразие актуализации, дуальный художественный концепт *море-океан* отражает глубокие древние космогонические знания и мифологическое миропонимание всего народа, населяющего русский Север. Он придает литературным произведениям Б. В. Шергина устойчивый колорит народной поэзии, т. к. несет в себе ассоциацию с той или иной совокупностью фольклорных образов и ситуаций.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Абрашкин А. А. Прародина русской души. М.: Яуза, 2017. 316 с. [Abrashkin A. A. *Homeland of the Russian soul*. Moscow: Iauza, 2017, 316. (In Russ.)]
- Алефиренко Н. Ф. Концепт «вода» как фразеологический фактор. *Вода в славянской фразеологии и паремииологии*, науч. ред. А. Золтан, О. Федосов, С. Янурик. Будапешт: Тинта, 2013. Т. 2. С. 110–116. [Alefirenko N. F. The concept of water as a phraseme-forming factor. *Water in Slavonic phraseology and paremiology*, eds. Zoltán A., Fedosov O., Yanurik S. Budapest: Tinta, 2013, vol. 2, 110–116. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wixnvr>
- Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово. *Русская словесность: от теории к структуре текста: антология*, ред. В. П. Нерознак. М.: Academia, 1997. С. 267–279. [Askoldov-Alekseev S. A. Concept and word. *Russian literature: from theory to text structure: an anthology*, ed. Neroznak V. P. Moscow: Academia, 1997, 267–279. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xqsuzl>
- Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. 4-е изд. М.: Акад. проект, 2021. Т. II. 462 с. [Afanasev A. N. *Poetic views of the Slavs on nature: a comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other related peoples*. 4th ed. Moscow: Akad. projekt, 2021, vol. II, 462. (In Russ.)]
- Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1998. 330 с. [Babushkin A. P. *Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language, as well as their personal and national specifics*. Dr. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 1998, 330. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nllgxz>
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. слов., 1996. 411 с. [Wierzbicka A. *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Rus. slov., 1996, 411. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjsrrn>

- Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–72. [Vorkachev S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept: The formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Filologicheskie nauki*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbannv>
- Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с. [Vorkachev S. G. *Happiness as a linguistic concept*. Moscow: Gnosis, 2004, 236. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrbauz>
- Даниленко И. А. Авторские двуядерные художественные концепты. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2020. № 2. С. 64–72. [Danilenko I. A. Author's binuclear artistic concepts. *Teoriia iazyka i mezhkulturnaia kommunikatsiia*, 2020, (2): 64–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/eiktuv>
- Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1988. 175 с. [Evsyukov V. V. *Myths about the universe*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-e, 1988, 175. (In Russ.)]
- Ильина Е. В. Объективация концепта «Белое море» в языковой картине мира поморов (на материале лексикографического дискурса). *Наука, техника и образование*. 2014. № 3. С. 88–90. [Ilyina E. V. Objectification of the White sea concept in the language picture of the Pomor world: lexicographic discourse. *Nauka, tekhnika i obrazovanie*, 2014, (3): 88–90. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/snypenf>
- Кобзев А. И. Ци – пневма. *Духовная культура Китая. Т. 1. Философия*, ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2006. С. 549–551. [Kobzev A. I. Tsi and pneuma. *Spiritual culture of China. Vol. 1. Philosophy*, eds. Titarenko M. L., Kobzev A. I., Lukyanov A. E. Moscow: Vost. lit., 2006, 549–551. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qpdtht>
- Комкова Н. И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б. В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021. 217 с. [Komkova N. I. *Lexical and phraseological space of B. V. Shergin's prose*: Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2021, 217. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sbkcli>
- Комкова Н. И. Локальный концепт море в прозе Б. В. Шергина: особенности репрезентации. *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 3. С. 376–380. [Komkova N. I. The local concept sea in the prose Boris Shergin: Features of representation. *Cognitive studies of language*, 2020, (3): 376–380. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tnzyrx>
- Коринфский А. А. Синее море. In: Коринфский А. А. *Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа*. Смоленск: Русич, 1995. С. 67–82. [Korinfskiy A. A. Blue Sea. In: Korinfskiy A. A. *Folk Russia. A year of legends, beliefs, customs, and proverbs by the Russian people*. Smolensk: Rusich, 1995, 67–82. (In Russ.)]
- Кошарная С. А. «Море» в русской мифологической картине мира. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 15. С. 19–23. [Kosharnaya S. A. "Sea" in the Russian mythological world picture. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, 2008, (15): 19–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/orhegl>
- Крамер С. Н. Мифология Шумера и Аккада. *Мифологии Древнего мира*, отв. ред. В. А. Якобсон. М.: Наука, 1977. С. 122–160. [Kramer S. N. Mythology of Schumer and Akkad. *Mythologies of the Ancient World*, ed. Jakobson V. A. Moscow: Nauka, 1977, 122–160. (In Russ.)]
- Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с. [Krasnykh V. V. *Virtual reality or real virtuality? Man. Consciousness. Communication*. Moscow: Dialog-MGU, 1998, 352. (In Russ.)]
- Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 216 с. [Kuznetsova E. V. *Lexicology of the Russian language*. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 216. (In Russ.)]
- Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. 3-е изд., перераб. и доп. Мн.: ТетраСистемс, 2008. 272 с. [Maslova V. A. *Cognitive linguistics*. 3rd ed. Minsk: TetraSistems, 2008, 272. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uciezf>
- Милейко Е. В., Рус-Брюшинина И. В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11-3. С. 128–130. [Mileiko E. V., Rus-Bryushinina I. V. Artistic concept as an object of linguistic research. *Philology. Theory & Practice*, 2016, (11-3): 128–130. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xyaspj>
- Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М.: Высш. шк., 1990. 160 с. [Mokienko V. M. *Riddles of Russian phraseology*. Moscow: Vyssh. shk., 1990, 160. (In Russ.)]

- Морозова О. Е. Картина мира Б. В. Шергина (на материале сравнений). *Русский язык в школе*. 2020. Т. 81. № 1. С. 67–72. [Morozova O. E. The world view of B. V. Shergin (on basis of the material of comparisons). *Russian Language at School*, 2020, 81(1): 67–72. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-67-72>
- Огнева Е. А. Лингвокультурологический аспект идиостиля писателя: моделирование и интерпретация. *Лексикография и коммуникация – 2017: III Междунар. науч. конф.* (Белгород, 27–28 апреля 2017 г.) Белгород: ИД «Белгород», 2017. С. 195–200. [Ogneva E. A. Linguo-cultural aspect of writer's stile: modeling and interpreting. *Lexicography and communication – 2017: Proc. III Intern. Sci. Conf.*, Belgorod, 27–28 Apr 2017. Belgorod: ID "Belgorod", 2017, 195–200. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yptkba>
- Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. 592 с. [Orel V. E. *Culture, symbols, and wildlife*. Kharkov: Gumanitarnyi Tsent, 2013, 592. (In Russ.)]
- Пименова М. В. Концептуальные исследования и национальная ментальность. *Гуманитарный вектор*. 2011. № 4. С. 126–132. [Pimenova M. V. Conceptual investigations and national mentality. *Humanitarian Vector*, 2011, (4): 126–132. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/okjbcx>
- Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2013. № 2-2. С. 127–131. [Pimenova M. V. The types of concepts and the stages of conceptual structure analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, (2-2): 127–131. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qbrlib>
- Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с. [Popova Z. D., Sternin I. A. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST; Vostok-Zapad, 2007, 314. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rufsvd>
- Потапова О. Е. Вербальная репрезентация концепта. *Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира (на материале ЛСП «море»)*. Чебоксары: Среда, 2020. 164 с. [Potapova O. E. *Verbal representation of the concept. Lexical and semantic field sea as a fragment of the linguistic worldview*. Cheboksary: Sreda, 2020, 164. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/a-105>
- Рублева О. Л. К типологии концептов. *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12. № 9. С. 5–8. [Rubleva O. L. On typology of concepts. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2013, 12(9): 5–8. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rfkceb>
- Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград: Перемена, 2004. 339 с. [Slyshkin G. G. *Linguistic and cultural concepts and meta-concepts*. Volgograd: Peremena, 2004, 339. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qraav>
- Сидорова Т. А. Особенности когнитивного стиля Б. Шергина (на примере концептуализации образа моря). *Русский язык в школе*. 2020. Т. 81. № 1. С. 73–81. [Sidorova T. A. The features of B. Shergin's cognitive style (on the example of the conceptualization of the image of the sea). *Russian Language at School*, 2020, 81(1): 73–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2020-81-1-73-81>
- Тарасова И. А. Модель индивидуальной поэтической концептосферы: базовые единицы и когнитивные структуры. *Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей русского языка*. (Москва, 18–21 марта 2004 г.) М.: МГУ, 2004. С. 146–147. [Tarasova I. A. Model of the individual poetic conceptual sphere: basic units and cognitive structures. *Russian language: historical fates and modernity: II Intern. Congress of Researchers of russianists*, Moscow, 18–21 Mar 2004. Moscow: MSU, 2004, 146–147. (In Russ.)]
- Топорова В. М., Беляева Н. Л. Семантическая архитектура когнитивного блока «цена – плата – расплата». *Лингвоконцептология*, ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. Вып. 1. С. 174–181. [Toporova V. M., Belyaeva N. L. Semantic architectonics of the cognitive block price – fee – payback. *Linguistic conceptology*, ed. Sternin I. A. Voronezh: Istoki, 2008, iss. 1, 174–181. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uhhtdn>
- Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова. Воронеж: ВГУ, 1992. 139 с. [Khrolenko A. T. *The semantics of the folklore word*. Voronezh: VSU, 1992, 139. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tgwjnw>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/idkiyj>

Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи *Tucker Carlson Tonight*

Бурмакова Елена Анатольевна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

Томский государственный педагогический университет, Россия, Томск

<https://orcid.org/0000-0002-5754-8179>

bea83@list.ru

Полякова Наталья Владимировна

Томский государственный педагогический университет, Россия, Томск

Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Россия, Томск

<https://orcid.org/0000-0001-8890-2428>

Scopus Author ID: 56703663700

Аннотация: Изучение речеповеденческой стратегии дискредитации для возможности оказания сопротивления манипулятивному воздействию и формам информационной агрессии, оказываемым на сознание массового адресата и присущим современным средствам массовой информации, актуально в свете их очевидного роста влияния на политическую жизнь общества. В статье проанализированы комбинированные тактики дискредитации, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена, на материале политической передачи *Tucker Carlson Tonight*. Объем корпуса составил 563 контекста. Цель – представить классификацию выявленных комбинированных тактик. Применены как общенаучные методы логики (анализ, индукция, сравнение, группировка) и методы статистического (количественного) анализа, так и частнонаучные (лингвистические) методы, из которых ведущим стал описательный метод. Репертуар тактик дискредитации Такера Карсона включает тактики обвинения, оскорбления, негативного прогнозирования, обманутого ожидания, иронии, поляризации и сопоставительную тактику. На основе выявленных случаев корреляции данных тактик разработана классификация комбинированных тактик дискредитации, включающая 5 групп исходя из количественного состава и 51 подгруппу исходя из набора комбинируемых тактик. Установлено, что первенство по количеству случаев реализации в составе комбинированных тактик принадлежит тактике обвинения (260 случаев; 60 % от корпуса). Наиболее репрезентативной выступает группа двухкомпонентных тактик (337; 60 %), а входящая в ее состав подгруппа *тактика иронии + тактика оскорбления* (45; 8 %) определена как наиболее частотная среди прочих подгрупп комбинированных тактик в диапазоне всех групп представленной классификации. На долю трехкомпонентной группы (19 подгрупп) приходится около 26 % (146 контекстов). Кроме того, зафиксирована одновременная реализация четырех тактик (76 контекстов; 12 %), представленная 10 подгруппами КТ. Отмечены единичные случаи корреляции пяти (2 контекста) и шести тактик (2 контекста). Результаты позволяют предполагать, что большее количество тактик, задействованных в реализации речеповеденческой стратегии дискредитации администрации Д. Байдена в пределах одного сообщения, способно оказывать усиленный дискредитирующий эффект и более интенсивное воздействие на целевую аудиторию.

Ключевые слова: речеповеденческая стратегия дискредитации, дискредитирующие тактики, комбинированные тактики, политическая медиажурналистика, английский язык

Цитирование: Бурмакова Е. А., Полякова Н. В. Комбинированные тактики, реализующие речеповеденческую стратегию дискредитации администрации Д. Байдена: на материале передачи *Tucker Carlson Tonight*. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 62–71. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-62-71>

Поступила в редакцию 29.05.2023. Принята после рецензирования 03.07.2023. Принята в печать 03.07.2023.

full article

Combined Tactics of Communication Strategy: Discrediting Biden's Administration in *Tucker Carlson Tonight*

Elena A. Burmakova

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

Tomsk State Pedagogical University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-5754-8179>

bea83@list.ru

Natalia V. Polyakova

Tomsk State Pedagogical University, Russia, Tomsk

National Research Tomsk Polytechnic University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0001-8890-2428>

Scopus Author ID: 56703663700

Abstract: The speech-behavioral strategy of discrediting is a manipulative form of information aggression exerted on the consciousness of the mass audience. Since it is inherent in modern media, it affects politics and society and thus needs to be resisted. The article introduces an analysis of combined discrediting tactics that implement the communication strategy of discrediting against the President Biden's administration. The corpus came from the Tucker Carlson Tonight show and included 563 contexts of combined discrediting tactics. Standard, statistical, and linguistic methods made it possible to classify the discrediting tactics into accusations, insults, negative predictions, deceived expectations, irony, polarization, and comparison. The resulting classification of combined tactics of discrediting included five quantitative groups and 51 content subgroups. The accusation tactics proved to be the most popular combined tactic (260 cases; 60 % of the corpus). Two-component tactics were the most representative (337; 60 %) whereas the subgroup of irony + insult was the most frequent in other subgroups (45; 8 %). Combined tactics had a more significant discrediting effect and a more intensive impact on the target audience.

Keywords: communication strategy of discrediting, discrediting tactics, combined tactics, political multimedia journalism, English language

Citation: Burmakova E. A., Polyakova N. V. Combined Tactics of Communication Strategy: Discrediting Biden's Administration in *Tucker Carlson Tonight*. *SibScript*, 2024, 26(1): 62–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-62-71>

Received 29 May 2023. Accepted after peer review 3 Jul 2023. Accepted for publication 3 Jul 2023.

Введение

На сегодняшний день возросла роль влияния средств массовой информации (СМИ) на политическую жизнь общества. Для СМИ стало нормой применять более агрессивные формы и способы речевого воздействия на сознание массового адресата с целью его идеологического подчинения [Озюменко 2017; Тихонова, Перова 2021; Larina et al. 2020; Media effects... 2002]. Дискредитация оппонентов, выраженная в виде эксплицитных компрометирующих сообщений, а также открытой неприязни и личной враждебности самого политического обозревателя, индуцирует образ врага, часто влияя на формирование политического выбора граждан. Для того чтобы иметь возможность оказать сопротивление и манипулятивному воздействию, и формам информационной агрессии, представляется необходимым изучение «природы и стратегий

ведения информационной войны» [Култышева, Вишнякова 2016: 80]. К таким стратегиям принадлежит и речеповеденческая стратегия дискредитации.

Дискредитация определяется как подрыв доверия к кому-либо, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-либо, чего-либо¹. В речи дискредитация выражается в виде оскорбления, упрека, обвинения, высмеивания, уничижительной критики, клеветы и т.д. Совокупность перечисленных и других агрессивных речевых действий, направленных на решение такой глобальной коммуникативной цели, как дискредитирование кого-либо, и представляет собой комплекс речевых тактик, конституирующих речеповеденческую стратегию дискредитации (РПС дискредитации).

РПС дискредитации находит свою реализацию в дискредитирующих тактиках, успешность которых

¹ Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой. URL: <https://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=240> (дата обращения: 09.03.2023).

обеспечивается путем решения локальных коммуникативных задач. Стратегия дискредитации имеет двунаправленный характер, ее действие нацелено, во-первых, непосредственно на объект дискредитации и его чувство собственного достоинства, а во-вторых, на целевую аудиторию (массового адресата), поскольку принципиально важным является эффективное понижение статуса дискредитируемого лица именно в глазах третьего лица [Лисюткина 2019а; 2019б].

Следует отметить, что при достаточной востребованности данной темы на сегодняшний день отсутствует унифицированная терминология и исчерпывающая классификация дискредитирующих тактик, что обусловлено различными подходами, применяемыми для выделения тактик и их группировки [Гулькина 2020; Егорова 2015; Иссерс 2006; Лисюткина 2019б; Паршина 2004; Руженцева 2004; Тихонова, Перова 2021; Хабекирова 2011; Ширяев 2016].

Интересна также мысль А. П. Сковородникова и Э. А. Корольковой о том, что тактики, в отличие от осознанно выбранной стратегии, могут «нащупываться интуитивно в процессе создания текста» [Сковородников, Королькова 2015: 162]. Стратегию дискредитации исследователи именуют стратегией информационно-психологической войны, осуществляемой широким спектром речевых тактик, отличающихся разной степенью сложности и узнаваемости, что и затрудняет возможность выявления «исчерпывающего списка» таких тактик [Сковородников, Королькова 2015: 170]. К числу тактик дискредитации они причисляют тактику дискредитации мишени путем указания на некомпетентность или необъективность, тактику инверсии фактического положения вещей, тактику подачи желаемого как действительно, тактику создания компрометирующих ассоциаций, тактику подмены понятий и др. [Сковородников, Королькова 2015: 165].

Н. Б. Руженцева, исследуя речевые механизмы воздействия политической и предвыборной рекламы и антирекламы, отталкивается от способа манифестации дискредитации и выделяет пять групп речевых тактик: 1) универсальные тактики (например, тактика поляризации); 2) прямые тактики эмоционального воздействия (тактика агрессии, атаки на оппонента); 3) прямые социально-ориентированные тактики (тактика обманутого ожидания); 4) прямые тактики репрограммирования (тактика негативного прогнозирования); 5) косвенные дискредитирующие тактики (тактика приглашения к совместному размышлению) [Руженцева 2004].

Структура РПС дискредитации, как и структура любой другой речевой стратегии, динамична, она моделируется жанровой принадлежностью и тематической направленностью, а также под влиянием «системы ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций» [Крайнова 2013: 256]. В политической медиажурналистике набор тактик дискредитации зависит от ряда параметров: конкретной политической ситуации, «целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора», специфики целевой аудитории [Рогожникова 2019: 62].

Свойство речевых тактик взаимодействовать с другими тактикам, актуализируя единую стратегическую интенцию, неоднократно подчеркивалось рядом отечественных исследователей, разрабатывающих данное направление [Агрба 2020; Верещагин, Костомаров 2005; Гнездилова 2013; Головаш 2006; Гулькина 2020; Дмитриева и др. 2022; Иссерс 2006; Лисюткина 2019а; Руженцева 2004; Третьякова 2004]. Мы разделяем мнение Т. П. Рогожниковой о том, что особую «воздействующую силу тактики приобретают в различных комбинациях, представленных даже в пределах одного высказывания» [Рогожникова 2019: 66]. В связи с вышеизложенным фокус данного исследования направлен на выявление комбинирования тактик в рамках одного дискредитирующего высказывания, уточнение количества тактик и частотности их сочетаемости друг с другом.

Вслед за Л. Б. Головаш, для обозначения речевых тактик, которые взаимодействуют в пределах одного контекста, независимо от способа их реализации (одновременно, последовательно либо хаотично), но в соответствии со стратегически обусловленной целью сообщения, мы используем термин *комбинированные тактики* (КТ) [Головаш 2006]. Так, под *комбинированными тактиками дискредитации* (КТ дискредитации) понимается взаимообусловленная комбинация двух и более тактик (каждая из которых подчинена своей локальной интенции), объединенных общим замыслом РПС дискредитации, что ведет к усилению действия этой стратегии, т. е. способствует наращиванию дискредитирующего эффекта, увеличивая тем самым воздействие на восприятие целевой аудитории.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем впервые представлена классификация комбинированных тактик, посредством которых реализуется речеведенческая стратегия дискредитации администрации Д. Байдена, на материале передачи *Tucker Carlson Tonight*, ранее не становившейся объектом лингвистического исследования.

Методы и материалы

Источник материала – 122 скрипта американского политического ток-шоу *Tucker Carlson Tonight*² за январь–июнь 2022 г. общим объемом 467 страниц. Эмпирическая база исследования представлена 1142 дискредитирующими администрацию Д. Байдена контекстами. Материалом исследования послужил корпус КТ, реализующих РПС дискредитации, состоящий из 563 контекстов, дискредитирующих администрацию Д. Байдена. В исследовании применяется корпус обще- и частнонаучных методов. К общенаучным принадлежат методы логики (анализ, индукция, сравнение, группировка) и методы статистического (количественного) анализа. Ведущим частнонаучным (лингвистическим) методом является описательный.

Результаты

РПС дискредитации администрации Д. Байдена в речи Т. Карлсона объективируется тактиками обвинения, оскорбления, негативного прогнозирования, обманутого ожидания, иронии, поляризации и сопоставительной тактикой. Зафиксировано 1142 дискредитирующих администрацию Д. Байдена контекста, из которых в 579 случаях тактики актуализируют дискредитацию автономно, а количество случаев КТ равно 563. Количество дискредитирующих тактик, задействованных в пределах 1 контекста, варьируется от 2 до 6.

По выявленным схожим характеристикам разработанная классификация КТ дискредитации. Обнаруженные КТ были распределены по 5 группам исходя из количества их реализации в рамках одного сообщения. На том основании, что состав каждой группы взаимодействующих тактик меняется, была выделена 51 подгруппа в группах КТ:

- 1) двухкомпонентная группа (337 контекстов); 60 % от корпуса количеством 563) включает 18 подгрупп;
- 2) трехкомпонентная (146; 26 %) – 19 подгрупп;
- 3) четырехкомпонентная (76; 13,3 %) – 10 подгрупп;
- 4) пятикомпонентная (2; 0,35 %) – 2 подгруппы;
- 5) шестикомпонентная (2; 0,35 %) – 2 подгруппы.

Двухкомпонентная группа

Подгруппа ирония + оскорбление

Умаление авторитета через осмеяние, по О. С. Иссерс, это наиболее яркая тактика в реализации стратегии дискредитации [Иссерс 2006: 161]. Комбинирование тактики иронии с тактикой оскорбления лидирует по количеству в группе двухкомпонентных тактик

(45 случаев реализации, 8 % от корпуса). Речь Т. Карлсона изобилует оскорблениями в эксплицитной либо имплицитной форме в сочетании с колкими замечаниями и агрессивными насмешками в адрес Д. Байдена, для того чтобы разделить со зрителями пренебрежительное отношение ведущего к действующему президенту США и тем самым максимально дискредитировать президента в глазах его избирателей. В иронично-оскорбительных высказываниях обнаружено умаление интеллектуальных, физических, нравственных и профессиональных качеств самого президента, правящей демократической партии США и отдельных ее представителей. Пример:

- *Poor old guy. Biden's preference for simple, childlike sentences is so often his undoing, as in this case, there is no mistaking what he actually meant.*

Очевидно, что Т. Карлсон едва ли испытывает чувство жалости, как и любое проявление сочувствия, называя Д. Байдена *poor old guy* (тактика иронии), а сравнение его манеры излагать и выстраивать мысли с детской логикой ставит под сомнение когнитивные способности президента (тактика оскорбления).

Трехкомпонентная группа

Подгруппа ирония + оскорбление + обвинение

- *They had no idea Joe Biden was a lumbering, desiccated husk. No idea at all. They never saw Biden call anyone a dog-faced pony soldier. They didn't notice him sniffing anybody's hair or staring blankly into the middle of the distance like a lobotomy patient.*

Рассмотренная выше подгруппа дополняется тактикой обвинения (18 контекстов, 3,2 %), при этом дискредитация ориентирована на два объекта:

- 1) президент Д. Байден представлен в негативном свете через метонимию *lumbering, desiccated husk* и сравнение *like a lobotomy patient* при реализации оскорбительной интенции, направленной на то, чтобы унижить, уязвить и выставить его в смешном виде;

2) администрация Д. Байдена (местоимение *they*), обвиняемая в том, во-первых, что человек, не способный управлять страной, с точки зрения ведущего, стал президентом, а во-вторых, в их лицемерии и притворстве о незнании этого факта. Тактика обвинения строится на иронии, предполагающей «перифраз на основе утверждения обратного» [Кобенко 2023: 71], т. е. нынешняя администрация США знала ранее и знает сейчас о несостоятельности Д. Байдена как президента.

² Tucker Carlson Tonight. URL: <https://www.imdb.com/title/tt6238614/> (accessed 10 Apr 2023).

Четырехкомпонентная группа**Подгруппа обвинение + негативное прогнозирование + поляризация + обманутое ожидание**

Данная подгруппа представлена 4 контекстами (0,7 %).

- *Politicians are making it much easier to be a homeless drug addict in the United States, and much harder to be a law-abiding member of the middle class. What's the effect? Well, let's see. The middle class is dying, and we now have record numbers of drug-addicted vagrants.*

Для дискредитации правительства США в этом случае выбраны четыре тактики, с помощью которых и реализуется обвинительная интенция, что способствует аккумуляции дискредитирующего эффекта. Такер Карлсон акцентирует фокус внимания аудитории на том, что деструктивная внутренняя политика влечет к росту кризиса бездомных и исчезновению среднего класса американцев (тактика негативного прогноза), поскольку администрация Байдена способствует развитию наркомании вместо борьбы с ней (тактика обманутого ожидания). Тактика поляризации направлена на экспликацию истинного, диаметрально противоположного отношения к законопослушным гражданам и бездомным, страдающим от наркозависимости.

Пятикомпонентная группа**Подгруппа обманутое ожидание + негативное прогнозирование + сопоставительная тактика + ирония + обвинение**

- *So, for democracy to survive, the citizens in the democracy need to talk less, need to express their opinions more guardedly, need to shut up? What kind of democracy are we talking about? It's not democracy, as the Athenians or the founders of this country understood it. Democracy is a euphemism for letting our mafia run your country for our benefit. In other words, you're a Nazi if you're for speaking freely on Twitter.*

В приведенном фрагменте наблюдается комбинирование пяти тактик дискредитации (2 контекста, 0,35 %). Т. Карлсон, апеллируя к конституционным и правовым нормам демократического государства, развивает идею о том, что при правлении криминального сообщества, т. е. нынешней администрации (аллюзия *mafia*; сопоставительная тактика), изменилась сама политическая система. Тактика иронии актуализируется путем высказывания о том, что администрация действует во благо страны, что не соответствует и противоположно истинному положению дел. При новой, «искаженной» форме демократии нарушаются принципы свободы слова (тактика обманутого ожидания, тактика обвинения). Далее реализуется

тактика негативного прогнозирования путем условного придаточного предложения нулевого типа, что свидетельствует о реальной, по мнению ведущего, угрозе: гражданам США вменяется приверженность тоталитарной, экстремистской идеологии (аллюзия *Nazi*).

Шестикомпонентная группа**Подгруппа ирония + обвинение + оскорбление + негативное прогнозирование + обманутое ожидание + поляризация**

Представленная подгруппа имеет однократную реализацию, но заслуживает рассмотрения, поскольку в ней выявлена максимальная концентрация дискредитирующих тактик. В данном случае мишенью дискредитации становится и Д. Байден, и вице-президент США Камала Харрис. Для наглядности фрагмент речи Т. Карлсона разделен на сегменты и сопровождается комментариями по каждой тактике. Сначала вступает в действие комбинация из четырех одновременно реализованных тактик: негативного прогнозирования, поляризации, обвинения и обманутого ожидания.

- *The last president hired Michael Cohen to be his personal lawyer, but the difference is Donald Trump didn't make Michael Cohen the attorney general of the United States. Biden absolutely would do that as long as Cohen was transgender, and you know that.*

Д. Байден путем негативного прогнозирования обвиняется в предвзятом отношении к кандидату на должность генерального прокурора США, опираясь на тактику поляризации (*свои / чужие, плохие / хорошие*). Речь идет о нарастающей тенденции США к массовому проявлению такого явления, как фаворитизм к представителям нетрадиционной ориентации. Такер Карлсон транслирует идею о том, что принадлежность, например, к ЛГБТ-сообществу может гарантировать человеку должность в администрации Д. Байдена, независимо от опыта и образования претендента, а также других необходимых критериев соответствия. Тактика обманутого ожидания апеллирует к социально-прагматическим ожиданиям граждан США и строится на контрасте *должно быть / есть на самом деле* [Руженцева 2004: 167]. Затем ведущий призывает свою аудиторию не удивляться такому положению дел (ситуация довольна типичная), а озаботиться грядущими негативными последствиями от визита К. Харрис в страны-члены Евросоюза по вопросу солидаризации с Украиной.

- *So, it shouldn't surprise you, though it should horrify you and make you nervous that, according to The Hill newspaper, Kamala Harris is going back to Europe*

to see how much worse she can make this disaster. She'll be heading to Warsaw, Poland, and Bucharest, Romania, to "show solidarity with Ukraine," which means to badly damage key American interests in inventive new ways you haven't yet imagined.

Такие действия приведут к существенному нарушению интересов государства (тактика негативного прогноза). Нагнетая страх и ужас перед грядущими событиями, Т. Карлсон в ироничной форме (*overseen*) указывает на виновников – администрация президента Д. Байдена (местоимение *they*). Далее разворачивается обвинительная и оскорбительная интенции:

- *That's what's going on: a crisis that gets more grave by the day, whose ramifications are clearly more serious than anyone expected, overseen by people who have no wisdom or foresight or restraint and fundamentally don't have the interests of our country at heart when they make their decisions and Kamala Harris isn't the only problem, but she's the most glaring symbol of it.*

Статистика

В таблице представлена классификация КТ дискредитации, актуализирующих РПС дискредитации в речи Т. Карлсона, с количественными данными и процентным соотношением в исследуемом корпусе.

В рассмотренных контекстах, дискредитирующих администрацию Д. Байдена в речи Т. Карлсона посредством КТ, лидирует тактика обвинения (60 % случаев). Наименее частотной является сопоставительная тактика, доля применения которой составляет 20 %. Остальные тактики (поляризации, иронии, негативного прогнозирования, обманутого ожидания, оскорбления) характеризуются относительно равной степенью продуктивности в составе дискредитирующих комбинаций (около 20 % случаев реализации каждой).

Парное комбинирование тактик, репрезентированное 18 подгруппами, носит наиболее регулярный характер, зафиксировано 337 случаев, что составляет 60 % от общего количества в 563. На долю трехкомпонентной группы (19 подгрупп) приходится около 26 % (146 контекстов). Кроме того, зафиксирована одновременная реализация четырех тактик (76 контекстов; 13,3 %), представленная 10 подгруппами КТ. Отмечены единичные случаи корреляции пяти (2 контекста) и шести тактик (2 контекста).

В двухкомпонентной, трехкомпонентной и четырехкомпонентной подгруппах комбинированных тактик выделены наиболее частотные: подгруппа *тактика иронии + тактика оскорбления* (45; 8 %), подгруппа *тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика*

негативного прогнозирования (19; 3,4 %), подгруппа *тактика оскорбления + тактика обвинения + тактика обманутого ожидания + тактика поляризации* (24; 4,3 %) соответственно. Для пяти- и шестикомпонентных подгрупп КТ характерно равное количество контекстов реализации (по 2 случая, соответственно 0,35 % для каждой подгруппы).

Заключение

Дискредитация администрации Д. Байдена в речи Такера Карлсона объективируется как отдельными тактиками, так и их комбинациями. Классификация КТ дискредитации, отражающая репертуар тактик ведущего, включает 5 групп: 1) двухкомпонентная, 2) трехкомпонентная, 3) четырехкомпонентная, 4) пятикомпонентная, 5) шестикомпонентная. Количество подгрупп в совокупности насчитывает 51. Наиболее частотные и, следовательно, действенные КТ дискредитации представлены двухкомпонентной группой (337 контекстов; 60 %) и подгруппой *тактика иронии + тактика оскорбления* (45; 8 %). Безусловно, среди тактик дискредитации очевидное первенство в составе представленных подгрупп принадлежит тактике обвинения (60 %). Важно отметить, что увеличение числа задействованных КТ позволяет дискредитировать администрацию Д. Байдена в глазах телезрителей в максимальной степени.

В дальнейшем представляется необходимым продолжить исследование КТ дискредитации, увеличивая временные рамки создаваемого корпуса с целью повышения его репрезентативности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Е. А. Бурмакова составила корпус исследования, разработала классификацию тактик, вывела статистику. Н. В. Полякова сформулировала цель и задачи, определила понятийно-терминологический аппарат, методологию анализа, курировала данные.

Contribution: E. A. Burmakova compiled the corpus of the study, developed the classification of combined discrediting tactics, and processed the data. N. V. Polyakova outlined the research aim and terminology, designed the methodology, and provided scientific counselling.

Табл. Классификация комбинированных тактик дискредитации
Tab. Classification of combined discrediting tactics

№	Подгруппа	Количество	%
	<i>Двухкомпонентная</i>	337	60
1.	Тактика иронии + тактика оскорбления	45	8
2.	Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования	44	7,8
3.	Тактика обвинения + тактика оскорбления	39	7
4.	Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания	37	6,6
5.	Тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	31	5,5
6.	Тактика иронии + тактика обвинения	24	4,3
7.	Тактика поляризации + тактика негативного прогнозирования	23	4,1
8.	Тактика поляризации + тактика обвинения	20	3,6
9.	Тактика поляризации + тактика оскорбления	18	3,2
10.	Тактика негативного прогнозирования + тактика иронии	17	3
11.	Тактика негативного прогнозирования + тактика оскорбления	7	1,2
12.	Тактика поляризации + сопоставительная тактика	7	1,2
13.	Тактика обманутого ожидания + тактика оскорбления	6	1,1
14.	Тактика иронии + тактика поляризации	5	0,9
15.	Тактика обвинения + сопоставительная тактика	5	0,9
16.	Тактика иронии + сопоставительная тактика	4	0,7
17.	Тактика обманутого ожидания + тактика поляризации	3	0,5
18.	Тактика оскорбления + сопоставительная тактика	2	0,4
	<i>Трехкомпонентная</i>	146	26
1.	Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика негативного прогноза	19	3,4
2.	Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика иронии	18	3,2
3.	Тактика негативного прогнозирования + тактика оскорбления + тактика обвинения	14	2,5
4.	Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания + тактика поляризации	14	2,5
5.	Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика поляризации	11	2
6.	Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика поляризации	9	1,6
7.	Тактика обвинения + тактика поляризации + тактика негативного прогнозирования	8	1,4
8.	Тактика обманутого ожидания + тактика обвинения + тактика поляризация	8	1,4
9.	Тактика негативного прогнозирования + тактика поляризации + сопоставительная тактика	7	1,3
10.	Тактика поляризации + тактика обвинения + сопоставительная тактика	7	1,3
11.	Тактика обвинения + тактика иронии + тактика обманутого ожидания	6	1,1
12.	Тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования + тактика иронии	4	0,7
13.	Тактика обманутого ожидания + тактика негативного прогнозирования + тактика обвинения	4	0,7

№	Подгруппа	Количество	%
14.	Тактика иронии + тактика обвинения + тактика поляризация	3	0,5
15.	Тактика негативного прогнозирования + сопоставительная тактика + тактика оскорбления	3	0,5
16.	Тактика негативного прогнозирования + тактика оскорбления + тактика иронии	3	0,5
17.	Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания + тактика негативного прогнозирования	3	0,5
18.	Тактика обманутого ожидания + сопоставительная тактика + тактика обвинения	3	0,5
19.	Тактика обманутого ожидания + тактика оскорбления + тактика обвинения	2	0,4
	Четырехкомпонентная	76	13,3
1.	Тактика оскорбления + тактика обвинения + тактика обманутого ожидания + тактика поляризации	24	4,3
2.	Тактика обманутого ожидания + тактика иронии + тактика негативного прогнозирования + сопоставительная тактика	12	2,1
3.	Тактика иронии + тактика оскорбления + тактика обманутого ожидания + тактика негативного прогнозирования	8	1,4
4.	Тактика обманутого ожидания + тактика оскорбления + сопоставительная тактика + тактика обвинения	7	1,2
5.	Тактика обвинения + сопоставительная тактика + тактика иронии + тактика поляризации	6	1
6.	Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика негативного прогнозирования + тактика поляризации	5	0,9
7.	Тактика обвинения + тактика обманутого ожидания + сопоставительная тактика + тактика поляризация	4	0,7
8.	Тактика обманутого ожидания + тактика поляризации + тактика негативного прогнозирования + тактика обвинения	4	0,7
9.	Тактика иронии + тактика поляризации + тактика обвинения + тактика негативного прогнозирования	3	0,5
10.	Тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика негативного прогнозирования + тактика иронии	3	0,5
	Пятикомпонентная		
1.	Тактика иронии + тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания	1	0,35
2.	Тактика иронии + тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика поляризации + сопоставительная тактика	1	
	Шестикомпонентная		
1.	Сопоставительная тактика + тактика поляризации + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания + тактика иронии + тактика обвинения	1	0,35
2.	Тактика иронии + тактика обвинения + тактика оскорбления + тактика негативного прогнозирования + тактика обманутого ожидания + тактика поляризации	1	
ИТОГО		563	100

Литература / References

- Агрба Л. А. Тактико-стратегический репертуар Владислава Ардзинбы. *Политическая лингвистика*. 2020. № 5. С. 183–192. [Agrba L. A. Tactical and strategic repertoire of Vladislav Ardzinba. *Political Linguistics*, 2020, (5): 183–192. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/pl20-05-16>
- Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеведческих тактик и сапиентемы*. М.: Индрик, 2005. 1037 с. [Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: Lexical background, speech-behavioral tactics, and sapienthemes*. Moscow: Indrik, 2005, 1037. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sdwuyh>
- Гнездилова Л. Б. Тактика обобщения как способ уклонения коммуниканта от прямого ответа. *Концепт*. 2013. № 12. С. 61–65. [Gnezdilova L. B. Tactics of generalization as a way of a communicant's evading a direct answer. *Koncept*, 2013, (12): 61–65. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rqqstd>
- Головаш Л. В. Уклонение от прямого ответа в рамках речевой нормы. *Российское образование в XXI веке: проблемы и перспективы*: Всерос. науч.-практ. конф. (Томск, 9–10 ноября 2006 г.) Томск: ТГУ, 2006. С. 88–93. [Golovash L. V. Evading direct answer as a speech norm. *Russian education in the 21st century: problems and prospects*: All-Russian Sci.-Prac. Conf., Tomsk, 9–10 Nov 2006. Tomsk: TSU, 2006, 88–93. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sddkhn>
- Гунькова Д. Е. Стратегия дискредитации как доминанта дискурсивной личности американского политического радиокомментатора. *Дискурс*. 2020. Т. 6. № 6. С. 113–125. [Gunkova D. E. Discrediting strategy as a dominant of the discursive personality of an American political radio commentator. *Discourse*, 2020, 6(6): 113–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-6-113-125>
- Дмитриева М. И., Дубровская В. В., Колосова Т. Ю. Манипулятивные стратегии политических дебатов (на примере американской избирательной кампании Дж. Байдена и Д. Трампа). *Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков)*: II Междунар. науч. конф. (Нижний Новгород, 21–22 декабря 2021 г.) Н. Новгород: НГЛУ, 2022. С. 99–105. [Dmitrieva M. I., Dubrovskaya V. V., Kolosova T. Yu. Manipulative strategies in political debates (based on J. Biden and D. Trump's final presidential debates). *Strategies and tactics in various registers of communication in modern Indo-European languages*: Proc. II Intern. Sci. Conf., Nizhny Novgorod, 21–22 Dec 2021. Nizhny Novgorod: NSLU, 2022, 99–105. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rsgsnu>
- Егорова Э. Н. Речевая агрессия и стратегия дискредитации (на примере анализа газетных публикаций). *Язык и текст*. 2015. Т. 2. № 3. С. 69–75. [Egorova E. N. The verbal aggression and the strategy of discrediting (analysis of newspaper publications). *Language and Text*, 2015, 2(3): 69–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/langt.2015020309>
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 4-е изд., стер. М.: КомКнига, 2006. 284 с. [Issers O. S. *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. 4th ed. Moscow: KomKniga, 2006, 284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufgtvn>
- Кобенко Ю. В. Теоретические основы функциональной стилистики. Томск: ТПУ, 2023. 296 с. [Kobenko Yu. V. *Theoretical foundations of functional stylistics*. Tomsk: TPU, 2019, 296. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/chvujo>
- Крайнова А. С. Систематизация опыта научного описания речевых стратегий и тактик в современной лингвистике. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2013. № 1. С. 254–258. [Kraynova A. S. Systematization of experience in scientific describing of communicative strategies and communicative tactics in modern linguistic science. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2013, (1): 254–258. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qjfkfj>
- Кулышева И. В., Вишнякова П. В. Информационная война против современной России (на материале публикаций о российских пловцах в американских СМИ). *Речевое воздействие в политическом дискурсе*: Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 1–3 декабря 2016 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2016. С. 80–83. [Kultysheva I. V., Vishnyakova P. V. Information warfare against modern Russia (based on the articles about Russian swimmers published in American mass media). *Speech influence in political discourse*: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 1–3 Dec 2016. Ekaterinburg: USPU, 2016, 80–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ykqhcf>
- Лисюткина И. С. Некоторые особенности реализации стратегии дискредитации в советском медиадискурсе (на материале газетных текстов 1960–1979 годов). *Известия Саратовского университета. Новая серия*.

- Серия: Филология. Журналистика*. 2019а. Т. 19. № 2. С. 237–241. [Lisiutkina I. S. Some aspects of the discrediting strategy in Soviet media discourse (based on newspaper articles of the 1960–1979). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2019а, 19(2): 237–241. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/elskwo>
- Лисюткина И. С. Стратегия дискредитации в медиаполитическом дискурсе: национальный аспект. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019b. № 2. С. 20–27. [Lisiutkina I. S. Discrediting strategy in media political discourse: The national aspect. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019b, (2): 20–27. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tvjgao>
- Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 1. С. 203–220. [Ozyumenko V. I. Media discourse in an atmosphere of information warfare: From manipulation to aggression. *Vestnik RUDN. Seria: Lingvistika*, 2017, 21(1): 203–220. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-1-203-220>
- Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Астрахань: АГТУ, 2004. 195 с. [Parshina O. N. *Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia*. Astrakhan: ASTU, 2004, 195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qodpsn>
- Рогожникова Т. П. Политические тексты начала XX века: коммуникативно-дискурсивные особенности. *Научный диалог*. 2019. № 11. С. 61–71. [Rogozhnikova T. P. Political texts of the early XX century: communicative-discursive features. *Nauchnyi Dialog*, 2019, (11): 61–71. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-61-71>
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: УрГПУ, 2004. 294 с. [Ruzhentseva N. B. *Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse*. Ekaterinburg: USPU, 2004, 294. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcnxaz>
- Сквородников А. П., Королькова Э. А. Речевые тактики и языковые средства политической информационно-психологической войны в России: этико-прагматический аспект (на материале «Новой газеты»). *Политическая лингвистика*. 2015. № 3. С. 160–172. [Skovorodnikov A. P., Korolkova E. A. Speech tactics and language means of political information-psychological warfare in Russia: Ethical-pragmatic aspect (based on the material of the "Novaya Gazeta"). *Political Linguistics*, 2015, (3): 160–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/unfgyl>
- Тихонова С. А., Перова Е. А. Стратегия дискредитации как способ создания негативного образа России в британском массмедийном дискурсе, посвященном Олимпийским играм в Токио. *Политическая лингвистика*. 2021. № 5. С. 168–174. [Tikhonova S. A., Perova E. A. Discreditation strategy as a means of creation of a negative image of Russia in British mass media discourse about the Tokyo Olympic Games. *Political Linguistics*, 2021, (5): 168–174. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_19
- Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения. *Юрислингвистика*. 2004. № 5. С. 112–120. [Tretyakova V. S. Speech conflict and its research aspects. *Legal Linguistics*, 2004, (5): 112–120. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vqhdwp>
- Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции. *Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение*. 2011. № 2. С. 138–144. [Khabekirova Z. S. Discredit strategy and ways of its realization in a political discourse of democratic opposition. *Bulletin of Adyghe State University, Ser. 2: Philology and Art Criticisms*, 2011, (2): 138–144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ococjx>
- Ширяев Н. С. Коммуникативные стратегии самоидентификации североирландцев (на материале региональных аналитических блогов и новостных сайтов). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2016. № 7. С. 175–180. [Shiryaev N. S. Communicative strategies of self-identification of the Northern Irish (as presented in regional analytical blogs and news websites). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2016, (7): 175–180. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wlwsbz>
- Larina T., Ozyumenko V., Ponton M. D. Persuasion strategies in media discourse about Russia: Linguistic ambiguity and uncertainty. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2020, 15(1): 3–22. <https://doi.org/10.1515/lpp-2019-0002>
- Media effects: Advances in theory and research*, eds. Jennings B., Zillman D., Oliver M. B. 2nd ed. NY: Routledge, 2002, 648. <https://doi.org/10.4324/9781410602428>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/iwionb>

Концептуализация действительности во фреймовой организации фразеологизмов с компонентом *цветы* в русском, английском и китайском языках

Булгакова Ольга Анатольевна

Пепелова Любовь Филипповна

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

Scopus Author ID: 56948171800

bulgakova.o.a@yandex.ru

Аннотация: Язык цветов издавна существует у разных народов и может служить ярким средством характеристики той или иной культуры. Рассматриваются фразеологизмы с компонентом *цветы* в русском, английском и китайском языках, определяется их роль в языковых картинах мира носителей данных языков. Цель – через анализ фреймовой организации фразеологизмов установить особенности категоризации действительности в разных языках. Фразеологизмы с компонентом *цветы* больше свойственны китайской и английской культурам, в русской культуре их значительно меньше, что связано с климатическими условиями и традициями земледелия на Руси. Применен метод фреймового анализа, с помощью которого исследуются фразеологизмы в последние десятилетия. Проведенный анализ показал, что во фразеологизмах анализируемых языков обнаруживаются сходства в организации мыслительных процессов представителей разных лингвокультур, что на уровне фреймов проявляется в наличии общих субфреймов. Во всех трех языках к ядерным субфреймам относятся субфреймы *характеристика субъекта, действие, направленное на субъект, качественная оценка действительности, оценочная характеристика действия*, носители языка сравнивают цветы с разными человеческими качествами, дают характеристику происходящему, оценивают действия, совершаемые субъектом. Различия проявляются в реализации субфреймов на уровне слотов, что проявляется в частично совпадающем перечне качеств, оценок, характеристик, действий и обусловлено спецификой национального мировидения и миропонимания, поэтому результаты исследования могут быть применены в межкультурной коммуникации носителей русского, английского и китайского языков.

Ключевые слова: фразеология, языковая картина мира, фреймовый анализ, фрейм, субфрейм, слот, лингвокультура

Цитирование: Булгакова О. А., Пепелова Л. Ф. Концептуализация действительности во фреймовой организации фразеологизмов с компонентом *цветы* в русском, английском и китайском языках. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 72–83. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-72-83>

Поступила в редакцию 17.10.2023. Принята после рецензирования 25.01.2024. Принята в печать 29.01.2024.

full article

Reality Framing in Russian, English, and Chinese Phraseological Units with *Flowers*

Olga A. Bulgakova

Lyubov F. Pepelova

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Scopus Author ID: 56948171800

pepelova.love@mail.rubulgakova.o.a@yandex.ru

Abstract: Floriography is part of many cultures and provides an effective characterization means for a particular linguistic culture. The frame analysis method is a popular tool in phraseology, but it has never been applied to phraseological units with the *flowers* component. The study examined phraseological units with the *flowers* component in Russian, English, and Chinese in order to define their role in the corresponding linguistic worldviews. The frame organization

analysis made it possible to identify the way these languages categorize reality. Phraseological units with *flowers* are more typical of Chinese and English; they are less typical of the Russian linguistic culture as a result of the harsh climatic conditions and the farming traditions. In this research, the frame analysis hinted at similar cognitive processes in all the three linguistic cultures, which was manifested as common subframes at all levels. The main subframes included *characteristics of the subject*, *action aimed at the subject*, *qualitative assessment of reality*, and *evaluative characteristics of the action*. In addition, flower names described different human qualities, characterized an ongoing event, and evaluated actions performed by the subject. Differences were registered at the slot level as a partially overlapping list of qualities, assessments, characteristics, and actions, which reflected the specifics of each national worldview. The results can facilitate intercultural communication for Russian, English, and Chinese speakers.

Keywords: phraseology, linguistic worldview, frame analysis, frame, subframe, slot, linguistic culture

Citation: Bulgakova O. A., Pepelova L. F. Reality Framing in Russian, English, and Chinese Phraseological Units with *Flowers*. *SibScript*, 2024, 26(1): 72–83. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-72-83>

Received 17 Oct 2023. Accepted after peer review 25 Jan 2024. Accepted for publication 29 Jan 2024.

Введение

Каждый народ имеет свои ценностные представления о мире, сложившиеся в ходе исторического развития, специфичные именно для него и отражающиеся в языковых знаках. Это своего рода призма, языковая картина мира (ЯКМ). По словам В. П. Даниленко, «в каждом языке представлена особая точка зрения на мир – точка зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык» [Даниленко 2009: 7].

Вильгельм фон Гумбольдт в своих работах писал о единстве духа народа и языка, который этот народ использует, он полагал, что «язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык – трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт 1984: 48]. Сам же термин *языковая картина мира* ввел Лео Вайсгербер, который писал, что «язык позволяет человеку объединить весь свой опыт в единую картину мира» [Вайсгербер 2004: 51]. В настоящее время всё больше ученых в разных областях науки (философии, культурологии, психологии, гносеологии, лингвистике и других) стали обращаться в своих работах к этому понятию, предлагать различные его интерпретации, определения и классификации.

В современном языкознании существует множество интерпретаций понятия *языковая картина мира*. А. А. Яковлев пишет, что «в самом общем виде многие современные авторы определяют ЯКМ как закрепленные в языке способы, процессы и результаты концептуализации действительности, совокупность знаний о мире, способов их получения и интерпретации» [Яковлев 2017: 6]. Языковая картина мира изучается с помощью разных подходов: а) когнитивного [Маслова 2011], б) психолингвистического [Залевская 2003], в) лингвокультурологического [Карасик 2002], г) традиционного [Братчикова 2005].

В данной статье рассмотрены языковые картины мира русского, английского и китайского языков через изучение фразеологизмов, содержащих лексические компоненты с семантикой цветов, т. к. «цветы являются неотъемлемой частью жизни человеческой культуры, представлены в искусстве и литературе, мифах и сказках, а также используются в качестве символов во всех мировых культурах» [Копытин 2022: 36]. Как часть повседневности людей цветы стали одним из способов отражения мыслей и ценностей. С помощью цветов выражали свои чувства, посылали тайные знаки, налаживали экономические и политические взаимоотношения, использовали как часть эстетической составляющей жизни людей и даже употребляли в качестве еды. Неправильное толкование цветка могло принести большие неприятности, став началом конфликта, поэтому важно знать значения и особенности употребления фразеологизмов с компонентом *цветы*.

Большое внимание при изучении ЯКМ и национальной языковой картины мира уделяется исследованию фразеологических единиц, потому что они «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т. п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [Телия 1996: 228]. Фразеологизмы отражают историю того или иного народа, его самобытность, ценностные установки и вбирают в себя всю народную мудрость, накопленную веками. По мнению В. В. Шкатовой, «фразеологические номинации представляют собой большой объём "свернутой" культурно-маркированной информации, поскольку актуализируют социально более релевантные явления на определенном этапе развития общества» [Шкатова 2012: 209].

Фразеологизмы при помощи художественных образов позволяют нам охарактеризовать все стороны жизни человека – его отношение к другим людям, к труду, к природе, личностные достоинства и недостатки, фразеологизмы являются неким историческим следом, благодаря которому можно узнать историю того или иного народа, его ценностные приоритеты, особенности жизни и быта [Алефиренко 2011; Араева 2014; Баско 2016; Булгакова 2020; Вальтер 2012; Виноградов 1977; Гусельникова 2009а; 2009b; 2011; Дашиева, Дампилон 2022; Добрыднева 1988; Кунин 2005; Лесина 2020; Лю 2020; Мокиенко 1989; 2012; Молотков 1977; Телия 1996; Шанский 2011].

В данной статье мы обратились к выявлению роли фразеологизмов в ЯКМ разнотипных языков и особенностей их использования в рамках межкультурной коммуникации через специфику реализации их фреймовых структур.

История изучения проблемы

Люди осознали ценность цветов еще сотни лет назад. Цветами восхищались, наделяли глубинным значением, выращивали в огромных количествах и даже строили невероятные по масштабам, разнообразию, красочности и креативности сады. Естественно, в каждом уголке мира был свой уникальный способ и взгляд на ведение садоводства, связанный с религией, философией, искусством и культурой в целом. Л. О. Терновая пишет: «Настоящий сад – это всегда образ мира, и сам мир» [Терновая 2018: 11]. Помимо садов с огромным разнообразием представителей флоры, существуют и сады, посвященные определенному цветку, что еще раз доказывает значимость цветов в жизни человека и нации в целом.

Наделяя цветы определенным смыслом, люди с древних времен использовали их как средство общения, один из способов передачи скрытой информации, некий шифр, который по-другому можно назвать языком цветов, «каждый народ имеет свой язык, в котором выражаются его душа, надежды, устремления. В языке сконцентрировано национальное самосознание» [Терновая 2018: 29]. Помимо языков, на которых мы говорим, существуют и другие языки, основанные на кодах, символах, знаках. К таким языкам можно отнести и язык цветов, который является столь же древним, как и человеческая речь. Именно поэтому цветы являются одним из компонентов, которые позволяют нам охарактеризовать культуру нации.

В Китае садово-парковое искусство считается одним из самых древних и развитых в мире. Так, для китайцев

цветы являются неотъемлемой частью повседневности. Они встречаются в философии, литературе, народных поверьях, устойчивых выражениях. По словам У. К. Толмачевой, «каждый цветок в культуре Китая наделяется особым значением. В китайском стереотипном мышлении одни цветы олицетворяют женское начало инь, как, например, хризантема, а другие – мужское начало ян, как пион» [Толмачева 2011: 236]. В силу многообразия образности и символичности китайской культуры наибольшее развитие получил именно китайский язык цветов.

В Китае можно увидеть не только древние картины, орнамент на различной домашней утвари, вышивку с изображением цветов, но и попасть на фестиваль цветов, который не свойственен для русской и английской культур.

В китайской культуре, в отличие от русской и английской, цветки плодовых деревьев, например цветки сливы, также считаются цветами.

В английской культуре цветы, будучи неотъемлемой частью повседневности, тоже играют важную роль. Англичане любят устраивать перед домом маленькие палисадники. С. С. Шумбасова пишет, что «во все времена цветы, травы и растения в целом владели умами, да и, наверное, душами тоже, целых народов. И пальма первенства здесь принадлежит англичанам, для которых двести лет назад цветок значил, пожалуй, больше, чем для любого другого европейца» [Шумбасова 2016: 52]. Действительно, значимую роль сады и цветы в Соединенном Королевстве играли еще с древних времен. Позднее цветы даже стали символом знатных домов. В истории Англии широко известна война Алой и Белой Розы, получившая свое название от двух благородных домов, символами которых и являлись эти цветы. Традиция использовать цветок как символ сохранилась до сих пор. Страны, входящие в Соединенное Королевство, имеют свои цветочные символы: Англия – красная роза, Уэльс – желтый нарцисс и лук порей, Шотландия – чертополох, Северная Ирландия – трилистник. Цветы чертополоха и лука порея являются национальными эмблемами этих стран.

Тем не менее не стоит преуменьшать значимость цветов для русской картины мира. В России узоры в виде цветка можно встретить на традиционной русской одежде, в книгах прочитать стихи, посвященные тому или иному цветку, а в имени знакомого попытаться уловить аромат цветка. В России не устраивают фестивалей, посвященных тому или иному цветку, но называют в их честь города и улицы, а также цветы воспеваются художниками, музыкантами и поэтами.

Т. А. Трафименкова пишет: «В мире людей – их культуре и взаимоотношениях – цветы приобретают особое значение. Они становятся олицетворением радости, нежности, изящества, выражением любви, благодарности, уважения» [Трафименкова 2011: 260]. В целом для русской языковой картины мира характерны «эмоциональность, важность человеческих отношений, духовная близость, что находит отражение в традициях, ценностях, в формировании языка» [Островая 2022: 658].

Таким образом, в ходе истории цветы постепенно занимали значимую нишу в жизни человека. Со временем они стали приобретать глубинное значение и наделяться определенными качествами и образами. Эти образы в разных языках отличаются друг от друга в связи с различиями в историческом опыте, географическом положении, обычаях и традициях, но в их основе находятся общие внутренние понятийные структуры, с помощью которых носители языка категоризируют мир, что говорит об определенных сходствах мировосприятия и ценностных установок представителей разных культур.

Методы и материалы

Материалом исследования выступили фразеологизмы, собранные методом сплошной выборки по Фразеологическому словарю русского языка под редакцией А. И. Молоткова¹, Словарю современной русской фразеологии А. В. Жукова и М. Е. Жуковой², Китайско-русскому фразеологическому словарю О. М. Готлиба и Му Хуаина³, Англо-русскому фразеологическому словарю А. В. Кунина⁴. Всего было выявлено и проанализировано 12 русских, 32 английских и 43 китайских фразеологизма, содержащих лексические компоненты с семантикой цветов. Следует отметить, что указано общее количество фразеологизмов в языке по данным словарей, все они использованы для анализа в статье, в этом заключается специфика языковых картин мира анализируемых языков.

С приходом когнитивной лингвистики, а затем и с возросшей популярностью этой области исследования многие ученые по-новому взглянули на ранее изученные проблемы и попытались разработать новые методики их решения. Такие изменения коснулись каждой области науки, в том числе и фразеологии.

Современная фразеология стремится к созданию объективной картины категоризации мира средствами когнитивной науки [Бабушкин 2013].

О. В. Гусельникова, ориентируясь на новую концепцию восприятия фразеологизмов в рамках когнитивного подхода, пишет, что «именно в рамках когнитивного подхода значение фразеологизма начинает восприниматься не просто как конструкт, а как достояние языкового сознания, реальный источник информации, работающий как единица языкового кода; как макрокомпонентная структура, включающая в себя различные блоки информации, как многомерный информационный комплекс» [Гусельникова 2009b: 155]. Такой подход позволяет более глубоко проанализировать структуры фразеологизмов и по-новому осмыслить их коммуникативное предназначение.

В нашей статье этим методом нового осмысления фразеологизмов стал метод фреймового анализа. Понятие фрейма вызывает большой интерес у ученых, которые трактуют его по-разному, что стало причиной возникновения вариативности фреймового анализа. Н. Ф. Алефиренко пишет о том, что, «с точки зрения современной когнитивной семантики, фрейм определяется как когнитивная структура, которая формируется клише и штампами сознания и в итоге представляет собой "пучок" предсказуемых валентных связей (слов) и ими предопределяемых ассоциаций» [Алефиренко 2011: 11]. Н. Н. Болдырев считает, что метод фреймового анализа помогает моделировать «принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации» [Болдырев 2004: 29]. М. В. Никитин определяет фрейм как «структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин 2004: 62]. По мнению О. В. Гусельниковой, фрейм – это «когнитивная структура знания / структура представления знания о типичной, тематически единой ситуации, организованной в виде совокупности иерархически расположенных, взаимодействующих друг с другом субфреймов и составляющих их слотов, характеризующаяся наличием конвенционального

¹ Фразеологический словарь русского языка, ред. А. И. Молотков. СПб.: Вариант, 1994. 543 с.

² Жуков А. В., Жукова М. Е. Словарь современной русской фразеологии. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2016. 418 с.

³ Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Иркутск: ИГУ, 2019. 596 с.

⁴ Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь: около 5000 фразеологизмов. М.: Рус. яз. – Медиа, 2004. 501 с.

начала и категориальным принципом организации знания» [Гусельникова 2009а: 31].

Категориальный принцип организации знаний и четко выстроенная иерархическая структура, свойственные фрейму, позволяют по-новому взглянуть на особенности восприятия мира представителями разных лингвокультур, реализованные во фразеологизмах разных языков.

В основу методики фреймового анализа нами была положена теория концептуального моделирования актуального значения идиомы, разработанная А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским. По данной теории, «в качестве источника формирования идиоматического значения выступают не значения слов-компонентов, а связанные с ними фреймы и сценарии, в связи с чем значения идиом предлагается описывать как результат концептуальных преобразований над фреймами / сценариями и их составляющими – слотами» [Баранов, Добровольский 1991: 3].

В структуре каждого фрейма выделяется ряд субфреймов. Субфреймы – это «уровни во фреймовой структуре, представляющие собой набор тематически единых признаков, являющихся цепочками иерархически расположенных слотов» [Гусельникова 2009а: 31].

Таким образом, метод фреймового анализа позволяет более подробно описать значение фразеологических единиц и выявить когнитивные признаки, актуальные при их восприятии. Такой подход к описанию фразеологизмов только начинает разрабатываться в современной лингвистике [Абдуллаева, Булгакова 2019; Булгакова, Кузнецова 2017; Гусельникова 2009б и др.], а по отношению к фразеологизмам с компонентом *цветы* ранее не применялся.

Результаты

Русская ЯКМ

В русской лингвокультуре цветы играют важную роль. Существует огромное количество песен, стихов, в которых упоминается тот или иной вид цветов, они использовались как орнамент на посуде и других предметах убранства дома. Цветы применялись и как способ украшения, и как средство в медицине, и как инструмент передачи закодированного послания, употреблялись в пищу.

Основу отобранных нами русских фразеологизмов составляют следующие лексемы со значением цветов: *одуванчик, мак, ромашка, роза, гвоздика, цветы яблони*.

Фрейм одуванчик. Одуванчик является одним из самых распространенных растений, он имеет большое значение для русской культуры. В христианстве

одуванчик стал символом страстей Господних из-за своего характерного горького вкуса. По народным же поверьям он символизирует силу солнца и света, считается цветком верности и счастья. Издавна в России этот цветок использовали не только для эстетического удовольствия, но и для лечения и еды.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: безобидный – *божий одуванчик* (старый, обычно немощный или больной человек, чаще о кроткой безобидной старой женщине).

Фрейм мак. Часто можно было встретить в русских поселениях ярко-красные цветы, а в кондитерских лавках городов булочки с семенами такого цветка, как мак, который весьма распространен по всей России.

- Субфрейм **физическое и эмоциональное состояние субъекта**: голодный – *маковой росинки во рту не было* (кто-либо ничего не ел); стыдящийся – *как маков цвет* (о румянном лице, покраснеть от стыда).

Фрейм ромашка. Ромашка – простой полевой цветок, не отличающийся многообразием красок. В русской национальной картине мира она ассоциируется с чистотой, невинностью, молодостью и любовью, является символом семьи.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: невинный – *как ромашка* (при описании юной девушки, которая отличается невинностью, скромностью и чистотой).
- Субфрейм **действие, направленное на субъект**: гадать – *гадать на ромашке* (гадать на своего возлюбленного; предсказывать будущее).

Фрейм роза. Роза – один из самых древних и известных цветов в мире. В разных странах ей придают разные значения. В русскую культуру образ розы вошел довольно поздно, т.к. в русском фольклоре уже использовались цветы, символика которых соотносилась со значением розы на западе и востоке. Со временем роза все же проникает в русское народное творчество и становится символом женской красоты и любви.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: красивая – *свежа, как роза* (в русской национальной картине мира можно приравнять к словосочетанию *красивая девушка*).
- Субфрейм **действие, направленное на субъект**: осчастливить – *усеять (усыпать) чей-нибудь путь розами* (сделать чью-либо жизнь легкой, счастливой).

Фрейм гвоздика. На языке цветов белые гвоздики – выражение доверия и искренности, красные – признание в любви, полосатые – отказ или прекращение

отношений. В России это одновременно и символ революции, и символ любви, и символ воинской чести. В 1917 г. символ красной гвоздики был подхвачен российским пролетариатом, он создает ауру борьбы и воинственности. В годы Великой Отечественной войны этот образ укрепился. В настоящее время цветок олицетворяет боль войны и мужество.

- Субфрейм **качественная оценка действительно-сти**: прелестно – *антик с гвоздикой* (ироническое выражение восторга, восхищения, похвалы).

Фрейм цветы яблони. Яблоня – это самое распространенное плодородное дерево в России, и его цветение ассоциируется с молодостью и красотой.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: юная – *как яблонька весной* (так иносказательно описывают юную девушку).
- Субфрейм **характеристика объекта**: прекрасное – *как яблонецвет* (о чем-то светлом и прекрасном).
- Субфрейм **время по действию**: всё временно – *всё пройдёт, как с белых яблонь дым* (всё в жизни преходящее, течение времени сглаживает душевные раны, переживания молодости).

Как видим, наиболее часто в структуре фреймов русского языка встречается субфрейм **характеристика субъекта**, что говорит о том, что цветы в русской ЯКМ чаще всего сравниваются с образом человека. В основном им приписывают положительные человеческие качества, такие как безобидность, красота, невинность и другие. Помимо наложения образа человека на цветок, с помощью цветов в русской лингвокультуре можно также охарактеризовать действие (*цветы пышным цветом*), добавить в речь эмоции (*антик с гвоздикой*) и даже предсказать суженого. Так издавна на Руси гадали, используя ромашку, на своего возлюбленного и ближайшее будущее. Поверье, что ромашка способна предсказывать, сохранилось и по сей день, а вместе с ним и фразеологизм *гадать на ромашке*.

Английская ЯКМ

Цветы в культуре Англии имеют длительную историю и связаны с множеством исторических событий и легенд. Свой флористический символ имеет каждая страна, входящая в состав Великобритании. Во всех этих странах цветы являются неотъемлемой частью повседневности и имеют важное значение для культуры.

Основу отобранных нами английских фразеологизмов составляют следующие лексемы со значением цветов: *маргаритка, лаванда, лилия, роза*.

Фрейм маргаритка (daisy). Цветок *маргаритка* был известен всегда и повсюду: будь то Древняя Греция, Средневековая Европа или современная Великобритания. Издавна она считалась цветком любви. На маргаритке, как и на ромашке, гадали на возлюбленного, а также ее дарили в качестве выражения любви. Вследствие мягкого климата Англии маргаритки там могут цвести практически круглый год, в отличие от розы, например. Так, в Англии появилось мрачное суеверие о том, что если упустить весной возможность наступить на первую увиденную маргаритку, то до окончания года кто-то из близких умрет.

- Субфрейм **действие, направленное на результат**: умереть – *push up (the) daisies* (жарг.) (отправить на тот свет, сыграть в ящик, отдать концы).
- Субфрейм **пространственная характеристика места нахождения субъекта**: в могиле – *under the daisies* (жарг.).

Фрейм лаванда (lavender). Изначально цветы лаванды не были распространены в Англии. Их применяли монахи и монахини, зная лечебные свойства цветов. Однако уже в Средние века лаванду стали употреблять как незаменимое бытовое средство. Ее применяли и для полировки мебели, и как лечебное средство, но самым популярным было придание аромата вещам с помощью этих цветов, а также использование в качестве духов. Со временем лаванда стала очень востребованной, поэтому ее выращивали в больших объемах на полях.

- Субфрейм **действие, направленное на результат**: приберечь на будущее – *lay (up) in lavender* (1) приберечь на будущее (букв. переключать лавандой); (2) отдавать в залог; (3) уст. убрать с пути, упрятать в тюрьму).

Фрейм лилия (lily). Лилия в Англии имеет большое значение. Она является одной из четырех гербовых фигур, символизирующих статус, доблесть и благородство. Изначально же лилия является воплощением чистоты и невинности. Также в Англии XIX в. эти цветы служили зашифрованным языком для выражения чувств.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: непорочный – *(as) pure as a lily* (поэт.) (чистый, непорочный).
- Субфрейм **оценочная характеристика действия**: тратить время попусту – *gold (или paint) the lily* («позолотить лилию», заниматься бесплодным делом, тратить время или силы попусту).

Фрейм роза (rose). На протяжении многих лет в Англии роза считалась и до сих пор считается королевой цветов. Это прежде всего связано с историей и важнейшими событиями, произошедшими в королевстве, в результате чего именно красная роза стала флористическим символом Англии. В настоящее время белая роза, окаймленная лепестками красной розы, украшает королевский герб Великобритании, а также служит предметом декора.

- Субфрейм **характеристика субъекта:** красивая – *a rose between two thorns* (красивая женщина, сидящая между двумя мужчинами); само совершенство – *a rose without a thorn* (роза без шипов, само совершенство).
- Субфрейм **физическое и эмоциональное состояние субъекта:** зардеться – *blush like a rose* (зардеться, как маков цвет); здоровая – *have roses in one's cheeks* (румянец во всю щеку, пышет здоровьем, кровь с молоком (обыкновенно о женщине)); зачахнуть – *lose one's roses* (поблекнуть, увянуть, зачахнуть).
- Субфрейм **действие, направленное на субъект:** вернуть румянец – *bring back the roses to her cheeks* (вернуть румянец ее щекам).
- Субфрейм **качественная оценка действительности:** сложиться удачно – *come up roses* (сложиться очень удачно); не всё легко и приятно – *not all roses* (усыпанный не только розами, т.е. не всё легко или приятно); втихомолку – *under the rose* (по секрету, втихомолку, тайком); всё привлекательное имеет свои недостатки – *(there is) no rose without a thorn* (посл.) (нет розы без шипов, всё привлекательное имеет свои недостатки).
- Субфрейм **оценочная характеристика действия:** беспечно – *gather life's (the) roses* (срывать цветы удовольствия, пользоваться удовольствиями жизни).

В английских фразеологизмах, в отличие от русских и китайских, доминирует субфрейм **качественная оценка действительности**. С помощью заложенного в цветке глубинного смысла носители английского языка лаконично и красиво показывают свое отношение и дают оценку действительности. Вторым по частотности является субфрейм **характеристика субъекта**. Как и в других культурах, цветы в английской культуре наделяются человеческими качествами, в основном женскими. Следующий по частотности субфрейм – **оценочная характеристика действия**, цветы выступают в роли оценки какого-либо действия.

Китайская ЯКМ

Еще с древних времен в Китае почитались цветы. Их можно было увидеть на изделиях различной утвари, в волосах и одежде благородных дам, в садах аристократов, а также на полотнах художников и вышивке юных дев. Цветы и по сей день считаются символом благородства и красоты.

Основу отобранных в нашем исследовании китайских фразеологизмов составляют следующие лексемы со значением цветов: *орхидея* (兰), *лотос* (芙, 莲), *полынь* (艾), *эпифиллум остролепестковый* (昙花) и плодовые деревья, на которых также появляются цветки в период цветения: *слива* (李, 梅, 梅花), *груша* (梨花), *персик* (桃).

Фрейм орхидея (兰). Один из любимейших цветов в китайской культуре – орхидея. Этот символ нежности и скромности входит в число четырех благородных растений Китая. Большинство фразеологизмов с компонентом *цветы* в китайской культуре связано именно с орхидеей.

- Субфрейм **характеристика субъекта:** добрый – *惠心兰质* – *huìxīnlánzhì* (сердце орхидеи, сущность орхидеи (добрая, прелестная женщина)); благородный – *澧兰沅芷* – *lǐlányuánzhǐ* (орхидеи на реке Ли и Юань (благородный дух)); достойный – *芳兰竟体* – *fānglánjìngtǐ* (запах душистой орхидеи пронизал все тело (изящные движения, достойный дух)); изысканный – *兰心蕙性* – *lánxīnhuìxìng* (сердце орхидеи, характер ятрышника (изысканная, утонченная натура)).
- Субфрейм **действие, направленное на субъект:** относиться без разбора – *兰艾同焚* – *lánàitóngfēn* (орхидею и полынь вместе сжечь (казнить и правых, и виноватых)); тщательно отбирать – *披臻采兰* – *pīzhēncǎilán* (срубить колючки и сорвать орхидею – тщательно, кропотливо отбирать талантливых людей); сопереживать – *芝焚蕙叹* – *zhīfēnhuìtàn* (Линчжи горит, орхидея вздыхает (сочувствовать себе подобным; принимать близко к сердцу чужое горе)).
- Субфрейм **объект сравнения:** *兰艾难分* – *lánàinánfēn* (орхидею и полынь трудно различить (добро и зло сложно разделить)); *兰芝常生* – *lánzhīchángshēng* (орхидея и чудесный гриб часто растут вместе (сокровища тянутся друг к другу)).
- Субфрейм **время по действию:** всему своё время – *春兰秋菊* – *chūnlánqiūjú* (орхидея весной, хризантема осенью (всему свое время для упоминания и похвалы)).

- Субфрейм **межличностные отношения**: покровительство – 兰薰桂馥 – *lánxūnguìfù* (орхидея благоухает, коричневое дерево распространяет аромат (милостивое покровительство надолго остается)).
- Субфрейм **результат действия**: подарки влюбленных – 采兰赠药 – *cǎilánzèngyào* (собирать орхидеи, дарить пионы (подарки влюбленным)).

Фрейм лотос (芙, 莲). Еще один благороднейший, по мнению китайцев, цветок – лотос. В Китае он почитается как священное растение, являясь символом прошлого, настоящего и будущего, т. к. состоит из бутонов, цветов и семян одновременно. С 1 июля по 25 августа ежегодно в Китае проводится Фестиваль лотосов.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: прелестная женщина – 出水芙蓉 – *chūshuǐfúróng* (бутон лотоса, появившийся из воды (тонкая поэзия; прелестная женщина)).
- Субфрейм **межличностные отношения**: быть по-прежнему связанным с кем-то – 藕断丝连 – *ǒuduànshīlián* (корневище лотоса переломлено, но волокна тянутся (продолжение связи, несмотря на разрыв отношений; быть по-прежнему связанным с кем-то тайными нитями)).

Фрейм полынь (艾). Полынь в Китае является оберегом от зла и болезней. Существует традиционный праздник Дуаньбу, главной традицией которого является подвешивание веточек полыни на дверь.

- Субфрейм **характеристика субъекта**: широкая натура – 桑弧蓬矢 – *sānghúpéngshǐ* (лук из тутовника, стрелы из полыни (высокие, честолюбивые устремления; большие задачи (пожелание при рождении мальчика))).
- Субфрейм **объект сравнения**: добро и зло – 兰艾难分 – *lánàinánfēn* (орхидею и полынь трудно различить (добро и зло сложно разделить)).
- Субфрейм **межличностные отношения**: относиться без разбора – 兰艾同焚 – *lánàitóngfēn* (орхидею и полынь вместе сжечь (казнить и правых, и виноватых)); все равны – 芝艾俱焚 – *zhīàijùfēn* (и линчжи, и полынь – все сгорают (и богатые и бедные, и добрые и злые – у всех один конец)).

Фрейм хризантема (菊) связан больше не с самим цветком, а с праздником любования цветами хризантем, который очень популярен в Китае с древних времен. Он отмечается девятого числа девятого месяца по лунному календарю. Такое всеобщее признание получила хризантема благодаря своему многообразию (около трех тысяч разновидностей) и необычайно позднему цветению. Хризантема – символ долголетия, учености и беззаботной жизни.

- Субфрейм **время по действию**: всему свое время – 春兰秋菊 – *chūnlánqiūjú* (орхидея весной, хризантема осенью (всему свое время для упоминания и похвалы)); прошлый – 明日黄花 – *míngrihuánghuā* (хризантемы на следующий день (после праздника хризантем) – вещь, утратившая актуальность).

Фрейм эпифиллум остролепестковый (昙花) имеет также названия *королева ночи* и *кактус-орхидея*, эпифиллум цветет только ночью. Этот цветок очень популярен в Китае из-за сходства с орхидеей. В Китае этот цветок используется для описания кого-то, кто переживает короткий момент славы.

- Субфрейм **оценочная характеристика действия**: мимолетный – 昙花一现 – *tánhuāyíxiàn* (цветы канны появляются на мгновение (красота быстротечна)).

В Китае, как и во всех азиатских странах, особое значение имеют плодоносные деревья, известные своим красочным цветением, например, слива (李, 梅, 梅花), груша (梨花), персик (桃).

- Субфрейм **характеристика субъекта**: красота – 梨花带雨 – *líhuādàiyǔ* (дождинки на цветах груши (девичьи слезы; девичья краса)); очарование – 暗香疏影 – *ànxiāngshūyǐng* (скрытый аромат, удивительный вид (цветы сливы; тонкая прелесть, очарование)); скромность – «桃李不言» – *táolǐbùyán* (персики и сливы безмолвны (высокие качества, ум и талант без всяких слов привлекают людей)).
- Субфрейм **действие, направленное на субъект**: тосковать – 驿寄梅花 – *yìjìméihuā* (отослать цветы сливы (передать чувства тоски далекому другу)).
- Субфрейм **время по действию**: пора выходить замуж – 标梅之年 – *biāoméizhīnián* (время, когда отцветает слива (пора выходить замуж)).

Как видим, во фреймах китайского языка, как и в русском языке, доминирует субфрейм **характеристика субъекта**. Традиционная культура Китая издавна была известна глубиной смыслов, философией и образностью. Ощущение окружающего мира, человека и природы как единого целого, несомненно, присуще китайской ЯКМ, поэтому наделяние цветов качествами человека весьма распространено. Цветы в основном наделяются качествами, присущими женщинам. Сравнение цветка и дамы – довольно распространенная практика как в Китае, так и в России, ведь цветок – такой же нежный и хрупкий, как прекрасная половина нашей планеты.

Следующим по частотности является субфрейм **действие, направленное на субъект**. Третье место занимают субфреймы **межличностные отношения** (в Китае отношения между людьми, иерархия, статусы

имеют важное значение) и *действие по времени*. Время имеет очень глубокую философию в китайской культуре. Определенному времени соответствует определенное действие и значение. Например, китайский порядок взаимопорождения стихий – Дерево, Огонь, Земля, Металл; Вода представляет собой смену этапов зарождения, роста, расцвета, увядания и смерти. Каждый из этих этапов имеет свое время. Затем этот цикл повторяется.

Таким образом, китайские фразеологизмы с компонентом *цветы* носят философский, глубинный характер, часто они подразумевают под собой такую характеристику, как красота, а именно женская красота, аналогично фразеологизмам русской и английской лингвокультур.

Заключение

Проведенный анализ показал, что фразеологические единицы с компонентом *цветы* имеют большое значение для всех трех лингвокультур. Однако в китайской и английской фразеологии эти устойчивые сочетания более распространены, чем в русской. Такое несоответствие связано, прежде всего, с ценностными установками и укладом жизни людей трех разных культур. Для китайцев большое значение имеет эстетическая сторона вещей, их философский характер. Это подтверждает и наличие в культуре Китая праздников любования цветами. Для русских же имеет большое значение практическая сторона. Достаточно вспомнить бесчисленное количество устойчивых сочетаний с наименованиями сельскохозяйственных культур, которые весьма распространены в русской фразеологии. В английской культуре цветы носят символический характер, являясь флористическим символом каждой из стран, входящих в Соединенное Королевство. Таким образом, мы видим, что внутри фразеологических единиц заключены история и культурные стереотипы о видении мира определенным народом.

Количественный анализ субфреймов показал, что количество общих субфреймов в русском и китайском языках – 4 (характеристика субъекта; действие, направленное на субъект; время по действию; оценочная характеристика действия), или 23 % от общего числа субфреймов. Первый субфрейм является ядерным как в русском, так и в китайском языках.

В русском и английском языках количество общих субфреймов – 5 (характеристика субъекта; физическое и эмоциональное состояние субъекта; действие,

направленное на субъект; качественная оценка действительности; оценочная характеристика действия), или 35 % от общего числа субфреймов. В английском языке ядерным является субфрейм *качественная оценка действительности*.

В китайском и английском языках количество общих субфреймов – 6 (характеристика субъекта; оценочная характеристика действия; действие, направленное на субъект; качественная оценка действительности; объект сравнения; характеристика объекта), или 28 % от общего числа субфреймов.

Самый большой процент сходства имеют субфреймы русского и английского языка, что обусловлено сходством восприятия цветов, возникшим вследствие влияния на русскую культуру европейских культур.

Несмотря на разнообразие внутренних понятийных структур фреймов русского, китайского и английского языков, мы можем выделить и субфреймы, которые встречаются во всех этих языках, что говорит о некотором сходстве трех культур, их ценностных установок, восприятия мира, т.е. языковой картины мира в целом. Фреймы в этих языках, отличаясь как вербально, так и номинативно, всё же имеют одинаковые внутренние понятийные структуры (субфреймы), с помощью которых носители языка категоризируют мир.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. А. Булгакова разработала концепцию и методологию, сформулировала основные положения и результаты исследования, провела проверку результатов работы и редактирование статьи, осуществляла администрирование проекта: подготовку необходимых материалов и документации. Л. Ф. Пепелова осуществила сбор материала, его первичную классификацию и подготовку чернового варианта рукописи.

Contribution: O. A. Bulgakova developed the concept and methodology, formulated the main provisions and results of the study, checked the results, proofread the article, and supervised the project. L. F. Pepelova collected the material, performed its primary classification, and drafted the manuscript.

Литература / References

- Абдуллаева Ф. Э., Булгакова О. А. Специфика фреймовой организации соматических фразеологизмов русского, телеутского и китайского языков. *Восток – Запад: пересечение культур*: II Всемирный конгресс. (Киото, 2–6 октября 2019 г.) Киото: Tanaka Print, 2019. Т. I. С. 399–406. [Abdullaeva F. E., Bulgakova O. A. Specifics of the frame organization of somatic phraseological units in Russian, Teleut, and Chinese. *East – West: Intersection of Cultures*: Proc. II World Congress, Kyoto, 2–6 Oct 2019. Kyoto: Tanaka Print, 2019, vol. I, 399–406. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/izv1hx>
- Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики. *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2011. № 2. С. 11–17. [Alefirenko N. F. Phraseological value in the light of frame semantics. *Uchenye zapiski Zabaikalskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo*, 2011, (2): 11–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nrbpqr>
- Араева Л. А. Мир во фразеологизмах мира. *Слово. Текст. Время XII. Фразеология в идеолексии и системе славянских языков. К 200-летию Тараса Шевченко*. Szczecin-Greifswald, 2014. С. 15–23. [Araeva L. A. Peace in phraseological units of the world. *Word. Text. Time XII. Phraseology in ideolexy and the system of Slavic languages. To the 200th anniversary of Taras Shevchenko*. Szczecin-Greifswald, 2014, 15–23. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uimzgn>
- Бабушкин А. П. «Здравый смысл» в денотативных значениях фразеологических единиц. *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами*: III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19–21 марта 2013 г.). Белгород: ИД «Белгород», 2013. С. 40–42. [Babushkin A. P. Common sense in the denotative meanings of phraseological units. *Cognitive factors of interaction of phraseology with related disciplines*: Proc. III Intern. Sci. Conf., Belgorod, 19–21 Mar 2013. Belgorod: ID "Belgorod", 2013, 40–42. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/shgpcl>
- Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Концептуальная модель значения идиомы. *Когнитивные аспекты лексики: немецкий язык*, ред. Е. В. Розен. Тверь: ТвГУ, 1991. С. 3–13. [Baranov A. N., Dobrovolsky D. O. Conceptual model of the meaning of an idiom. *Cognitive aspects of vocabulary: German language*, ed. Rosen E. V. Tver: TverSU, 1991, 3–13. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uobdmp>
- Баско Н. В. Фразеологизмы как средство лингвистического обеспечения межкультурной коммуникации. *Национальные культуры в межкультурной коммуникации*: I Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 14–15 апреля 2016 г.) Мн.: Сегмент, 2016. Ч. 2. С. 38–44. [Basko N. V. Phraseological units as a means of linguistic support for intercultural communication. *National cultures in intercultural communication*: Proc. I Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 14–15 Apr 2016. Minsk: Segment, 2016, pt. 2, 38–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ztdxzb>
- Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 18–36. [Boldyrev N. N. Conceptual space of cognitive linguistics. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2004, (1): 18–36. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/opvzuj>
- Братчикова Н. С. Цветовая картина мира – фрагмент языковой картины (на материале финского языка). *Россия – Запад: диалог культур*: XI Междунар. конф. (Москва, 28–30 ноября 2005 г.) М.: МГУ, 2005. С. 20–23. [Bratchikova N. S. Chromatic worldview as a fragment of the linguistic worldview in the Finnish language. *Russia – West: Dialogue of cultures*: Proc. XI Intern. Conf., Moscow, 28–30 Nov 2005. Moscow: MSU, 2005, 20–23. (In Russ.)]
- Булгакова О. А. Языковая картина мира сквозь призму зоофразеологизмов в телеутском и русском языках. *Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири*: IV Всерос. науч.-практ. конф. (Абакан, 1–2 октября 2020 г.) Абакан: ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2020. С. 79–82. [Bulgakova O. A. Linguistic worldview through the prism of zoological phraseological units in Teleut and Russian. *Preserving and developing languages and cultures of indigenous peoples of Siberia*: Proc. IV All-Russian Sci.-Prac. Conf., Abakan, 1–2 Oct 2020. Abakan: N. F. Katanov KSU, 2020, 79–82. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lnggkq>
- Булгакова О. А., Кузнецова А. А. Специфика фреймовой организации фразеологизмов русского, китайского и телеутского языков с названиями блюд и продуктов питания. *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017. № 2. С. 54–65. [Bulgakova O. A., Kuznetsova A. A. The peculiarities of the frame-based organization of phraseological units that include words about food and names of dishes in the Russian, Chinese and Teleut languages. *Ekologiia iazyka i kommunikativnaia praktika*, 2017, (2): 54–65. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yusmov>

- Вальтер Х. Старый немецкий фон современной русской фразеологии. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-3. С. 94–98. [Walter H. Old German background of new Russian phraseology. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-3): 94–98. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pyiyhl>
- Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. 2-е изд., испр. и доп. М.: УРСС, 2004. 232 с. [Weisgerber L. *Native language and the developing of the spirit*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2004, 232. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwhamr>
- Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. Т. 3. 317 с. [Vinogradov V. V. *Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow: Nauka, 1977, vol. 3, 317. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vtgrgz>
- Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с. [Humboldt W. von. *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress, 1984, 398. (In Russ.)]
- Гусельникова О. В. Возможности фреймового анализа. *Мир науки, культуры, образования*. 2009а. № 5. С. 29–32. [Guselnikova O. V. Different techniques of frame. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009a, (5): 29–32. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iurmax>
- Гусельникова О. В. Когнитивный аспект изучения фразеологии. *Актуальные вопросы современной науки*. 2009b. № 5-2. С. 155–162. [Guselnikova O. V. Cognitive aspect of the study of phraseology. *Aktualnye voprosy sovremennoi nauki*, 2009b, (5): 155–162. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rciujd>
- Гусельникова О. В. Новые тенденции во фразеологии. *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 5. С. 297–299. [Guselnikova O. V. New tendencies in phraseology. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2011, (5): 297–299. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/okaoav>
- Даниленко В. П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера. *Филология и человек*. 2009. № 1. С. 7–17. [Danilenko V. P. Language world concept in L. Weisgerber's theory. *Filologiya i chelovek*, 2009, (1): 7–17. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ndvnaj>
- Дашиева С. Ц. Д., Дампилон Н. Б. Пространственные концепты «небо» и «земля» в русской, бурятской и китайской фразеологических картинах мира. *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 2. С. 444–447. [Dashieva S. Ts. D., Dampilon N. B. Spatial concepts 'heaven' and 'earth' in the Russian, Buryat and Chinese phraseological picture of the world. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2022, (2): 444–447. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-293-444-446>
- Добрыднева Е. А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства. Волгоград: Перемена, 1988. 88 с. [Dobrydneva E. A. *Modern Russian phraseology: categorical features and communicative properties*. Volgograd: Peremena, 1988, 88. (In Russ.)]
- Залевская А. А. «Образ мира» vs «Языковая картина мира». *Картина мира и способы ее репрезентации*, отв. ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. Воронеж: ВГУ, 2003. Вып. 2. С. 41–47. [Zalevskaya A. A. "Image of the world" vs. "Linguistic worldview". *Worldview and its representation*, eds. Grishaeva L. I., Popova M. K. Voronezh: VSU, 2003, iss. 2, 41–47. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrxfan>
- Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ugqamp>
- Копытин А. И. Цветы и человек: культурные, экпсихологические и терапевтические аспекты. *Экопозис: экогуманитарная теория и практика*. 2022. Т. 3. № 2. С. 36–50. [Kopytin A. I. Flowers and humans: cultural, eopsychological and therapeutic aspects. *Ecopoiesis: Eco-Human Theory and Practice*, 2022, 3(2): 36–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uqaxpo>
- Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., стер. Дубна: Феникс+, 2005. 479 с. [Kunin A. V. *Modern English phraseology*. Dubna: Feniks+, 2005, 479. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrsdhn>
- Лесина Г. С. Анализ китайских фразеологизмов чэньюй. *Молодой ученый*. 2020. № 23. С. 701–703. [Lesina G. S. Analysis of Chinese phraseological units Chengyu. *Molodoi uchenyi*, 2020, (23): 701–703. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tuqnfq>
- Лю А. Проблемы фразеологизмов в межкультурной коммуникации (на материале фразеологизмов русского и китайского языков). *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4. С. 327–329. [Liu A. Problems of phraseological units in intercultural communication (based on the phraseological units of Russian and Chinese languages). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, (4): 327–329. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/okopgt>

- Маслова Ж. Н. Краткое описание основных положений когнитивного исследования поэтического текста. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2011. № 2. С. 38–42. [Maslova Zh. N. Brief description of the main points of a poetic text cognitive research. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, (2): 38–42. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mkfl0s>
- Мокиенко В. М. Жизнь русской фразеологии в современной речи. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-4. С. 59–62. [Mokienko V. M. The life of the Russian phraseology in the contemporary speech. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-4): 59–62. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pzdrep>
- Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1989. 286 с. [Mokienko V. M. *Slavic phraseology*. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1989. 286. (In Russ.)]
- Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977. 283 с. [Molotkov A. I. *Fundamentals of phraseology of the Russian language*. Leningrad: Nauka, 1977. 283. (In Russ.)]
- Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 53–64. [Nikitin M. V. Derived notions of the concept. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2004, (1): 53–64. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/opvzvd>
- Островая Ю. С. Русская языковая картина мира и ее специфика (природа – культура – познание). *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология*. 2022. № 3. С. 654–661. [Ostrovaya Yu. S. Russian language picture of the world and its specificity (nature – culture – cognition). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya*, 2022, (3): 654–661. (In Russ.)] <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2022-32-3-654-661>
- Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М.: ЯРК, 1996. 288 с. [Teliya V. N. *Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: IaRK, 1996, 288. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sumhnj>
- Терновая Л. О. Цветы и люди. М.: Кнорус, 2018. 188 с. [Ternovaya L. O. *Flowers and people*. Moscow: Knorus, 2018, 188. (In Russ.)]
- Толмачева У. К. Цветочная символика в повседневной и праздничной культуре Китая. *Аналитика культурологии*. 2011. № 2. С. 236–240. [Tolmacheva U. K. Flower symbolism in the everyday and festive culture of China. *Analitika kulturologii*, 2011, (2): 236–240. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qzcrhr>
- Трафименкова Т. А. Номинации полевых цветущих растений как фрагмент русской языковой картины мира. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2011. № 6. С. 260–267. [Trafimenkova T. A. The nominations of wild blooming plants as a fragment of the Russian linguistic picture of the world. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2011, (6): 260–267. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/oulwxj>
- Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. 6-е изд. М.: URSS, 2011. 265 с. [Shanskii N. M. *Phraseology of the modern Russian language*. 6th ed. Moscow: URSS, 2011, 265. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwssyy>
- Шкатова В. В. Фразеологическая картина мира как объект лингвистического изучения. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2012. Т. 7. № 1. С. 208–215. [Shkatova V. V. Phraseological picture of the world as an object of linguistic studies. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, 2012, 7(1): 208–215. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pjtdsp>
- Шумбасова С. С. Цветы: язык английского искусства или искусство английского языка? *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 1. С. 52–58. [Shumbasova S. S. Flowers: The language of the English art or the art of the English language? *RUDN Journal of language Studies, Semiotics and Semantics*, 2016, (1): 52–58. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vpbczp>
- Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие: обзор российских публикаций последних лет. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2017. Т. 15. № 2. С. 5–20. [Yakovlev A. A. Language worldview as a linguistic notion: Review of recent Russian works. *Vestniuk NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2017, 15(2): 5–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yaubnl>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lpnmnj>

Роль порядка слов в реализации коммуникативной структуры предложения в русском и персидском языках

Давуди Афсане

Тегеранский университет, Иран, Тегеран

<https://orcid.org/0009-0008-8108-8054>

adavoudi@ut.ac.ir

Валипур Алиреза

Тегеранский университет, Иран, Тегеран

<https://orcid.org/0000-0002-1533-1529>

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному исследованию роли словоупорядка в реализации коммуникативной структуры предложения в русском и персидском языках. Проведены анализ и сравнение коммуникативной структуры предложения, средств и способов ее выражения, рассмотрены закономерности порядка слов на уровне коммуникативного аспекта предложения в исследуемых языках. Изучение коммуникативного строя предложений показывает, что в обоих языках учение о коммуникативном аспекте предложения тесно связано с порядком слов, который является главным средством выражения смыслового членения предложения. Наблюдаются различия в особенностях и правилах порядка слов на уровне коммуникативной организации предложения между двумя языками. В нейтральной речи обоих языков тема как исходная информация высказывания всегда предшествует реме как актуальной информации. В экспрессивно окрашенной речи существуют различия. В русском языке рема находится в начале предложения и тема следует за ней, то есть отражается движение мысли от сообщаемого к исходному высказыванию. Таким образом, при изменении коммуникативного членения предложения изменяется и словоупорядок, и по анализу порядка слов в нейтральной и экспрессивно окрашенной речи можно сделать вывод, что прямой и инверсионный порядок слов в русских предложениях связывается с той функцией, которую эти члены предложения выполняют в тема-рематических отношениях. В персидском языке как языке с устойчивым порядком слов нет такой возможности, и инверсионного порядка слов на уровне актуального членения предложения не существует. В персидском языке места темы и ремы всегда закреплены, и исходный пункт высказывания всегда предшествует новой информации. Кроме того, в отличие от русского языка, в котором темой и ремой может быть любой член предложения, в персидском языке функцию темы и ремы выполняют лишь определенные члены предложения.

Ключевые слова: персидский язык, высказывание, коммуникативная организация, порядок слов, инверсия, тема, рема

Цитирование: Давуди А., Валипур А. Роль порядка слов в реализации коммуникативной структуры предложения в русском и персидском языках. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 84–93. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-84-93>

Поступила в редакцию 02.09.2023. Принята после рецензирования 12.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Word Order in the Communicative Structure of the Sentence in Russian and Persian Languages

Afsaneh Davoudi

University of Tehran, Iran, Tehran

<https://orcid.org/0009-0008-8108-8054>

adavoudi@ut.ac.ir

Alireza Valipour

University of Tehran, Iran, Tehran

<https://orcid.org/0000-0002-1533-1529>

Abstract: The article introduces a comparative analysis of the word order in the communicative structure of the sentence in Russian and Persian. The research also covered means and methods of expressing communicative structure, as well as the rules and patterns of word order on the communicative level. In both languages, the communicative aspect of the sentence is closely related to the word order, which is the main tool of expressing the semantic division

of the sentence. However, the communicative word order patterns are different. In the neutral speech, both languages put the theme (background information) in front of the rheme (actual information). In expressive speech, the Russian rheme is placed at the beginning of the sentence while the theme follows it. In other words, the thought moves from the actual information to the background information. When the communicative division of the sentence changes, the word order also changes. Based on the analysis of the word order in neutral and expressive speech, direct and inverted word orders are associated with the function that these components perform in the theme-rheme relationship. Persian, however, has a fixed word order, and allows for no inversion: the theme and the rheme are fixed, and the background information always precedes the new one. In the Russian language, any part of the sentence can be the theme or the rheme. In Persian, the function of the theme or the rheme belongs to particular sentence components.

Keywords: Persian language, utterance, communicative organization, word order, inversion, theme, rheme

Citation: Davoudi A., Valipour A. Word Order in the Communicative Structure of the Sentence in Russian and Persian Languages. *SibScript*, 2024, 26(1): 84–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-84-93>

Received 2 Sep 2023. Accepted after peer review 12 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

Изучение порядка слов является одной из самых значительных проблем в лингвистике как с теоретической, так и с практической точки зрения. Порядок слов как одно из базовых синтаксических средств в любом языке имеет большое значение в организации предложения и выполняет важные функции в нем. Отношения порядка слов к актуальному (смысловому) членению предложения значительно варьируются в разных языках, поэтому для обучения иностранным языкам возникает необходимость изучения порядка слов в сопоставительном аспекте. Познание закономерностей словорасположения действительно способствует более полному и глубокому пониманию системы языка.

Данному вопросу уделяют особое внимание лингвисты. Среди исследователей, которые работали над проблемой порядка слов на материале русского языка, можно указать З. К. Кахужева, которая изучила особенности словорасположения в русском предложении [Кахужева 2018]. А. И. Сенина и О. Н. Сергеева сопоставили порядок слов в повествовательных предложениях на материале английского и русского языков [Сенина, Сергеева 2016]. Рассмотрению порядка слов в русских простых предложениях и его методической интерпретации в тюркоязычной аудитории посвящена работа Г. П. Гадомской [Гадомская 2016]. П. В. Гурова изучила структуру предложения в русском языке и взаимоотношения порядка слов с актуальным членением предложения [Гурова 2020].

Существуют исследования актуального членения предложения и его связи с словопорядком. Например, А. А. Сарымбетова рассмотрела порядок слов в качестве средства актуального членения в русских и английских предложениях на материале художественной

литературы [Сарымбетова 2016]. И. А. Бирюкова проанализировала роль актуального членения предложения и порядка слов в организации сложного целого в русском языке [Бирюкова 2016]. В исследовании А. В. Солнцева представлено сопоставительное изучение средств выражения актуального членения предложения в русском и французском языках [Солнцева 2018]. А. Келиму сопоставляет особенности актуального членения предложения и степени свободы порядка слов в китайском и русском языках [Келиму 2022]. Е. Н. Макарова провела сопоставительный анализ коммуникативного статуса главных членов предложения и его средств выражения в русском, английском и испанском языках как неблизкородственных языках [Макарова 2020], изучила вопроса обучения коммуникативной структуре английских высказываний носителей русского языка, изучающих английский язык в качестве иностранного [Макарова 2019]. А. М. Х. Мехрбахш и З. И. К. Мохаммади сопоставили синтаксический строй и словопорядок в простых двусоставных повествовательных предложениях в русском и персидском языках [Мехрбахш, Мохаммади 2021].

Имеются работы о проблеме порядка слов с различных точек зрения на материале персидского языка [Golfam 2006; Lazard 2012: 240–244; Rasulpour 2017; Soltani Gardfaramarzi 2002: 191–194].

Несмотря на существование различных исследований о структуре предложения и порядке слов в русском и персидском языках, не изучены коммуникативная структура предложения и роль порядка слов в ее организации в русском и персидском языках в сопоставительном аспекте. По мнению исследователя методики преподавания русского языка как иностранного, при обучении порядку слов в русском предложении

недостаточно внимания уделяется изучению коммуникативной структуры предложения, что считается значительным препятствием для развития коммуникативной компетенции учащихся [Хавронина 2005: 130]. Поэтому одной из важных проблем при обучении русскому языку носителей персидского языка, изучающих русский язык в качестве иностранного, является сопоставление коммуникативной структуры предложения и средств и способов ее выражения в родном и иностранном языках. Различия между двумя исследуемыми языками в этой области приводят к неточной передаче смысла и стилистических экспрессивных оттенков предложения или высказывания, а нередко и к так называемому коммуникативному конфликту (т. е. к непониманию или неполному пониманию высказывания адресатом речи).

Актуальность настоящего исследования состоит в изучении и сравнении закономерностей словоупорядка на уровне коммуникативной структуры русских и персидских предложений для обучения русскому языку в качестве иностранного и также для точного перевода с русского языка на персидский и наоборот. Цель – изучить роль порядка слов в реализации коммуникативной структуры предложения в русском и персидском языках. Задачи: изучить и сопоставить роль порядка слов в выражении смысла высказывания в коммуникативной организации простых повествовательных предложений в русском и персидском языках; рассмотреть правила и особенности порядка слов на уровне коммуникативного строя предложения в двух языках. Полученные результаты данной работы могут быть использованы как в теоретической сфере, на исследованиях о структуре русских и персидских предложений и особенностях их словоупорядка, так и в практической сфере в целях улучшения качества перевода с русского языка на персидский и наоборот, а также при обучении каждому из обоих языков как иностранному. Использование результатов данного исследования в учебных пособиях поможет учащимся правильно понять смысл и целевую установку предложения, научит их выбору правильного порядка слов при строении предложения для точной передачи мысли.

Методы и материалы

Основным методом данного исследования является описательный метод с использованием приема сопоставления. В качестве материала выбраны предложения на русском и персидском языках из разных учебников и художественных произведений.

Результаты

Порядок слов как одно из базовых синтаксических средств в любом языке имеет большое значение в организации предложения и выполняет важные функции в нем. Эти функции в разных языках неодинаковы. В русском языке при помощи порядка слов определяются синтаксические функции отдельных компонентов предложения, выражается экспрессивная окраска речи, определяется стилистическая принадлежность синтаксических конструкций, однако главной функцией является выражение актуального (или смыслового) членения предложения [Адамец 1966: 9].

Вопрос актуального членения предложения рассматривается в связи с коммуникативным аспектом предложения. Каждое предложение помимо своей определенной грамматической структуры, в которой выделяются главные и второстепенные члены, имеет другую структуру, которая не выступает в границах самого предложения и выясняется только в связи с данным контекстом или речевой ситуацией, в которой данное предложение функционирует как сообщение. Это коммуникативный аспект предложения [Белошапкина и др. 1989: 602–603].

Как отмечает И. П. Распопов, каждое предложение, реализуясь в речи, оформляется в соответствии с определенным коммуникативным заданием [Распопов 2009: 44]. Организация предложения на уровне коммуникативной структуры отражается через его актуальное членение. Приспособление формально-грамматического строя предложения в результате включения в ту или иную речевую ситуацию к коммуникативным заданиям называется актуальным членением предложения [Валгина и др. 1987: 330]. Актуальное членение предложения – это смысловое членение предложения, которое зависит от коммуникативной цели высказывания в данном контексте или данной речевой ситуации и организует предложение для передачи актуальной, новой информации, которая составляет суть данной коммуникации и ради сообщения которой данная коммуникация и должна состояться [Белошапкина и др. 1989: 705].

Так как предложение в качестве минимальной единицы речи обычно имеет тесные смысловые отношения с контекстом, актуальное членение предложения определяется его коммуникативной ролью в данном отрезке высказывания, прежде всего его смысловой связью с предшествующим предложением [Розенталь 2005: 539]. Таким образом, актуального (коммуникативного) членения предложения не существует вне речи, и оно осуществляется только

в процессе речи, в определенной ситуации общения, с учетом связи данного предложения с другими [Лекант и др. 2001: 385].

При изучении актуального членения предложения во всех языках мира предложение в соответствии со своим коммуникативным заданием членится на две основные части: тему (основу высказывания) и ремю (ядро высказывания). Темой как исходным пунктом высказывания является часть предложения, несущая известное, основу высказывания, и называется понятие, которое служит предметом сообщения [Крылова, Хавронина 1986: 112]. Тема обычно бывает известна, дана и предопределена предшествующим контекстом, а также используется в качестве компонента, соединяющего высказывание с предшествующим предложением [Белошапкова и др. 1989: 706]. Рема – часть предложения, содержащая сообщение о теме и представляющая собой главную коммуникативную цель высказывания. Рема как ядро высказывания всегда заключает в себе новую, актуальную для слушателя информацию. Например, в предложении *Николай читает книгу* коммуникативная цель высказывания – сообщение о том, что делает *Николай*. Так, в этом предложении первая часть (*Николай*) является основой высказывания (тематической частью), вторая часть (*читает книгу*) – ядром (рематической частью) высказывания. В следующих предложениях первая часть является темой, а вторая – ремой, содержащей сообщение о теме предложения [Валгина и др. 1987: 331]: *Звонила / моя старшая сестра* (кто звонил?); *Я изучаю английский язык / два года* (сколько времени вы изучаете английский язык?); *Мой любимый поэт / – Сергей Есенин* (кто ваш любимый поэт?). По анализу приведенных примеров и замечанию М. А. Шелякина можно дать актуальному членению предложения такое определение: членение предложения, при котором вся информация предложения передается соединением двух частей предложения, содержащих его исходную и новую информации [Шелякин 2000: 228].

Актуальное членение предложения зависит от контекста и речевой ситуации, от цели высказывания, от коммуникативной установки говорящего, т.е. от того, что говорящий намеривается сообщить, выделить в высказывании, как бы отвечая на вопрос. Поэтому одно и то же предложение, состоящее из определенных лексических единиц, при разных речевых ситуациях с разными коммуникативными заданиями образует несколько коммуникативных единиц, различающихся актуальной информацией, а также наличием или отсутствием экспрессивно-стилистической окраски.

Например, из предложения *Николай приехал* можно образовать шесть коммуникативных структур, из которых две являются омонимичными и лишь отличаются экспрессивно-стилистической окраской: 1) *Что слышно о Николае?* – *Николай приехал*; 2) *Что слышно о Николае?* – *Приехал Николай*; 3) *Кто приехал?* – *Приехал Николай*; 4) *Кто приехал?* – *Николай приехал*; 5) *Что нового?* – *Приехал Николай*; 6) *Что нового?* – *Николай приехал* [Белошапкова и др. 1989: 603–605]. Как видим, эти предложения отвечают на разные вопросы и реализуют разные коммуникативные задания, которые представлены разным порядком слов и местом фразового ударения. То есть различие их актуального содержания выясняется только при обращении к речевой ситуации, в которой они употреблены.

При изменении цели высказывания актуальное членение предложения оформляется различным расположением слов. Как отмечает чешский лингвист В. Матезиус, в современном русском языке актуальное членение предложения имеет тесную связь с порядком слов, который является его главным средством выражения [Матезиус 1967]. Иными словами, изменение актуального членения предложения осуществляется посредством словопорядка, и, как объясняет О. Б. Сиротинина в своей книге, правила словопорядка в предложении зависят от коммуникативной цели, т.е. от смысла предложения [Сиротинина 1980: 124]. Так, как утверждает Х. Вейль, закономерности порядка слов в русском языке связаны не с формально-грамматическим членением предложения, а с тема-рематическим отношением между членами предложения [Weil 1978: 24].

Таким образом, в современном русском языке в процессе речи мы выделим данное (тему) и новое (ремю) высказывания при помощи порядка слов. Русские предложения по характеру месторасположения темы и ремы разделяются на две группы: предложения с экспрессивно не окрашенным (или нейтральным) порядком слов и предложения с экспрессивно окрашенным (или инверсивным) порядком слов [Бельчиков 2012: 307].

В нейтральной литературной речи нормальной последовательностью расположения членов предложения является переход от темы к реме. В таких высказываниях исходная информация высказывания (*тема*) стоит **в начале** предложения, а актуальная информация высказывания (*рема*) – **в конце** предложения, после темы. Такая последовательность расположения членов коммуникативной структуры предложения, т.е. тема – рема (переход от исходного, данного к сообщаемому, новому), называется прямым

(или объективным) порядком слов. Например: *Дорога / покрылась снегом*. В этом предложении слово *дорога* в качестве темы находится в начале предложения, оборот *покрылась снегом* в качестве ремы следует за ней [Крылова, Хавроница 1986: 137]. Эта функция порядка слов универсальна и отмечается в любом языке, т. к. обычно тема предшествует реме во всех языках мира [Сарымбетова 2016: 58–59].

Однако, в русском языке в экспрессивно окрашенной речи и при некоторых особых стилистических заданиях, типичных для языка художественной литературы, обычный порядок слов может нарушаться и возникает так называемая инверсия или, вернее, экспрессивно окрашенный порядок слов, при котором рема находится в начале предложения и тема следует за ремой [Белошапкина и др. 1989: 711]. В таких высказываниях отражается движение мысли от сообщаемого к исходному, от неизвестного к известному [Крылова, Хавроница 1986: 138]. Такой порядок слов, препозицию ремы и постпозицию темы называют обратным (или субъективным) порядком слов. Например: *Не понравился Федору этот фильм*. В этом предложении первое место занял сказуемое (*Не понравился*) в качестве ремы. Сравним с объективным порядком слов: *Федору не понравился этот фильм*, в котором косвенное дополнение (*Федору*) в качестве темы занимает первое место в предложении [Крылова, Хавроница 1986: 137].

Объективный порядок слов характерен для научной и деловой речи, субъективный порядок слов свойственен экспрессивно окрашенной речи и чаще встречается в произведениях художественной литературы [Валгина и др. 1987: 334]. Но следует обратить внимание на примечание, что при обратном (эмоционально-выразительном) порядке слов тема как исходная информация и рема как новая информация не меняют своих функций, меняется лишь их местоположение в предложении: новая информация выражается в начале или к началу предложения, исходная информация – в конце или к концу. Например: *Кто / тебе звонил? – Звонил / мой отец и Мой отец / звонил* [Шелякин 2000: 228].

В русском языке основным средством выражения актуального членения предложения является порядок слов, но следует добавить, что это средство всегда взаимодействует с интонацией. Порядок слов и интонация (место фразового ударения) неразрывно взаимосвязаны, предопределяя друг друга. Поэтому каждое предложение с определенным порядком его членов всегда одновременно включается в ту или иную фразовую схему [Лекант и др. 2001: 385].

В предложениях с прямым (объективным) порядком слов тема произносится с повышением тона и отделяется от ремы паузой, а рема – с понижением тона [Крылова, Хавроница 1986: 138]. В таких высказываниях фразовое ударение относится на конец предложения, на последнюю синтагму. В соответствии с этим организуется и порядок слов в предложении: слова располагаются таким образом, чтобы фразовое ударение выделило рему, то есть *тема – рема: Охота была удачная*. В предложениях с обратным (субъективным) порядком слов изменяется место фразового ударения: оно перемещается в начало или в середину предложения [Белошапкина и др. 1989: 711]. В таких предложениях рема, оказавшаяся на необычном, первом месте, выделяется усиленным (эмфатическим) ударением, а тема произносится пониженным тоном и почти без ударения, как бы скрадывается в произношении: *Удачная была охота!* [Крылова, Хавроница 1986: 138]. Так, рема всегда выделяется фразовым ударением как при объективном, так и при субъективном порядке.

В персидском языке понятие коммуникативной организации предложения связывается с членением предложения на подлежащее и сказуемое [Vahidian Kamiyar 2020: 9]. Подлежащим является данное, исходный пункт предложения, обозначающий предмет сообщения высказывания. Обычно эту функцию в персидском предложении выполняет существительное или именная группа. Например:

- گلستان سعدی نثر زیبایی دارد –
Гулистан Саади имеет красивую прозу;
- ابوعلی سینا از دانشمندان بزرگ ایران است –
Абу Али Сина – один из великих ученых Ирана [Vafae 2012: 19].

Сказуемое – это часть предложения, которая передает сообщение о подлежащем [Ahmadi Givi, Anvari 2022: 196]. По мнению А. Голфама, сказуемое в качестве ядра персидского предложения состоит из одного слова (глагола) или нескольких слов (глагольной группы), содержащих новую информацию и обладающих наибольшей степенью коммуникативной значимости [Golfam 2006: 20]. К определению понятия сказуемого в персидском языке можно добавить, что все члены предложения, кроме подлежащего, выступают в качестве сказуемого предложения:

- شاهنامه فردوسی از شاهکارهای بزرگ حماسی جهان به شمار می‌رود
Шахнаме Фирдоуси – один из величайших эпических шедевров мира;

- اصفهان از گذشته های دور به فرهنگ و هنر مشهور بوده است – *Исфахан был известен культурой и искусством из далекого прошлого* [Ashraf Sadeghi, Arjang 1979: 1].

По определению подлежащего и сказуемого в персидском языке можно сказать, что членение предложения на эти две части может совпадать с актуальным членением предложения. Таким образом, понятие темы связывается с подлежащим, а понятие ремы – со сказуемым:

- سیگار کشیدن / ممنوع است – *Курение (подлежащее / тема) / запрещено (сказуемое / рема);*
- این دانشجو / فاکتورهای تاثیرگذار در آموزش زبان را بررسی می کند – *Этот студент (подлежащее / тема) / рассматривает факторы, влияющие на обучение языку (сказуемое / рема)* [Рубинчик 2001: 402].

В современном персидском языке, поскольку в нейтральной речи подлежащее всегда предшествует сказуемому, смысловая актуализация подлежащего достигается постановкой его перед сказуемым. Так, в персидском языке в нейтральной речи, как и в русском, тема высказывания находится в начале предложения, и после нее стоит рема высказывания. Рема, как и в русском языке, выделяется в предложении главным ударением и часто занимает конечную позицию в предложении. И при актуальном членении персидских предложений интонация похожа на русские предложения: на теме голос повышается, на реме – понижается [Рубинчик 2001: 402].

Однако, персидский язык в экспрессивно окрашенной речи имеет различия с русским языком. Традиционно персидский считается языком со строгим устойчивым порядком слов в предложении, и любой член предложения имеет относительно закрепленное место. Например, в нейтральной речи подлежащее всегда находится в начале предложения, глагол стоит в конце предложения, дополнение – после подлежащего и перед глаголом. Однако в редких случаях прямой порядок слов может нарушаться, и возникает определенная вольность, при которой некоторые компоненты предложения перемещаются и происходит инверсия. Инверсия в персидском языке, как отмечает П. Н. Ханляри в своей книге, часто наблюдается в стихотворениях и литературных произведениях для соблюдения ритма и рифмы. Кроме того, в разговорной речи и в языке многих писателей, иногда

для того, чтобы выделить какой-то определенный элемент предложения, иногда из-за других причин или невнимания и пренебрежения, говорящий или писатель не соблюдает структуру прямого порядка слов и переставляет члены предложения [Khanlari 2015: 450]. Например:

- عابدی را پادشاهی طلب کرد (گلستان سعدی) – *Аскета призвал царь* (Саади. Гулистан);
- بازگردیم به تاریخ. (غرب زدگی آل احمد) – *Вернемся к истории* (Аль-Ахмад. Гарб Задеги).

Важным случаем употребления инверсии в персидском языке, связанным с проблемой коммуникативного аспекта предложения, является инициация – практический процесс, посредством которого говорящий переставляет какой-то элемент в начало предложения, чтобы сделать акцент на чем-то или сконцентрировать внимание на чем-то. Например, в предложении دستم را با چاقو بریدم – *Руку себе я порезал ножом* говорящий делает акцент на дополнении (руку – دستم) и поэтому переставляет группу прямого дополнения в начало предложения. Но в предложении با چاقو دستم رو بریدم – *Ножом я порезал себе руку* цель говорящего – подчеркнуть орудие, которым была порезана рука, и поэтому он употребляет косвенное дополнение глагола в начале предложения [Farshidvard 2013: 118].

Прямой порядок слов персидских предложений в некоторых случаях может меняться на обратный, однако такого перемещения на уровне членов актуального членения персидского предложения не существует. В персидском языке место темы и ремы в предложении всегда закреплено. Тема занимает первое место в предложении и предшествует реме. Иначе говоря, актуальная информация в персидских предложениях всегда стоит в конце предложения, и выступающий в качестве темы высказывания член предложения всегда находится в начале предложения [Давуди, Валипур 2023].

В отличие от русского языка, в котором темой и ремой может быть любой член предложения, в персидском языке в нейтральной речи функцию темы выполняет только подлежащее, функцию ремы – только сказуемое. В экспрессивно окрашенной речи лишь в редких случаях, указанных выше, определенные члены как исходный пункт высказывания могут перемещаться в начало предложения и выступать в качестве темы предложения, а остальные члены выполняют функцию ремы предложения. Членами предложения в таких случаях могут выступать:

Сказуемое: глагольная часть предложения, являясь формальным сказуемым, может выполнять функцию исходного пункта высказывания и выступать в качестве темы предложения. В этом случае сказуемое рассматривается как нечто данное, известное, например:

- چه آسان است اینجور فکر کردن –

Как легко подобным образом думать (Аляви. Ее глаза).

Формально подлежащее اینجور فکر کردن – *подобным образом думать* выступает в качестве ремы [Рубинчик 2001: 403].

Прямое дополнение: иногда в литературном языке, чтобы подчеркнуть прямое дополнение, его ставят перед подлежащим. В качестве темы предложения выступает прямое дополнение с послелогом را – *-ra*, о котором сообщает новые сведения вторая часть предложения, т. е. рема. Например:

- تاریخ مملکت را مردم می سازند –

Историю страны создает народ [Lazard 2012: 243].

В этом предложении первое место в предложении занимает группа прямого дополнения تاریخ مملکت را – *Историю страны* и выступает в качестве темы, а грамматические подлежащее и сказуемое выполняют функцию ремы предложения.

Глагол: в персидском языке замена подлежащего и глагола в предложении осуществляется очень редко. Такое предложение характеризуется высокой эмоционально экспрессивной окраской, глагол как тема стоит в начале предложения, подлежащее следует за ним:

- نمیذارن، مردم!

Не допускают, люди!

- پوشیده است علم او بر اهل آسمان و زمین –

Сокротно его знание от людей неба и земли [Lazard 2012: 243].

Обстоятельство: другой компонент предложения, который мы можем в качестве исходного пункта предложения переставить на первое место в предложении, является обстоятельством. Например:

- در اخبار یعقوب لیث چنان خواندم که ... (تاریخ بیهقی) –

В новостях Якуба Лейта я прочитал, что... (История Бейхаки) [Soltani Gardfaramarzi 2002: 200].

В системе коммуникативной структуры персидского языка, как и в русском языке, кроме порядка слов, важную функцию выполняет интонация. В персидском языке существуют и другие средства, которые приводят к изменению целевой установки предложения.

Постановка изафета после предикатива и артикля после относящегося к нему определения в именном предложении позволяет изменять его актуальное членение. Так, в предложении این آدم عاقلیست – *Это умный человек* подлежащим и одновременно темой является указательное местоимение این – *это*. Стоит убрать изафет и артикль, как смысловый центр меняется: این آدم عاقل است – *Этот человек – умный*, т. е. становится сказуемое عاقل است, которое следует рассматривать и как рему. Таким образом, как отмечает Ю. А. Рубинчик, в создании актуального членения персидского предложения и выделении его компонентов в предложении участвуют порядок слов, интонация, артикль, слитные местоимения, т. е. формально-грамматические средства языка. Но главным средством, меняющим актуальное членение предложения, служит порядок расположения групп главных членов в предложении [Рубинчик 2001: 403].

Закключение

Русский и персидский языки имеют как соответствия, так и специфические черты в коммуникативной структуре предложения. В рассматриваемых языках учение о коммуникативном аспекте предложения тесно связано с проблемой словопорядка, и порядок слов является главным средством выражения актуального членения предложения. Однако наблюдаются различия в особенностях и правилах порядка слов на уровне коммуникативной организации предложения.

В нейтральной речи обоих языков тема всегда находится в начале предложения и предшествует реме, в экспрессивно окрашенной речи существуют различия между русским и персидским языками. Эта проблема связана с типологическими отличиями морфологической структуры персидского и русского языков. Русский язык как флективный язык имеет относительно свободный порядок слов, что нередко ведет к инверсии. Следует отметить, что перемещение членов возможно только по определенным правилам. Порядок слов в русском языке имеет тесную связь с коммуникативной целью предложения или высказывания, и компоненты предложения в зависимости от стиля и содержания текста и цели автора занимают особое место в нем. В экспрессивно окрашенной речи в русском языке при изменении целевой установки предложения изменяется и словопорядок на уровне актуального членения: рема находится в начале предложения, а тема следует за ремой, т. е. отражается движение мысли от сообщаемого к исходному. На самом деле изменение актуального членения предложения

приведет к изменению словопорядка в предложении. Итак, порядок слов в русском языке служит для выражения коммуникативных интенций и имеет тесную связь с актуальным членением предложения. Прямой и инверсионный порядок слов в русских предложениях связывается с той функцией, которую эти члены предложения выполняют в тема-рематических отношениях. При этом изучение закономерностей словопорядка на уровне коммуникативной структуры предложения позволяет выявить особенности синтаксической (формально-грамматической) и стилистической организации русского предложения или высказывания.

Персидский считается языком со строгим устойчивым порядком слов в предложении, и перемещение членов предложения наблюдается очень редко. Инверсия используется в редких случаях, например, в стихотворениях, литературных произведениях, при явлении инициации. Но такой возможности на уровне актуального членения не существует, нельзя переставить элементы актуального членения предложения. В персидском языке как в нейтральной, так и в экспрессивно окрашенной речи местоположение темы и ремы в предложении закреплено, и тема всегда занимает первое место в предложении и предшествует реме. Актуальная информация всегда находится в конце предложения и следует за исходным пунктом высказывания. В отличие от русского языка, где темой и ремой может быть любой член предложения, в персидском языке в нейтральной речи функцию темы выполняет только подлежащее, функцию ремы – только сказуемое. В экспрессивно окрашенной речи лишь определенные

члены, такие как сказуемое (глагольная часть предложения), прямое дополнение, глагол и обстоятельство, могут перемещаться в начало предложения и выступать в качестве темы предложения, а все остальные члены предложения выполняют функцию ремы.

В русском языке основными средствами выделения коммуникативного центра предложения являются порядок слов и фразовое ударение. В персидском языке в создании актуального членения предложения и выделении его компонентов помимо порядка слов и фразового ударения участвуют также артикль и слитные местоимения. Но главным средством, меняющим актуальное членение предложения, служит порядок расположения групп главных членов в предложении.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. Давуди – формирование темы статьи, сбор и анализ материала, подготовка и написание текста. А. Валипур – концептуализация, курирование, редактирование.

Contribution: A. Davoudi formulated of the article topic, collected and analyzed the material, and wrote the manuscript. A. Valipour developed the research concept, curated the results, and edited the manuscript.

Литература / References

- Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Прага: Academia, 1966. 96 с. [Adamec P. *Word order in modern Russian*. Praha: Academia, 1966, 96. (In Russ.)]
- Белашапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Новиков Л. А., Панов М. В. Современный русский язык. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1989. 800 с. [Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A., Miloslavsky I. G., Novikov L. A., Panov M. V. *Modern Russian language*. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 800. (In Russ.)]
- Бельчиков Ю. А. Практическая стилистика современного русского языка: нормы употребления слов, фразеологических выражений, грамматических форм и синтаксических конструкций. 2-е изд. М.: АСТ-Пресс, 2012. 424 с. [Belchikov Yu. A. *Practical stylistics of the modern Russian language: norms for word, phraseological expressions, grammatical forms, and syntactic constructions*. 2nd ed. Moscow: AST-Press, 2012, 424. (In Russ.)]
- Бирюкова И. А. Определение сложного целого. Роль актуального членения предложения и порядка слов в его организации. *Script moment*. 2016. № 22. С. 22–30. [Biryukova I. A. The definition of syntactic compound. The role of sentence perspective and the word order in its organization. *Script moment*, 2016, (22): 22–30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xhffzj>
- Валгина Н. С., Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. 5-е изд., перераб. М.: Высш. шк., 1987. 479 с. [Valgina N. S., Rozental D. E., Fomina M. I. *Modern Russian language*. 2th ed. Moscow: Vyssh. shk., 1987, 479. (In Russ.)]

- Гадомская Г. П. Порядок слов в простом предложении в русском языке и его методическая интерпретация в тюркоязычной аудитории. *Просвещение – Духовность – Логос в Slavia Orthodoxa: от князя Владимира до наших дней*: Междунар. науч.-практ. конф. (Ульяновск-Казань, 31 октября – 1 ноября 2015 г.) Казань: ЦИТ, 2016, С. 183–194. [Gadomskaya G. P. Word order in a simple sentence in the Russian language and its methodological interpretation for Turkish-speaking audience. *Education – Spirituality – Logos in Slavia Orthodoxa: from Prince Vladimir to the present days*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Ulyanovsk-Kazan, 31 Oct – 1 Nov 2015. Kazan: TsIT, 2016, 183–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ywzzzbz>
- Гурова П. В. Порядок слов и актуальное членение предложения в русском языке. *Наука сегодня: проблемы и пути решения*: Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 25 марта 2020 г.) Вологда: Маркер, 2020. С. 52–54. [Gurova P. V. Word order and actual division of a sentence in the Russian language. *Science today: problems and solution*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Vologda, 25 Mar 2020. Vologda: Marker, 2020, 52–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dijgcb>
- Давуди А., Валипур А. Порядок слов как средство выражения тема-рематического отношения между членами простого повествовательного предложения в персидском языке. *Современные научные исследования и инновации*. 2023. № 10. [Davoudi A., Valipour A. Word order as a means of expressing the theme and rheme relationship between members of a simple narrative sentence in the Persian language. *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*, 2023, (10). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dqddyp>
- Кахужева З. К. Особенности порядка слов в русском предложении. *Евразийское Научное Объединение*. 2018. № 6-2. С. 103–106. [Kakhuzheva Z. K. Features of word order in the Russian sentence. *Evrasiiskoe nauchnoe obyedinenie*, 2018, (6-2): 103–106. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yuoaep>
- Келиму А. Актуальное членение предложения и основные средства его выражения в русском и китайском языках. *Мир науки, культуры, образования*. 2022. № 3. С. 281–285. [Kelimu A. Actual division of the sentence and the main means of its expression in Russian and Chinese. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2022, (3): 281–285. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-394-281-285>
- Крылова О. А., Хавроница С. А. Порядок слов в русском языке. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1986. 241 с. [Krylova O. A., Khavronina S. A. *Word order in Russian*. 3rd ed. Moscow: Rus. iaz., 1986, 241. (In Russ.)]
- Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В. Современный русский язык. 2-е изд. М.: Дрофа, 2001. 557 с. [Lekant P. A., Dibrova E. I., Kasatkin L. L., Klobukov E. V. *Modern Russian language*. 2nd ed. Moscow: Drofa, 2001, 557. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rbnqgb>
- Макарова Е. Н. Лингвистические средства передачи коммуникативного статуса подлежащего и сказуемого как объект сопоставительного исследования. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2020. Т. 6. № 2. С. 85–94. [Makarova E. N. Linguistic means of subject and predicate's communicative status as the object of comparative studies. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*, 2020, 6(2): 85–94. (In Russ.)] https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_2_85_94
- Макарова Е. Н. Отражение коммуникативной цели в языковой структуре. *Верхневолжский филологический вестник*. 2019. № 2. С. 171–177. [Makarova E. N. Reflection of the communicative goal in language structure. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2019, (2): 171–177. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2499-9679-2019-10403>
- Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения. *Пражский лингвистический кружок*, сост., ред. и предисл. Н. А. Кондрашов. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245. [Mathesius V. To the so-called actual division of the sentence. *Prague Linguistic Circle*, comp. and ed. Kondrashov N. A. Moscow: Progress, 1967, 239–245. (In Russ.)]
- Мехрбахш А. М. Х., Мохаммади З. И. К. Сопоставительное изучение порядка слов в простых повествовательных предложениях в русском и персидском языках. *Молодой ученый*. 2021. № 22. С. 550–555. [Mehrbahsh A. M. H., Mohammadi Z. I. K. Comparative study of word order in a simple declarative sentence in Russian and Persian. *Molodoi uchenyi*, 2021, (22): 550–555. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tpwccn>
- Распопов И. П. Актуальное членение предложения: на материале простого повествования преимущественно в монологической речи. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 161 с. [Raspopov I. P. *Actual sentence division in a simple monologue narrative*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2009, 161. (In Russ.)]
- Розенталь Д. Э. Русский язык. М.: Оникс 21 век, 2005. 751 с. [Rozenal D. E. *Russian language*. Moscow: Oniks 21 vek, 2005, 751. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qrijbnn>

- Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с. [Rubinchik Yu. A. *Grammar of the modern Persian literary language*. Moscow: Vost. lit., 2001, 600. (In Russ.)]
- Сарымбетова А. А. Порядок слов как средство выражения актуального членения предложения в русском и английском языках. *Вестник современной науки*. 2016. № 4-2. С. 57–60. [Sarymbetova A. A. Word order as a mean of actual division of sentences in Russian and English. *Vestnik sovremennoi nauki*, 2016, (4-2): 57–60. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vxdnkj>
- Сенина А. И., Сергеева О. Н. Порядок слов повествовательного предложения в английском и русском языках. *Актуальные проблемы лингвистики, переводоведения, языковой коммуникации и лингводидактики: XVI Всероссий. студен. науч.-практ. конф. с Междунар. уч.* (Красноярск, 20–21 мая 2016 г.) Красноярск: СибГТУ, 2016. С. 171–174. [Senina A. I., Sergeeva O. N. Word order of a declarative sentence in English and Russian languages. *Current problems of linguistics, translation, lingual communication, and linguistic didactics: XVI All-Russian Student Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation*, Krasnoyarsk, 20–21 May 2016. Krasnoyarsk: SibSTU, 2016, 171–174. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bavyet>
- Сиротинина О. В. Лекции по синтаксису русского языка. М.: Высш. шк., 1980. 143 с. [Sirotinina O. V. *Lectures on the syntax of the Russian language*. Moscow: Vyssh. shk., 1980, 143. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yrudie>
- Солнцева А. В. Сопоставительное исследование актуального членения предложения во французском и русском языках (на материале художественных произведений). *Язык: категории, функции, речевое действие: XI Междунар. науч. конф.* (Москва-Коломна, 12–13 апреля 2018 г.) М.: МПГУ, 2018. Вып. 11. Ч. 1. С. 163–165. [Solntseva A. V. Comparative study of the actual division of a sentence in French and Russian fiction. *Language: categories, functions, and speech act: XI Intern. Sci. Conf.*, Moscow-Kolomna, 12–13 Apr 2018. Moscow: MSPU, 2018, iss. 11, pt. 1, 163–165. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yzwsrf>
- Хавронина С. А. Письменная речь студентов-иностранцев с точки зрения норм русского словорасположения. *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. 2005. № 1. С. 126–132. [Havronina S. A. The forms of writing speech of foreign students from the point of view of Russian word order. *Vestnik RUDN. Seria: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia*, 2005, (1): 126–132. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/iirjix>
- Шелякин М. А. Справочник по русской грамматике. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 2000. 356 с. [Shelyakin M. A. *Reference book on Russian grammar*. 2nd ed. Moscow: Rus. iaz., 2000, 356. (In Russ.)]
- Lazard G. *Grammaire du persan contemporain*. Paris: Mazda Pub, 2012, 312.
- Weil H. *De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparees aux langues modernes*. Paris, 1978, 154.
حسن احمدی گوی، حسن انوری. دستور زبان فارسی 1. ویرایش چهارم. تهران: فاطمی، 1401. 264 صفحه
- [Ahmadi Givi H., Anvari H. *Persian grammar 1*. 4th ed. Tehran: Fatemi, 2022, 264. (In Pers.)
علی اشرف صادقی، غلامرضا ارژنگ. دستور سال چهارم آموزش متوسطه عمومی. تهران: وزارت آموزش و پرورش، 1358. 153 صفحه
- [Ashraf Sadeghi A., Arjang Gh. *Grammar of the fourth year of general secondary education*. Tehran: Ministry of Education and Culture, 1979, 153. (In Pers.)
خسرو فرشیدورد. دستور مفصل امروز بر پایه زبانشناسی جدید. تهران: سخن، 1392. 708 صفحه
- [Farshidvard Kh. *Today's detailed grammar based on new linguistics*. Tehran: Sokhan Publication, 2013, 708. (In Pers.)
ارسلان گلغام. اصول دستور زبان. تهران: سمت، 1385. 164 صفحه
- [Golfam A. *Principles of grammar*. Tehran: SAMT, 2006, 164. (In Pers.)
پرویز نائل خانلری. تاریخ زبان فارسی. تهران: فرهنگ نشر نو، آسیم، 1395. 492 صفحه
- [Khanlari P. N. *History of the Persian language*. Tehran: Now Publication, Asim, 2015, 492. (In Pers.)
حسین رسول پور. ساخت زبان فارسی. اصفهان: نشر خاموش، 1396. 256 صفحه
- [Rasulpour H. *Construction of the Persian language*. Isfahan: Khamush Publisher, 2017, 256. (In Pers.)
علی سلطانی گردفرا مرزی. دستور زبان فارسی (از کلمه تا کلام). ویرایش سوم. تهران: مبتکران، 1381. 313 صفحه
- [Soltani Gardfaramarzi A. *Persian grammar (From word to word)*. 3rd ed. Tehran: Mobtakeran, 2002, 313. (In Pers.)
عباسعلی وفايي. دستور زبان فارسی. تهران: سمت، 1391. 126 صفحه
- [Vafaie A. *Persian grammar*. Tehran: SAMT, 2012, 126. (In Pers.)
تقی وحیدیان کامیار. دستور زبان فارسی. تهران: سمت، 1399. 130 صفحه
- [Vahidian Kamiyar T. *Persian grammar*. Tehran: SAMT, 2020, 130. (In Pers.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/oudvco>

Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное

Голев Николай Данилович

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Аннотация: Представлены результаты метамоделирования морфологической системы русского языка, в которой ее функционирование, устройство, генезис и развитие непротиворечиво определяются коммуникативной функцией языка. Проблема моделирования заключается в избрании методологического принципа, который кладется в основание модели в качестве главного. Коммуникативация морфологии означает ее определенное дистанцирование от отражательной (когнитивной, номинативной) функции языкового знака или какой-либо системы знаков. Синтагматическая сторона морфологического функционирования слова выходит на первый план при коммуникативном моделировании морфологической системы синтетических языков. Решающее воздействие синтагматики на морфологическую систему русского языка предопределяет то, что она относится к системам синтетического строя, характеризующимся жесткостью предписываемых ею алгоритмов построения текста. В основе синтетизма морфологии русского языка лежат такие синтагматические категории, как согласование и управление, тогда как примыкание (соединение слов и словоформ по смыслу) выступает в качестве основы тенденции к аналитизму. Данная тенденция трактуется в статье как тенденция плана содержания, а раздельнооформленность грамматического и лексического значений – как внешняя сторона данной тенденции. На этом синхронно-функциональном фоне рассматриваются некоторые диахронно-генетические проявления морфологической системы, связанные с морфологизацией внешних по отношению к морфологии явлений (единиц, отношений, категорий) и деморфологизацией внутренних морфологических явлений. Наибольшее внимание уделяется взаимоотношениям морфологии и синтаксиса.

Ключевые слова: морфологическая система русского языка, язык синтетического строя, аналитизация, морфологизация, деморфологизация

Цитирование: Голев Н. Д. Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 94–107. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107>

Поступила в редакцию 18.08.2023. Принята после рецензирования 03.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Antinomies of Russian Morphology: Communicative vs. Cognitive; Syntagmatic vs. Nominative

Nikolay D. Golev

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

<https://orcid.org/0000-0002-0559-3007>

Scopus Author ID: 56642816700

ngolevd@mail.ru

Abstract: The article presents the results of metamodeling of the morphological system of the Russian language. This communicative approach to morphology means distancing it from the reflective (cognitive, nominative) function of a linguistic sign or any sign system to give way to the syntagmatic side, at least as far as synthetic languages are concerned. As a synthetic language, Russian demonstrates a certain rigidity of the text construction algorithms. The synthetic nature of Russian morphology is based on such syntagmatic categories as government and agreement,

while the adjunction, i.e., connection of words and word forms in meaning, strengthens the trend towards analyticism. This trend belongs to the content while the separate formation of grammatical and lexical meanings are its external side. Against this synchronous and functional background, the article discusses some diachronic and inherent manifestations of the morphological system. These manifestations are associated with the morphologization of phenomena that are external to morphology, i.e., units, relationships, and categories, and the demorphologization of internal morphological phenomena. The author focuses mostly on the correlation between morphology and syntax.

Keywords: morphological system of the Russian language, language of synthetic structure, analysis, morphologization, demorphologization

Citation: Golev N. D. Antinomies of Russian Morphology: Communicative vs. Cognitive; Syntagmatic vs. Nominative. *SibScript*, 2024, 26(1): 94–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-94-107>

Received 18 Aug 2023. Accepted after peer review 3 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

Основная цель исследования заключается в моделировании морфологической системы русского языка. На самом высоком этапе научной абстракции проблема моделирования заключается в избрании какого-либо методологического принципа (подхода), который кладется в основание модели в качестве главного. Как правило, такой подход находится в антиномических отношениях со своим противочленом. В нашем случае мы находим основание моделирования в оппозиции *коммуникативная функция – когнитивная функция* [Колмогорова и др. 2017]. При построении модели русской морфологии коммуникативную функцию признаем как ведущую (базовую), когнитивную – как вытекающую из нее. В рамках статьи мы не обладаем ни возможностью, ни необходимостью разворачивать данный тезис, имеющий сложную историю. Для морфологической науки достаточно сослаться на полемику, развернутую А. Т. Кривоносовым по поводу учения Е. С. Кубряковой о частях речи как когнитивных классах слов: «автор пытается древнюю проблему частей речи поставить в связь с человеческим мышлением и сознанием и показать, как классы слов соотносятся с отраженной в них реальной действительностью» [Кривоносов 2001: 2].

В настоящей статье морфологическая система русского языка (включая систему частей речи) в первую очередь детерминируется ее коммуникативной функцией, что, на наш взгляд, обладает большими объяснительными возможностями по отношению к ее сущности, чем детерминированность когнитивной функцией. Более того, как будет показано далее, коммуникативация морфологии означает дистанцирование ее от отражательной (номинативной) функции, от которой она отгорожена множеством опосредующих детерминационных звеньев.

Считаем важным указать, что у автора уже был опыт макро моделирования подсистем русского языка в связи с антиномическим описанием русской орфографии. Данная подсистема рассматривалась в книге «Антиномии русской орфографии» в аспекте таких общих антиномий, как *содержание – форма, отражательное – условное, диахронное – синхронное, внешнее – внутреннее* [Голев 2004]. Названные антиномии находят проявление и при описании морфологических феноменов. Некоторые из них были обозначены и рассмотрены нами и на другом неморфологическом материале. Так, оппозиция *коммуникативное – когнитивное* находит проявление в оппозициях значения и дискурсивного функционирования слова [Голев 2019], значения и значимости, модуса и диктума [Голев, Григорьева 2022].

Результаты

Синхронно-генетическое моделирование морфологии

Проиллюстрируем нашу позицию примером синхронно-коммуникативной интерпретации именно частей речи. О. Есперсен в книге «Философия грамматики» приводит пример трансформации (всего 10 вариаций) частеречной принадлежности слов в зависимости от их коммуникативной позиции (актуального членения предложения):

- *He moved astonishingly fast* – Он двигался удивительно быстро;
- *He moved with astonishing rapidity* – Он двигался с удивительной быстротой;
- *His movements were astonishingly rapid* – Его движения были удивительно быстрыми;
- *His rapid movements astonished us* – Его быстрые движения удивляли нас [Есперсен 1958: 101].

Вряд ли может вызвать сомнение следующий тезис: причина варьирования частей речи лежит не в особенностях языковой картины мира и речевого мышления, а в коммуникативных интенциях автора речевого произведения, расставляющего акценты в тематическом образе высказывания.

Обслуживание тема-рематической структуры высказывания – главное предназначение частей речи, этому служит и словообразование, и морфология. В языках синтетического типа они обычно действуют в симбиозе¹, однако не исключено, что морфология выполняет данную функцию самостоятельно. Фиксация темы – первичная функция существительного, но, скажем, инфинитив маркирует тему без образования самостоятельной субстантивной лексемы, ср.: *курение вредно для здоровья, курить – здоровью вредит, курение – вред*. Разумеется, подобная ситуативная тематизация и рематизация слов может стать устойчивой для какой-либо лексической единицы, регулярно употребляемой в определенной позиции, что приведет к пополнению лексического состава той или иной части речи как собственно морфологической сущности – т. е. части речи (морфологической совокупности лексем).

Весьма отдалены от когнитивной (номинативной) функции и приближены к собственно коммуникативной многие местоимения [Синько 2008], прежде всего указательные (*тот, такой, другой, столько*), личные (*я, ты, кто*) и лично-указательные (*он, она, оба*), служебные слова, слова-связки. Все они не отражают непосредственным образом реальной действительности, но обслуживают внутреннюю речевую действительность – коммуникативные потребности адресанта и адресата высказывания.

Такой подход к морфологии подтверждает ее синхронно-генетический план, связанный с речемыслительной деятельностью, порождением речи. Из многочисленных моделей порождения речи наибольшими объяснительными возможностями, с нашей (коммуникативной) точки зрения, обладает модель С. Д. Кацнельсона: «В процессе порождения речи можно выделить три основных ступени: речемыслительную (или семантическую), лексико-морфологическую и фонологическую. Первая ступень охватывает все собственно семантические процессы, начиная с квантования элементов сознания (знаний) и кончая формированием глубинных

семантико-синтаксических структур. На второй ступени совершаются процессы отбора лексических единиц и грамматических форм, опосредующие переход от семантико-синтаксических структур предшествующей ступени к конкретным предложениям. На третьей ступени имеет место выработка глобальных произносительных схем в опоре на звуковые схемы отдельных словоформ, синтагм и фонетических фраз» [Кацнельсон 2004: 123]. Как видим, морфологические механизмы включаются на втором (лексико-морфологическом) этапе движения от глубинных структур к поверхностным. Этот этап занимает промежуточное положение между синтаксическим (формирование глубинных семантико-синтаксических структур: тема – рема, члены предложения) и фонологическим. Таким образом, согласно С. Д. Кацнельсону, выбор слова (как лексико-семантической сущности) и его текстовое оформление (морфологизация в синхронном смысле) составляют единство.

Диахронно-генетическое моделирование

Можно предположить, опираясь на вышеприведенные тезисы, что морфологическая система в целом формировалась по аналогичному алгоритму как результат потребности в переходе от структурирования речемысли на абстрактно-семантическом глубинном уровне к формированию конкретных поверхностных структур (предложения, фразы), предназначенных для передачи мысли адресату [Демьянков 1994]. В качестве рабочей гипотезы, объясняющей этот алгоритм, можно допустить предшествование языкам синтетического типа (т. е. языкам с сильной морфологической системой) языков инкорпорирующего и аналитического типов. В первых предложениях близки слову, отдельные словоформы в них не выделены, во вторых – слова выделены, но морфологически не оформлены [Реформатский 2018]. Оппозиция аналитизма и синтетизма в морфологии будет рассмотрена далее.

Моделирование морфологической системы

Проецируя сформулированные выше положения в плоскость языка как системно-структурного образования [Солнцев 1972], получаем такую морфологическую картину, отражающую детерминационное взаимодействие синтаксиса, морфологии и лексики (рис.).

¹ Этот симбиоз в языках синтетического типа олицетворяют морфемы – в первую очередь аффиксы и суффиксы. Границы между формообразовательными и словообразовательными аффиксами расплывчаты и подвижны.

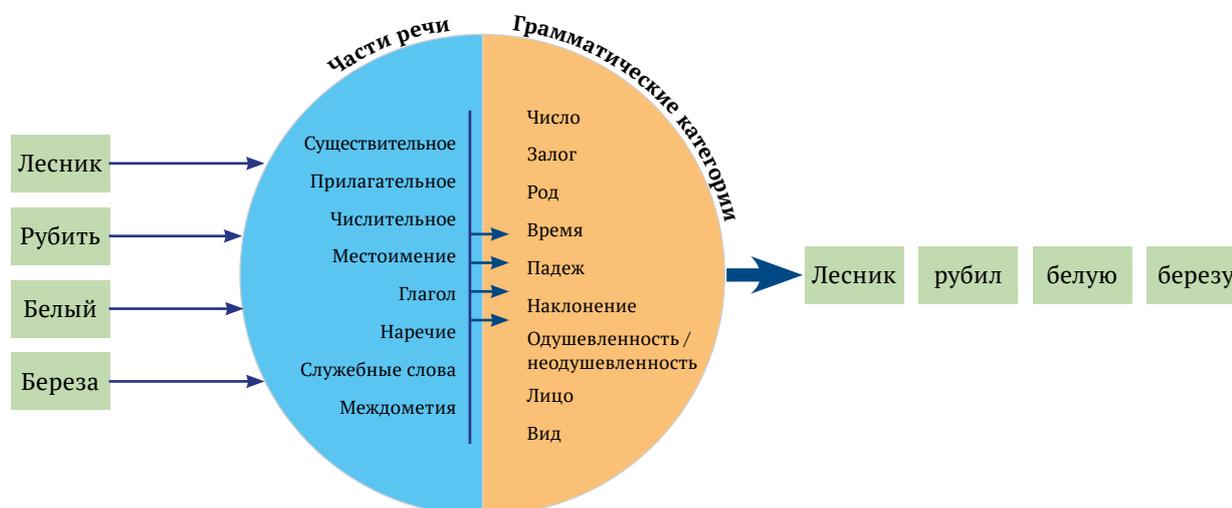

Рис. Функционирование морфологической системы русского языка
Fig. Morphological system of the Russian language

Левая (лексическая) часть схемы графически представляет совокупность морфологических лексем (лексику, словарь), потенциальных единиц текста², нацеленных на организацию текстовых единиц. Правая (синтаксическая, шире – текстовая) – фрагмент текста (предложения, высказывания, контекста) в его синтаксическом³ плане. Реализация синтаксического потенциала предполагает прохождение через морфологический код (систему грамматических правил). Данный код представляет собой сложно организованную систему, в центре которой находятся подсистемы частей речи (морфологических классов лексем) и грамматических категорий, обобщающих в себе синтаксические отношения. Прежде чем стать единицей текста, лексема должна пройти содержательную и формальную идентификацию, в соответствии с которой лексема находит свою грамматическую форму и становится словоформой.

Термин *грамматика* объединяет синтаксис и морфологию, при этом синтаксис формирует план содержания (функционально-семантическую сторону) этого объединения, а морфология – план выражения (морфология – букв. учение о формах; по В. В. Виноградову – грамматическое учение о слове). Любое слово несет в себе (помимо номинативного, стилистического и др.) грамматический код, слова распределяются ко всему прочему по частям речи, словоизменительным и / или согласовательным классам и т. п.⁴ Чтобы выполнять такую функцию, слово обладает способностью видоизменяться, по этой причине каждое слово существует в совокупности грамматических форм, называемой грамматической лексемой. Например, лексема качественного прилагательного в русском языке имеет, как правило, 28 таких видоизменений: *белый, белыми, бела* и т. п. В конкретном предложении (тексте) лексема реализуется в одной

² Говоря о морфологических лексемах, имеем в виду лексему как совокупность словоформ, в отличие от лексемы – единицы лексического уровня, где она предстает как совокупность лексико-семантических и стилистических вариантов. Лексемы зафиксированы на схеме в начальной форме, как это принято в метаязыке традиционной морфологии (в частности, в лексикографии).

³ Возможно, в данной оппозиции термин *синтаксический* точнее был бы с более широким содержанием. Ср. аспекты семиотики (по Ч. Пирсу и Ч. Моррису): семантика, прагматика, синтактика; где синтактика – это все проявления синтаксиса, как структурно-позиционные (тема / рема и члены предложения), так и синтагматические (связи слов в словосочетании и предложении).

⁴ Толковые словари, представляющие слово, фиксируют этот код грамматическими пометами, например: *А нескл., ср.* – название первой буквы русского алфавита: *от а до я*. Помета *нескл., ср.* означает, что *А* – несклоняемое существительное среднего рода. Эта информация фиксирует грамматический потенциал данного слова, его типовую синтаксическую позицию как существительного (подлежащее, дополнение) и синтагматическую связь (детерминирует согласование по среднему роду, например: *нечетко написанное А*).

из своих потенциальных форм [Копелиович 2011: 73], соответствующих ее синтаксической и синтагматической позиции в тексте. Под синтаксической позицией имеется в виду структурно-семантическая позиция в предложении (главный, второстепенный член предложения), под синтагматической – позиция зависимости / независимости от других словоформ. Лексема, реализованная в контексте, называется словоформой. Отношения *лексема – словоформа* – частный случай отношений в оппозиции *язык – речь*. Данная оппозиция соотносительна отношениям *фонема – звук речи, морфема – морф, слово – конкретное словоупотребление*. Например, в контексте *Я люблюсь белыми розами* лексема *белый* представлена одной из своих словоформ (*белыми*), обеспечивающих фиксацию позиции дополнения (по отношению к сказуемому *любуюсь*) и связанность со словоформой *розами* по типу согласования по числу и падежу.

В традиционной морфологии части речи трактуются как морфологические классы лексем, обладающих общностью набора грамматических категорий и парадигм и способностью в соответствии с этим видоизменяться по определенному типу⁵. Наличие данного набора означает способность лексемы заполнять синтагматические и структурно-семантические позиции. В первом случае это означает маркировать связи с другими словами, во втором – быть тем или иным членом предложения. Отсюда тесная связь частей речи с синтаксическими отношениями и лексической семантикой.

Потребность маркировать члены предложения создает механизм видоизменений внутри части речи, например, формирование на базе глагола таких его морфологических разрядов, как причастие, деепричастие, инфинитив; на базе прилагательных – кратких форм с необходимостью изменения синтаксических позиций; на базе наречий – слов категории состояния; на базе междометий – глагольных междометий.

Грамматические категории квалифицируют отнесенность словоформы к определенному типу отношений между словами или к позиции в тексте, зафиксированной морфологической системой в качестве обязательных, регулярных и стандартных

для организации текста. В число таких отношений входят прежде всего синтагматические отношения зависимости или независимости словоформ. К отношениям зависимости относятся согласование и управление, составляющие основу морфологии языка синтетического типа, к которому относится русский язык. Синтагматику в формате согласования обслуживают грамматические категории рода, числа, лица, падежа, одушевленности; в формате управления – грамматические категории падежа, в уникальной позиции – числа (*два дома, 21 рубль*). Синтагматику в формате примыкания морфологическая система синтетического типа не обслуживает в прямом смысле этого слова, т. к. непосредственных морфологических средств для маркирования примыкания в таких системах нет. Преобладание примыкания означает переход в аналитическую систему.

Помимо синтагматики система грамматических категорий русского языка обслуживает структурно-семантические позиции (позиции членов предложения и др.), сюда относятся категории падежа (именительный падеж – главный член предложения, косвенные падежи – второстепенные члены предложения), полные и краткие формы прилагательных и причастий, которые противопоставлены как выполняющие в основном функции определения и части составного сказуемого (*задача трудна, но была решена*). Структурно-семантические позиции высказывания, связанные с его актуальным членением (тема / рема), обслуживает категория глагольного залога (*рабочие строят дом / дом строится рабочими*). Коммуникативные позиции (роль в коммуникативной ситуации) обслуживают категории времени, лица и склонения (в последней – опосредованно). Номинативные позиции фиксируют грамматические категории числа, вида, степеней сравнения.

Морфологизация – процесс вхождения неморфологических элементов и отношений в морфологическую систему и приобретения ими статуса морфологических. Приобрести такой статус означает войти в уже сформированные категории и соответствующие ей парадигмы граммем, или сформировать новые категории, парадигмы, граммемы.

⁵ Зависимость данного класса от его семантических и синтаксических особенностей для морфологической системы является генетическим фактором, т. е. фактором, определившим принадлежность лексемы к данной части речи и поддерживающим эту устойчивую связь в настоящее время. История русской морфологии иллюстрирует как ослабление этой связи и принадлежность лексемы именно этой части речи, так и формирование новых связей данной лексемы. Примечание касается не только отдельных лексем, но и всей части речи или отдельных ее классов.

Морфологизация синтаксиса и лексики.

Делексистикализация и десинтаксистикализация

В настоящей статье остановимся только на одном фрагменте межуровневого взаимодействия в системе русского языка – между морфологией и синтаксисом, соответственно – на морфологизации синтаксиса и его десинтаксистикализации. Исходным положением для нас выступает тезис В. В. Виноградова, так представлявшего генетические взаимоотношения морфологии и синтаксиса: «Морфологические формы – это отстоявшиеся синтаксические формы. Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике. История морфологических элементов и категорий – это история смещения синтаксических границ, история превращения синтаксических пород в морфологические. Это смещение непрерывно. Морфологические категории неразрывно связаны с синтаксическими» [Виноградов 1986: 34]. Важно обратить внимание на то, что В. В. Виноградов в контекст взаимоотношений морфологии и синтаксиса включил также лексику, полагая, что это не случайное включение.

Беря за основу моделирования морфологической системы данные положения, мы тем не менее далее намерены интерпретировать их, стремясь к последовательной реализации двух детерминационных линий – коммуникативной и морфологической – в их диалектическом единстве. Считаем важным еще раз подчеркнуть определенную независимость коммуникативной линии от когнитивных⁶ и семантико-номинативных оснований морфологии, ее стремления быть не отражательной, а условной по отношению к внешним детерминантам.

Наиболее ярко иллюстрируют диахронную морфологизацию лексики и синтаксиса возвратные глаголы. Постфикс *-ся* восходит к лексеме, постепенно утратившей синтаксическую самостоятельность и трансформировавшейся в словообразовательную морфему (аффикс), дрейфующую в сторону статуса формообразовательных аффиксов. И. Г. Милославский трактует аффикс *-ся*, имеющий значение страдательного залога, как окончание [Милославский 1981: 185; 1989: 482]. Похожая «биография» у частицы *бы*, ставшей системным маркером сослагательного наклонения (*шел бы*), менее морфологизирована частица *-ка*

(*приди-ка, скажи-ка*), еще менее – *таки* и *было* (*пришел-таки, пришел было*). Примеры делексистикализации и десинтаксистикализации и, как следствие, деморфологизации продолжают сращения (*умалишенный, сумасшедший, трехлетний, в сердцах*); деморфологизация окончаний и трансформация их в субформы, а в случае с регулярным воспроизведением – в словообразовательные аффиксы (*трехдневный, вживую*).

Вопрос о промежуточном статусе между лексикой, синтаксисом и словообразованием многих композитов немецкого языка глубоко и интересно освещает В. М. Павлов [Павлов 1985]. Такие процессы хорошо коррелируют с процессами функционального взаимодействия и генезиса единиц морфемного и фонетического уровня: деморфемизации морфем – превращения их в незначимые субморфы; морфемизации субморфов – превращения их в регулярные аффиксы [Голев 2012].

Далее крупным планом рассмотрим переходные явления, связанные со взаимодействием морфологической системы с другими системами и подсистемами русского языка. Любая система состоит из отношений и единиц, стремящихся сформировать целостные системные образования (центростремительная, синтропическая тенденция) и неизбежно расходящихся в разные стороны (центробежная, энтропическая тенденция). Морфологическая система русского языка в силу первой тенденции втягивает в себя элементы и отношения смежных, а также вышестоящих (более крупных) и нижестоящих систем. В силу энтропической тенденции ее элементы и отношения, утрачивая внутреннюю энергетику, целостность функциональных связей элементов и сторон, аннигилируют, приобретая свойства отношений и элементов новых систем. По отношению к морфологии синтропическую тенденцию представляют процессы морфологизации единиц и отношений других уровней, энтропическая тенденция проявляется в процессах деморфологизации.

Смежными системами по отношению к морфологии выступают лексическая и синтаксическая системы, с ними морфология взаимодействует прежде всего в содержательном (функциональном и семантическом) плане. Более опосредованные связи у морфологии – с морфемикой и фонетикой, последние в большей мере проявляются в материальном плане морфологической

⁶ Ср. название книг, в которых коммуникативное имплицитно противопоставлено: «Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики)» [Кривоносов 2001]; «Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира» [Кубрякова 2004].

системы. Исторически такая связь, возможно, была более сильной⁷. Таким образом, считаем перспективным увязать процессы морфологизации и деморфологизации с аналогичными процессами на других уровнях системы русского языка – с лексикализацией и деликсикализацией, синтаксизацией и десинтаксизацией, морфемизацией и деморфемизацией, фонетизацией и дефонетизацией – и на этом фоне выявить функциональную и структурную специфику морфологической системы синтетического типа, к которому относится морфология русского языка. В настоящей статье ставим задачу рассмотреть явление аналитизации (тенденции к аналитизму) русской морфологии. Сразу подчеркнем, что, говоря о процессах, имеем в виду не диахронический, а синхронный смысл перечисленных терминов, точнее – синхронно-функциональную детерминацию единиц одного уровня по отношению к единицам другого уровня. Такая детерминация, разумеется, часто становится начальным этапом генетических процессов.

Роль синтагматики в устройстве, функционировании и генезисе морфологической системы русского языка. Аналитизация морфологии как усиление примыкания

В основание предлагаемой синтагматической модели русской морфологии мы кладем оппозицию номинативной и синтагматической деятельности. Ее предложили члены Пражского лингвистического кружка: «Слово, рассматриваемое с функциональной точки зрения, есть результат *номинативной лингвистической деятельности*, неразрывно связанной иногда с синтагматической деятельностью» [Звегинцев 1965: 127]. Для нашей концепции ограничитель *иногда* является нерелевантным: мы находим зависимость морфологии от синтагматики ее глобальным свойством. Ср.: «Сочетание слов, если речь не идет об устойчивом сочетании, возникает в результате синтагматической деятельности» [Звегинцев 1965: 128]. Из указанного вытекает, что морфология прямо обслуживает именно синтагматическую деятельность и лишь

косвенно – номинативную. Ср. выделение номинативно сильных и синтагматически сильных категорий во многих работах, см. [Бондарко 2005: 44–48; Милославский 1981: 17–19].

Тенденция к деноминативности грамматических категорий и значений проявляется в том, что номинативно сильные грамматические категории часто трансформируются в номинативно слабые, но синтагматически сильные. Особенно заметна эта тенденция в категории числа, в которой номинативность явно деактуализируется, в частности – по отношению к существительным, обозначающим несчитающиеся предметы (*singularia tantum*: абстрактные, вещественные существительные) или считающиеся, но неизменяемые по числу (*pluralia tantum*: *ножницы, сумки*). Как синтагматически сильная и номинативно слабая категория числа проявляется в управляемых формах единственного и множественного числа (*три дома, пять домов*) и согласуемых формах в косвенных падежах имен числительных (*о трех домах*).

В оппозиции номинативности и синтагматичности коммуникативное моделирование является отчетливо синтагматикоцентрическим. В модели порождения речи С. Д. Кацнельсона лексико-морфологический этап предполагает переход от структурно-семантического конструирования (членения) речемысли к синтагматическому оформлению высказывания. В этом плане данную модель можно представить следующим образом: холистический образ речемысли развивается в направлении его структурно-функционального членения (тема, рема), далее – структурно-семантического членения (члены предложения) и, наконец, внутри него на микротемы и микропредложения, воплощенные в словосочетаниях. В синхронно-генетическом (порождающем) плане словосочетания типа *мир видим, бог невидим, бог создал* можно трактовать в духе грамматики Пор-Рояль как пропозиции сложного высказывания *Невидимый бог создал видимый мир*. Ср. трактовку таких протопредложений у Н. Хомского: «Среди предложений, в которых как субъект, так и атрибут состоят из нескольких слов, встречаются предложения,

⁷ Так, Ф. Бопп в «Сравнительной грамматике» выделял в санскрите и родственных ему словах глагольные и местоименные корни. Первые являются исходной базой глаголов и имен, вторые – местоимений и служебных слов [Бопп 2017: 19]. При этом Ф. Бопп находил связь данной оппозиции с оппозицией гласных и согласных звуков, которые тем самым семасиологизировались на грамматическом уровне. В частности, гласные ассоциируются у Ф. Боппа с глаголом, ср.: «уже в древнейший период языка было достаточно одного гласного, чтобы выразить глагольное понятие» [Бопп 2017: 20]. На этом фоне значимым представляется тот факт, что в русском языке финалы именных основ являются исключительно консонантными, а в глагольных происходит сложное взаимодействие финалей при общей тенденции к консонантизации, которая в современном русском языке достигается в разных словоизменительных классах по-разному: усечением гласной в основе инфинитива (*держа- / держ-*) или наращением согласного, в современном русском языке таковым является исключительно йот (*да- / дай-*).

содержащие, по крайней мере в нашем сознании (*dans nostre esprit*), несколько суждений, каждое из которых можно превратить в отдельное предложение» [Хомский 2005: 74].

В генезисе таких протопредложений номинативность предшествующих этапов ослабляется: согласование, управление, примыкание – во многом условно-формальные категории по отношению к отражательному содержанию (субъектность, объектность, инструментальность). Это объясняет, почему в языках синтетического типа на первый план выдвигаются оппозиции формальной зависимости слов друг от друга⁸. Уместно заметить в связи с этим, что акцент на частных значениях и оттенках, например, отдельных частей речи (местоимений, наречий, предлогов, частиц), категорий, грамматических форм и словоформ, активно представленных в традиционной морфологии, является менее актуальным в синтагматикоцентрической морфологии.

Для последней, скажем, разделение субъектного, объектного, предикативного родительного падежа, как и выделение наречий или предлогов места и времени, частных значений совершенного и несовершенного вида, малоактуально: такие оттенки находятся на периферии (или вовне) грамматического содержания, они функционально неустойчивы и во многом являются металингвистической проекцией на них семантики контекста. Ядром (сущностью) морфологических категорий и других единиц морфологии является синтагматическое содержание. Так, сущность дательного падежа в словосочетаниях *помощь другу и другу не спится* в формальном вопросе *кому*, а не в частных значениях объекта и субъекта. Такая привязка морфологии к синтагматике является внутренним признаком языков синтетического строя, в отличие от языков аналитического строя.

Таким образом, синтагматические связи формируют непосредственный план содержания морфологических систем синтетического типа. Его составляет противостояние двух типов связи: согласования и управления (с одной стороны) и примыкания (с другой стороны). В этом смысле тенденция к аналитизму

означает усиление роли примыкания на фоне ослабления роли согласования и управления. Последние обеспечивают жесткость (обязательность, регулярность [Зализняк 1967: 25–26]) синтетических морфологий. В частности, управление обуславливает сам факт наличия и устройство категории падежа, согласование – категории рода, числа, одушевленности⁹. Управление и согласование объединяет общий принцип детерминационного устройства синтагматических сцепок: главное слово или словоформа (Д-1) содержит в себе определенную внутреннюю детерминирующую сему, а зависимое слово (Д-2) ставится в соответствующую форму. Так, глагол *радоваться* имеет внутренний дательный падеж, *восхищаться* – творительный, предлог *до* – родительный падеж, *при* – предложный; словоформа сравнительной степени прилагательных и наречий требует родительного падежа (*выше дома*); лексема *береза* имеет внутренний женский род, требующий постановки зависимых прилагательных и глаголов (Д-2) в соответствующий род, а словоформа *березу* требует согласования не только по роду, но и по числу и падежу, а в винительном падеже множественного числа – и по признаку неодушевленности. Согласование и примыкание в рамках данной концепции трактуются в расширительном смысле (см. пример про местоимение *он* в сноске 12).

Управление и согласование создают жесткость морфологическим системам синтетического типа, тогда как примыкание олицетворяет слабость и мягкость связей. С этим тезисом коррелирует идея противопоставления двух грамматик текста, высказанная Л. В. Сахарным: левополушарной, жесткой, подчиненной логическим процедурам, и правополушарной, мягкой, подчиненной подсознанию и интуиции [Сахарный 1994: 13]. Обязательность при этом часто меняется на возможность выбора, нередко сопровождаемого стилистической дифференциацией [Сахарный 1994]. Стилистические оппозиции противопоставлены грамматическим, их появление знаменует разрушения грамматик синтетического типа. Таковы, например, категории полноты / краткости прилагательных (в отличие от причастий)¹⁰,

⁸ Полагаем, что здесь вполне корректным является утверждение: предшествующие этапы нацелены на обеспечение смысловой цельности речевого произведения, тогда как лексико-морфологический этап обеспечивает его связность.

⁹ Согласование по падежу не всегда последовательно в плане обязательности / регулярности, например, у числительных и местоимения *он* согласование конкурирует с управлением. Большинство числительных не согласуются по роду и числу, а по падежу согласуются лишь в косвенных падежах, а в именительном и винительном падежах управляют существительным. Местоимение *он* согласуется по роду и числу, но его падежные формы не зависимы от падежа заменяемого существительного.

¹⁰ Краткие причастия заняли жесткую позицию в системе залоговых форм, они составляют граммему переходных глаголов совершенного вида в позиции сказуемого в страдательных конструкциях (*работа выполнена хорошо*).

собираемых числительных. Приведем примеры «смягчения» жесткой синтагматики:

- *Ее звали Машей; И так, она звалась Татьяной* (управление) / *Ее зовут Маша; Ее имя (есть) Саша* (примыкание).
- *Столб выше дуба* (управление) / *Дуб выше, чем дом* (примыкание).
- *К двум прибавить два равняется четырем; Один плюс два равно трем* (управление) / *Четыре плюс один равно пять; Три минус два равняется (есть) четыре* (примыкание) / *Трижды два шесть* (абсолютный аналитизм).
- *Это не есть плохо* (примыкание) / *Это не есть плохое* (согласование) (связка *есть* больше деморфологизирована, чем связка *нет*, сохранившая глагольное управление родительным падежом).
- *Наблюдение птиц полезно* (согласование) / *наблюдать птиц – (это) полезно* (примыкание).
- *Поэт была седая и худая; Наша врач уже приняла пациентов.*

Считаем подобного рода фразы (последний пример) и словосочетания примерами с отсутствием согласования (как и во фразах типа *я шла, ты красивая*), т. к., например, род глагола *шла* не зависит от рода лексемы *я*, так же как и во фразах с существительными так называемого общего рода *егоза вертелся / егоза вертелась* идет согласование не по форме, а по смыслу. Такое согласование, на наш взгляд, функционально приближается к примыканию. Возможна и трактовка его как ослабленного согласования. Вопрос о границах данных форм синтагматической связи (согласования по смыслу и примыкания) остается для нас открытым.

Независимость употребления родовых форм прилагательных и глаголов (то, что выше было обозначено термином *примыкание* в широком смысле) характерно для русского языка:

- *Шла бабушка с внуком* (наличие формального согласования); *шли бабушка и внук; два веселых гуся; княгиня Вера приказали* (отсутствие формального согласования).
- *Не родись красивой; смелым везет* (согласование по роду и числу – исключительно смысловое; причем смысловое определяемое не называется вообще, оно остается на уровне пресуппозиции; по сути, в схеме С. Д. Кацнельсона его формирование находится на досинтаксическом этапе).

Полагаем, что неопределенно-личные сказуемые таким образом согласуются по числу:

- *Встречают по одежке, провожают по уму; Там нас накормили и одели.*

Отдельного комментария в синтагматической концепции заслуживают безличные конструкции, в которых появление числовой формы и родовой (в прошедшем времени) не связано напрямую ни с синтагматикой, ни с семантикой (смыслом):

- *Смеркается; Из окна дуло; Ей не лежится.*

В таких конструкциях произошла морфологизация позиционно-синтаксического значения рода и числа, возникшая, вероятно, в нейтральной в данных парадигмах позиции, вследствие чего появляется неформальное согласование по смыслу.

Промежуточные случаи создают сочетания числительного и существительного:

- *Пришел миллион человек* (формальное согласование); возможно: *Пришла тысяча человек*, но невозможно: *Пришли / пришло тысяча человек*. Лексема *тысяча* сохраняет свои субстантивные свойства.
- *Оба друга ушли; Много друзей ушло* (согласование по смыслу) / *Двадцать один друг пришел* (формальное согласование).

В некоторых случаях «смягчение» жестких связей может наблюдаться внутри одного предложения, ср.:

- *Я восхищаюсь хищниками, такими как лев, тигр, пума.*

Творительный падеж существительного *хищниками* и местоимения-адъектива *такими* жестко синтагматичен; именительный падеж словоформ *лев, тигр, пума* является независимым, возможно, примыкающим.

В предлагаемой нами концепции ослабленное управление и согласование находятся на периферии поля примыкания, например, во фразе *Артур бежал быстрее, чем Ян* именительный падеж имени *Ян* теряет прямую детерминационную связь с именительным падежом имени *Артур* и функционирует как синтагматически независимый.

Примыкание (равно как и согласование с управлением) понимается в расширительном значении: как связь по смыслу вне условно-формальной детерминации синтагматикой.

Отдельного обсуждения в данной проблеме заслуживает вопрос о взаимодействии грамматики и стилистики. Стилистика предполагает возможность выбора говорящим формы (*он был красив / красивый / красивым*) и тем самым противостоит жесткой грамматике, базирующейся на принципах обязательности, регулярности, стандартности. Стилистика – главный энтропийный фактор для языков синтетического типа. Возможность выбора *красив / красивый; Пришли пять студентов / пятеро студентов* свидетельствует

о функциональной деградации полноты / краткости и собирательности как грамматических категорий. Собирательные числительные сохраняют свою синтагматическую жесткость в ограниченной зоне – в сочтении с существительными *pluralia tantum*: *четыре ножницы* (не *четыре ножниц*). Здесь уместно еще раз вернуться к идее Л. В. Сахарного о двух грамматиках: «Левое полушарие обрабатывает информацию с помощью жестких формально-логических операций... правое же полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание. Отсюда – "мягкость" операций, континуальность структуры "единиц", иные принципы организации "уровней" и тому подобные феномены, непривычные для "строгих" традиционных грамматик» [Сахарный 1994: 13]. Стилистика в грамматике – проявление «мягкости» последней, формирование в ней элементов континуальности – вариативности, вследствие чего возникает необходимость регулирования ее нормативными механизмами, кодификацией. Их можно трактовать как компенсацию утраты синтагматической жесткости.

В настоящем подразделе статьи считаем уместным подчеркнуть, что синтагматика является конституирующим признаком и для выделения частей речи и морфологических разрядов, внутри них многие из них характеризуются своим набором синтагматических признаков. О таковых для существительных, числительных, прилагательных было сказано ранее. Этот ряд легко продолжить. Предлоги *вроде*, *наподобие*, в отличие от союзов *как*, *словно*, *будто*, управляют определенными падежными формами существительных – это их конституирующее свойство: каждый предлог имеет условно-синтагматическое свойство – внутренний падеж, как существительное имеет внутренний род, а местоимение – лицо, в соответствии с которыми они детерминируют род и лицо зависимых словоформ. Этим же свойством предлоги отличаются от наречий (*она прошла мимо*; *она прошла мимо меня*). Полагаем, что в синтагматическом плане слова категории состояния имеют основания быть выделенными в самостоятельную часть речи, отличную от наречий, т. к. управляют дательным падежом существительных.

Тезис о конституирующей роли синтагматики в морфологической системе проецируется и на отдельную словоформу, ср. у А. А. Зализняка: «Словоформы (абстрактные и конкретные) мы будем называть иначе

синтагматическими словами (абстрактными и конкретными)» [Зализняк 1967: 20]. С синтагматической точки зрения словоформы (или лексемы) *быть* / *был* и *есть* / *нет* не тождественны в плане их частеречной принадлежности: *быть* / *был* и *есть* / *нет* в большей мере остаются глаголами, т. к. сохраняют внутренний падеж: творительный (*быть другом*) и родительный (*нет друга*). Связка *есть* анализировалась в большей степени, ее закрепляет системное нулевое выражение связочной позиции (*это не хорошо*; *он мне друг*). Интересна в этой связи точка зрения Г. И. Пановой, относящей к аналитическим глаголам так называемые глагольные междометия: *дёрж*, *скок*, *кувырк*, *шасть*¹¹. Трактовка словоформ сравнительной степени качественных прилагательных (*белый*) как самостоятельных лексем – производных наречий (*белее*) [Милославский 1981: 119–120] – имеет и синтагматическое обоснование – лексемы типа *яснее* управляют формой родительного падежа существительного (*белее снега*).

Все отмеченное позволяет нам определить оппозицию аналитизма и синтетизма в морфологии не как противопоставление в плане выражения грамматических значений. В традиционной морфологии названная оппозиция представляется как оппозиция цельнооформленности (синтетизм) и раздельнооформленности (аналитизм): *напишу* / *буду писать*, *быстрее* / *более быстрый*. Предлагаем рассматривать его как противопоставление в плане содержания в одной из его разновидностей – синтагматической.

Отдельно рассмотрим фактор неизменяемости имен, которым часто иллюстрируется тенденция к аналитизму. Данная тенденция традиционно увязывается с увеличением удельного веса материальной неизменяемости существительных и других имен по падежу и числу. На наш взгляд, оппозиция форм выражения грамматического и лексического значения в словоформе – важная, но не главная, так же как и оппозиция изменяемых и неизменяемых имен. Главная находится в плане содержания и обусловлена увеличением удельного веса примыкания, понимаемого в широком смысле как связь по смыслу. Разумеется, усиление позиций неизменяемости в русском языке коррелирует с усилением примыкания и маркирует тенденцию к аналитизму. Неслучайно неизменяемые существительные и прилагательные вслед за М. В. Пановым [Панов 1999: 152–162] часто называют

¹¹ Панова Г. И. Морфология русского языка: энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010. С. 286.

аналитическими¹². Но по большому счету эти признаки вторичны. Так, словоформы имен собственных во фразах *Мы сидели в кафе «Весна»* и *Мы сидели в кафе «Рандеву»* идентичны с функционально-морфологической точки зрения, хотя имена *весна* и *рандеву* контрасты по признаку материальной изменемости. В обоих случаях мы имеем дело с примыкающим номинативом [Селезнева 1972], который и является внутренним проявлением тенденции к аналитизму, и суть в приведенных примерах – не в номинативе, а в примыкании. Имеем ли мы дело с примыканием в случаях типа *Подъезжаю к Кемерово / к Кемерову, в городе Кемерове / Кемерово?* Предлог в первой фразе управляет дательным падежом и функционально зависимое существительное стоит именно в дательном падеже. Полагаем, что речь должна идти о разной степени примыкаемости и аналитичности и о том, что шкалу измерения таковой степени теоретикам морфологии еще предстоит разработать.

В этой связи заметим, что отражением недостаточной разработанности названного вопроса является многообразие терминов, которыми ученые называют имена с материально невыраженными окончаниями¹³: синтаксические [Грацианская 2007; Пешковский 2001; Радзиховская 2018], морфологически ущербные [Кнорина 1980], морфологически оголенные [Панов 1999: 265], неизменяемые слова, стоящие вне склонения [Шанский, Тихонов 1987], аналитические¹⁴ [Виданов, Кудашкина 2015; Лекант 2015; Родионова 2017], неграмматические¹⁵ [Волошина 2019; Фортунатов 2023]. Остаются до конца не квалифицированными как само понятие несклоняемости, так и средство его выражения; здесь также наблюдается разнородная терминология: несклоняемые слова или слова, склоняемые по особому (нулевому) типу склонения, слова с нулевыми окончаниями во всех падежных формах или слова без окончаний. В значительной мере дискуссии на эту тему носят металингвистический характер, являясь спорами о словах и определениях, но не о самих явлениях [Бринев 2023: 9–13]. Предлагаем факт материальной неизменяемости имен квалифицировать как двусторонний. В детерминирующей словоформе (лексеме) выделяются план

содержания – ее внутренний синтагматический инвариант [Перцов 2001] – и план выражения, который «сдвинут» в синтагматически детерминируемую словоформу. Поиски модели в данном направлении находим в статье [Приорова 2010], автор которой синтагматический инвариант разделяет на согласовательный и управленческий подварианты.

Заключение

Морфологическая система русского языка – хорошо развитая и активная подсистема в структуре языка, выполняющая связующую роль между лексической и синтаксической подсистемами. В содержательном (функциональном) плане ее функционирование и устройство определяет коммуникативная функция, последовательно (обязательно, регулярно и стандартно) проявляющаяся в синтагматике, где обслуживает управление и согласование. Поэтому морфологическая система является жесткой подсистемой, т. к. управление требует определенной (обязательной) падежной формы управляемых слов (недопустимо *для березу*), а согласование – обязательной родовой и числовой формы от согласуемых слов (недопустимо *белое березы*). В плане материального выражения главным признаком синтетизма в морфологической системе является выражение лексического и грамматического значения в одной словоформе. Русский язык является языком синтетического типа, т. к. его морфологическая система является преимущественно именно таковой. Тенденция к аналитизму – прежде всего содержательная категория, ее содержание – синтагматическое; данная тенденция определяется борьбой и единством противоречий в антиномии согласования и управления, с одной стороны, и примыкания – с другой.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

¹² Там же. С. 119, 131. Отметим, что М. В. Панов использует термин *аналит-прилагательные* [Панов 1999: 162].

¹³ Об этом см. подробнее [Приорова 2010].

¹⁴ Панова Г. И. Морфология русского языка...

¹⁵ Неграмматический. In: Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. 2-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 256.

Литература / References

- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: ЯСК, 2005. 624 с. [Bondarko A. V. *Theory of morphological categories and aspectology*. Moscow: IaSK, 2005, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbbtnd>
- Бопп Ф. Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого. *История языкознания: XIX – 1-я половина XX в.*, сост. З. И. Резанова. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2017. Ч. 1. С. 16–22. [Bopp F. A comparative grammar of the Sanskrit, Zend, Greek, Latin, Lithuanian, Gothic, German, and Slavonic languages. *History of linguistics: XIX – 1st half of the XX century*, comp. Rezanova Z. I. 3rd ed. Moscow: Flinta, 2017, pt. 1, 16–22. (In Russ.)]
- Бринев К. И. Эссенциалистские теории значения: когнитивная теория категоризации и теория прямой референции. Барнаул: Пять плюс, 2023. 203 с. [Brinev K. I. *Essentialist theories of meaning: cognitive theory of categorization and theory of direct reference*. Barnaul: Piat plus, 2023, 203. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bemqgg>
- Виданов Е. Ю., Кудашкина А. Ю. Аналитизм в синтаксической системе современного русского языка. *Казанская наука*. 2015. № 11. С. 134–136. [Vidanov E. Yu., Kudashkina A. Yu. Analytism in the syntax of the modern Russian language. *Kazan Science*, 2015, (11): 134–136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vbcdxj>
- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с. [Vinogradov V. V. *Russian language (grammatical teaching about the word)*. Moscow: Vyssh. shk., 1986, 640. (In Russ.)]
- Волошина О. А. Учение Ф. Ф. Fortunatova о частях речи в русском языке. *Русский язык в школе*. 2019. Т. 80. № 3. С. 76–81. [Voloshina O. A. F. F. Fortunatov's concept about the parts of speech in the Russian language. *Russian Language at School*, 2019, 80(3): 76–81. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2019-80-3-76-81>
- Голев Н. Д. Антиномии русской орфографии. 2-е изд. М.: URSS, 2004. 158 с. [Golev N. D. *Antinomies of Russian orthography*. 2nd ed. Moscow: URSS, 2004, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrbdzh>
- Голев Н. Д. Дискурсивный словарь диалектной лексики Новейшего времени (на материалах Рунета): инновационный лексикографический проект. *Вопросы лексикографии*. 2019. № 16. С. 113–137. [Golev N. D. A modern dialect vocabulary discourse dictionary (based on Runet materials): an innovative lexicographic project. *Voprosy Leksikografii*, 2019, (16): 113–137. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/22274200/16/7>
- Голев Н. Д. Статус и место асемантических элементов в морфодеривационной структуре слова. Статья 2. Системно-структурный, функциональный и генетический факторы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2012. № 4-1. С. 205–211. [Golev N. D. Non-semantic elements' status and rank in the morphoderivational word structure. Paper 2: Systemic and structural, functional and genetic factors. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, (4-1): 205–211. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pxxcpl>
- Голев Н. Д., Григорьева О. С. О дискурсообразующей роли модуса в коммуникативном процессе (на материале преобразований научного текста в учебный). *Критика и семиотика*. 2022. № 2. С. 71–90. [Golev N. D., Grigorieva O. S. On the discourse-forming role of the mode in the communicative process (based on the material of transformations of a scientific text into an educational one). *Kritika i Semiotika*, 2022, (2): 71–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-71-90>
- Грацианская Р. Н. Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении. *Русский язык*. 2007. № 22. [Gratsianskaia R. N. A. M. Peshkovsky's syntactic system in a brief summary. *Russkii iazyk*, 2007, (22). (In Russ.)] URL: <https://rus.1sept.ru/article.php?ID=200702205&ysclid=llg98juh7y568049396> (accessed 15 Jul 2023).
- Демьянков В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование. М.: МГУ, 1994. 206 с. [Demyankov V. Z. *Morphological interpretation of the text and its modeling*. Moscow: MSU, 1994, 206. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rxtbvx>
- Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 404 с. [Jespersen O. *The philosophy of grammar*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 1958, 404. (In Russ.)]
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 370 с. [Zaliznyak A. A. *Russian nominal inflection*. Moscow: Nauka, 1967, 370. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/voostd>
- Звегинцев В. А. Тезисы Пражского лингвистического кружка. In: Звегинцев В. А. *История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях*. М.: Просвещение, 1965. Ч. II. С. 123–140. [Zvegintsev V. A. Theses of the Prague Linguistic Circle. In: Zvegintsev V. A. *History of linguistics of the XIX and XX centuries in essays and extracts*. Moscow: Prrosveshchenie, 1965, pt. II, 69–85. (In Russ.)]

- Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 215 с. [Katznelson S. D. *Typology of language and speech thinking*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2004, 215. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrgprx>
- Кнорина Л. В. Свойство иероглифичности и его влияние на употребление слова. *НТИ. Сер. 2*. 1980. № 10. [Knorina L. V. The property of hieroglyphicity and its effect on the word usage. *NTI. Ser. 2*, 1980, (10). (In Russ.)] URL: <http://lidiaknorina.narod.ru/svoystvo.htm> (accessed 15 Jul 2023).
- Колмогорова А. В., Чистова Е. В., Мартынюк К. В., Уканаква Н. В., Радевич В. В., Варламова О. Н., Мжельских М. К. Ризоморфный клубок: когниция vs коммуникация. Красноярск: СФУ, 2017. 251 с. [Kolmogorova A. V., Chistova E. V., Martynyuk K. V., Ukanakova N. V., Radevich V. V., Varlamova O. N., Mzhelskikh M. K. *Rhizomorphic tangle: cognition vs communication*. Krasnoyarsk: SFU, 2017, 251. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ysjtpj>
- Копелиович А. Б. Некоторые спорные вопросы словообразования и синтаксиса. Владимир: ВлГУ, 2011. 156 с. [Kopeliovich A. B. *Some controversial issues of word formation and syntax*. Vladimir: VISU, 2011, 156. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qwuwr>
- Кривоносов А. Т. Система классов слов как отражение структуры языкового сознания (философские основы теоретической грамматики). М.-Нью-Йорк: ЧеРо, 2001. 846 с. [Krivonosov A. T. *The system of word classes as a reflection of the structure of linguistic consciousness (philosophical foundations of theoretical grammar)*. Moscow-NY: CheRo, 2001, 846. (In Russ.)]
- Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: ЯСК, 2004. 560 с. [Kubryakova E. S. *Language and knowledge: Towards the acquisition of knowledge about the language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world*. Moscow: IaSK, 2004, 560. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/suqhip>
- Лекант П. А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: МГОУ, 2015. 86 с. [Lekant P. A. *The analytical form and the analytical constructions in the modern Russian language*. Moscow: MRSU, 2015, 86. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vhkthk>
- Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М.: Просвещение, 1981. 254 с. [Miloslavsky I. M. *Morphological categories of Russian language*. Moscow: Prosveshchenie, 1981, 254. (In Russ.)]
- Милославский И. Г. Морфология. In: Белашапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Новиков Л. А., Панов М. В. *Современный русский язык*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Выш. шк., 1989. С. 380–531. [Miloslavsky I. M. Morphology. In: Beloshapkova V. A., Bryzgunova E. A., Zemskaya E. A., Miloslavsky I. G., Novikov L. A., Panov M. V. *Modern Russian language*. 2nd ed. Moscow: Vyssh. shk., 1989, 380–531. (In Russ.)]
- Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л.: Наука, 1985. 299 с. [Pavlov V. M. *The concept of lexeme and the problem of relations between syntax and word formation*. Leningrad: Nauka, 1985, 299. (In Russ.)]
- Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука; ЯПК, 1999. 275 с. [Panov M. V. *Positional morphology of the Russian language*. Moscow: Nauka; IaRk, 1999, 275. (In Russ.)]
- Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: ЯПК, 2001. 280 с. [Pertsov N. V. *Invariants in Russian inflection*. Moscow: IaRk, 2001, 280. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxnno>
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: ЯСК, 2001. 544 с. [Peshkovsky A. M. *Russian syntax in scientific coverage*. 8th ed. Moscow: IaSK, 2001, 544. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sumdbf>
- Приорова И. В. Явление несклоняемости в русском языке и специфика его обозначения. *Гуманитарные исследования*. 2010. № 1. С. 101–107. [Priorova I. V. The phenomenon of indeclinability in the Russian language and the specifics of its designation. *Gumanitarnye issledovaniia*, 2010, (1): 101–107. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/muyfbh>
- Радзиховская В. К. Морфология современного русского языка: вводный курс. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 121 с. [Radzikhovskaia V. K. *Morphology of the modern Russian language: An introductory course*. 4th ed. Moscow: Flinta, 2018, 121. (In Russ.)]
- Реформатский А. А. Введение в языкознание. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2018. 536 с. [Reformatsky A. A. *Introduction to linguistics*. 5th ed. Moscow: Aspekt Press, 2018, 536. (In Russ.)]

- Родионова И. Г. Аналитические конструкции с выделительно-усилительной частицей *сам* в современном русском языке. *Рациональное и эмоциональное в русском языке*: Междунар. науч. конф. (Москва, 24–25 ноября 2017 г.). М.: МГОУ, 2017. С. 127–130. [Rodionova I. G. Analytical constructions with an excretory-amplifying particle *сам* in modern Russian. *Rational and emotional in the Russian language*: Proc. Intern. Sci. Conf., Moscow, 24–25 Nov 2017. Moscow: MRSU, 2017, 127–130. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yspizb>
- Сахарный Л. В. Человек и текст: две грамматики текста. In: Битенская Г. В., Богуславская Н. Е., Гиниатуллин И. А., Кожевникова Н. А., Майданова Л. М., Матвеева Т. В., Мурзин Л. Н., Сахарный Л. В., Сиротинина О. Б., Чернухина И. Я. *Человек – текст – культура*. Екатеринбург: Полиграфист, 1994. С. 7–59. [Sakharny L. V. Man and text: two grammars of the text. In: Bitenskaya G. V., Boguslavskaya N. E., Giniatullin I. A., Kozhevnikova N. A., Maydanova L. M., Matveeva T. V., Murzin L. N., Sakharny L. V., Sirotinina O. B., Chernukhina I. Ya. *Man – text – culture*. Ekaterinburg: Poligrafist, 1994, 7–59. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wznbfd>
- Селезнева Л. Б. Примыкающий номинатив в системе географических собственных имен русского языка (на материале газет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1972. 20 с. [Selezneva L. B. *Adjacent nominative in the system of geographical proper names of the Russian language in newspapers*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Irkutsk, 1972, 20. (In Russ.)]
- Синько Л. А. Местоимение в синтаксической системе: основные функции. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 71. С. 80–88. [Sinko L. A. Pronoun in the syntactical system: principal functions. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, (71): 80–88. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/jvxxxtj>
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1972. 294 с. [Solntsev V. M. *Language as a system-structural education*. Moscow: Nauka, 1972, 294. (In Russ.)]
- Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение. М.: Юрайт, 2023. 165 с. [Fortunatov F. F. *Comparative linguistics*. Moscow: Iurait, 2023, 165. (In Russ.)]
- Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. 232 с. [Chomsky N. *Cartesian linguistics. A chapter in the history of rationalist thought*. Moscow: KomKniga, 2005, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qryast>
- Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. Ч. 2: Словообразование. Морфология. М.: Просвещение, 1987. 256 с. [Shansky N. M., Tikhonov A. N. *Modern Russian language. Pt. 2: Word formation. Morphology*. Moscow: Prosveshchenie, 1987, 256. (In Russ.)]

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qcuia5>

Лингвоперсонология и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В. В. Колесова

Загуменнов Александр Владимирович

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования Вологодская духовная семинария

Вологодской епархии Русской Православной Церкви, Россия, Вологда

<https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Scopus Author ID: 57203727245

zaw1991@mail.ru

Аннотация: В России больше тридцати лет актуально направление лингвистической персонологии. Это дисциплина, объектом которой является носитель языка со своей картиной мира, ментальностью, степенью владения языком и готовностью создавать и принимать продукты речевой деятельности. Осмыслял лингвистическую персонологию и известный российский филолог Владимир Викторович Колесов (1934–2019). В последней опубликованной при жизни работе он выступил с критикой и термина *языковая личность*, и всего направления в целом. Эти возражения остались без должного внимания со стороны профильных специалистов, однако они значимы для самой лингвистической персонологии. Актуальность нашей работы заключается в выявлении самих основ критики со стороны В. В. Колесова в логике разработок упомянутого ученого. Цель – интерпретация критического отношения В. В. Колесова к лингвоперсонологии в его трудах с 2009 по 2021 г. Задачи: проследить становление отношения к лингвоперсонологическим тенденциям в прижизненных публикациях В. В. Колесова; выявить с помощью характерного для упомянутого ученого инструментария предпосылки к критике теории языковой личности; охарактеризовать посмертную публикацию («Концептуальное поле русского сознания») через «критику критики В. В. Колесова» как «синтез», «снимающий» (в философском смысле) остроту ранее высказанных исследователем замечаний. Основные методы и приемы в нашей статье: контекстный анализ, реконструкция, элементы филологической герменевтики, а также приемы сравнения и сопоставления. В ходе исследования мы, во-первых, получили две теоретические модели, объясняющие выводы В. В. Колесова о лингвоперсонологии, а во-вторых, обосновали, что последняя треть века творческих поисков данного ученого может быть охарактеризована как скольжение к языковой личности и признание ее значимости при описании концептов личной ментальности.

Ключевые слова: реализм, номинализм, концептуализм, теория языка, лингвоперсонология, языковая личность, текст

Цитирование: Загуменнов А. В. Лингвоперсонология и языковая личность как предметы научной рефлексии в трудах В. В. Колесова. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 108–116. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-108-116>

Поступила в редакцию 12.05.2023. Принята после рецензирования 17.08.2023. Принята в печать 21.08.2023.

full article

Linguistic Personology and Linguistic Personality as Subjects of Vladimir V. Kolesov's Scientific Reflection

Alexander V. Zagumennov

Vologda Theological Seminary, Vologda Diocese of the Russian Orthodox Church, Russia, Vologda

<https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

Scopus Author ID: 57203727245

zaw1991@mail.ru

Abstract: Linguistic personology has remained a popular linguistic direction in Russia for more than thirty years. This discipline studies a native speaker or a linguistic personality with their own worldview, mentality, language

fluency, linguistic creativity, and ability to understand someone else's speech. The famous Russian philologist Vladimir V. Kolesov (1934–2019) was a prominent figure in Russian linguistics. However, in his last publication, he criticized both the term *linguistic personality* and the entire linguistic personology. Although specialists overlooked this criticism, it is important for linguistic personology. This article reveals the philosophical and methodological foundations of V. V. Kolesov's criticism, as well as interprets the arguments he published in 2009–2021. First, the authors traced the development of anti-personological trends in V. V. Kolesov's lifetime publications. Second, they identified the prerequisites for the criticism of the theory of linguistic personality. Third, they analyzed the posthumous publication of *The Conceptual Field of Russian Consciousness* as a synthesis that reinterpreted the previous criticism. The methods of contextual analysis, reconstruction, philological hermeneutics, and comparison made it possible to obtain two theoretical models that explain V. V. Kolesov's conclusions about linguistic personology. The authors believe that the last thirty years of V. V. Kolesov's scientific work was a gradual slide towards recognizing linguistic personality as an important tool in describing mentality.

Keywords: realism, nominalism, conceptualism, language theory, linguistic personology, linguistic personality, text

Citation: Zagumenov A. V. Linguistic Personology and Linguistic Personality as Subjects of Vladimir V. Kolesov's Scientific Reflection. *SibScript*, 2024, 26(1): 108–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-108-116>

Received 12 May 2023. Accepted after peer review 17 Aug 2023. Accepted for publication 21 Aug 2023.

Введение

Лингвистическая персонология [Нерознак 1996], или лингвоперсонология [Иванцова 2010], – интегративная научная дисциплина, объект исследования которой – носитель языка в его текстовых [Караулов 2014] и шире – коммуникативных проявлениях, т. е. языковая личность [Богин 2009; Львова, Оборина 2020]. Это перспективное филологическое направление позволяет проводить анализ антропоцентрической составляющей разнородных знаковых систем [Араева 2016; Шапошникова 2020]. На данный момент в лингвоперсонологии можно выделить не менее пяти действующих научных центров или школ.

- Первая из них – Тверская герменевтическая группа [Богин 2009; Бушев 2018; Оборина 2019; Соловьева 2009], ставшая самостоятельным ответвлением некогда единого Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкого.
- Второй научный центр имеет рассеянный характер в том смысле, что оформлен под влиянием идей Ю. Н. Караулова и объединяет несколько регионов и представлен в подавляющем большинстве научных трудов по данной тематике [Язык и личность... 2022; Языковая личность... 2017].
- Третье объединение допустимо охарактеризовать как Сибирскую школу лингвоперсонологии, роль которой в отечественной науке сложно переоценить. Это и первое учебное пособие по дисциплине [Иванцова 2010], и две монографии,

а по сути – два коллективных манифеста [Языковая личность... 2014; 2016], без учета которых любое теоретическое рассуждение о языковой личности на современном этапе теряет смысл.

- Четвертый научный центр оформился на Юге России в виде лингвориторической парадигмы – интегративного направления, соединяющего лингводидактику, риторика, герменевтику и когнитивную лингвистику в рамках единой зонтичной концепции [Ворожбитова 2020].
- Пятая лингвоперсонологическая школа сложилась в Вологодской области в начале 2010-х гг.¹ [Волкова и др. 2017], но пока находится в фазисе своего становления.

Отметим, что по данным Российского индекса научного цитирования за 2021–2022 гг. было опубликовано свыше 3500 работ, затрагивающих проблему языковой личности в разных ракурсах. Следовательно, количество научных групп и центров может быть в разы больше.

Сквозной линией всех обозначенных нами школ является историческая лингвоперсонология [Аникин 2017; Иванова 2019; Конончук, Филь 2021; Логунова, Мазитова 2019; Шелепова 2016], своим идеалом ставящая интерпретацию сдвигов в истории языка (и на конкретных его уровнях) как совокупность индивидуальных влияний со стороны пишущих определенной эпохи. Несмотря на весьма благородные

¹ В очерковом виде историю этой школы можно почерпнуть из издания [Ильина 2022].

интенции актуального научного направления, далеко не все специалисты благожелательно относятся к приемам и методикам исследования в данном русле.

Целью нашей статьи является интерпретация критического отношения В. В. Колесова к лингвоперсонологии в его трудах с 2009 по 2021 г. Основные задачи работы: 1. Проследить становление отношения к лингвоперсонологическим тенденциям в прижизненных публикациях В. В. Колесова. 2. Выявить с помощью характерного для упомянутого ученого инструментария предпосылки к критике теории языковой личности. 3. Охарактеризовать посмертную публикацию («Концептуальное поле русского сознания») через «критику критики В. В. Колесова» как «синтез», «снимающий» (в философском смысле) остроту ранее высказанных исследователем замечаний.

Эта работа не появилась бы на свет, если бы лингвоперсонология и понятие *языковая личность* для В. В. Колесова не были предметом научно-методологической рефлексии. Мы, в силу обстоятельств, находимся в точке, когда основной импульс «перепрочесть» труды упомянутого ученого, переосмыслить его смыслы исходит от учеников, последователей и коллег [Демидов 2022; Донина, Халикова 2022; Зеленин 2022; Колесова 2022; Пименова 2022, Садова 2016]. Тем не менее сегодня как никогда актуально не только «следование букве», но и «мышление в духе» работ В. В. Колесова.

Именно по этой причине во введении необходимо акцентировать внимание на сквозной теме книг последней четверти века, а именно: соотношение реализма, номинализма и концептуализма как философских программ в истории русского языка и культуры. Борьба этих «стихий» [Колесов 2007: 7] реализована в средневековом споре об универсалиях. Строгий реализм (линия Платона) предполагал, что они «существуют до вещей и потому вне вещей», поскольку только «идеи вечны и неизменны» [Колесов 2007: 19]. В «умеренном» реализме (линия Аристотеля) универсалии «находятся вне познающего разума, но общие понятия существуют в самих вещах как нечто... им самим присущее» [Колесов 2007: 19]. Умеренный номинализм, он же концептуализм в чистом виде (линия Пьера Абеляра), вводил в пределы логических терминов и «слова», и «общие понятия», но «в нашем сознании они представлены как концепты» [Колесов 2007: 20]. Крайний номинализм (терминизм), оформленный английской аналитической философией языка, утверждает, что «универсалии реально не существуют ни в каком виде, возможны только термины» [Колесов 2007: 20].

Эта тетрада (четырёхкомпонентная цепь) была впоследствии заменена триадой (номинализм – реализм – концептуализм), ставшей определяющей не только для авторского способа изучения исторических изменений языковой системы, но и для творчества самого В. В. Колесова.

Методы и материалы

Основным материалом в нашей работе выступают книги «Историческая грамматика русского языка» [Колесов 2009], «Основы концептологии» [Колесов 2019] и «Концептуальное поле русского сознания» [Колесов 2021], однако фоном присутствуют промежуточные публикации, а также имеющие справочно-энциклопедический характер издания. Приведенный перечень в полной мере отображает три генеральные линии размышлений ученого: история языка, русская философия, когнитивная лингвистика.

Применены методы контекстного анализа, реконструкции и филологической герменевтики, приемы сравнения и сопоставления. Из всего ранее перечисленного следует, что статья представляет собой (по отношению к координатам В. В. Колесова) мета-теоретическое исследование с опорой на диалектические принципы рассуждения.

Результаты

В «Исторической грамматике русского языка» мы обнаруживаем вполне лингвоперсонологическое программное заявление: «основная задача [истории языка] заключается в том, чтобы за восстановленными формами языка... прозреть носителя этого языка, его создателя – русского человека с присущими ему духовными и ментальными особенностями» [Колесов 2009: 6]. При этом термин *языковая личность* избегается: вместо него использован оборот *мыслящая индивидуальность* [Колесов 2009: 499], что может быть объяснено теоретико-методологической позицией автора. Вся лингвистика представляет собой чистое воплощение номинализма, и, следовательно, то, что выходит за пределы самодовлеющего слова (или шире – языка), может не учитываться и даже не упоминаться при исследовании грамматической системы. Это теоретическое решение вполне приемлемо, если речь идет о границах одной книги. Возможно, что, с одной стороны, масштабное развитие лингвоперсонологии, а с другой – становление авторской концептологии на методологии философского реализма вынудили в дальнейшем ученого прояснить свое отношение к теории языковой личности.

В книге «Основы концептологии» В. В. Колесов выступает с критикой целого научного направления, и этот фрагмент мы вынуждены привести полностью. «Возражение вызывает понятие "языковая личность", или "персонология". Это порождение философского концептуализма, сводящее национальную проблематику концепта к проблеме его личного использования. Вторичность постановки проблемы подчеркивается отсылкой к теории Л. В. Щербы о трояком аспекте языка, где те же вопросы обсуждались с точки зрения ономазиологии. Персонология – прикладное, прагматически нацеленное на практику сиюминутного действия учение; по существу, это преобразованная стилистика на ментальном уровне» [Колесов 2019: 739]. Если обратить внимание на ссылки, то критике подвергнута трехуровневая (функциональная) модель языковой личности из концепции Ю. Н. Караулова. Суть сказанного в приведенном полемическом фрагменте становится ясна, если воспользоваться приемом В. В. Колесова – разложением ключевых элементов по углам семантического треугольника по примеру Ч. Пирса [Колесов 2019]. При этом выясняется, что итог дистрибуции образует корреляции сразу с двумя философскими программами: номинализмом и концептуализмом. Рассмотрим первый из названных вариантов (рис. 1).

Номинализм «исходит из вещи как предмета исследования, данного нам в ощущении, и тут же забывает о ней, устремляясь к выяснению связей между идеей вещи и обозначающим ее словом (признается равенство знака и идеи)» [Колесов 2019: 78]. В лингвоперсонологических координатах специалист из оформленного речевого акта (вещь) вычленяет связь между системно сопряженными означающими (словоформа, слово, синтаксема) и означаемыми (понятийные и грамматические категории, поля). Доминанта номинализма в исследовании приводит к деривации типов языковой личности, поскольку

каждый отдельно взятый знак производит идею самостоятельного объекта. В этом отношении критика Е. В. Иванцовой детализации объекта исследования по уровням грамматики (синтаксическая языковая личность, морфологическая языковая личность) не только оправдана, но и закономерна [Иванцова 2010]. Возражения упомянутого ученого направлены не против стремления коллег ввести новый термин, а на сами тенденции крайнего номинализма, которые подчас трудно уловить в условиях становления самостоятельной дисциплины.

Рассмотрим теперь дистрибуцию элементов в рамках концептуалистской философской программы (рис. 2).

Концептуализм «исходит из готовой, уже известной идеи как предмета исследования, тут же теряя к ней всякий интерес и занимаясь связью слова с вещью» [Колесов 2019: 83]. В указанных координатах лингвоперсонолог из заранее очерченной идеи-гипотезы (наличие речевых стратегий, концептов, дискурсивных практик) выстраивает связь между прагматикой (вещь) и грамматикой (слово-знак) речевого акта. Доминанта концептуализма в исследовании может привести к деперсонализации вычленяемых единиц, утрате уникального личностного содержания взамен приобретения типовых шаблонов в акте коммуникации.

С этой точки философского реализма (именно это теоретико-методологическая позиция самого В. В. Колесова) модель языковой личности в концепции Ю. Н. Караулова изначально не предполагает выход на ментальность как на «часть духовной народной культуры» [Колесов 2019: 221]. Номинализм модели языковой личности определяет анализ фактов внутри грамматики-онтологии, концептуализм – грамматики-логики в узко профильных пределах гносеологии. Примечательно, что до сих пор в лингвистической персонологии остается дискуссионным статус таких единиц, как образ, понятие и символ. Именно в этих

Рис. 1. Модель языковой личности в концепции Ю. Н. Караулова в координатах номинализма
Fig. 1. Model of linguistic personality developed by Yu. N. Karaulov in the framework of nominalism

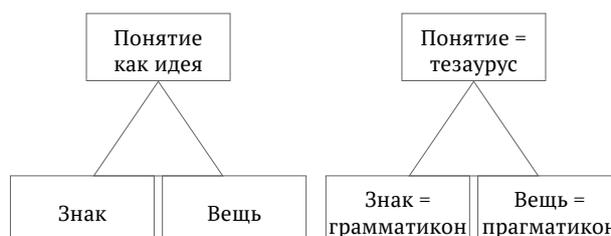

Рис. 2. Модель языковой личности в концепции Ю. Н. Караулова в координатах концептуализма
Fig. 2. Model of linguistic personality developed by Yu. N. Karaulov in the framework of conceptualism

трех содержательных формах В. В. Колесов усматривает прорастание зерен первосмысла [Колесов 2019; 2021], которые затрагивают область духовной культуры народа.

Этим очерком мы выявляем не только отношение В. В. Колесова к лингвоперсонологии в его прижизненных публикациях, но и основы самой критики дисциплины с позиций философского реализма. Следующая часть нашей статьи рассматривает посмертное издание – монографию «Концептуальное поле русского сознания», ставшую и продолжением «Основ концептологии», и их переосмыслением.

Обсуждение

Заключительный труд В. В. Колесова уже во введении позиционируется как отказ ученого от некоторых старых наработок. «Мое описание по своим материалам – в прошлом. <...> несопоставимы, например, мои описания концепта Любовь в "Основах концептологии" и в данной книге» [Колесов 2021: 10]. Фиксируемый разрыв, вероятно, должен был послужить сигналом, что эта книга стоит обособленно в некотором ряду, однако характеристика этого ряда в эксплицированном виде не дана.

Если вдумчиво прочесть «Концептуальное поле русского сознания», то становится очевидной внутренняя противоречивость между исходными заявлениями и полученными в ходе исследований итогами. Эволюция взглядов обнаруживается по мере перехода с утверждения роли объективного дескриптивиста к признанию субъективности собственных разработок. Сначала утверждается, что «в представленном описании нет ничего субъективного, ибо оно основано на классических, или образцовых, текстах» [Колесов 2021: 5]. Далее автор продолжает отстаивать эту точку зрения: «Выбор текстов в последовательности типов семантической константы "основание – условие – причина – цель"² определяется содержанием текстов и логикой их развертывания – также ничего субъективного в этом нет» [Колесов 2021: 6]. Наконец, в третий раз вводная часть удостаивается рассуждений по вопросу объективности представленных результатов: «Отличие семантических констант состоит в том, что это не субъективные конструкции, а коллективное бессознательное, представленное на основе объективных предикатов, которые актуализированы в авторитетных текстах» [Колесов 2021: 10].

От этих трижды повторенных высказываний об объективности сам автор не менее трех раз отрекается.

В первый раз – в выводах к одной из глав: «**авторская воля исследователя** на основе хаотически представленных текстов, **моделируя и структурируя их**, создает законченную систему смыслов того, о чем думали и что знали в свое время авторы этих текстов» [Колесов 2021: 100]. Выше мы уже упомянули, что прямых высказываний в адрес лингвоперсонологии в этой книге не обнаружено, однако присутствуют косвенные намеки на нее. Первое отречение от объективности – признание, что языковая личность ученого-лингвиста, оперируя чужими (прецедентными) текстами, создает из них свой вариант прочтения в виде конфигурации смысла (семантические константы).

Во второй раз автор склоняется к персонологии в небольшом замечании, что «концептуальный анализ текста позволяет проникнуть в глубинные основания **личной ментальности**, сохраненные славянским словом» [Колесов 2021: 100], причем в дальнейшем обнаруживаем значительное пояснение этой мысли. В частности, открыто утверждается, что ментальность представлена «в **языковой** картине мира **отдельного человека, носителя** группового менталитета» [Колесов 2021: 248]. При суммировании этих высказываний вполне очевидно, что речь идет о языковой личности, причем мы можем усмотреть даже указание на два уровня функциональной модели в концепции Ю. Н. Караулова: грамматикон и тезаурус.

Третье отречение от объективности мы обнаруживаем при описании В. В. Колесовым концепта *идея*. В частности, автор пишет: «Исходя из **произвольно избранных** оснований³ в семантических константах можно представить авторские определения концепта *Идея*» [Колесов 2021: 220]. Словосочетание *авторские определения* в этом фрагменте крайне двусмысленно. Во-первых, самим ученым признавалось за аксиому, что у одного человека мы практически никогда не обнаруживаем всего состава причинности (по Аристотелю) [Колесов 2019; 2021]. Следовательно, отдельно взятый автор не может раскрыть концепт полноценно в содержательных формах образа, понятия и символа. Во-вторых, снова признается, что структура семантической константы (метатекст из прецедентных феноменов) имеет свой источник, и логично предположить, что финальный ее вариант принадлежит языковой личности самого В. В. Колесова.

² Это категории причинности Аристотеля.

³ Произвольно выбранных в пределах четырех категорий причинности Аристотеля.

Четвертое отречение от объективности и скольжение к лингвоперсонологии обнаруживается в утверждении, что «каждая семантическая константа **субъективна дважды**: основана на **авторских текстах** и является предметом **выбора исследователя**» [Колесов 2021: 282]. Это полное переосмысление логики и содержания собственного описания в рамках своих же разработок, но именно это переосмысление и не отмечается во всех нам известных рецензиях на посмертную публикацию. На страницах «Концептуального поля русского сознания» философский реализм хоть и манифестируется как основание всей концептологии, тем не менее ее «метод... также номиналистичен» [Колесов 2021: 105], а «методика ассоциируется с концептуализмом» [Там же]. Размытие границ собственных теоретико-методологических позиций не только позволяет поставить вопрос о целостности всей концепции В. В. Колесова, но и приводит к неожиданным итогам в аспекте лингвоперсонологии. Если концептуализм «исходит из готовой, уже известной идеи» [Колесов 2019: 83], то таковой в посмертной публикации ученого является именно языковая личность, не названная как отдельный, самостоятельный объект, поскольку от нее, от носителя языка, и ведется научное повествование в монографии.

Заключение

Лингвоперсонология и языковая личность были предметом научно-методологической рефлексии В. В. Колесова, причем осмысление этих феноменов в рамках нашего изложения подчеркнуто диалектично. Тезис – история языка должна прозреть носителя этого языка («Историческая грамматика русского языка», позиция номинализма). Антитезис – лингвоперсонология и языковая личность не могут описать личную ментальность в диахронии, это – удел концептологии («Основы концептологии», позиция реализма). Синтез – выявление содержательных форм и построение семантических констант невозможно без учета языковой личности исследователя («Концептуальное поле русского сознания», концептуализм).

Последнее утверждение обретает доказательную силу при изучении структуры самих описаний концептов, «текстов статей» в посмертной публикации. Автор практически всегда придерживается алгоритма: этимологическая справка → десигнатные признаки (чаще всего – прилагательные), почерпнутые как из текстов, так и из словарей, → контексты из работ ученых и философов → денотаты, распределенные по категориям причинности Аристотеля → варианты

семантических констант. Эта последовательность – не что иное, как отраженная трехуровневая модель языковой личности Ю. Н. Караулова, ранее подвергнутая В. В. Колесовым критике. Этимологическая справка и десигнатные признаки – нулевой, вербально-семантический уровень, контексты – фрагменты прецедентных текстов – лингвокогнитивный уровень, перечень денотатов с их распределением и формирование варианта семантической константы – мотивационный уровень с коммуникативно-деятельностной потребностью создания метатекста.

Отношение к лингвоперсонологии и теории языковой личности проявляется со стороны В. В. Колесова в приеме умолчания и об упомянутой дисциплине, и об упомянутом термине. В «Исторической грамматике русского языка» позиция номинализма требовала от исследователя «за восстановленными формами языка... прозреть носителя этого языка», но доминировать должен не субъект, не говорящий, а говоримое. Критика и упоминание лингвоперсонологии и языковой личности возникает как полемический момент в «Основах концептологии», где очерчиваются границы философского реализма. «Концептуальное поле русского сознания» снова умалчивает и о дисциплине, и о термине, но при этом признается и влияние номинализма, и влияние концептуализма, а сама монография по ходу развития повествования содержательно переходит от подчеркнутого объективизма к принципиальному субъективизму. Синтез в посмертной публикации не строится на критике языковой личности и лингвоперсонологии, но и не основывается только на них. Трехуровневая модель Ю. Н. Караулова (вербально-семантический уровень – лингвокогнитивный – мотивационный) в итоге принимается как структура статей, описывающих концепты личной ментальности, чтобы «за восстановленными формами языка... прозреть носителя этого языка». С одной стороны, перед нами рекурсия в научно-методологической рефлексии самого В. В. Колесова, и этот феномен ранее не возникал в его творчестве в полной мере. С другой – всё «Концептуальное поле русского сознания» является косвенным оправданием и самой лингвоперсонологии вообще, и трехуровневой модели Ю. Н. Караулова в частности.

Иными словами, в творческом поиске «Концептуальное поле русского сознания» действительно совершило прорыв, став «лингвоперсонологическим зеркалом» по степени экспликации имманентного содержания языковой личности самого В. В. Колесова. Данное утверждение появляется, насколько мы можем

судить, впервые на страницах научной печати, что говорит о новизне наших выводов. Их теоретическая и практическая ценность несомненны: для исследователей открывается возможность моделировать языковую личность крупного специалиста-филолога по заданным самой языковой личностью алгоритмам. Возможно, в перспективах данного направления появятся и методология, и модели, по которым удастся адекватно представить персональное содержание такого выдающегося лингвиста нашего времени, как В. В. Колесов.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Выражаем благодарность кандидату филологических наук, доценту, секретарю кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ Людмиле Николаевне Дониной за предоставление экземпляра книги В. В. Колесова «Концептуальное поле русского сознания», а также за вопросы и предложения в рамках научной дискуссии, состоявшейся во время проведения 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой.

Acknowledgments: The authors would like to express their sincere gratitude to Lyudmila N. Donina, Cand. Sci.(Philol.), Assoc. Prof., secretary of the department of Teaching Russian as a Foreign Language and Methodology at St. Petersburg State University, for providing a copy of V. V. Kolesov's *The Conceptual Field of Russian Consciousness*, as well as for the questions and suggestions at the 50th International Scientific Philological Conference dedicated to Lyudmila A. Verbitskaya.

Литература / Reference

- Аникин Д. В. Персонификация событийного процесса истории: текст личности в «Повести временных лет». Барнаул: АлтГУ, 2017. 168 с. [Anikin D. V. *Personifying historical events: personality text in the Tale of Bygone Years*. Barnaul: ASU, 2017, 168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztxlpb>
- Араева Л. А. Языковая картина мира диалектоносителя. *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсоналогия*, ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. М.: Ленанд, 2016. Ч. 2. С. 155–168. [Araeva L. A. Linguistic worldview of dialect speakers. *Linguistic personality: modeling, typology, and portraiture. Siberian Linguistic Personology*, eds. Melnik N. V., Golev N. D. Moscow: Lenand, 2016, pt. 2, 155–168. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vhjgvf>
- Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Тверь: ТвГУ, 2009. Т. 1. 156 с. [Bogin G. I. *Gaining the ability to understand: works of different years*. Tver: TSU, 2009, vol. 1, 156. (In Russ.)]
- Бушев А. Б. Современный медийный дискурс и его влияние на оратора. *Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация: Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 10–14 октября 2018 г.)* Екатеринбург: УрГПУ, 2018. С. 41–44. [Bushev A. B. Modern media discourse and its influence on the speaker. *Learning to understand Russia: Political and Mass Media Communication: Proc. Intern. Sci. Conf., Ekaterinburg, 10–14 Oct 2018*. Ekaterinburg: USPU, 2018, 41–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxmqwt>
- Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. Вологда-Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. 232 с. [Volkova N. A., Ganicheva S. A., Zagumennov A. V., Ilyina E. N., Melnikova N. G. *Folk speech of the Vologda Region: a male speech portrait*. Vologda-Cherepovets: Cherepovets State University, 2017, 232. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yejldu>
- Ворожбитова А. А. Лингвориторическая парадигма: категориальная призма когнитивно-дискурсивных исследований. *Когнитивные исследования языка*. 2020. № 2. С. 62–66. [Vorozhbitova A. A. Linguistic and rhetorical paradigm: categorical prism of cognitive discursive studies. *Cognitive studies of language*, 2020, (2): 62–66. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbabjg>
- Демидов Д. Г. Возвращение к русскому реализму в течение XVIII века во взглядах проф. В. В. Колесова. *Язык и ментальность в диахронии: III Всерос. науч. семинара с Междунар. уч. (Владимир, 28–30 сентября 2021 г.)* Владимир: ВлГУ, 2022. С. 32–48. [Demidov D. G. Return to Russian realism in the XVIII century as viewed by Professor V. V. Kolesov. *Language and Mentality in Diachrony: Proc. III All-Russian Sci. Seminar with Intern. participation, Vladimir, 28–30 Sep 2021*. Vladimir: VISU, 2022, 32–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbptbw>

- Донина Л. Н., Халикова Н. В. Развитие концепта во времени и пространстве. Рецензия на книгу: Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2022. № 5. С. 114–117. [Donina L. N., Khalikova N. V. Concept development in time and space. Book review: Kolesov V. V. The conceptual field of Russian consciousness. St. Petersburg, A. I. Herzen State Pedagogical University Publ., 2021. 612 p. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Russkaia filologiia*, 2022, (5): 114–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ebyndn>
- Зеленин А. В. В поисках метода: исследования В. В. Колесова в области исторической лексикологии русского языка. *Язык и ментальность в диахронии: III Всерос. науч. семинара с Междунар. уч. (Владимир, 28–30 сентября 2021 г.)* Владимир: ВлГУ, 2022. С. 49–69. [Zelenin A. V. In search of a method: V. V. Kolesov's research in the field of historical lexicology of the Russian language. *Language and Mentality in Diachrony: Proc. III All-Russian Sci. Seminar with Intern. participation, Vladimir, 28–30 Sep 2021*. Vladimir: VISU, 2022, 49–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bpleyc>
- Иванова Е. Н. Опыт дискурсивного представления лексикона исторической языковой личности. *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности*. 2019. № 17. С. 116–125. [Ivanova E. N. Experience of discursive representation of lexicon of historical language personality. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevoi deiatelnosti*, 2019, (17): 116–125. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/grsexh>
- Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск: ТГУ, 2010. 158 с. [Ivantsova E. V. *Linguistic personology: fundamentals of the theory of linguistic personality*. Tomsk: TSU, 2010, 158. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qvtgdj>
- Ильина Е. Н. Лингвистическая персонология. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2022. 104 с. [Ilyina E. N. *Linguistic personology*. Syktyvkar: SyktSU, 2022, 104. (In Russ.)]
- Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 8-е изд. М.: URSS, 2014. 264 с. [Karaulov Yu. N. *Russian language and language personality*. 8th ed. Moscow: URSS, 2014, 264. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sirwqn>
- Колесов В. В. Историческая грамматика русского язык. М.: Академия, 2009. 512 с. [Kolesov V. V. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Academia, 2009, 512. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qufiat>
- Колесов В. В. Концептуальное поле русского сознания. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 612 с. [Kolesov V. V. *Conceptual field of Russian consciousness*. St. Petersburg: Herzen University, 2021, 612. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uexxkf>
- Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с. [Kolesov V. V. *Fundamentals of Conceptology*. St. Petersburg: Zlatoust, 2019, 775. (In Russ.)]
- Колесов В. В. Реализм и номинализм в русской философии языка. СПб.: Logos, 2007. 384 с. [Kolesov V. V. *Realism and nominalism in the Russian philosophy of language*. St. Petersburg: Logos, 2007, 384. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwrnyh>
- Колесова Д. В. Записки vs работы vs труды vs эйдос как результат деятельности ученого (из опыта создания персонального сайта ученого). *Язык и ментальность в диахронии: III Всерос. науч. семинара с Междунар. уч. (Владимир, 28–30 сентября 2021 г.)* Владимир: ВлГУ, 2022. С. 87–91. [Kolesova D. V. Notes vs. publications vs. works vs. eidos as a result of scientific activity: creating a personal website of a scientist. *Language and Mentality in Diachrony: Proc. III All-Russian Sci. Seminar with Intern. participation, Vladimir, 28–30 Sep 2021*. Vladimir: VISU, 2022, 87–91. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pywrbh>
- Конончук И. Я., Филь Ю. В. Историческая языковая личность XVIII в. сквозь призму ксенолексики (на материале писем А. В. Суворова). *Русин*. 2021. № 66. С. 102–118. [Kononchuk I. Ya., Fil Yu. V. Historical language personality of the 18th century through the prism of xenolexics (based on A. V. Suvorov's letters). *Rusin*, 2021, (66): 102–118. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/18572685/66/7>
- Логунова Н. В., Мазитова Л. Л. *Языковая личность в зеркале эпохи (по рукописным и печатным источникам первой половины XX века): материалы и исследования*. Соликамск: Соликамский гос. пед. ин-т, 2019. 273 с. [Logunova N. V., Mazitova L. L. *Language personality in the mirror of the era (according to handwritten and printed sources of the first half of the xx century): materials and research*. Solikamsk: Solikamsk State Pedagogical Institute, 2019, 273. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuxaor>

- Львова Ю. А., Оборина М. В. Генезис концепции языковой личности и терминологическая неоднозначность в работах Г. И. Богина 1970–80-х годов. *Понимание и рефлексия в России: Междунар. науч.-практ. конф. (Тверь, 29–30 ноября 2019 г.)* Тверь: ТвГУ, 2020. С. 145–174. [Lvova Yu. A., Oborina M. V. Evolution of the concept of linguistic individual in G. I. Bogin's works of 1970ths and 1980ths. *Understanding and Reflection in Russia: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Tver, 29–30 Nov 2019.* Tver: TSU, 2020, 145–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fvwjhe>
- Нерознак В. П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины. *Язык. Поэтика. Перевод*, отв. ред. В. П. Нерознак. М.: МГЛУ, 1996. С. 112–116. [Neroznak V. P. Linguistic personology: to determine the status of the discipline. *Language. Poetics. Translation*, ed. Neroznak V. P. Moscow: MSLU, 1996, 112–116. (In Russ.)]
- Оборина М. В. Об инструментальности понятия языковой личности. *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 3. С. 38–51. [Oborina M. V. On instrumentality value of the concept of linguistic individual. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, (3): 38–51. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rhjwfa>
- Пименова М. В. О монографии Владимира Викторовича Колесова «Концептуальное поле русского сознания» (СПб., 2021). *Язык и ментальность в диахронии: III Всерос. науч. семинара с Междунар. уч. (Владимир, 28–30 сентября 2021 г.)* Владимир: ВлГУ, 2022. С. 106–115. [Pimenova M. V. About the monograph of Vladimir V. Kolesov The Conceptual Field of Russian Consciousness (St. Petersburg, 2021). *Language and Mentality in Diachrony: Proc. III All-Russian Sci. Seminar with Intern. participation, Vladimir, 28–30 Sep 2021.* Vladimir: VLSU, 2022, 106–115. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fdcgcc>
- Садова Т. С. В. В. Колесов «Концептология»: отзыв о книге (Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2012). *Евразийский союз ученых*. 2016. № 2-2. С. 145–147. [Sadova T. S. V. V. Kolesov's Conceptology: A review (St. Petersburg: Department of Philology of St. Petersburg State University, 2012). *Eurasian Union of Scientists*, 2016, (2-2): 145–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xclvcz>
- Соловьева И. В. Интерпретация дискурса как частная готовность языковой личности. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2009. № 9. С. 171–175. [Soloviova I. V. Interpretating discourse as a private readiness of a linguistic personality. *Inostrannye iazyki: lingvisticheskie i metodicheskie aspekty*, 2009, (9): 171–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rhapnh>
- Шапошникова И. В. Модусы идентификации русской языковой личности в эпоху перемен. М.: ЯСК, 2020. 336 с. [Shaposhnikova I. V. *Modes of identification of the Russian language personality in the era of change.* Moscow: IaSK, 2020, 336. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ddprgi>
- Шелепова Л. И. Историческая языковая личность как объект лингвоперсонологии. *Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология*, ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. М.: Ленанд, 2016. Ч. 2. С. 28–34. [Shelepova L. I. Historical linguistic personality as an object of linguistic personology. *Linguistic personality: modeling, typology, and portraiture. Siberian Linguistic Personology*, eds. Melnik N. V., Golev N. D. Moscow: Lenand, 2016, pt. 2, 28–34. (In Russ.)]
- Язык и личность в полидисциплинарной перспективе: Междунар. науч.-практ. конф., отв. ред. С. В. Мыскин. (Москва, 16–17 декабря 2022 г.) М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2022. 263 с. [*Language and Personality in a Multidisciplinary perspective: Proc. Intern. Sci.-Prac., conf., ed. Myskin S. V. Moscow, 16–17 Dec 2022.* Moscow: ООО "Agentstvo sotsial'no-gumanitarnykh tekhnologiy", 2022, 263. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knhevi>
- Языковая личность: аспекты изучения, ред. И. В. Ружицкий, Е. В. Потемкина. М.: МАКС-Пресс, 2017. 432 с. [*Language personality: aspects of learning*, eds. I. V. Ruzhitskiy, E. V. Potiomkina. M.: MAKS-Press, 2017, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zedqix>
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология, ред. Н. Н. Шпильная. М.: Ленанд, 2014. Ч. 1. 640 с. [*Linguistic personality: modeling, typology, and portraiture. Siberian Linguistic Personology*, ed. Shpilnaya N. N. Moscow: Lenand, 2014, pt. 1, 640. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgxxxxp>
- Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология, ред. Н. В. Мельник, Н. Д. Голев. М.: Ленанд, 2016. Ч. 2. 432 с. [*Linguistic personality: modeling, typology, and portraiture. Siberian Linguistic Personology*, eds. Melnik N. V., Golev N. D. Moscow: Lenand, 2016, pt. 2, 432. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdtegb>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qonbiu>

Гендерные стратегии переводов романа «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера

Бровина Анна Викторовна

Югорский государственный университет, Россия, Ханты-Мансийск
a_brovina@mail.ru

Маленко Елизавета Юрьевна

Югорский государственный университет, Россия, Ханты-Мансийск

Аннотация: Представлен анализ лексических единиц со стилистической окраской в романе «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера и его переводах на русский язык, выполненных Р. Райт-Ковалевой и М. Немцовым – переводчиками с разным гендерным статусом. Цель – определить влияние гендера на перевод. Актуальность темы обусловлена большим количеством дискуссий в современной науке о разделении мужского и женского языка. Влиянию гендера на процесс перевода художественного произведения, на создание образов персонажей, адекватного перевода для донесения основного замысла автора до читателей, не владеющих языком оригинала, уделяется недостаточное внимание. В данной работе представлены результаты анализа произведения на лексическом уровне, рассмотрены способы передачи на русский язык лексических единиц со стилистической и эмоциональной составляющей, а также разговорной лексики – сленгизмов и жаргонизмов. Применены методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение и систематизация, описательный метод и метод сплошной выборки. В результате сопоставительного анализа определены отклонения в стилях перевода двух переводчиков, отмечено их влияние на создание образа главного героя, результат перевода, его прагматику и сохранение стиля автора. Р. Райт-Ковалева имеет тенденцию смягчать высказывания, нейтрализовать, избегать дискурсивной лексики, она подбирает эквиваленты, но не всегда попадает в стилистические рамки. Холден Колфилд в ее переводе получился сглаженным, более воспитанным и интеллигентным, уверенным и эмоциональным. М. Немцов при переводе придерживается одной стратегии – он практически не отступает от оригинала, сохраняет разговорные слова и выражения, часто прибегает к использованию стилистически сниженной лексики, усиливает уже существующую стилистическую или эмоциональную окрашенность нейтральных слов, добавляя им отрицательную коннотацию, но при этом придерживается синтаксиса оригинала.

Ключевые слова: гендер, гендерная лингвистика, художественный текст, перевод, гендерные стратегии в переводе

Цитирование: Бровина А. В., Маленко Е. Ю. Гендерные стратегии переводов романа «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 117–129. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-117-129>

Поступила в редакцию 28.06.2023. Принята после рецензирования 03.10.2023. Принята в печать 16.10.2023.

full article

Gender Strategies in Translation: *The Catcher in the Rye* by J. Salinger

Anna V. Brovina

Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk
a_brovina@mail.ru

Elizaveta Iu. Malenko

Yugra State University, Russia, Khanty-Mansiysk

Abstract: Gender aspects have been attracting linguistic attention for quite a while now, raising discussions about the so-called male and female languages. However, the effect of gender on translation remains understudied. This research featured expressive vocabulary in Jerome Salinger's *The Catcher in the Rye* and its Russian translations performed by Rita Rait-Kovaleva (1960) and Maxim Nemtsov (2008). The objective was to determine the effect of gender on translation. The authors believe that the translator's gender may affect literary images and modify the author's message. They conducted a comparative analysis of the way translators of different genders transferred

stylistically-marked and emotional vocabulary, colloquialisms, slang, and jargon into Russian. The standard methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, systematization, and description revealed some differences in the translation styles, the image of the main character, translation pragmatics, and Salinger's rather remarkable style. Rita Rait-Kovaleva seemed to soften some harsh statements, neutralize emotional aspects, and avoid colloquial vocabulary by using equivalents, which did not quite fall into the stylistic framework. Her Holden Caulfield turned out to be more educated, intelligent, confident, emotional, and gentle. Maxim Nemtsov adhered to a single strategy: he did his best not to deviate from the original. In his attempt to preserve colloquialisms and substandard vocabulary, he often gave neutral words stylistic markers, emotional coloring, or a negative connotation. However, he managed to maintain the original syntax.

Keywords: gender, gender linguistics, literary text, translation, gender strategies in translation

Citation: Brovina A. V., Malenko E. Iu. Gender Strategies in Translation: *The Catcher in the Rye* by J. Salinger. *SibScript*, 2024, 26(1): 117–129. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-117-129>

Received 28 Jun 2023. Accepted after peer review 3 Oct 2023. Accepted for publication 16 Oct 2023.

Введение

Анализ речи женщин и мужчин с целью выявления в них различий, связанных с гендером, становится центральной темой в современных гендерных исследованиях. Гендерный подход основан на концепции о том, что важны не биологические различия между мужчиной и женщиной, а культурное и социальное значение, которое этим различиям придает общество. Люди могут идентифицировать себя как мужчина, женщина или иначе, независимо от своего биологического пола [Бендас 2005; Бульчев 2004; Васильева 2013; Гендер и язык 2005; Гриценко, Сергеева 2009; Дутова 2011; Кийко 2013; Кирилина 1999; Ключко 2008]. Гендерная самоидентификация – комплексный и многогранный процесс, включающий в себя социальные, психологические и культурные аспекты. Это может происходить в разном возрасте и может быть обусловлено различными причинами, такими как внутреннее ощущение своего пола, социальные факторы, желание изменить свою внешность или выражение гендерной самоидентификации через одежду, поведение или речь.

Несмотря на возрастающую роль гендерных исследований в лингвистике, влиянию гендера на процесс перевода уделяется недостаточное внимание, в то время как разница женской и мужской картин мира непосредственно влияет на выбор переводчиком языковых средств, определяющих результат перевода, его прагматику и сохранение стиля оригинала [Абдусаламов, Рагимханова 2021; Александрова, Сытина 2021; Анков и др. 2022; Ковалева и др. 2017; Чернышева, Спириугова 2021]. Важность учета гендерного аспекта языковой личности переводчика и необходимость изучения ее влияния на процесс перевода обуславливают актуальность настоящей

работы. Гендерная специфика, культурная составляющая и историческая эпоха влияют на формирование гендерной картины мира, т.е. интерпретацию мира человеком, отражающую положение, предназначение и поведение мужчин и женщин [Андриенко, Горбачева 2019; Нечаева 2019; Хамдамова 2021; Veith 2005].

В настоящем исследовании представлены результаты анализа передачи образа главного героя в переводах романа на русский язык. Исследование проведено на лексическом уровне с целью сопоставления нейтральных, стилистически и эмоционально окрашенных лексических единиц (ЛЕ), а также элементов разговорной речи – жаргонизмов и вульгаризмов в речи главного героя в оригинальном произведении и переводах, выполненных Р. Райт-Ковалевой и М. Немцовым, переводчиками с разным гендерным статусом. Задачами исследования являются анализ способов передачи гендерных особенностей при переводе с английского языка на русский; фиксация способов передачи гендерных особенностей, выполненных мужчиной и женщиной; установление особенностей перевода с учетом гендерного аспекта по результатам сопоставительного анализа. Результаты работы могут быть полезны в изучении гендерной лингвистики, теории перевода, в частности перевода художественной литературы.

В современной науке под гендером понимается конструирование и манифестация свойств культурного, социального и психологического порядка, которые используются членами сообщества с целью воссоздания себя и восприятия других как представителей групп мужчин или женщин. Гендерная лингвистика

занимается выявлением отличий языка мужчин и женщин, исследования женской и мужской стратегии речевого поведения сопровождаются в современной науке активными дискуссиями, которые не дают однозначных результатов и подчеркивают влияние ситуации на речевое поведение и речь [Колпакова 2016; Котлярова 2015; Леонтьева 2015; Новикова, Хамидулина 2013; Поплевко, Надольская 2017].

Несмотря на отсутствие строгого разделения на мужской и женский стили разговора, исследователи отмечают некоторые тенденции языкового поведения мужчин и женщин. Речь женщин более эмоциональна, разнообразна и сложна с точки зрения грамматики и стилистики, наполнена эпитетами, сравнениями и уменьшительно-ласкательными формами слов. Как правило, женщины придерживаются «правильного» варианта произношения слов, в отличие от мужчин, склонных к использованию нетрадиционных и менее желательных вариантов произношения. Мужчины используют меньше вопросов и восклицаний. Мужские предложения короче, точнее и увереннее. В их речи, не ставящей целью выразить эмоции, чаще можно услышать неологизмы и термины. Тем не менее они хуже контролируют свое поведение и стремятся доминировать в беседе. Они чаще используют нецензурную, стилистически сниженную лексику, проявляют напористость, что воспринимается как более агрессивная модель поведения [Бровина 2023: 4].

Подобные различия отражаются и на письме. Для мужчин характерно однообразие лексических приемов при выражении эмоций или несоответствие пунктуационных знаков. Мужская речь лаконична и создает впечатление небрежности или строгости за счет использования нераспространенных предложений, приемов парцелляции и инверсии, сочетания разговорной речи и художественного стиля. Мужчинам более свойственно употребление жаргона, вводных слов, нецензурной лексики. Женщины пишут более подробно, уделяя внимание эмоциям и чувствам действующих лиц. Женская речь кажется плавной и размеренной из-за использования сложных предложений, однородных членов. В то же время в ней чувствуется динамичность за счет повышенной эмоциональности. Женщины чаще прибегают к оценочным

высказываниям, за счет этого тексты женщин становятся длиннее мужских. Наличие отличительных черт, в большей степени характерных для речи женщин или мужчин, позволяет исследовать влияние гендера на речевой стиль мужчин и женщин.

Методы и материалы

Применены методы анализа и синтеза, сравнительно-сопоставительный анализ, обобщение и систематизация, описательный метод и метод сплошной выборки.

В качестве материала исследования было выбрано оригинальное художественное произведение Джерома Сэлинджера "The Catcher in the Rye" / «Над пропастью во ржи» / «Ловец на хлебном поле»¹ и два его перевода – Риты Райт-Ковалевой² и Максима Немцова³. При выборе материала были важны следующие критерии: произведение должно относиться к художественной литературе; должно быть признано успешным и широко известным; должно быть написано не позднее 2000 г., но не раньше 1950 г.; переводы произведения должны быть выполнены переводчиками разных гендерных статусов: мужчиной и женщиной. Данные критерии отбора обусловлены тем, что художественные тексты являются наиболее сложными для перевода, работы, опубликованные в более позднее время с большей долей вероятности будут признаны успешными, а успешность и популярность произведения повышает шанс наличия у него нескольких переводов.

Роман "The Catcher in the Rye", известный в России как «Над пропастью во ржи», издан в 1951 г. и написан в жанре реализма. Это так называемый роман-взросление – произведение, в котором главный герой проходит через определенные жизненные ситуации и становится в конце книги другим, более зрелым человеком, это своеобразный личный дневник, фантазия главного героя, в которой он ловит детей, выбегающих из ржаного поля, прежде чем они упадут в пропасть, олицетворяющую взрослую жизнь. Холден Колфилд разрывается между детством и зрелостью, желая оставаться ребенком и в то же время выглядеть взрослым, мечтая сохранить детскую невинность тех, кто еще не упал в пропасть⁴. Роман получил широкую популярность по всему миру, несмотря на то, что является провокационным, часто подвергался критике и долго

¹ Salinger J. D. The Catcher in the Rye. 1951. 115 p.

² Сэлинджер Д. Д. Над пропастью во ржи, пер. с англ. и предисл. Р. Райт-Ковалевой. М.: Эксмо, 2010. 122 с.

³ Сэлинджер Д. Д. Ловец на хлебном поле, пер. с англ. М. Немцова. М.: Эксмо, 2017. 122 с.

⁴ Lohnes K. The Catcher in the Rye. Novel by Salinger. *Britannica*, 2023. URL: <https://www.britannica.com/topic/The-Catcher-in-the-Rye> (accessed 2 Jun 2023).

был запрещен в школах и библиотеках США. Time внес произведение в список 100 лучших англоязычных романов, а издательство Modern Library включило роман в список лучших романов XX в. На платформе цифрового сервиса электронных и аудиокниг «Литрес» данное произведение относится к таким категориям, как Американская классика и Мировой бестселлер.

На русский язык роман был переведен трижды. Первым и каноничным вариантом перевода признана работа «Над пропастью во ржи» Р. Райт-Ковалева, опубликованная в 1960 г. и переизданная более пятидесяти раз. В 1998 г. был опубликован перевод С. Махова «Обрыв на краю ржаного поля детства», работа не нашла популярности среди читателей; перевод был назван неудачным и издан лишь один раз. Такой же неоднозначный и подвергнутый критике перевод М. Немцова «Ловец на хлебном поле» был опубликован в 2008 г. В данном исследовании анализируются первый и третий варианты перевода романа Дж. Сэлинджера.

Р. Райт-Ковалева изменила название романа, сделала его более поэтичным и романтическим, именно в таком виде оно прижилось в российской культуре. Однако изменения коснулись не только названия. Переводчица, в силу существующей в СССР цензуры, намеренно смягчила текст скандального произведения, на что, возможно, оказало влияние незнание американского сленга того времени. За счет этого главный герой «получился не такой ершистый и угловатый, как в оригинале»⁵. М. Немцов, напротив, попытался «огрубить» язык романа. Переводчик, в попытке осовременить язык романа, использовал большое количество стилистически сниженной лексики, сленга, слов, нерелевантных для современной молодежи. Обозреватель «Коммерсант Weekend» Михаил Идов пишет: «От фразы к фразе, а иногда в пределах одного предложения его Колфилд – перестроечный пэтэушник, дореволюционный крестьянин, послевоенный фраерок и современный двоечник со смартфоном»⁶.

Для проведения анализа мужской и женской стратегий перевода на лексическом уровне методом сплошной выборки были определены 55 фрагментов текста оригинального произведения. В каждом фрагменте были промаркированы нейтральные, стилистически окрашенные

и эмоционально окрашенные ЛЕ. В контексте данной работы среди стилистически окрашенных ЛЕ были дополнительно отмечены стилистически сниженные элементы, указывающие на степень стилистической окрашенности (низкую степень окрашенности). Это обусловлено наличием в переводах большого количества стилистически негативно окрашенных ЛЕ – бранных, просторечных, нецензурных элементов лексики.

Результаты

Самым часто встречающимся словом на протяжении всего романа в речи главного героя Холдена Колфилда является слово *phony*, «которым он оценивает действительность вокруг себя: аморальную и распушенную, лицемерную и фальшивую» [Филистова, Башкирцева 2019: 339]. Данное разговорное слово описывает отношение героя к обществу и существующим в нем правилам, а также показывает его желание от подобного общества отдалиться, сбежать. В английском словаре Collins Dictionary отмечено, что данное слово является неформальным, приводятся следующие значения слова: при использовании в качестве прилагательного – *not genuine; false, counterfeit, spurious, pretentious* (неискренний, ложный, поддельный, фальшивый, претенциозный); в качестве существительного – *a person who is not what he or she pretends to be*⁷ (человек, который притворяется тем, кем не является). От данной формы слова произошло существительное *phoniness* с тем же значением.

- Дж. Сэлинджер: *I don't see how D. B. could hate the Army and war and all so much and still like a phony like that.*
- Р. Райт-Ковалева: *He понимает, как это Д. Б. ненавидит войну, ненавидит армию и все-таки восхищается этим ломакой.*
- М. Немцов: *И я не понимаю, как Д. Б. может так ненавидеть армию и войну, и всяко-разно, и все равно ему нравится такое фуфло.*

Данное слово относится к разговорной речи и обладает отрицательной коннотацией, при этом не является нецензурным. Лексема *phony* представлена в переводах в качестве прилагательного, наречия и существительного. Р. Райт-Ковалева при передаче данного слова существительным использует слово

⁵ Горбова А. Трудности перевода: на хлебном поле между пропастью и обрывом. *Переплет*. 21.12.2016. URL: http://vperplete.org/2016/12/trouble-translation/#_ftn1 (дата обращения: 23.05.2023).

⁶ Идов М. Эффект хлебного поля. *Коммерсантъ*. 12.12.2008. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1091065> (дата обращения: 30.05.2023).

⁷ Phony. *Collins Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/phony> (accessed 20 Mar 2023).

липа, при описании другого человека главный герой называет его *ломакой*, *треплом* или *кривлякой*, при использовании прилагательного отдает предпочтение вариантам *показной* или *деланный*, при передаче в качестве наречия прибегает к варианту *напоказ* или *нарочно*. М. Немцов, как правило, использует дериваты слова *фуфло*, людей герой называет *фуфлерами* (или *фуфлершами*), описывает их прилагательными *фуфловый* или *дутый*, а действия – наречием *фуфлово*. Следует отметить, что переводчица в своей работе проявляет креативность и подбирает разнообразные эквиваленты, меняет часть речи единиц оригинала; мужчина-переводчик использует однокоренные слова. Варианты перевода, подобранные женщиной, являются зачастую более литературными, в то время как *фуфло* – слово исключительно разговорное и, соответственно, больше отражает стиль единицы оригинала.

Похожим по значению словом является *crook*, которое в тексте оригинала встречается 5 раз. Согласно онлайн-словарю английского языка Macmillan Dictionary, данный термин описывает *someone who is dishonest, especially someone who uses their position of power for their own personal advantage*⁸ (нечестного человека, особенно того, кто использует свое властное положение для собственной выгоды). WoordHunt предлагает следующие варианты перевода: *обманщик, плут*⁹.

- Дж. Сэлинджер: *Then the **crook** that had stolen them probably would've said, his voice very innocent and all, "What gloves?"*.
- Р. Райт-Ковалева: *А жулик, который их стащил, наверно, сказал бы самым невинным голосом: «Какие перчатки?»*.
- М. Немцов: *А жулик, который их спер, наверно, сказал бы – невиненьким таким голоском и всяко-разно: «Какие перчатки?»*.

Несмотря на то что в случае со словом *phony* у переводчиков возникли разногласия, перевод слова *crook*, как правило, одинаковый – *жулик*. Р. Райт-Ковалева кроме слова *жулик* использует слова *гангстер* и *вор*.

Одно из наиболее часто встречаемых и грубых прилагательных, используемых для описания различных вещей, является *goddam – intensifier* (усилитель), *an oath expressing anger, surprise, etc*¹⁰ (ругательство, выражающее *злость, удивление* и т.д.), согласно Collins

Dictionary. Имеет отрицательное значение, относится к стилистически сниженной лексике, но не является обценным словом. На русский язык может передаваться как *проклятый, чертовский*¹¹ (WoordHunt).

- Дж. Сэлинджер: *Finally he came over, through the **goddam** curtains, and stood on the shower ledge and asked who was going besides me.*
- Р. Райт-Ковалева: *Наконец он появился, раздвинул занавеску душевой, стал на пороге и спрашивает, кто еще пойдет.*
- М. Немцов: *Потом наконец пришел – через эти самые, **на фиг**, шторы, встал на порожке душа и спросил, кто еще идет.*

Для анализа было отобрано 7 предложений с данным ругательным словом, используемым в качестве прилагательного. Р. Райт-Ковалева использует при переводе прием опущения, при этом меняет цель высказывания – прибегая, например, к использованию восклицательных предложений для выражения недовольства персонажа не словесно, а эмоционально; либо прием смягчения (*ничего, какое-то*) или антонимический перевод (*роскошный*); дважды данное ругательство было выражено через *треклятый* и *дурацкий* – подходящими по стилистике и оценке эквивалентами. Кроме того, Р. Райт-Ковалева часто использует членение предложений, тем самым «компенсирует искусственную сглаженность выражений героя, вступающую в противоречие с его речью в оригинальном тексте» [Воронцова, Навольнева 2017: 257]. М. Немцов, как и в ситуации выше, чаще придерживается одной стратегии, используя вводную конструкцию *на фиг*; прием опущения, антонимический перевод (*здоровенный*) и один раз применил обценное слово (*хрень*). Таким образом, в переводе Р. Райт-Ковалевой отмечена тенденция к смягчению ругательств, причины которой были упомянуты выше; М. Немцов, как правило, выбирает определенную стратегию, которой старается придерживаться.

Что касается перевода бранных слов, которые в тексте оригинала встречаются 6 раз, Р. Райт-Ковалева переводит их завуалированно как *похабщина*, а М. Немцов использовал в переводе один компонент так называемой обценной триады. Однако, наличие редактуры, проведенной уже после распада СССР, в некоторых местах можно увидеть. Например, в «Над пропастью

⁸ Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 22 Mar 2023).

⁹ Crook. WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/word/crook> (accessed 20 Mar 2023).

¹⁰ Goddam. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/goddam> (accessed 20 Mar 2023).

¹¹ Goddam. WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/word/goddam> (accessed 20 Mar 2023).

во ржи» Р. Райт-Ковалевой встречается выражение *сукин сын*, хотя на время написания первой версии перевода ей не было разрешено использовать даже менее агрессивные слова – например, *говнюк* (данное слово в современной версии книги также отсутствует). Все использованные в оригинале текста ругательства *bastard* переведены женщиной эквивалентно сильным ругательством, хотя мужчина подобрал для них более мягкий вариант – *гад*.

Кроме неверной или завуалированной передачи ругательств и реалий, противоречащих сложившимся в СССР нормам, в тексте Р. Райт-Ковалевой можно встретить прием экспликации, который женщина применяла в тех случаях, когда не была уверена в том, о чем конкретно речь идет в тексте, или старалась передать реалию другой культуры понятным для советского читателя образом. Таким примером служит *котлета* вместо гамбургера, что, разумеется, совсем не отражает замысел автора, но способствует лучшему пониманию читателя времен СССР. То же самое произошло с алкогольным напитком *Том Коллинз*, который женщина перевела как прохладительное.

- Дж. Сэлинджер: *She and old Marty were drinking Tom Collinses – in the middle of December, for God's sake.*
- Р. Райт-Ковалева: *Она и Марти пили прохладительное – в декабре, черт меня возьми!*
- М. Немцов: *Они с этой Марти пили «томы-коллинзы» – это в декабре-то, ёксель-моксель.*

В переводе М. Немцова наблюдается картина, обратная ситуации в переводе Р. Райт-Ковалевой: нейтральные слова мужчина превращает в стилистически окрашенные, добавляет им отрицательную коннотацию. Подобные решения влияют на восприятие образа героя, т.к. просторечный и грубый человек часто вызывает впечатление глупого и черствого.

- Дж. Сэлинджер: *That kind of stuff drives me crazy.*
- Р. Райт-Ковалева: *Меня такие шутки просто бесят.*
- М. Немцов: *Рехнуться легче от такой хреноты.*

Помимо этого, мужчина-переводчик прибегает к использованию жаргонизмов, известных далеко не каждому носителю языка, свойственных для узких кругов лиц (например, уголовный жаргон). В его работе нейтральный *nose* (*нос*) превращается в *шнобель*, *mother* и *father* (*мать и отец*) – в *штруню* и *штрика*, *talk* (*разговаривать*) – в *трындеть*, *Vicks Nose Drops* (*капли в нос фирмы Vicks*) – в *заканку в нос*, а *dead* (*мертвец, умерший*) – в *жмурика*.

- Дж. Сэлинджер: *Who wants flowers when you're dead? Nobody.*
- Р. Райт-Ковалева: *На кой черт мертвецу цветы? Кому они нужны?*
- М. Немцов: *Кому нужны цветы, если ты жмурик? Да никому.*

Жаргон в переводе мужчины проникает и в речь героя в качестве вводных конструкций, например, *с понтом* (означающем *нарочно, как будто*); отрицание заменяется на *ни шиша*, а многие вещи герой называет *фофанскими* (*фофан* – сленг, обозначающий щелчок по лбу пальцем). Образ героя из юного сына адвоката, живущего в большом городе и не обделенного умом, превращается в мужчину среднего возраста, долго просидевшего в тюрьме и общающегося со своими «корифанами».

Для анализа перевода стилистически и эмоционально окрашенной лексики было отобрано 53 фрагмента, в которых выявлено 26 нейтральных единиц и 48 стилистически и / или эмоционально окрашенных. Стилистически окрашенная лексика – «это лексические единицы (однозначные слова или отдельные значения многозначных слов), характеризующиеся способностью вызывать особое стилистическое впечатление вне контекста»¹². К такой лексике относятся языковые единицы, имеющие дополнительные к своему основному значению эмоциональные, оценочные и экспрессивные функции, выделяющиеся на фоне нейтральных единиц. Инструментом передачи выразительной экспрессивности речи является эмоционально окрашенная лексика. Эмоционально окрашенные ЛЕ всегда окрашены и стилистически [Кожина и др. 2008: 222], их цель – эмоциональное воздействие на адресата / читателя, передача мнения автора, его чувств, переживаний и занимаемой им позиции по отношению к тому или иному событию. Такие ЛЕ призваны вызвать у читателя определенное эмоциональное состояние, повлиять на то, как он будет воспринимать текст в целом, поэтому при анализе и интерпретации текста необходимо учитывать стилистически маркированные аспекты его содержания. В переводе Р. Райт-Ковалевой в анализируемых фрагментах было отмечено 36 стилистически и / или эмоционально окрашенных единиц, 34 нейтральных единицы, а также прием опущения в 4 случаях. У М. Немцова наблюдается следующее: присутствие окрашенности у 73 единиц, опущение 1 единицы. Р. Райт-Ковалева в большинстве случаев старалась сохранить стилистику оригинала, в то время

¹² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. М.: УРСС, 2004. 571 с.

как М. Немцов усиливал уже существующую стилистическую окрашенность.

Кроме вулгаризмов и сленгизмов в речи главного героя часто встречаются разговорные, дискурсивные выражения. Самым часто используемым оборотом речи в произведении является *and all*. Данное разговорное выражение встречается в произведении порядка 360 раз. Это дискурсивное выражение или так называемое слово-паразит, используемое главным героем впазд и невпазд. В английском словаре Collins Dictionary оно означает *et cetera (etc.)* (в американском английском *и так далее*), *together with every other associated or connected attribute, object, or circumstance* (вместе со всеми связанными свойствами, объектами или случаями), используется *to emphasize that what you are talking about includes the thing mentioned, especially when this is surprising or unusual* (для того, чтобы подчеркнуть, что предмет разговора включает в себя уже упомянутую вещь, особенно в случае, если это удивительно или непривычно)¹³. Подобный оборот показывает желание героя быстрее высказаться, не расписывая свои мысли и не вдаваясь в подробности. На русский язык, согласно интернет-словарю Мультитран¹⁴ и Англо-русскому словарю Мюллера¹⁵, оно переводится как *и всё такое* или *и тому подобное*, однако варианты перевода, встречаемые в работах Р. Райт-Ковалевой и М. Немцова, от словарных, как правило, отличаются.

- Дж. Сэлинджер: *I wasn't supposed to come back after Christmas vacation on account of I was flunking four subjects and not applying myself and all.*
- Р. Райт-Ковалева: *После рождества мне уже не надо было возвращаться, потому что я провалился по четырем предметам и вообще не занимался и все такое.*
- М. Немцов: *После каникул я и не должен был возвращаться, потому что провалил четыре предмета, не брался за ум и всяко-разно.*

В проанализированных 9 примерах с оборотом *and all* он встречается 11 раз, из них в переводе Р. Райт-Ковалевой он был опущен 8 раз и 3 раза переведен как *и все такое*. В работе М. Немцова его опустили 1 раз, 1 раз перевели как *никак* (обусловлено ситуацией), 9 раз переведен как *и всяко-разно*. Таким образом,

Р. Райт-Ковалева немного повысила литературность речи главного героя, сделала его слова более точными. *Всяко-разно* в тексте М. Немцова встречается более 280 раз, что не является характерным выражением для современных подростков, а также не отвечает образу человека, живущего в Нью-Йорке, учащегося в частных школах и являющегося сыном успешного адвоката. По мнению журналистки А. Горбовой из журнала «Переплет», *всяко-разно* «выглядит комично и неправдоподобно» и делает из главного героя «неотесанную деревенщину»¹⁶.

Другими подобными словами-паразитами являются *sort of* (~178 употреблений), *kind of* (~46 употреблений). Macmillan Dictionary поясняет, что данные обороты используются *when you are talking about someone or something in a general way without being very exact or definite* (при разговоре о чем-то или ком-то в общих чертах, будучи неточным), означают нечто *similar, but not exactly the same* (похожее, но не то же самое). Англо-русский онлайн-словарь WoordHunt предлагает варианты перевода *нечто похожее, что-то вроде, как бы, какой-то*¹⁷.

- Дж. Сэлинджер: *I mean they're all right if they go around saving innocent guys' lives all the time, and like that, but you don't do that kind of stuff if you're a lawyer.*
- Р. Райт-Ковалева: *Понимаешь, неплохо, если они спасают жизнь невинным людям и вообще занимаются такими делами, но в том-то и штука, что адвокаты ничем таким не занимаются.*
- М. Немцов: *В смысле, они ничего, если ходят все время и спасают невинные жизни, и вроде того, только, если ты юрист, ты таким не маешься.*

Оба переводчика, как правило, переводят *kind of* как *такой* (*такие штуки, такие песни*), что часто можно услышать из уст современных подростков. Большой интерес в данном случае представляет перевод *sort of* – данное выражение показывает некую робость, неуверенность персонажа; он смягчает свои слова, избегает излишне грубых формулировок, когда говорит о других людях; возможно, не может иначе объяснить то, что видел или чувствовал. К примеру, он не говорит, что ребенок был действительно толстым (*sort of fat*) – скорее всего, у него имелся небольшой

¹³ Et cetera. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/et-cetera> (accessed 20 Mar 2023).

¹⁴ Multitran Dictionary. URL: <https://www.multitran.com> (accessed 22 Mar 2023).

¹⁵ Англо-русский словарь: 70000 слов и выражений, сост. В. К. Мюллер. М.: Сов. энцикл., 1970. С. 38.

¹⁶ Горбова А. Трудности перевода: на хлебном поле между пропастью и обрывом...

¹⁷ Sort of. WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/word/sort%20of> (accessed 20 Mar 2023).

лишний вес, – и не чувствует сожаления о содеянном в полной мере (*sort of scared*).

- Дж. Сэлинджер: *She was still sort of crying, and all of a sudden I did feel sort of sorry I'd said it.*
- Р. Райт-Ковалева: *Она все еще плакала, и вдруг мне стало как-то жалко, что я ее обидел.*
- М. Немцов: *Она по-прежнему как бы хлюпала носом, и я вдруг и впрямь пожалел, что так сказал.*

В 12 примерах оборот *sort of* встречается суммарно 14 раз. Варианты перевода Р. Райт-Ковалевой: *даже, немножко, почти что, как-то, довольно*. М. Немцов использовал варианты перевода *как бы, вроде как, и впрямь*. Оба оборота (*kind of, sort of*) М. Немцов периодически переводил как жаргонизм с *понтом*. Женщина опустила данный оборот в пяти случаях, мужчина – в двух. Варианты *почти что, довольно, и впрямь* (в отдельных случаях *даже*) выполняют обратную функцию – усиливают слова, а не показывают неуверенность. Таким образом, мы можем увидеть, что персонаж в работе Р. Райт-Ковалевой, как и в случае с *and all*, использует более точные формулировки. М. Немцов же старался не отходить от оригинала и восполнять в переводе данный дискурсив правильным, согласно словарю, способом, в некоторых случаях прибегая к использованию жаргонизма.

Похожими речевыми оборотами, встречающимися в тексте, являются *or something, or anything*. Их опущение делает речь героя более гладкой и правильной, а отражение при переводе, напротив, подчеркнет юный возраст героя. Merriam-Webster Dictionary отмечает данные выражения как неформальные; *or anything* соответствует *or a similar thing*¹⁸ (или что-то похожее), *or something* используется *to suggest another name, choice, etc., that is not specified*¹⁹ (для предложения другого названия, выбора и т. д., которое не было указано). WooordHunt предлагает следующие варианты перевода: *что-то в этом роде, или как, кажется*²⁰, *что-нибудь такое*²¹.

- Дж. Сэлинджер: *You were always watching somebody cut their damn toenails or squeeze their pimples or something.*
- Р. Райт-Ковалева: *Вечно при тебе то прыщи давят, то ногти на ногах стригут.*

- М. Немцов: *Куда ни глянешь – кто-нибудь или ногти стрижет, или прыщи давят, или еще как-то.*

В примерах, содержащих *or something* или *or anything*, женщина использует прием опущения или переводит как *или еще что-нибудь, или еще где-нибудь*. М. Немцов данные дискурсивы не опустил ни разу, трижды использовал *или как-то* и один раз усилил отрицание с помощью наречия *ничего*. Мы можем увидеть, что, как и в случаях с вышеупомянутыми разговорными выражениями, женщина нередко прибегает к приему опущения. Тем не менее перевод, предложенный Р. Райт-Ковалевой, звучит грамотнее, *нежели или как-то* М. Немцова, что грамматически, в отличие от перевода Р. Райт-Ковалевой, не вяжется с другими членами предложения (к примеру, правильнее было бы сказать *Куда ни глянешь – кто-нибудь или ногти стрижет, или прыщи давят, или еще что делает; или как-то предполагает наличие наречия, отвечающего на вопрос как?: например, стрижет лежа, стоя или еще как-то*).

Речь рассказчика в романе-оригинале не всегда получается связной, ему свойственно перепрыгивать с темы на тему или забывать упомянуть какие-то вещи и затем к ним возвращаться. По мере повествования Холден Колфилд часто начинает свою мысль или возвращается к ней со слова *anyway* (такое начало встречается в тексте оригинала 65 раз). Collins Dictionary поясняет, что данное наречие используется *to change the topic or return to a previous topic* (чтобы сменить тему или вернуться к предыдущей) и *to indicate that you are missing out some details in a story and are passing on to the next main point or event* (чтобы показать, что Вы опускаете некоторые детали истории и переходите к следующему ключевому моменту события)²². Онлайн-словарь Cambridge Dictionary предлагает такие соответствия в русском языке, как *по крайней мере, так или иначе*.

- Дж. Сэлинджер: *Anyway, it was the Saturday of the football game with Saxon Hall.*
- Р. Райт-Ковалева: *Словом, началось это в субботу, когда шел футбольный матч с Сэксон-холлом.*
- М. Немцов: *Короче, в ту субботу был футбол с Саксон-Холлом.*

¹⁸ Or anything. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/or%20anything> (accessed 20 Mar 2023).

¹⁹ Or something. Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/or%20something?src=search-dict-box> (accessed 20 Mar 2023).

²⁰ Or something. WooordHunt. URL: <https://wooordhunt.ru/word/or%20something> (accessed 20 Mar 2023).

²¹ Or anything. WooordHunt. URL: <https://wooordhunt.ru/word/or%20anything> (accessed 20 Mar 2023).

²² Anyway. Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/anyway> (accessed 20 Mar 2023).

В примерах с вводным словом *anyway* женщина перевела его как *словом, так вот, значит*, а также в двух случаях она его опустила. Мужчина, главным образом, использовал эквивалент *в общем* (или в сочетании *ладно, в общем*) или *так вот*. Эквиваленты, выбранные М. Немцовым, лучше отражают разговорную речь подростка, в то время как решения, принятые Р. Райт-Ковалевой, звучат более литературно.

Главный герой в начале книги признается, что часто использует междометие *boy* в силу своего скучного словарного запаса и молодого возраста: *I also say "Boy!" quite a lot* (более 70 использований в тексте). Использование междометий является характерной чертой разговорной речи, причем не только подростковой. В Macmillan Dictionary указано, что *boy* используется *interjectionally to express intensity of feeling* (в качестве междометия для выражения интенсивности чувств). WoordHunt предлагает перевод *ой* и поясняет, что данное междометие выражает удивление, недовольство, восторг. В зависимости от испытываемой эмоции перевод может меняться от *ух-ты!* (для выражения удивления) до *боже* (для выражения негодования)²³.

- Дж. Сэлинджер: *I also say "Boy!" quite a lot. Partly because I have a lousy vocabulary and partly because I act quite young for my age sometimes.*
- Р. Райт-Ковалева: *Это тоже привычка – говорить «Эх!» или «Ух-ты!», отчасти потому, что у меня не хватает слов, а отчасти потому, что я иногда веду себя совсем не по возрасту.*
- М. Немцов: *«Ух» я тоже неслабо много говорю. С одной стороны, у меня паршивый словарный запас, а с другой – потому, что иногда я веду себя слишком молодо для своих лет.*

Несмотря на то что Р. Райт-Ковалева переводит данное междометие как *эх* и *ух-ты* и говорит, что это привычка главного героя, она их опускает практически в каждом случае, тем самым лишая героя некоторой характерной черты – такую тенденцию мы можем проследить из примеров. В 5 примерах с употреблением данного междометия М. Немцов придерживается сказанного – оно используется в каждом случае; Р. Райт-Ковалева не использовала *эх* ни разу, опустив его полностью и в двух случаях заменив

на *ну* и *фу*. Мы можем увидеть, что мужчина в своей работе остается, как правило, верным оригиналу, в то время как женщина нередко прибегает к использованию приемов опущения или экспликации.

Главный герой, размышляя о старых знакомых, использует по отношению к ним прилагательное *old*: *old Stradlater, old Spencer, old Phoebe* и т.д. Согласно онлайн-словарю английского языка Macmillan Dictionary, данный термин используется *in a positive way about something that is very familiar* (в позитивном ключе по отношению к чему-то очень знакомому) и *for showing that you like someone and care about them* (для того, чтобы показать, что вам нравится и небезразличен человек). Новый большой англо-русский словарь предлагает следующие варианты перевода: *старый, старик, хорошо известный, привычный*²⁴. Согласно Толковому словарю С. И. Ожегова, *старик* может обозначать как пожилого человека, так и родителя или приятеля²⁵. В своей работе Р. Райт-Ковалева либо переводит данное слово как *старик* и *старый*, либо опускает его в зависимости от ситуации. Таким образом, она указывает на пожилой возраст персонажа или на положительное, дружеское отношение к нему главного героя. М. Немцов же выбрал вариант, не обозначенный в словарях: *этот / эта*. В Современном толковом словаре русского языка О. Ефремовой сказано, что *этот* может обозначать как человека, который находится неподалеку от говорящего или уже был упомянут, так и для выражения «неодобрительного, иронического отношения говорящего к какому-либо лицу или предмету»²⁶. Последнее значение не соответствует коннотации ЛЕ оригинала и может создать у читателя неправильное впечатление, а именно: главный герой относится к персонажу, о котором идет речь и на которого указывается, пренебрежительно.

- Дж. Сэлинджер: *Old Selma Thurmer – she was the headmaster's daughter – showed up at the games quite often, but she wasn't exactly the type that drove you mad with desire. She was a pretty nice girl, though.*
- Р. Райт-Ковалева: *Дочка нашего директора, старика Термера, часто ходит на матчи, но не такая это девчонка, чтоб по ней с ума сходить. Хотя в общем она ничего.*

²³ Boy. WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/word/boy> (accessed 20 Mar 2023).

²⁴ Old. Новый большой англо-русский словарь, ред. Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова. URL: <https://eng-rus.slovaronline.com/73190-OLD> (дата обращения: 05.05.2023).

²⁵ Старик. Толковый словарь русского языка, сост. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. URL: http://lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt (дата обращения: 05.05.2023).

²⁶ Этот. In: Ефремова Т. В. Современный толковый словарь русского языка. URL: <https://www.efremova.info/word/etot.html#o1> (дата обращения: 30.05.2023).

- М. Немцов: *Эта Селма Тёрмер – она директорская дочка – на футбол вполне себе часто ходила, только по таким, как она, сохнуть как-то не очень. Но ничего девка, путёвая.*

В данном примере мы видим, что Селма Тёрмер, о которой говорит главный герой, – дочка директора школы. Возможно, она посещает то же учебное заведение, в котором учится Холден Колфилд и работает ее отец, а значит она явно не является пожилой дамой. Р. Райт-Ковалева в своем переводе применила слово *old* не к самой девушке, а к ее отцу, назвав его стариком, хотя его точный возраст нам неизвестен. М. Немцов употребил указательное местоимение *эта*, хотя ранее про данного персонажа речи не шло и физически девушка не находится рядом с героем. Создается впечатление, что Холден недолюбливает девушку; однако, несмотря на то что девушка не привлекает героя в романтическом плане, он отзывается о ней как о довольно хорошей милой девушке (*pretty nice girl*).

Во второй главе главный герой навещает своего преподавателя по истории. Это мужчина в глубокой старости – *old as hell* (*адски старый*), как выражается главный герой, – неспособный самостоятельно поднять с пола упавший мел. Эквивалентное соответствие *старик* способно точно передать возраст персонажа и в некоторой степени положительное отношение главного героя к своему собеседнику. Р. Райт-Ковалева переводила его как *старый Спенсер, старик Спенсер и старик*. Стратегия М. Немцова же практически не изменилась – словосочетание было преимущественно переведено как *этот Спенсер*.

Подобным образом главный герой обращается не только к знакомым людям, но и к вымышленным персонажам, например к Джею Гэтсби, герою романа «Великий Гэтсби». Данное обращение используется и к людям, о которых речь еще не шла или которые не находятся поблизости. Основная стратегия Р. Райт-Ковалевой – опускать прилагательное *old* (4 случая из проанализированных 8). По отношению к пожилому преподавателю истории Спенсеру используется либо *старик*, либо *старина*. Про свою младшую сестру, которую он нежно любит, он говорит *моя Фиби*. Стратегия М. Немцова практически не поменялась: в 5 случаях он использует указательное местоимение *эта / этот*. Однако вымышленного героя романа он называет *старина Гэтсби*, словно они являются давними приятелями, а по отношению к младшей сестре не использует каких-либо обращений.

Таким образом, перевод Р. Райт-Ковалевой во многих случаях нейтрализует речь героя, убирает еще одну его привычку и при этом не вызывает у читателя смешанных чувств. Стратегия М. Немцова делает персонажа более грубым и черствым, т. к. может указывать на то, что главный герой относится негативно к персонажам, о которых говорит.

У главного героя есть привычка усиливать свои слова, и для этого он повторно говорит об уже упомянутом действии или состоянии, используя наречие *really*, например: *I really do, she really was, they really can*. Согласно Collins Dictionary, подобная эмфаза используется *to emphasize a statement* (чтобы подчеркнуть, усилить высказывание). Перевод таких предложений зависит от ситуации, т. к. подобного речевого оборота в русском языке нет. Cambridge Dictionary предлагает варианты *очень, на самом деле*; WoordHunt дополняет их следующими: *действительно, впрямь*²⁷.

- Дж. Сэлинджер: *But you're wrong about that hating business. I mean about hating football players and all. You really are.*
- Р. Райт-Ковалева: *Но вы не правы насчет того, что я всех буду ненавидеть. Всяких футбольных чемпионов и так далее. Тут вы не правы.*
- М. Немцов: *Только вы неправы насчет этой ненависти. В смысле – футболистов ненавидеть и все дела. По-честному неправы.*

Основной используемый эквивалент в работе М. Немцова – *по-честному*. У Р. Райт-Ковалевой четкая тенденция не прослеживается; как правило, усиление происходит по-разному: с помощью слов *очень, по-настоящему*, лексического повтора, опущения усиления.

Результаты сравнительно-сопоставительного анализа ЛЕ позволили определить некоторые особенности, характерные для перевода романа переводчицей-женщиной и переводчиком-мужчиной (табл. 1 и 2).

Заключение

Анализ 74 ЛЕ с разной стилистической окраской позволил установить несоответствия при переводе на русский язык стилистически окрашенной и разговорной лексики переводчицей и переводчиком и показал следующие тенденции при переводе. Р. Райт-Ковалева прибегает к смягчению эмоционально окрашенной лексики и использованию нейтральной даже в тех случаях, когда автор оригинала использует стилистически окрашенную лексику, подбирает разнообразные

²⁷ Really. WoordHunt. URL: <https://woordhunt.ru/word/really> (accessed 20 March 2023).

Таб. 1. Соотношение нейтральной и стилистически окрашенной лексики в оригинале романа и его переводах, %
Tab. 1. Neutral vs. stylistically-marked vocabulary in the original novel and its translations, %

Над пропастью во ржи	Нейтральные ЛЕ	Стилистически окрашенные ЛЕ	Опущенные ЛЕ
Оригинал	35	65	-
Перевод Р. Райт-Ковалевой	46	49	5
Перевод М. Немцова	-	99	1

Таб. 2. Соотношение разговорной лексики в оригинале романа и его переводах, %
Tab. 2. Colloquial vocabulary in the original and its translations, %

Над пропастью во ржи	Переданные ЛЕ	Опущенные ЛЕ
Перевод Р. Райт-Ковалевой	49	51
Перевод М. Немцова	91	9

эквиваленты, чаще всего литературные варианты, в случае с ругательными словами использует прием опущения или смягчения. М. Немцов, напротив, применяет эмоционально окрашенные ЛЕ, а в некоторых случаях стилистически сниженные ЛЕ. Анализ 55 дискурсивных ЛЕ показал, что Р. Райт-Ковалева в 51 % случаев использует прием опущения, при этом меняет интонацию предложения, использует прием антонимичного перевода или членения предложения. М. Немцов лишь в 9 % случаев использует прием опущения, следуя своей стратегии перевода – демонстрируя однообразие лексических средств, частое использование стилистически окрашенной лексики и четкое следование структуре и эмоциональной окраске оригинального текста.

Установлены различия в стратегиях перевода двух авторов, подтверждающие влияние гендера на результат перевода. Различия, характерные для языка мужчин и женщин, нашли подтверждение в результате исследования, что, на наш взгляд, повлияло на создание образа главного героя, знакомого миллионам читателей романа. Стратегия лексического подбора

у женщины и у мужчины различается. Женщина имеет тенденцию смягчать высказывания, нейтрализовать, избегать дискурсивной лексики, она подбирает эквиваленты, но не всегда попадает в стилистические рамки. Холден Колфилд в работе Р. Райт-Ковалевой получился сглаженным, более воспитанным и интеллигентным, уверенным и эмоциональным. М. Немцов при переводе придерживается одной стратегии – он практически не отступает от оригинала, сохраняет разговорные слова и выражения, часто прибегает к использованию стилистически сниженной лексики, усиливает уже существующую стилистическую или эмоциональную окрашенность нейтральных слов, добавляя им отрицательную коннотацию, но при этом придерживается синтаксиса оригинала. Подобные решения привели к повышению возрастного ограничения книги. В своем произведении «Ловец на хлебном поле» образ Холдена Колфилда создает впечатление просторечного беспризорника, грубого и необразованного юноши.

Данные отклонения обусловлены, прежде всего, гендерными различиями переводчиков, а также культурными и временными рамками – наличие строгой цензуры в СССР и большая свобода слова в России 2000-х гг. На выбор ЛЕ при переводе также могло оказать влияние незнание американских реалий того времени. Тем не менее данные отклонения в переводах романа Дж. Сэлинджера не снижают значимость произведения, что подтверждается популярностью романа среди русскоговорящих читателей и количеством переизданий переводов книги. Следующим этапом исследования станет анализ влияния социокультурного контекста на передачу образа главного героя романа Дж. Сэлинджера в переводах, понимания переводчиками социокультурных и общественных реалий страны автора произведения и влияния на переводческие трансформации с учетом гендерного аспекта.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Абдусаламов А. П., Рагимханова Т. И. Способы передачи гендерных особенностей речи при переводе. *Цифровая наука*. 2021. № 9-1. С. 41–47. [Abdusalomov A. P., Ragimkhanova T. I. Ways to convey gender-specific speech features in translation. *Tsifrovaia nauka*, 2021, (9-1): 41–47. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wptnlg>
- Александрова Е. С., Сытина Н. А. Гендерные особенности перевода англоязычных художественных текстов на русский язык. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1805–1812. [Aleksandrova E. S., Sytina N. A. Gender-specific features of translating English literary texts into Russian. *Philology. Theory & Practice*, 2021, 14(6): 1805–1812. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30853/phil210265>
- Андриенко Е. В., Горбачева И. М. Гендерная картина мира в контексте современного гражданского общества. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. 2019. № 1. С. 81–87. [Andriyenko E. V., Gorbacheva I. M. Gender worldview in the context of modern civil society. *Economic and Social Research*, 2019, (1): 81–87. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2019-1-81-87>
- Анков А. А., Вепрева И. Т., Гаранович М. В., Гриценко Е. С., Данилевская Н. В., Долешаль У., Ерофеева Т. И., Кирилина А. В., Норцева А. А., Обухова И. А., Пермьякова Е. Г., Рудакова А. В., Стернин И. А., Сюй Ш., Федорова Л. Л., Черноусова А. С., Черных О. Ю. Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации. М.: ЯСК, 2022. 400 с. [Ankov A. A., Vepreva I. T., Garanovich M. V., Gritsenko E. S., Danilevskaya N. V., Doleshal U., Erofeeva T. I., Kirilina A. V., Nortseva A. A., Obukhova I. A., Permyakova E. G., Rudakova A. V., Sternin I. A., Xu S., Fedorova L. L., Chernousova A. S., Chernykh O. Yu. *Gender aspects of language, consciousness and communication*. Moscow: IaSK, 2022, 400. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bbhlpw>
- Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2005. 430 с. [Bendas T. V. *Gender psychology*. St. Petersburg: Piter, 2005, 430. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxlmzh>
- Бровина А. В. "Doing gender" в речевом поведении. *Гуманитарный научный вестник*. 2023. № 6. С. 1–5. [Brovina A. V. "Doing gender" in speech behavior. *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik*, 2023, (6): 1–5. (In Russ.)] <https://doi.org/10.5281/zenodo.8143840>
- Булычев И. И. Образы маскулинности и феминности в формате гендерной картины мира. *Credo New*. 2004. № 1. [Bulychev I. I. Images of masculinity and femininity in the format of the gender worldview. *Credo New*, 2004, (1). (In Russ.)] URL: <http://credonew.ru/content/view/384/56/> (accessed 2 Jun 2023). <https://elibrary.ru/pijfed>
- Васильева И. Б. К вопросу о соотносительности биологического пола, грамматического рода и гендера. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2013. № 10. С. 39–44. [Vasilieva I. B. On question of relatedness of biological sex, grammatical gender and gender. *Philology. Theory & Practice*, 2013, 10 (28): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rbufav>
- Воронцова И. И., Навольнева М. А. Два перевода романа Дж. Д. Сэлинджера "The Catcher in the Rye" в диахронии: сравнительный анализ. *Новый филологический вестник*. 2017. № 3. С. 254–264. [Vorontsova I. I., Navolneva M. A. Two translations of J. D. Salinger's novel "The Catcher in the Rye" in diachrony: Comparative analysis. *Novyi filologicheskii vestnik*, 2017, (3): 254–264. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/2072-9316-2017-00003>
- Гендер и язык, ред. и сост. А. В. Кирилина. М.: ЯСК, 2005. 624 с. [Gender and language, ed. and comp. Kirilina A. V. Moscow: IaSK, 2005, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrxdrn>
- Гриценко Е. С., Сергеева Е. С. Гендерные асимметрии в словарных дефинициях. *Вестник Чувашского университета*. 2009. № 3. С. 227–233. [Gritsenko E. S., Sergeyeva E. S. Gender asymmetries in dictionary definitions. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2009, (3): 227–233. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ktnsef>
- Дутова Н. В. Гендерные картины мира: сравнительный анализ Западной и Восточной ГКМ. *Вестник Читинского государственного университета*. 2011. № 1. С. 35–40. [Dutova N. V. Gender pictures of the world: Comparative analysis of Western and Eastern gender world picture. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, (1): 35–40. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndcasd>
- Кийко Д. В. Гендерный аспект перевода в межкультурной коммуникации в деловой среде. *Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2013. Т. 196. С. 67–71. [Kiyko D. V. Gender aspect of translation in intercultural communication in the business environment. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*, 2013, 196: 67–71. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcxleh>
- Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с. [Kirilina A. V. *Gender: linguistic aspects*. Moscow: Sociological Institute of the RAS, 1999, 189. (In Russ.)]

- Ключко О. И. Гендерные исследования в России: трансформация методологии. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2008. № 6. С. 308–312. [Klyuchko O. I. Gender researches in Russia: Transformation of methodology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2008, (6): 308–312. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jkfcnd>
- Ковалева Е. Ю., Ежгурова А. А., Никитенко Т. В., Сокур Е. А. Сравнительный анализ гендерных моделей речевой деятельности в английском, немецком и русском языках. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2017. Т. 6. № 4. С. 105–109. [Kovaleva E. Yu., Ezhgurova A. A., Nikitenko T. V., Sokur E. A. A comparative analysis of gender models of speech activity in English, German and Russian languages. *Baltic Humanitarian Journal*, 2017, 6(4): 105–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kwfcnr>
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. М.: Флинта, 2008. 464 с. [Kozhina M. N., Duskaeva L. R., Salimovsky V. A. *Stylistics of the Russian language*. Moscow: Flinta, 2008, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sureyv>
- Колпакова Л. В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект). *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2016. № 7. С. 96–100. [Kolpakova L. V. Lexical means of emotion representation (gender aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (7): 96–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wdhkcf>
- Котлярова О. В. Мужественность и женственность, маскулинность и феминность как фундаментальные свойства в формате гендеристики. *Universum: филология и искусствоведение*. 2015. № 9-10. [Kotlyarova O. V. Masculinity and femininity, maleness and womanliness as fundamental properties in the format of genderistics. *Universum: filologiya i iskusstvovedenie*, 2015, (9-10). (In Russ.)] URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/2650> (accessed 2 Jun 2023). <https://elibrary.ru/skpwri>
- Леонтьева К. И. Гендерные характеристики переводчика и их интерпретирующая роль в теории и практике художественного перевода. *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2015. № 1. С. 55–62. [Leontyeva K. I. Gender characteristics of the translator and their interpretive role in the theory and practice of literary translation. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 2015, (1): 55–62. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thisyx>
- Нечаева Н. А. Гендерная картина мира: к определению понятия и его структуры. *Петербургская социология сегодня*. 2019. № 12. С. 114–133. [Nechaeva N. A. Gender worldview: Defining a concept and its structure. *Peterburgskaya sotsiologiya segodnya*, 2019, (12): 114–133. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25990/socinstras.pss-12.j3da-p711>
- Новикова И. Н., Хамидулина Л. Ю. К вопросу об особенностях мужской и женской речи. *Наука и современность*. 2013. № 25-2. С. 78–83. [Novikova I. N., Khamidullina L. Yu. Peculiarities of male and female speech. *Nauka i sovremennost*, 2013, (25-2): 78–83. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkxbkn>
- Поплевко А. В., Надольская Е. П. Гендерное различие мужской и женской речи. *Идеи. Поиски. Решения: X Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 23 ноября 2016 г.)*. Мн.: БГУ, 2017. Ч. 2. С. 87–96. [Poplevko A. V., Nadolskaya E. P. Gender difference of male and female speech. *Ideas. Search. Solutions: Proc. X Intern. Sci.-Prac. Conf., Minsk, 23 Nov 2016*. Minsk: BSU, 2017, pt. 2, 87–96. (In Russ.)]
- Филистова Н. Ю., Башкирцева А. Ю. Особенности употребления стилистически окрашенной лексики (на материале романа Д. Д. Сэлинджера "The Catcher in the Rye"). *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2019. № 4. С. 337–341. [Filistova N. Yu., Bashkirtseva A. Yu. Features of the use of stylistically marked lexis (on the material of D. D. Salinger "The Catcher in the Rye"). *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2019, (4): 337–341. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/bqeyqo>
- Хамдамова Д. Принцип антропоцентризма в современной лингвистике: обзор, предпосылки и тенденции развития. *Общество и инновации*. 2021. № 5/S. С. 221–227. [Khamdamova D. The principle of anthropocentrism in modern linguistics: overview, prerequisites, and development trends. *Obshchestvo i innovatsii*, 2021, (5/S): 221–227. (In Russ.)]
- Чернышева А. В., Спириугова А. Г. Маскулинность и феминность в современном обществе: тенденции трансформации. *Гуманитарный вестник*. 2021. № 6. [Chernysheva A. V., Spiryugova A. G. Masculinity and femininity in modern society: Transformation trends. *Gumanitarny vestnik*, 2021, (6). (In Russ.)] <https://doi.org/10.18698/2306-8477-2021-6-754>
- Veith W. H. *Soziolinguistik*. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2005, 278.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tixxhq>

Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической диалогии Д. Эггерса

Лушникова Галина Игоревна

Гуманитарно-педагогическая академия (филиал) Крымского
федерального университета им. В. И. Вернадского, Россия, Ялта
<https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>
Scopus Author ID: 57204798995
lushgal@mail.ru

Осадчая Татьяна Юрьевна

Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь
<https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>
Scopus Author ID: 57204808877

Аннотация: Проблема языкового моделирования картины мира личности, в том числе в художественных произведениях, и недостаточная ее изученность обуславливают актуальность работы. Цель – рассмотреть особенности лексики антиутопической диалогии современного американского писателя Д. Эггерса и определить функции вымышленного языка в создании сатирической модальности романов "The Circle" (2013) и "The Every" (2021). Работа выполнена в рамках лингвокогнитивного подхода, использованы приемы компонентного, трансформационного и лингвостилистического анализа художественного текста, метод аналитического описания и анализ семантических полей. Представлены мнения отечественных и зарубежных исследователей о неразрывной связи языка, общественных процессов и мышления. Очерчены основные признаки и особенности современного сатирического романа, его ведущие лингвистические средства и стилистические приемы. Анализ показал, что антиутопия Д. Эггерса представляет собой новый тип сатиры, соединяющий постмодернистскую иронию и деконструкцию с присущей метамодернизму новой искренностью и оптимизмом по поводу возможности изменения устоев общества. Основными чертами лексики языка антиутопического мира являются большое количество неологизмов и окказионализмов, образованных по типу разных словообразовательных моделей, контрастное использование лексики высокого и сниженного стилей, употребление эвфемизмов, измененных устойчивых словосочетаний. Важным выводом представляется то, что в рассматриваемых произведениях сатире подвергаются не только черты будущего языка, но и уже существующие языковые тенденции, которые, по мысли автора, деформируют язык, оказывая негативное влияние на образ мыслей и поступков его носителей. **Ключевые слова:** Д. Эггерс, антиутопия, сатира, вымышленный язык, модели словообразования, неологизмы, окказионализмы, эвфемизмы, сленг

Цитирование: Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Язык общества будущего как объект сатиры в антиутопической диалогии Д. Эггерса. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 130–139. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-130-139>

Поступила в редакцию 25.09.2023. Принята после рецензирования 24.10.2023. Принята в печать 30.10.2023.

full article

Language of the Future as an Object of Satire in D. Eggers's Dystopic Dilogy

Galina I. Lushnikova

Humanities and Education Science Academy, V. I. Vernadsky Crimean
Federal University, Yalta, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1080-3184>
Scopus Author ID: 57204798995
lushgal@mail.ru

Tatiana Iu. Osadchaia

Sevastopol State University, Sevastopol, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-8566-2529>
Scopus Author ID: 57204808877

Abstract: Personal worldview can be subjected to linguistic modeling even if the person in question is a fictional character. This research featured the vocabulary invented by the contemporary American writer Dave Eggers for his dystopic dilogy, as well as the role of this fictional language in creating satirical mode. The study involved such methods

of cognitive linguistics as component, transformational, and stylistic analyses, analytical description, and semantic fields. The article opens with a review of domestic and foreign publications on the connection between language, social processes, and thinking. *The Circle* (2013) and *The Every* (2021) were analyzed for satirical and stylistic devices. The dilogy turned out to be a new type of satire, which combines the postmodern irony and deconstruction with the metamodern openness and optimism. The vocabulary of the future as seen by the author was analyzed for its functions in creating the worldview. Its key features include: neologisms and occasionalisms coined in line with actual word-formation models; contrasting high and low-style vocabulary; euphemisms and modified set phrases. D. Eggers also satirized some real linguistic trends, which, in his opinion, deform the language and affect people's mind and behavior.

Keywords: Dave Eggers, dystopia, satire, fictional language, word formation models, neologism, occasionalism, euphemisms, slang

Citation: Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu. Language of the Future as an Object of Satire in D. Eggers's Dystopic Dilogy. *SibScript*, 2024, 26(1): 130–139. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-130-139>

Received 25 Sep 2023. Accepted after peer review 24 Oct 2023. Accepted for publication 30 Oct 2023.

Введение

Общеизвестно, что язык всегда служил и продолжает служить целям главенствующей политической доктрины, на что обращают внимание как лингвисты и социологи, так и авторы художественных произведений. Согласно лингвистическому детерминизму, язык определяет структуру мышления и способ познания мира (теория лингвистической относительности, предложенная Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом [Уорф 2003]). В других учениях о языке, признающих относительную независимость развития языка от истории развития общества и мышления человека (исследования М. Хаузера, Н. Хомски и В. Т. Фитча [Hauser et al. 2002] и других ученых), указывается, что «сложные мыслительные процессы, и даже такой процесс, как обобщение и категоризация (которые связывают с появлением языка), существуют и до языка» [Суховерхов 2015: 109–110].

В современных исследованиях, рассматривающих язык с точки зрения прагматического и когнитивного подходов, подчеркивается, что независимость развития языка и сознания человека не может быть абсолютной, ученые признают важную роль языка в социальных процессах, подчеркивают взаимную обусловленность развития языка и процесса социального познания: "together, social cognition and language probably formed an evolutionary cycle wherein advances in one fed advances in the other, and it is unclear what human cognition (social or otherwise) would be like without the powerful cultural augmentation that language provides" [Fitch et al. 2010: 795]. Можно утверждать, что язык обуславливает постепенное развитие мышления и социального познания как отдельного человека, так и человеческого общества в целом.

По справедливому замечанию А. В. Суховерхова, взаимная обусловленность языка и мышления особенно ярко отражается в художественной литературе, где с помощью языка может создаваться новая, вымышленная действительность: «в литературе, в частности у футуристов, мы также видим, что авторы создавали свой уникальный язык, языковой стиль и способы построения устной и письменной речи не только для отражения реальных событий, но и для создания новой художественной действительности» [Суховерхов 2015: 116].

В художественной литературе хрестоматийным примером создания нового языка в антиутопическом обществе является описание новояза / *newspeak* в романе-антиутопии Дж. Оруэлла «1984». Новояз Дж. Оруэлла является вымышленным или фикциональным языком, который рассматривается как «намеренное языковое программирование» человека, «как орудие улучшения человеческого сознания, оптимизации мыслительных процессов посредством улучшенной согласно достижениям науки языковой структуры» [Скворцов 2014: 151].

В романе «1984» автор представляет фикциональный язык, который выполняет практически все перечисленные выше функции. Важно отметить, что описание языка в романе «1984» выступает одним из выразительных средств сатирического изображения общества: «новояз Дж. Оруэлла воспринимается читателем как сатирическое изображение унифицированного, однозначного языка, который не допускает выражения нетрадиционных взглядов и точек зрения, который способствует контролю над умами граждан государства» [Мальшева 2015: 89].

Понятие *сатирическое* является сложным и неоднозначным, в литературоведении существуют различные точки зрения на его сущность. По мнению М. М. Бахтина, сатира может рассматриваться, во-первых, как жанр, во-вторых, как особое отношение автора к законам и порядкам изображаемого мира: «сатира есть образное отрицание современной действительности в различных ее моментах, необходимо включающее в себя – в той или иной форме, с той или иной степенью конкретности и ясности – и положительный момент утверждения лучшей действительности» [Бахтин 2001: 938]. С. М. Коновалов рассматривает сатиру как авторскую модальность или пафос произведения: «сатира – это определенное (в основном отрицательное) отношение творящего к предмету своего изображения (т. е. пафос), определяющее выбор средств художественного изображения и общий характер образов» [Коновалов 2020: 25]. Американский исследователь Д. Гриффин указывает, что сатира чаще выступает как модальность произведения: "satire often seems a "mode" or a "procedure" rather than a single "genre" [Griffin 2021: 4].

Англоязычная литература характеризуется присутствием в ней давней сатирической традиции, которая отражается в различных литературных жанрах. По словам А. С. Музыченко, «на всех этапах развития сатирической традиции писатели и драматурги использовали богатую гамму приемов, ставших традиционными, – иронию, сарказм, гротеск, аллегорию» [Музыченко 2023: 53]. Чаще всего сатира соединяется в произведении с юмором, когда «юмор незаметно перерастает в сатиру и наоборот. <...> Юмористический элемент, введенный в сатирический жанр, находится количественно и качественно в подчинении у сатиры. Он играет второстепенную, но очень важную роль. Он дополняет сатиру, контрастирует с ней, помогая автору донести его идею до читателя» [Лиходзиевский 2019: 124].

По мнению К. Хьюма, ведущими характеристиками сатирического произведения являются следующие элементы: "the first quality identified by most satire theorists is *attack*. <...> The attack on the cultural snobbery of gated communities is much more satirically straightforward. <...> The second quality is the *humor* or *wit* that makes something satire rather than mere vilification, and the third, closely related, is the author's *evident enjoyment* of his or her literary art, and the fourth is a form of *exaggeration* to the point of *fantasy*" [Hume 2021: 4–5].

Современные авторы, с одной стороны, остаются в рамках сатирической традиции и развивают ее,

с другой – привносят в нее новые элементы. Во-первых, новым элементом является то, что сатира используется для обличения ценностей общества потребления: «горький смех как орудие сатирического изображения действительности призван обратить внимание человека на бесперспективность жизни, целью которой являются исключительно потребление и обогащение. Неприятие человеческих пороков, возмущение нарушением нравственных норм определяют сатирический пафос литературных произведений» [Коновалов 2019: 89]. Современные писатели, по мнению зарубежных исследователей, обличают потребление, однако не считают возможным исправить общество в целом, оставляя при этом надежду на личностный рост каждого: "these writers employ satire not to initiate rebellion or cultural change, but to reflect the problematic role of institutions in modern life and, in turn, the potential, even hope, for personal growth" [Lee 2012].

Еще одним важным признаком современного романа, в котором присутствует сатирический пафос, является обращение к серьезным экзистенциальным проблемам: «востребованным становится интеллектуально-сатирический роман, в котором поднимаются серьезные экзистенциальные вопросы, дающие почву для углубленных размышлений над смыслом жизни» [Первушина 2019: 63].

Вызывает интерес тенденция, характерная, по мнению Е. В. Ушаковой, для многих современных романов с сатирическим пафосом: «это произведения, в которых явно используются сатирические техники, сатирическая тональность, но нет и намек на некую норму, относительно которой подвергаются осмеянию те или иные факты и персонажи. Парадокс заключается в том, что и сама сатира подвергается сатиризации: часто автор высмеивает собственную повествовательную технику с помощью избыточно преувеличенного использования приемов или играя с сатирической традицией» [Ушакова 2017: 42].

В антиутопическом романе сатира чаще всего представлена отношением автора к изображаемому обществу, можно даже утверждать, что сатирический пафос является ключевым для большинства антиутопий: «сатира в целом борется не со случайностями, а с закономерностями – не зря жанр антиутопии стал самым популярным для сатирического повествования» [Алисова 2013: 15].

Одним из ключевых средств создания сатирической модальности в антиутопии является описание языка общества будущего, который отражает реалии

данного общества: "as a narrative genre, dystopia is characterized by language which restricted, prescribed or otherwise influenced by authoritarian or ideological governing structures, and dystopian worlds are often richly constructed and animated by means of futuristic invented language" [Millward 2013: 96].

Современный американский писатель Дэйв Эггерс в антиутопической диалогии, состоящей из романов "The Circle" (2013) и "The Every" (2021), подвергает сатире многие аспекты современного общества. В данной диалогии автор использует как классические, так и новые элементы сатирической традиции. Необходимо отметить, что сатира романов Д. Эггерса – это новый тип сатиры, а именно сатира метамодернизма, соединяющая постмодернистскую иронию и деконструкцию, с одной стороны, и новую искренность и оптимизм по поводу возможности изменения устоев общества – с другой: "a new mode of satire has emerged – what this article calls metamodernist satire – that bridges the gap between the modernist objective of correction and postmodernist subversion of metanarratives" [Chesters 2021: 39].

Главным объектом сатиры Д. Эггерса является изменение образа жизни и в некотором смысле сознания человечества под влиянием власти интернет-систем, включающих стремительно расширяющиеся медиакоммуникации и информационные базы. Автор показывает, что новая идеология, насаждаемая влиятельнейшими компаниями-монополистами, постепенно завоевывает все большие слои населения и охватывает практически все сферы жизни общества. На примере компании, изображаемой в романе «Сфера», читатель имеет возможность увидеть, какими могут быть последствия внедрения новой идеологии: это деградация личности и тоталитарные принципы управления обществом: "readers follow Mae as she makes her way up to the top of the company, becoming aware of the possibilities offered by the cutting-edge services and technologies developed by the Circle but also witnessing the protagonist's personal degradation and the Circle's progressive movement towards totalitarianism" [Laguarta-Bueno 2018: 167].

Мир, описанный Д. Эггерсом, совсем незначительно отличается от современного, читатель узнает в нем многие приметы своего времени, которые, однако, доведены автором до абсурда. Образ нового человека приобретает некоторые черты гротеска: «гротесковые детали заставляют воспринимать этот образ как сатирическое предвидение тех перемен, которые легко и вполне могут стать реальностью» [Грекова 2019: 85].

Следуя традициям жанра антиутопии, Д. Эггерс рисует картину нового общества, которое обладает новым укладом, новой идеологией, что поддерживается и рядом инноваций в области языка. В романах диалогии Д. Эггерса представлены образцы нового языка, которые отражают некоторые тенденции, происходящие в английском языке на современном этапе, и, кроме того, прослеживаются во многих других языках, включая русский. Интерес исследователей к проблеме языкового моделирования картины мира личности, в том числе в художественных произведениях, и недостаточная ее изученность обуславливают актуальность данной работы.

Цель – рассмотреть особенности лексики антиутопических романов Д. Эггерса и определить функции вымышленного языка в создании их сатирической модальности.

Методы и материалы

Материалом данного исследования послужили фрагменты описания вымышленного языка в романах Д. Эггерса "The Circle" и "The Every".

Произведения изучаются с точки зрения лингвокогнитивного подхода, в рамках которого коммуникация рассматривается как «построение в когнитивной системе реципиента концептуальных конструкций, "моделей мира", которые определенным образом соотносятся с "моделями мира" говорящего, но не обязательно повторяют их» [Сергеев 1987: 7]. Другими словами, анализ описания вымышленного языка диалогии осуществляется «в контексте языкового моделирования картины мира, создания при помощи языковых единиц конструкта новой реальности, в которой получают обоснование новые социальные процессы» [Крюкова, Кожемякин 2018: 102]. В работе использованы приемы компонентного, трансформационного и лингвостилистического анализа художественного текста, метод аналитического описания и метод анализа семантических полей.

Результаты

Основные лингвистические тенденции, которые представлены Д. Эггерсом:

- 1) появление большого числа неологизмов, окказионализмов, распространение «красивых», становящихся популярными слов и фраз;
- 2) использование эвфемизмов, штампов, устойчивых словосочетаний, в том числе видоизмененных;
- 3) свободное употребление сленга и сниженной лексики.

Использование неологизмов и окказионализмов

Ведущей чертой нового языка у Д. Эггерса является широкое распространение неологизмов и окказионализмов. Именно с помощью неологизмов может быть создан определенный идеологический дискурс, который способен оказывать решающее влияние на способ мышления людей: "languages can exert control over minds with political aims, guide people to orthodox states of mind or keep them appeased and content, and this manipulative discourse is developed with the help of neologisms" [López-Rúa 2019: 133–134].

Известно, что неологизмы и окказионализмы являются составляющими элементами лексического макрополя определенного языка, различие данных понятий состоит в их расположении относительно ядра данного макрополя: «неологизмы входят изначально в околоядерную область. <...> ...окказионализмы находятся и функционируют в маргинальной зоне лексического макрополя, в сфере индивидуального употребления» [Несветайло 2010: 180–181]. Другими словами, их отличает то, что неологизмы на определенном этапе употребляются довольно большой частью носителей языка, некоторые из них могут войти в словарный фонд, другие уходят из него, забываются, остаются только в специальных словарях неологизмов и новых слов. Окказионализмы характеризуются разовым использованием, чаще всего в произведениях художественной литературы, в рекламе, шутках и анекдотах. Некоторые из них вследствие частого повторения тоже могут войти в словарный состав языка, однако такие случаи единичны.

У Д. Эггерса встречаются почти все способы словообразования неологизмов и окказионализмов, преобладающим является сокращение разных типов: аббревиатуры, акронимы, сокращение начального (афферезис) или конечного (апокопа) слога и промежуточный тип между сокращением и словосложением – контаминация или блендинг. Преобладание неслучайно, поскольку, чему мы все являемся свидетелями, сокращения распространены в современных языках, что обусловлено спецификой новых средств коммуникации, требующих экономии времени и пространства письма. Д. Эггерс использует их с нарочитой частотностью, что вызывает трудности восприятия текста, иногда их расшифровка требует особых усилий – возвращения к предыдущим фрагментам произведения, иногда практически невозможна, что делается автором намеренно, поскольку его цель в данном случае – резкая критика чрезмерного употребления не всегда оправданных сокращенных новообразований.

Приведем ряд примеров.

- Аббревиатуры: *MDS, MRI, SFPD, AI, IPO, FCC, EiO, EOD*.
- Акронимы: *CEO, CE, PESS, ToT*.
- Сокращение слога: *cam, pic, ad, ID, tech, rep, sec, exec, doc, demo, hon*.
- Контаминация: *AuthentiFriend, GenuPal, PreCom, AnonCom, TruYou, TruVoice, libart, minidiscos, medbed, ecommerce*.

В диалогии встречаются примеры неологизмов, образованных и по другим моделям, таким как аффиксация (*circler, subCircle, everyoneablee, antitrog*), словосложение (*Everyfriend, Every-issued, InnerCircle, OuterCircle, multitasking, singletasking, groupthink*), конверсия (*the Every (n.), to be ID'd (v.), the seen (n.)*). Среди примеров встречаются такие смешанные типы словообразования, как словосложение + буквенное сокращение (*O-language*), сокращение + редупликация (*hon-hon*), сокращение с изменением морфологической структуры слова (*demoxie*), словосложение + использование элементов другого языка (*Stop+Lük – умлаут ü*), аффиксация + использование элементов другого языка (*deëmployment*). Следует обратить внимание на то, что большое количество слов, образованных по разным типам моделей, содержат в своей структуре название компании – в первом романе она именуется *The Circle*, а во втором – *The Every: InnerCircle, OuterCircle, subCircles, circler, Everyfriend, Every-issued, everyoneablee*. Достаточно часто номинации компании и их производные употребляются и в составе словосочетаний: *Circle events, Circle community Circlers' profiles, Circlers' opinions*. Повтор названий компаний в изолированной форме и в составе сложных и производных слов, в составе словосочетаний служит целью внедрить в сознание людей значимость, вездесущность этого могущественного института.

Специфика использования автором неологизмов в данных произведениях заключается в том, что наряду с придуманными им (*AuthentiFriend – Authentic Friend, GenuPal – Genial Pal, AnonCom – Anonymous Complaint, EiO – Everything in Order* и др.) в повествование включаются достаточно известные, уже вошедшие в английский язык или легко узнаваемые единицы, например: *cam (camera), pic (picture), ad (advertisement), rep (representative), AI (artificial intellect), ID (identifier)* и др.

В диалогии Д. Эггерса, в большей степени во втором романе "The Every", иронической критике подвергается еще одна черта современного языка – использование «красивых» слов, всяческое поощрение и стимулирование их употребления, то, что Дж. Оруэлл называл в свое время «претенциозным красноречием». Само по себе

разнообразии словарного запаса, умение использовать в речи широкий ряд синонимов представляет собой положительный фактор, демонстрирующий степень образованности говорящего. Однако эта тенденция имеет и обратную, негативную сторону, персонажи романов Д. Эггера употребляют «модные» слова к месту и не к месту, повторяют их по несколько раз, не всегда понимая их значение. Эти слова входят в лексикон носителей не потому, что они осознанно повышают культуру речи, а лишь потому, что они популярны, причем популярными их делает не точность обозначения и даже не благозвучность, а в одних случаях лишь дань моде, а в других – задача идеологического характера, поскольку они, может быть, не так явно, как лозунги, отражают главные постулаты компании. Именно эту сторону высвечивает и критикует Д. Эггерс, в его романе таковыми словами становятся, например, слова *disobedient*, *amorphous*, несущие отрицательную коннотацию, и *outstanding*, *absorbability*, *elegant*, имеющие положительную коннотацию. Ряд примеров из романа "The Every" подтверждает склонность к использованию популярных в компании слов:

- *Outstanding, she'd heard, was a word beloved at the Every*¹.
- *"It was amorphous," she said, and saw a flash of admiration animate Dan's eyes. Another word he liked*².

В данном случае автор в ироничном модусе показывает явление, имеющее место в нашей реальности – всем известна распространенная в наше время практика избрания наиболее частотных, «модных» слов, именуемых словами года. Автор подробно описывает действия компании, направленные на языковые реформы, неожиданным результатом которых стало вытеснение из активного словарного состава языка значительного количества слов, получивших статус устаревших:

- *For years, the every, through its auto-fill algorithms, had squeezed out thousands of words, favoring the most-likely over the lesser-used, and this had had the unexpected effect of rendering wide swaths of the English language nearly obsolete*³.

Проводя грань между положительными и отрицательными сторонами установок на использование «красивых» слов, между показным и действительным красноречием, Д. Эггерс в своей авторской речи демонстрирует богатый арсенал лексики английского языка, великолепное владение семантическими оттенками слова на денотативном и коннотативном уровнях, используя вместо стандартных, часто употребляемых лексических единиц их более редкие синонимы. Так, у него встречаются такие слова, как *innocuous* вместо более привычных *harmless*, *innocent*; *perfunctory* вместо *indifferent*, *unthinking*, *automatic*; *sagacious* вместо *wise*, *reasonable*, *sensible*; *ubiquitous* вместо *universal*, *everywhere*, *all over*; *stellar* вместо *outstanding*, *famous*; *commence* вместо *begin*, *start*.

Интересным представляется тот факт, что сотрудники компании иногда пускаются в рассуждения на лингвистические темы по поводу знаковых, ключевых слов компании, отражающих ее постулаты. В качестве примера можно привести следующий фрагмент, где речь идет о слове *community*, приводятся его дериваты, указывается источник происхождения:

- *You realize that community and communication come from the same root word, communis, Latin for common, public, shared by all or many*?⁴

Заемствований в диалогии Д. Эггера, как и в современном английском языке в целом, значительно меньше. Примечательно, что он включает заимствования из русского языка – *gulag*, печально известный термин, номинирующий, как считают западные идеологи, одно из характерных явлений России советского периода.

Другой пример – слово *glasnost*, которое вошло в обиход в нашей стране во время сложного этапа перестройки. Важно отметить, что семантика русского слова *гласность* существенно отличается от семантики, которая реализуется в слове *glasnost* в романах Д. Эггера, в них оно обозначает всеобщую открытость, выставление на показ широкой общественности всех сторон жизни индивида, тотальное слежение за каждым при помощи установленных повсеместно камер, сбором информации на каждого. Его английскими эквивалентами, которые встречаются в романах, являются *openness*, *transparency*.

¹ Eggers D. The Every. NY: Vintage, 2021. P. 14–15.

² Ibid. P. 16.

³ Ibid. P. 16.

⁴ Eggers D. The Circle. NY: Vintage, 2014. P. 96.

Использование эвфемизмов, штампов, устойчивых словосочетаний

Стрелы сатиры Д. Эггерса направлены также на такой распространенный в наше время феномен, в большей степени развитый в английском языке, как политкорректный язык (*politically correct language*). В рассматриваемых романах с целью иронии и сатиры увлечение эвфемизмами такого типа утрировано. Речь персонажей изобилует политкорректными словами и словосочетаниями, например, в романах ни разу не встретилось слово *man*, вместо которого постоянно используется слово *human*, для смягчения негативных коннотаций в обиход входят такие единицы, как *deemployment*, *de-approved*, *de-elevate*. Авторское мнение по этому поводу не выражено прямо, но импликация очевидна: номинации такого рода не решают проблем, не улучшают положение человека и не смягчают отрицательного воздействия, их функция сводится к тому, чтобы «обелить», представить в положительном свете тот или иной далеко не положительный факт.

Характерной чертой новояза Д. Эггерса является использование лозунгов, девизов, слоганов, которые красочно оформлены и установлены на территории компании, а также заполняют мир виртуальный – ее профили в сетях. Причем слова *motto*, *slogan* постоянно используются сотрудниками компании. Лозунги-призывы в диалогии не столько раскрывают суть описываемой компании, сколько исполняют роль директив, команд, которым должны следовать ее сотрудники, однако их не называют командами, согласно эвфемистическому обороту, они именуется мольбой о вдохновении (*imploring messages of inspiration*): *Dream*, *Participate*, *Find Community*, *Innovate*, *Imagine*, *Breathe*⁵. Последний звучит абсурдно, но имеет особый смысл, заключающийся в том, что дышать, т. е. по-настоящему жить, можно только будучи членом этой замечательной компании. Такие плакаты развешаны на стенах зданий кампуса компании и настойчиво повторяются для новичков, тем самым знакомя их с главными принципами компании. Большинство из них имеют краткую форму, состоят из двух-трех, а иногда всего из одного слова:

- *Community First. Humans Work. Communication. Understanding. Clarity*⁶.

Автор диалогии в свой новый язык включает и такое средство, как видоизменение устойчивых сочетаний и известных цитат – форму интертекстуальности, представляющую собой языковую игру, достаточно часто встречающуюся в современных рекламах и художественных произведениях. Однако этот прием у Д. Эггерса выполняет особую функцию: показать, что изменение во фразеологии может привести к изменениям в восприятии действительности, вернее, даже призвано изменять традиционные представления. Показательна в этом отношении замена предлога в устойчивом сочетании *Freedom of choice* на *Freedom from choice*, он также вводит свое, новое словосочетание, клеймящее саму суть возможности выбора – *Tyranny of choice*. Крайним проявлением таких целенаправленных изменений, вызывающих справедливое негодование противника компании, главной героини романа "The Every" и, соответственно, читателей, является программа компании по «исправлению» классических художественных произведений прошлого с целью их «улучшения», подразумевающего сокращения и удаление из них «ненужных» фрагментов. Не случайно, описывая эту программу, автор вводит еще одно изменение, причем лингвистического термина, обозначающего временную форму в английской грамматике: вместо *Past perfect* Д. Эггерс использует наименование *Past Imperfect*, которое выражает отношение членов компании к наследию прошлого.

Употребление сленга и сниженной лексики

Новый язык обитателей нового мира Д. Эггерса характеризует и противоположная тенденция – распространенное использование сленга и сниженной лексики. Этот факт можно объяснить разными причинами. Во-первых, сленговые выражения, понятные только сотрудникам компании, подчеркивают их исключительность, избранность, отгороженность от остального мира. Использование таких единиц, как, например, *kudos* (*praise, prestige, glory*), *peel off* (*to leave, used as a rude command*, *uber* (*super*) и др., не только не запрещается, но и поддерживается. Во-вторых, толерантность к грубой лексике создает иллюзию свободы и даже вседозволенности, которой члены компании фактически не обладают. Кроме того, колоссальное напряжение, вызванное интенсивным рабочим графиком, гиперактивностью в сетях, обязательностью

⁵ Ibid. P. 1–2.

⁶ Ibid. P. 1–2.

участия в разного рода мероприятиях, проводимых после работы, необходимостью быть все время на виду, требует какой-то эмоциональной разрядки, которую может дать такое относительно безобидное действие, как произнесение грубых слов. Одна из героинь романа "The Circle" объясняет грубость своей лексики, которая до работы в компании не была ей свойственна, усталостью, которую она постоянно испытывает:

- *"Better to be at the bottom of a ladder you want to climb than in the middle of some ladder you don't, right? Some shitty-ass ladder made of shit?" Mae laughed. It was the shock of hearing such filth coming from such a sweet face. "Did you always curse this much? I don't remember that part of you."*
"I do it when I'm tired, which is pretty much always."
"You used to be such a sweet girl."
"Sorry. I'm fucking sorry, Mae! Jesus fucking Christ, Mae!"⁷

Так парадоксально в речи людей нового мира, избраженного в диалогии, сочетаются единицы контрастных функциональных регистров.

Заключение

Одним из ключевых средств создания сатирической модальности в антиутопическом произведении является описание языка общества будущего, который не только отражает реалии данного общества, но и порождает определенный идеологический дискурс, который способен оказывать решающее влияние на способ мышления людей и формировать в их сознании определенную картину мира.

Анализ диалогии Д. Эггерса позволяет сделать вывод, что основными чертами лексики языка анти-

утопического мира, который нарисован автором, являются большое количество неологизмов и окказионализмов, образованных по типу разных словообразовательных моделей (сокращение, аффиксация, словосложение, конверсия, смешанные типы), распространение «красивых», популярных слов и фраз, наличие заимствований, использование эвфемизмов, штампов, устойчивых словосочетаний, в том числе видоизмененных, свободное употребление сленга и сниженной лексики.

Автор создает новые языковые формы, вводя в текст романов своей диалогии окказионализмы – лексические единицы, отражающие идеологию нового общества. Наряду с этим он подвергает сатире уже существующие в языке тенденции, утрируя их, чтобы ярче высветить отрицательные стороны некоторых современных процессов в развитии языка, которые деформируют его, делают похожим на зашифрованный код, он показывает, во что может превратиться язык при непомерном развитии данных тенденций.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Алисова Е. Ю. Жанровое своеобразие сатирического романа В. Войновича. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. 2013. № 1. С. 12–18. [Alisova E. Yu. Vladimir Voinovich's satirical novel. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2013, (1): 12–18. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/pxdfmb>
- Бахтин М. М. Сатира. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*, гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. С. 935–950. [Bahtin M. M. Satire. *Literary encyclopedia of terms and concepts*, ed. and comp. Nikol'yukin A. N. Moscow: Intelvak, 2001, 935–950. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/xczgxp>
- Грекова В. В. Жанровая специфика антиутопии на примере романа В. Войновича «Москва 2042». *Современные исследования социальных проблем*. 2019. Т. 11. № 6. С. 77–96. [Grekova V. V. Genre specificity of anti-utopia on the example of V. Voinovich's novel "Moscow 2042". *Modern Studies of Social Issues*, 2019, 11(6): 77–96. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2019-6-77-96>

⁷ Ibid. P. 16.

- Коновалов С. М. О сатире. *Art Logos*. 2020. № 2. С. 24–35. [Konovalov S. M. About satire. *Art Logos*, 2020, (2): 24–35. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zbqcce>
- Коновалов С. М. Основные этапы развития сатирической традиции в белорусской литературе. *Пушкинские чтения – 2019. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: XXIV Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 6–7 июня 2019 г.)* СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 88–94. [Konovalov S. M. Main stages of the development of the satirical tradition in Belarusian literature. *Pushkin readings. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, and text: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 6–7 Jun 2019*. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2019, 88–94. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kgmawn>
- Крюкова С. В., Кожемякин Е. А. Проблема языкового моделирования социальной реальности в художественном дискурсе (на материале произведений Дж. Оруэлла, Е. Замятина и В. Сорокина). *Культура и текст*. 2018. № 1. С. 99–117. [Kryukova S. V., Kozhemyakin E. A. Issue of language modelling of social reality in fictional discourse (by works of G. Orwell, E. Zamyatin and V. Sorokin). *Kul'tura i tekst*, 2018, (1): 99–117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ywezyn>
- Лиходзиевский А. С. Традиции американского фольклорного юмора в американском сатирическом романе второй половины XX в. *XV Виноградовские чтения: Междунар. науч.-практ. конф. (Ташкент, 22 мая 2019 г.)* Екатеринбург: УрГЭУ, 2019. С. 123–128. [Likhodzievsky A. S. Traditions of American folk humor in the American satirical novel of the second half of the XX century. *XV Vinogradov Readings: Proc. Sci.-Prac. Conf., Tashkent, 22 мая 2019*. Ekaterinburg: USUE, 2019, 123–128. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/judxbr>
- Малышева Е. В. Вымышленный язык как текстотипологическая черта антиутопий. *Филологические этюды*, науч. ред. О. Н. Морозова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. С. 83–100. [Malysheva E. V. Fictional language as a text-typological feature of dystopia. *Philological Studies*, ed. Morozova O. N. St. Petersburg: Pushkin LSU, 2015, 83–100. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vygpsf>
- Музыченко А. С. Британская сатирическая традиция в романе П. Х. Джонсон «Невообразимый Скиптон»: преемственность и индивидуальность. *Культура и безопасность*. 2023. № 2. С. 53–61. [Muzychenko A. S. British satirical tradition in P. H. Johnson's novel "The Unspeakable Skipton": Continuity and individuality. *Culture and safety*, 2023, (2): 53–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25257/KB.2023.2.53-61>
- Несветайло Ю. Н. Неологизмы и окказионализмы как средства пополнения лексического макрополя современного английского языка. *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 4. С. 180–186. [Nesvetailo Iu. N. Neologisms and occasionalisms as a means of replenishing the lexical macro-field of modern English. *The Humanities and Social Sciences*, 2010, 4: 180–186. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rgtkrp>
- Первушина Л. В. Сатирическая направленность творчества С. Тешича. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2019. № 2. С. 62–72. [Pervushyna L. V. Satirical stance in literary work by Steve Tesich. *Vestnik of Polotsk State University. Series: Humanities*, 2019, (2): 62–72. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/zboavv>
- Сергеев В. М. Введение. In: *Язык и моделирование социального взаимодействия*, ред. В. В. Петров. М.: Прогресс, 1987. С. 3–19. [Sergeev V. M. Introduction. *Language and modeling of social interaction*, ed. Petrov V. V. Moscow: Progress, 1987, 3–19. (In Russ.)]
- Скворцов В. В. Функции вымышленного языка «спидток» в рассказе Р. Хайнлайна «Бездна». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 8-2. С. 149–152. [Skvortsov V. V. Functions of an imaginary language "speedtalk" in the story by R. Heinlein "Gulf". *Philology. Theory & Practice*, 2014, (8-2): 149–152. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sftymp>
- Суховерхов А. В. Лингвистический детерминизм, кумулятивная эволюция и рост научного знания. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. 2015. № 105. С. 105–127. [Sukhoverkhov A. V. Linguistic determinism, cumulative evolution and development of scientific knowledge. *Politematicheskij setevoy jelektronnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2015, (105): 105–127. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tikkon>
- Уорф Б. Л. Наука и языкознание. *Языки как образ мира*, сост. К. Королев. СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 202–220. [Whorf B. L. Science and linguistics. *Languages as an image of the world*, comp. Korolev K. St. Petersburg: Terra Fantastica, 2003, 202–220. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qocbnn>

- Ушакова Е. В. Сатирический модус романа М. Спарк «Пир». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 12-1. С. 41–44. [Ushakova E. V. Satirical modus of the novel "Symposium" by M. Spark. *Philology. Theory & Practice*, 2017, (12-1): 41–44. (In Russ.)]
- Chesters S. "Don't go all earnest on us": Metamodern satire in George Saunders's "Brad Carrigan, American". *Studies in American Humor*, 2021, 7(1): 39–60. <https://doi.org/10.5325/studamerhumor.7.1.0039>
- Fitch W. T., Huber L., Bugnyar T. Social cognition and the evolution of language: Constructing cognitive phylogenies. *Neuron*, 2010, 65(6): 795–814. <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2010.03.011>
- Griffin D. *Satire: A critical reintroduction*. Lexington: The University Press of Kentucky, 2021, 256.
- Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? *Science*, 2002, 298(5598): 1569–1579. <https://doi.org/10.1126/science.298.5598.1569>
- Hume K. Maria Dahvana Headley's *The Mere Wife*: Diffused satire in a troubling piece of Beowulfiana. *Orbit: A Journal of American Literature*, 2021, 9(1): 1–22. <https://doi.org/10.16995/orbit.3445>
- Laguarta-Bueno C. Transhumanism in Dave Eggers' *The Circle*: Utopia vs. dystopia, dream vs. nightmare. *Revista de Estudios Norteamericanos*, 2018, 22: 165–188. <https://doi.org/10.12795/REN.2018.i22.08>
- Lee J. C. Contemporary US-American satire and consumerism (Crews, Coupland, Palahniuk). *Comparative Literature and Culture*, 2012, 14(4). <https://doi.org/10.7771/1481-4374.1839>
- López-Rúa P. VPS, Goodthink, Unwomen and Demoxie: Morphological neologisms in four dystopian novels. *Miscelánea: A Journal of English and American Studies*, 2019, 59: 117–136. https://doi.org/10.26754/ojs_misc/mj.20196342
- Millward J. "Words That Are Lost": obsolete language in dystopian fiction. *Dystopia(n) Matters: On the Page, on Screen, on Stage*, ed. Vieira F. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2013, 96–114.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/xmvstt>**«Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром**

Ненарокова Мария Равильевна

Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Россия, Москва

<https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Scopus Author ID: 58111332700

maria.nenarokova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена первой средневековой биографии, «Жизни Карла Великого», написанной Эйнхардом, видным деятелем эпохи Каролингов. Создавая биографию императора, Эйнхард ориентировался на биографии римских императоров, созданные Светонием. Предметом изучения стали особенности структуры и композиции текста Эйнхарда в сравнении с текстами Светония. Цель – проследить, насколько точно каролингский автор следует выбранному образцу; какие новые черты обретает средневековая биография по сравнению с текстами Светония. Были использованы описательный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, формальный методы. Исследование показало, что общепринятое мнение о текстах Светония как образце для Эйнхарда не вполне отвечает истине. Тексты Эйнхарда и Светония сходны, когда речь идет о макрокомпозиции. Однако медленное чтение античного и средневекового текстов обнаруживает изменения, обусловленные христианской традицией ученых повествований о героях. Если Светоний создает повествование, подобное дружеской беседе, в которой можно высказывать различные точки зрения, то Эйнхард пишет энкомий, который должен предложить читателям идеальный образ правителя. Его биография составлена по схеме «трех времен», которая используется для написания житий святых.

Ключевые слова: античная биография, средневековая биография, Светоний, Эйнхард, Карл Великий, жанр, структура, композиция, стиль, язык

Цитирование: Ненарокова М. Р. «Жизнь Карла Великого» Эйнхарда: диалог с античным жанром. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 140–149. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-140-149>

Поступила в редакцию 09.10.2023. Принята после рецензирования 22.11.2023. Принята в печать 04.12.2023.

full article

Einhard's *Vita Karoli Magni*: Dialogue with Classical Genre

Maria R. Nenarokova

A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow

<https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Scopus Author ID: 58111332700

maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract: *Vita Karoli Magni* (The Life of Charlemagne) was the first medieval biography. It was written by Einhard, a prominent figure of the Carolingian era, who used some biographies of Roman emperors by Suetonius. This article introduces a comparative analysis of Einhard's *Vita Karoli Magni* and Suetonius' biographies in terms of structure and composition. The main research objectives were to define to what degree Einhard followed the chosen pattern, as well as to identify the new features the medieval biography acquired as compared with the texts by Suetonius. The study involved descriptive, cultural-historical, comparative-historical, historical-genetic, and formal methods. The author questioned the generally accepted opinion that Einhard relied on Suetonius's texts. The texts by Einhard and Suetonius are similar in macro-composition, but the former was affected by the Christian tradition of heroic narrative. Suetonius's stories resembled a friendly conversation that could embrace different points of view. However, Einhard wrote an encomium that was to offer its readers an ideal image of a king. His biography was compiled according to the three-part scheme, typical of hagiographies.

Keywords: Roman biography, medieval biography, Suetonius, Einhard, Charlemagne, genre, structure, composition, style, language

Citation: Nenarokova M. R. Einhard's *Vita Karoli Magni*: Dialogue with Classical Genre. *SibScript*, 2024, 26(1): 140–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-140-149>

Received 9 Oct 2023. Accepted after peer review 22 Nov 2023. Accepted for publication 4 Dec 2023.

Введение

Интерес к жанру биографии во все времена был достаточно высок, но в настоящее время можно наблюдать особенный всплеск интереса к произведениям, относящимся к биографическому жанру: «биография занимает сейчас одно из центральных мест в читательских предпочтениях» [Ибрагимова 2013: 131]. По наблюдениям М. Б. Раренко, сегодня особенно востребованными оказываются журналы *Биография* и *Story* [Раренко 2017: 5], в которых освещается жизнь известных людей. Одной из семи номинаций Пулитцеровской премии является премия за биографию или автобиографию. Неудивительно, что этот литературный жанр привлекает внимание исследователей.

Изучение биографического жанра сегодня идет по нескольким направлениям. Поскольку, по мнению Е. А. Ивановой, «общепризнанное чёткое определение биографии» еще не выработано [Иванова 2012: 43], литературоведы стремятся восполнить этот пробел. На общем фоне выделяется работа А. А. Холикова «Биография писателя как жанр», отличающаяся глубокой проработкой темы [Холиков 2010]. Автор понимает биографию как «один из способов познания и реконструкции... личности в ее становлении и развитии», причем главным жанровым признаком биографии он считает «стремление третьего лица воссоздать словесными средствами целостный процесс становления, развития и деятельности исторической личности» [по: Иванова 2012: 43].

М. А. Козырева отмечает «внутреннюю противоречивость жанра» [Козырева 2014: 103]. На примере биографий, созданных Г. К. Честертонем, она приходит к выводу, что «в каждой отдельной биографии может превалировать документальное или художественное начало, реальность и вымысел» [Там же]. В зависимости от того, какое начало – документальное или художественное – преобладает в тексте, изменяется и стилистика [Варакина 2010: 90]. Формулировка «жанрово-стилевых и содержательных критериев» [Верещагина 2020: 304] биографии составляет

содержание исследований, посвященных этому жанру. Как считает Е. А. Иванова, для понимания природы жанра нужно уделять особое внимание «анализу функций тропов, форм нарратива и природы мифа» [Иванова 2012: 47] в биографии.

По наблюдениям исследователей, биографический жанр не однороден: существуют «академические, научные, популярные и художественные» [Иванова 2012: 46] биографии, возникают биографии смешанного типа, например, романы-биографии [Агапитова 2017: 185; Иванова 2012: 45], исторические биографии [Леонтьева 2020: 20], беллетризованные биографии [Верещагина 2020: 304–305]. В последнее время был описан поджанр философской биографии [Даренский 2018; Полякова 2011].

При том что исследования чаще всего проводятся на материале XX в. (например, работы Х. Ибрагимовой посвящены биографии в творчестве П. Акройда [Ибрагимова 2013], а М. А. Козырева опубликовала ряд статей об этом жанре в творчестве Г. К. Честертона [Козырева 2014]), существуют и медиэвистические исследования в области биографии. Таковы работы М. С. Петровой, в частности ее вступительная статья к изданию «Жизнь Карла Великого» [Петрова 2005]. Немало исследований посвящено истории жанра с античности до наших дней, например, [Раренко 2017; Холиков 2010].

Стоит, однако, отметить, что подавляющее большинство исследований посвящено содержательной стороне произведений биографического жанра, а структура и композиция биографии, ее связь с другими произведениями этого же жанра не изучаются. Данная статья, посвященная первой средневековой биографии – «Жизни Карла Великого» Эйнхарда, представляет собой попытку закрыть данную лауну в отношении этого произведения. Цель – проследить, насколько точно каролингский автор следует выбранному образцу; какие новые черты обретает средневековая биография по сравнению с текстами Светония.

Методы и материалы

Были использованы описательный, культурно-исторический, сравнительно-исторический, историко-генетический, формальный методы. Материалом стала «Жизнь Карла Великого»¹, написанная Эйнхардом, видным деятелем Каролингского Возрождения, писателем и историком, принадлежит к жанру биографии, заново созданному в средние века. Особенности структуры и композиции текста Эйнхарда сравниваются с текстами Светония, создавшего биографии римских императоров².

Результаты

Эйнхардов труд «равносилен открытию»³ [Brunhölzl 1990: 78], поскольку к VIII–IX вв., ко времени расцвета культуры при правителях династии Каролингов, «античная биография была забыта» [Ibid]. Возрождение было подготовлено литературной традицией, с которой автор, Эйнхард, познакомился еще в Фульде, учась в монастырской школе. Там он читал и Светония [Ibid], и Тацита [Sot, Veyrard-Cosme 2014: 880–881], и Цицерона [Innes 1997: 268–269], и других латинских писателей, изучение которых дало ему возможность не только отточить знание латинского языка и сформировать свой индивидуальный стиль, но и положить начало новому для средневековой Европы литературному жанру. Эйнхард, взяв за образец труд Светония, «хотел попытаться изобразить личность, а не строго исторический отчет» [Ibid: 267–268], да и цель его несколько отличалась от цели Светония: если древнеримский писатель хотел «сделать свое сочинение занимательным для массы читателей» [История римской литературы 1962: 339], а согласно М. Л. Гаспарову, «оценить деятельность императора» [Гаспаров 1993: 265], то Эйнхард писал о человеке, в котором он и его современники видели героя.

Характеристика «Жизни Карла Великого» как книги *воспоминаний о столь выдающемся муже* (ЖКВ: 53) сразу дает читателю понять, что личность Карла находится в центре повествования. Однако, если Светоний «стремится изолировать личность и жизнь своих героев от окружающей их среды и общего течения современной им государственной и общественной жизни» [История римской литературы 1962: 337], то Эйнхард

помещает личность Карла в исторический контекст, хотя события описывает крупными блоками, практически не детализируя описания. Так, вслед за Светонием Эйнхард стремится показать, «как вел себя император» [Гаспаров 1993: 264] на войне, средневековый писатель старается сохранить для будущих поколений наиболее важные факты. Рассказывая об аквитанской войне, Эйнхард подчеркивает, что такие качества характера Карла, как нежелание *прекратить начатое и оставить однажды взятое на себя бремя* (ЖКВ: 63), *выдержка и постоянство* (ЖКВ: 63) его натуры, проявились с самого начала. Эйнхард кратко рассказывает о двух взаимосвязанных эпизодах аквитанской войны. В отношении первого эпизода можно вспомнить слова М. Л. Гаспарова о Светонии: «о завоевании Британии он [Светоний] говорит в придаточном предложении, а о триумфе Клавдия – в главном» [Гаспаров 1993: 264]. Точно также и Эйнхард помещает сведения о возможном начале боевых действий в придаточное определительное предложение, а успеху Карла в предотвращении новой аквитанской войны посвящено главное предложение: *Ведь и Гунольда, который после смерти Вайфария попробовал занять Аквитанию и возобновить уже почти закончившуюся войну, он [Карл] принудил покинуть Аквитанию и уйти в Гасконь* (ЖКВ: 63).

С одной стороны, можно сказать, что Эйнхард, как и Светоний, «оставляет почти совершенно в стороне все остальные лица, ...игравшие роль в истории государства» [История римской литературы 1962: 337], поскольку, как правило, биограф Карла, рассказывая о военных подвигах своего *господина и воспитателя* (ЖКВ: 51), сосредоточивается на том, какие качества характера Карла проявляются во время той или иной войны, и на обстоятельствах, способствующих проявлению этих качеств. С другой стороны, в рассказах о войнах упоминаются враги и соратники или те, кто решил стать вассалом Карла, как упомянутый выше герцог Гаскони Луп, обладающий таким положительным качеством, как *здоровый смысл* (ЖКВ: 63).

Эйнхард называет в своем сочинении не только отдельных людей, выстраивающих отношения с Карлом, но и целые народы, что можно считать отступлением от выбранного им образца. В разделе,

¹ Эйнхард. Жизнь Карла Великого, вступ. ст., перевод, прим., указатели М. С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 304 с. Далее по тексту цитаты из книги приведены с указанием страниц в виде (ЖКВ). Все переводы, при которых отсутствует ссылка на издание «Эйнхард. Жизнь Карла Великого», выполнены автором статьи.

² Светоний Транквилл Г. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1993. 376 с. Далее – (Светоний).

³ Здесь и далее по тексту переводы цитат из научных источников выполнены автором статьи.

посвященном саксонской войне, встречаем характеристику саксов, причем она не приводится единым фрагментом текста, а разделена на три части. Первая часть характеристики, наиболее общая, приводится в начале раздела: *саксы... воинственны по природе, преданы почитанию демонов и являются противниками нашей религии* (ЖКВ: 67). Следствием духовного нечестия саксов становится нарушение ими заповеди о любви к Богу и ближнему: *они не считали нечестивым ни нарушать, ни преступать как божественные, так и человеческие законы* (ЖКВ: 67). При том что рассказ о целом народе не соответствует канону составления биографии, Эйнхард, как кажется, сохранил одну особенность светониева повествования – совмещение двух разных «историй» [Гаспаров 1993: 267], причем одна из них «перебивает» [Там же] другую. В данном случае рассказ о войне перебивается этнографическими зарисовками, пусть и очень краткими. К этому приему, заимствуя его у Светония, Эйнхард прибегает не раз. Например, повествование о затяжной войне с саксами прерывается рассказом о войне с басками.

Интересно, что Эйнхард ввел в рассказы о войнах, которые вел Карл, краткие описания природы. Конечно, изображение пейзажей в повествовании о войнах имеет вполне практические цели. Так, *непроходимые места, горные хребты и вздымающиеся к небу скалы, а также труднодоступные утесы* (ЖКВ: 67) Альпийских гор подчеркивают, с одной стороны, трудности военного похода против лангобардов, с другой – гений Карла-полководца, его стремление к победе. Описание границы между землями франков и саксов объясняет трудность сохранения мира между этими народами: *на равнине наши границы и [границы] саксов почти везде соседствовали, за исключением немногих мест, где большие леса и вклинившиеся утесы гор разделяли надежным рубежом поля и тех, и других* (ЖКВ: 67). Иными словами, граница была столь же ненадежна, сколь и сами саксы, и поэтому *ни дня не проходило без нарушения мира* (ЖКВ: 67). Причиной поражения арьергарда франкских войск в войне с басками оказываются особенности пейзажа: *характер места и теснин* (ЖКВ: 73), позволяющие нападать, *устроив засаду на самой вершине горы – ибо место, подходящее для устройства засады, находилось в густых лесах, которых там великое множество* (ЖКВ: 73).

Создавая биографии императоров, Светоний «старается по возможности короче сообщать о государственной деятельности императоров, приводя лишь те подробности, которые находятся в прямой и тесной связи с личностью императора, с обстоятельствами

личной его жизни, или указывают на те или другие стороны его характера» [История римской литературы 1962: 338]. Хотя Эйнхард сообщает читателям, что цель его труда состоит в том, чтобы рассказать о Карле как о человеке, тем не менее о деяниях своего героя биограф пишет достаточно много, причем, как оказывается, войны составляют лишь часть деятельности короля. Не меньшее значение Эйнхард придает и дипломатическим успехам Карла, стремившегося строить отношения с соседями не только огнем и мечом, но и предложениями мира и дружбы. Среди рассказов о том, как Карл *славу своего правления... приумножил, завязав дружбу с некоторыми королями и народами* (ЖКВ: 87), особенно выделяется история отношений короля франков с *королем Аароном Персидским* (ЖКВ: 87). Результатом дипломатических отношений стало присоединение *Гроба Господня и места воскресения Господа и Спасителя нашего... к владениям Карла* (ЖКВ: 87). Нарушая хронологию, что также характерно для светониева труда, взятого Эйнхардом за образец, биограф Карла побуждает читателей вернуться в прошлое, к началу дружбы двух великих государей: *А ведь несколькими годами ранее Аарон послал ему единственного имевшегося у него слона, ибо Карл попросил об этом* (ЖКВ: 87).

Последним и не самым обширным разделом повествования о деятельности Карла становится рассказ *о его свершениях... дома* (ЖКВ: 62), т. е. в границах своего государства, где король *начал множество работ по украшению и благоустройству, а некоторые даже завершил* (ЖКВ: 89).

С точки зрения композиции и структуры текста «Жизнь Карла Великого» состоит из трех частей: два пролога и собственно повествование. Первый по порядку следования пролог представляет собой краткое жизнеописание автора книги, Эйнхарда, составленное Валафридом Страбом. Из этого пролога, напоминающего современные предисловия к произведениям художественной литературы, мы узнаем не только факты биографии Эйнхарда, характеризующие его с наилучшей стороны, но и причину, по которой именно Эйнхард, *самый чтимый из находившихся при дворе в то время не только по причине своей учености, но и по достоинству личных качеств* (ЖКВ: 47), удостоился чести написать о Карле Великом: *он был настолько близок к королю, что ему самый мудрый и могущественный король своего времени доверял... многие секреты своей частной жизни* (ЖКВ: 49). Валафрид Страб пишет своего рода энкомий Эйнхарду, *чтобы в его словах никто не сомневался, зная, что*

Эйнхард отдаст тому, кто его возвысил, долг любви, а пытливому читателю – истинную правду (ЖКВ: 49).

Пролог сочинения как вид текста имеет свою топику и возможные варианты композиции. По мнению немецкого исследователя П. К. Якобсена, для написания своего пролога Эйнхард «взял идеи и формулировки предисловия к *Vita S. Martini* Сульпиция Севера» [Jacobsen 2005: 116], хотя «они не просто переносятся в другой текст, но модифицируются в соответствии с объектом, который рассматривается иначе или вовсе с противоположной точки зрения» [Ibid]. Однако внимательное чтение обоих текстов позволяет сделать иной вывод.

Сульпиций Север, для которого латинский язык был родным, строит свой пролог на основе тринадцати топосов, среди которых нет двух одинаковых. Один топос логически продолжает другой. Так, в начале пролога указывается, о ком написана книга, отмечается, что автор недостаточно одарен и образован, чтобы ее писать, но уступает просьбам друга. Поскольку автор уже сказал о своем недостатке, он просит снисхождения читателей. В центре пролога оказывается рассуждение о тщете земной славы, после чего логичны слова о том, что прославлять нужно истинных героев, святых. В конце пролога находим топосы *краткость как забота о читателе* и *достоверность рассказанного* [Sulpicius Severus... 2017].

В отличие от пролога Сульпиция Севера, отражающего непрерывное течение мысли автора, пролог Эйнхарда состоит из двух частей. В нем можно выделить топосы, три из которых повторяются во второй части. Пять топосов совпадают с тем набором, который находим у Сульпиция, но они стоят в ином порядке: имя героя книги, краткость как забота о читателе, достоверность повествования, сохранение памяти об истинных героях, недостаток автора. Три топоса – имя героя, необходимость сохранить память о герое, недостаток автора – повторяются в заключительной части пролога. Последний из повторяющихся топосов – недостаток автора – не только используется еще раз, но и подкреплен ссылкой на авторитет: находим цитату из «Тускуланских бесед» Цицерона (ЖКВ: 53). Центральную часть пролога занимает объяснение причин, которые побудили Эйнхарда написать книгу о Карле.

Такой состав текста позволяет утверждать, что сочинение Сульпиция Севера могло быть известно Эйнхарду, но не послужило образцом для его собственного пролога. Хорошее знакомство с античной риторикой позволило Эйнхарду написать

самостоятельный текст. Если же сравнить топику прологов, то можно предположить, что оба автора получили сходное образование, в основу которого была положена программа античной школы.

Как обоснованно считают исследователи творчества Эйнхарда, написание «Жизни Карла Великого» «немыслимо без образца Светония» [Brunhölzl 1990: 79]. Так, в том, что Эйнхард не пишет о детстве Карла, исследователи узнают его обращение к «Светониевой модели» [Innes 1997: 267], однако сравнение светониева жизнеописания Августа, которое считают моделью для биографии Карла, и текста Эйнхарда не дает оснований для такого заключения, поскольку Светоний пересказывает несколько эпизодов из детства Августа (Светоний: 36–37). Как кажется, для Эйнхарда как историка в первую очередь важна достоверность повествования, сам он застал Карла уже взрослым человеком, а записанных рассказов о детстве своего господина он не обнаружил, хотя еще в прологе он отмечает, что был очень близок к семье Карла, настолько близок, что ощущает неразрывность этой связи *и в жизни своей, и в смерти* (ЖКВ: 53). Эйнхард мог бы выступить в качестве носителя устной традиции, так же как он свидетельствует о славных деяниях Карла как очевидец, однако он этого не делает, ссылаясь на отсутствие данных в «Анналах королевства франков», которые он использовал при написании биографии Карла. Как правило, Светоний сообщает хотя бы отрывочные факты о детстве римских императоров, но биография другого римского императора, Юлия Цезаря, неполна (Светоний: 5), начало ее утеряно, что, вероятно, оправдывало отсутствие рассказа о детстве Карла в тексте Эйнхарда.

У Светония позаимствовал Эйнхард *divisio*, «перечень тех пунктов, которые в дальнейшем подлежат рассмотрению» [Альбрехт 2005: 1527]. Рассказав о том, как род Каролингов получил королевскую власть, и перечислив предшественников Карла на троне, Эйнхард сообщает своим читателям план, по которому он будет описывать жизнь Карла. Он предполагает *перейти к изложению и изображению деяний, нравов и других сторон его жизни, однако так, чтобы вначале рассказать о его свершениях как дома, так и вне его; затем – о его нраве и занятиях, а после – об управлении королевством и его смерти, не пропустив ничего достойного и необходимого для знания* (ЖКВ: 61, 63). Благодаря такому четкому плану сочинение Эйнхарда предстает перед читателями не как «бессвязное повествование, а как умело организованное и ясное описание человека и его деяний» [Previte Orton 1915: 187].

В тексте легко определить фрагменты, своего рода блоки, в которых раскрываются отдельные темы, не выходящие за пределы этих фрагментов. Так, рассказывая в соответствии с *divisio* о деяниях Карла, Эйнхард начинает повествование о войнах, которые вел Карл, словами: *Из всех войн, которые он вел...* (ЖКВ: 63). Эта фраза становится маркером новой, обширной темы, которая далее разделяется на подтемы и, следовательно, отдельные главы. Переход к следующей подтеме осуществляется посредством повторения информации, например: *Приведа в порядок дела в Аквитании и закончив войну...* (ЖКВ: 65).

Переключение от одной темы к другой, в данном случае от рассказа о войнах, которые вел Карл, к его политике в мирное время, осуществляется при помощи довольно большого отрезка текста, в котором Эйнхард подводит итоги военных подвигов короля. Этот фрагмент начинается фразой: *Таковы были войны, которые с великой мудростью и удачей вел самый могущественный король в различных частях земли в течение 47 лет (ведь столько лет он царствовал)* (ЖКВ: 83). Сам фрагмент содержит перечисление земель и народов, которые Карл присоединил к своему государству. Это описание новых пределов королевства франков заставляет вспомнить исторические сочинения Тацита и традицию средневековой историографии, что отмечалось выше.

Военная тема охватывает несколько небольших разделов, каждый из которых посвящен одной отдельно взятой войне. Чтобы избежать однообразия, Эйнхард начинает эти разделы близкими по значению фразами, выражениями, целыми предложениями, однако слово *bellum* (война) в разных грамматических формах повторяется практически везде. Здесь очевидно влияние Светония, начинавшего «каждую рубрику и подрубрику... ключевым словом, как в словаре» [Гаспаров 1993: 266], причем начало упомянутых разделов у Эйнхарда тематически одинаково, хотя и по-разному оформлено лексически.

Повествование о частной жизни Карла столь же обширно, но гораздо более пестро, в отличие от описания его деятельности по защите своего государства и расширению его границ. По наблюдению М. Иннеса, оно «организовано не вокруг современных христианских добродетелей, а вокруг набора классических признаков» героя [Innes 1997: 268], однако это утверждение не совсем верно, что будет прокомментировано ниже. При том что каждый раздел посвящен какой-то стороне жизни или характера Карла, и, следовательно, зачины не повторяются, тем не менее светониев принцип

«ключевых слов» [Гаспаров 1993: 266] сохраняется в полной мере: например, раздел, начинающийся словами *Liberos suos...* (ЖКВ: 94) (*Своих детей...*), рассказывает об отношениях Карла с детьми и от жен, и от наложниц, о том, как он заботился об образовании как мальчиков, так и девочек, как страдал, пережив *смерть своих сыновей и дочерей* (ЖКВ: 97).

С точки зрения макрокомпозиции в первой части «Жизни Карла Великого» выделяются разделы 1, 5, 6, 10, 11, 14, из которых читатель узнает о других правителях и представителях знати – предшественниках и современниках Карла. Их портреты, иногда довольно подробные, но чаще всего краткие, демонстрирующие самую заметную черту характера человека, являются своего рода вехами повествования, не только позволяют избавиться повествование от монотонности, но и создают фон, на котором личность Карла воспринимается более объемно подобно барельефу. Такой способ подчеркнуть наилучшие качества героя Эйнхард позаимствовал у Светония: по наблюдениям М. Л. Гаспарова, «чтобы оценить деятельность императора, нужно сопоставить ее с деятельностью других императоров и с требованиями, предъявляемыми к идеальному правителю» [Гаспаров 1993: 265]. У Эйнхарда в роли идеального правителя выступает сам Карл.

«Жизнь Карла Великого» начинается с рассказа о королях предыдущей династии. И род Меровингов, и последний король из этой династии – Хильдерик – являются антиподами Карла: *уже давно в роду том не было никакой жизненной силы и ничего замечательного, кроме пустого царского звания* (ЖКВ: 55), а Хильдерик приходилось лишь принимать *вид правящего* (ЖКВ: 55) и давать *ответы, которые ему советовали или даже приказывали дать* (ЖКВ: 55). Полной несамостоятельности Хильдерика в делах управления государством соответствовала и его полная зависимость от тех, кто действовал от его имени: король получал *содержание, выдаваемое ему из милости на проживание* (ЖКВ: 55). Рассказ о безвольном и бесполезном правителе становится отправной точкой в создании образа Карла, полной противоположности Хильдерика.

Стойкость в трудностях (ЖКВ: 71), *размышления о пользе для народа* (ЖКВ: 74), необыкновенные душевные качества Карла естественным образом противопоставляются *упрямству* (ЖКВ: 74) италийского герцога Арагиса, *высокомерию и беспечности* (ЖКВ: 77) баварского герцога Тассилона, *пустой спеси* (ЖКВ: 83) и *пиратству* (ЖКВ: 83) норманна Годфрида

и даже *зависти ромейских императоров* (ЖКВ: 115), которую *Карл победил своим великодушием* (ЖКВ: 115).

Позволяя читателю самому сложить из перечисленных черт характера полный портрет своего героя, Эйнхард следует Светонию, изложение которого, согласно М. Л. Гаспарову, «складывается из мелких черточек и фактов, как мозаичная картина <...>, при обычном беглом читательском восприятии все сливается в цельный и неповторимый образ, прочно остающийся в памяти» [Гаспаров 1993: 269–270].

Есть и еще один элемент повествования, который Эйнхард вводит в свой текст по примеру Светония: это знамения, указывающие на близкую кончину Карла, настолько необычные, что и Карл, и его приближенные *увидели в них угрозу* (ЖКВ: 121). Эйнхард упоминает и *частые затмения и солнца, и луны* (ЖКВ: 121), и обрушение *порттика, что был сооружен между базиликой и дворцом* (ЖКВ: 121), и *сгоревший за три часа мост через Рейн возле Могонтиака* (ЖКВ: 121), и, возможно, явление кометы, и даже падение Карла с лошади. Как пишет М. Альбрехт, упоминание о предзнаменованиях «выполняет литературные задачи: оно подчеркивает определенную последовательность мотивов» [Альбрехт 2005: 1525]. Однако в использовании этого элемента у Светония и Эйнхарда есть разница: в повествовании Светония *дела веры и суеверия* (Светоний: 69) являются неотъемлемой частью жизни императора Августа – язычника, поэтому писатель приводит самые разные знамения, которые Август наблюдал в течение жизни. С точки зрения композиции раздел о предзнаменованиях предшествует разделу о кончине и погребении римского императора. Эйнхард же пишет о христианине, который, следуя своей вере, не должен придавать значение приметам и суевериям. О знамениях, предвещающих смерть Карла, рассказывается уже после описания последних дней его земной жизни и похорон. Таким образом, они становятся частью посмертного прославления Карла, что отвечает правилам составления похвального слова герою.

Ставя себе целью рассказ об образе жизни Карла, т. е. об отражении личности в повседневности, Эйнхард, как кажется, осуществляет наиболее заметное читателю заимствование у Светония, а именно: состав биографии, соответствующий «римским мыслительным стереотипам» [Альбрехт 2005: 1523]. Однако «типично римская форма биографии» [Там же], созданная Светонием, не может считаться единственным образцом описания человеческой жизни в эпоху Каролингов. Выработанный Светонием план

соединения элементов биографии постепенно превратился в довольно жесткую и устойчивую схему – рассказ о «трех временах» человеческой жизни, которая с распространением христианства стала применяться для написания житий святых. Эта схема была известна всей средневековой Европе благодаря «Этимологиям», энциклопедическому труду св. Исидора Севильского, который процитировал высказывание ритора Эмпория (V в.): «мы восхваляем некоего мужа в связи с тем, что было до него, что было в нем самом и что было после него. До него, его род и отечество; в нем самом, каково его имя, воспитание, каковы его обычаи, внешность и деяния; после него, каков сам исход его жизни, каково мнение, доставшееся усопшему» [Curtius 1973: 156]. Учась в монастырской школе Фульды, Эйнхард мог познакомиться с распространенными в Средние века учебниками риторики – с «Риторикой к Гереннию» и с трактатом Цицерона «О нахождении», в которых схема «трех времен» разбиралась подробно и перечислялись топоры, необходимые для написания каждого «времени». Кроме того, свидетельство о том, что Эйнхард читал сочинения Цицерона, находим и в его прологе, где упоминаются знаменитые «Тускуланские беседы» и к месту приводится цитата из этого произведения (ЖКВ: 53). Практическую реализацию схемы биографии Эйнхард мог обнаружить в сочинениях агиографического жанра. Ранее отмечалось, что ему была знакома *Vita S. Martini* (396 г.) Сульпиция Севера, созданная задолго до того, как светониев план составления биографии был возведен в правило.

По сравнению с биографиями Светония сочинение Эйнхарда написано сухо и схематично: если говорить о «первом времени» жизни Карла, то рассказ о нем включает только сведения о «роде и отечестве» [Curtius 1973: 156], т. е. о предках великого короля, а какие-либо сведения о его детских годах и воспитании отсутствуют, *поскольку в анналах ничего нигде не сказано и никого, кто бы мог утверждать, что имеет знания о [тех событиях], в живых не осталось* (ЖКВ: 61, 63). Не описаны и случаи из жизни, иллюстрирующие взаимоотношения Карла с конкретными людьми.

Биография Карла начинается с рассказа о его деяниях, которые являются необходимым элементом «второго времени» жизни героя. Рассказ о Карле начинается прямо с его деяний, т. е. с войн, которые он вел против внешних врагов Франкского королевства. При этом топор *образование* все же реализуется, но позже, в разделе, где говорится об ораторских способностях Карла. Перед читателем предстает уже немолодой

человек, отец большой семьи, правитель множества земель, который тем не менее *усердно занимался свободными искусствами* (ЖКВ: 109) и даже старался научиться писать.

Порядок топосов у Эйнхарда по сравнению с тем, что находим в биографии Августа, изменен и, можно сказать, выстроен логически. Светоний описывает привычки, качества характера, интересы Августа в кажущемся беспорядке, и это сообщает его тексту доверительную интонацию дружеской беседы: начиная с упоминания о том, что Август стремился вернуть Рим к старинным обычаям и *даже одежду и платье... старался возродить древние* (Светоний: 51), Светоний переходит к щедрости императора, к заботе о пропитании народа, к его милосердию. Далее следуют небольшие разделы о пристрастии к простоте в быту, о простой пище, которую любил император, о его распорядке дня, внешности, слабом здоровье. Несколько разделов посвящены образованности Августа, его любви к красноречию, свободным искусствам, философии, изучению греческого языка. Отдельно говорится о вере и суевериях Августа, причем этот раздел помещен до описания его смерти и погребения.

Сохраняя практически всю топику Светония, Эйнхард меняет порядок следования элементов повествования. Для него как для германца в первую очередь важна семья, и он последовательно рассказывает об отношениях Карла с братом, с матерью, с детьми от разных браков. Отдельно идет история о сыне Пипине от некой безымянной наложницы: *красивый лицом, но обезображенный горбом* (ЖКВ: 99). Горб выдает испорченную натуру юноши: ведь он *составил заговор против отца* (ЖКВ: 99), желая захватить власть. История недостойного сына становится некой параллелью к истории недостойной дочери в биографии Августа.

Далее Эйнхард переходит к похвале Карлу *из вещей внешних, тела, духа* [цит. по: Ненарокова 2003: 165], как это предписывает «Риторика к Гереннию». Даже занятиям *греческой словесностью* (Светоний: 68) Августа соответствует изучение Карлом греческого языка, хотя, как отмечает Эйнхард, *по-гречески он больше понимал, нежели говорил* (ЖКВ: 109).

Возвращаясь к мнению М. Иннеса, можно отметить, что «набор классических признаков» [Innes 1997: 268], необходимых для составления биографии человека, является лишь некой достаточно абстрактной схемой, планом рассказа, а какие факты выбираются для написания сочинения, зависит от автора. Изменение культурно-исторической ситуации приводит к созданию новой шкалы ценностных установок, и потому

в биографии, написанной Эйнхардом, переосмысляются античные признаки и появляются новые, христианские.

Описывая последние дни земной жизни государя, Эйнхард не использует элемент, характерный для биографий Светония, а именно: «*ultima verba*, "предсмертные слова"» [Альбрехт 2005: 1525]. Время, когда они были произнесены, уже принадлежит вечности: *На седьмой день после того, как он слег в постель, Карл, приняв святое причастие, скончался. Это случилось на семьдесят втором году его жизни* (ЖКВ: 119). Причастие сопровождается исповедью, но эти предсмертные слова предназначаются не людям, а Богу, поэтому их невозможно поместить в биографию Карла. Остальными элементами рассказа о «третьем времени» становятся свидетельства посмертной славы Карла: его погребение, памятник над гробницей, завещание. Этот раздел гораздо более обширен, чем у Светония. Как кажется, подробное изложение посмертных даров Карла объясняется не только тем, что это факт его биографии, но и тем, что в категориях германской культуры «богатство может цениться лишь постольку, поскольку оно способствует достижению славы и общественного уважения... для этого надобно не накапливать богатства, а расточать, раздаривать, расходовать на пиры, короче говоря, превращать в знак личной доблести» [Гуревич 1972: 217]. Раздача королевских богатств, подробно описанная Эйнхардом, не только является необходимым актом устройства земных дел, но и материальным воплощением великой славы Карла.

Заключение

Сравнение текстов Светония и Эйнхарда показывает, что часто повторяемое мнение о биографиях римских императоров как образце для Эйнхарда одновременно и справедливо, и в то же время не вполне отвечает истине. Параллели между жизнеописаниями императора Августа и Карла Великого очевидны, если речь идет о макрокомпозиции, о сходстве двух текстов в общих чертах. Однако медленное чтение обоих текстов сразу обнаруживает смещение акцентов, обусловленное более поздней, христианской, традицией ученых повествований о героях. Влияния Светония отрицать нельзя, но это Светоний, увиденный сквозь стекло средневековой школьной практики составления похвальных речей.

Внимательное чтение «Жизни Карла Великого» позволяет понять, что при всей кажущейся зависимости сочинения Эйнхарда от текста-источника различия, пусть и незаметные на первый взгляд, достаточно

значительны. Разные цели, которые ставили перед собой Светоний и Эйнхард, сообщают их сочинениям столь же различную направленность: если повествование Светония подобно дружеской беседе, в которой можно высказывать противоположные точки зрения на предмет обсуждения – вплоть до спора и негативных оценок, то Эйнхард пишет энкомий, похвалу, которая должна сохранить для грядущих поколений идеальный образ Карла и предложить им образец, которому будущие правители могли бы подражать. Выбор биографий римских императоров, созданных Светонием, в качестве образца для написания биографии Карла имеет смысл не только с точки зрения литературной преемственности и высокого качества модели, в соответствии с которой можно создать собственное безупречное произведение, но и с политической точки зрения: идея *translationis imperii*, укоренившаяся в сознании каролингских правителей и их ученого окружения, получала здесь выражение в том, что Карл становится преемником римских императоров как правитель нового Рима. Структура и композиция повествования в стиле доверительного разговора, характерном для светониевых

биографий, здесь совершенно не подходит, а схема «трех времен» жизни, которую используют агиографы для написания текстов о христианских героях – святых, напротив, подходит как нельзя лучше. Ею и пользуется Эйнхард, как бы накладывая ее поверх светониева *divisio*. Уважительное, но вовсе не рабское следование античному образцу свидетельствует не только о литературном даровании Эйнхарда, но и о его свободном владении латынью, хотя это и не родной его язык, и о прекрасном знании правил античной риторики, которые он с легкостью применял при создании собственного сочинения. Все это позволило Эйнхарду не только сохранить в веках образ великого императора франков, но и самому остаться в истории литературы как талантливому писателю и создателю нового жанра.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Агапитова Е. К. Влияние жанра античной биографии на становление романа. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2017. № 2. С. 184–190. [Agapitova E. K. The impact of the Antique biography genre on the novel's rise and development. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2017, (2): 184–190. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zgmukl>
- Альбрехт М. фон. История римской литературы от Андроника до Боэция и ее влияние на позднейшие эпохи. М: Греко-лат. каб. Ю. А. Шичалина, 2005. Т. 3. С. 1404–2001. [Albrecht M. von. *History of Roman Literature from Andronicus to Boethius and its influence on later eras*. Moscow: Greko-lat. kab. Iu. A. Shichalina, 2005, vol. 3, 1404–2001. (In Russ.)]
- Варакина Е. Р. Рец.: Холиков А. А. Биография писателя как жанр: учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 96 с. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология*. 2010. № 1. С. 87–95. [Varakina E. R. Review: Kholikov A. A. Biography of a writer as a genre: Textbook. Moscow: LIBROKOM, 2010, 96. *Vestnik PSTGU. Seriya III: Filologiya*, 2010, (1): 87–95. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lbdodr>
- Верещагина К. А. Биография как научно-популярный жанр (по материалам биографий В. М. Головнина). *Мир науки, культуры, образования*. 2020. № 4. С. 304–307. [Vereshchagina K. A. Biography as a scientific-popular genre (on the materials of biographies of V. M. Golovnin). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2020, (4): 304–307. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nkotla>
- Гаспаров М. Л. Светоний и его книга. In: Светоний Транквилл Г. *Жизнь двенадцати цезарей*. М.: Наука, 1993. С. 258–272. [Gasparov M. L. Suetonius and his book. In: Suetonius Tranquillus G. *The Lives of the Twelve Caesars*. Moscow: Nauka, 1993, 258–272. (In Russ.)]
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с. [Gurevich A. Ya. *Categories of medieval culture*. Moscow: Iskusstvo, 1972, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sgtain>
- Даренский В. Ю. Биография как философский жанр: поэтика микрокосма. *Международный журнал исследований культуры*. 2018. № 1. С. 12–22. [Darenskiy V. Yu. Biography as a literary form of philosophizing. *International Journal of Cultural Research*, 2018, (1): 12–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xnkeff>

- Ибрагимова Х. Биографический жанр в английской литературе XX века (на материале романа-биографии Питера Акройда «Лондон»). *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*. 2013. Т. 26. № 1-1. С. 130–135. [Ibragimova Kh. Biographical genre in English literature of the XX century (based on the novel – biography "London" of Peter Ackroyd). *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seria: Filologiya. Sotsialnye kommunikatsii*, 2013, 26(1-1): 130–135. (In Russ.)]
- Иванова Е. А. Теоретические основы и актуальные проблемы жанра биографии. *Известия Саратовского Университета. Новая серия. Серия: Филология, журналистика*. 2012. Т. 12. № 3. С. 43–49. [Ivanova E. A. Theoretical principles and current issues of the biography genre. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2012, 12(3): 43–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pmyksz>
- История римской литературы, ред. С. И. Соболевский, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровский. М.: АН СССР, 1962. Т. 2. 484 с. [*History of Roman Literature*, eds. Sobolevsky S. I., Grabar-Passek M. E., Petrovsky F. A. Moscow: AS USSR, 1962, vol. 2, 484. (In Russ.)]
- Козырева М. А. «Святой Фома Аквинский» Г. К. Честертон. Трансформация жанра биографии. *Филология и культура*. 2014. № 3. С. 103–106. [Kozyreva M. A. "Saint Thomas Aquinas" by G. K. Chesterton. Transformation of the genre form. *Philology and Culture*, 2014, (3): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/thzqtd>
- Леонтьева О. Б. Судьба человека на перекрестье жанров: исторический роман и историческая биография. *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете*. 2020. Т. 40. № 4. С. 19–29. [Leontieva O. B. The fate of a person at the crossroads of genres: Historical novel and historical biography. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*, 2020, 40(4): 19–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/iafwpc>
- Ненарокова М. Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2003. 272 с. [Nenarokova M. R. *Venerable Bede: rhetorician, hagiographer, and preacher*. Moscow: IMLI RAS, 2003, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qquftn>
- Петрова М. С. Эйнхард: историк в истории. In: Эйнхард. *Жизнь Карла Великого*, вступ. ст., перевод, прим., указатели М. С. Петровой. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. С. 7–45. [Petrova M. S. Einhard: historian in history. In: Einhard. *Life of Charlemagne*, introduction, translation, notes, and indexes by M. S. Petrova. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas, 2005, 7–45. (In Russ.)]
- Полякова И. А. Философская биография: Владимир Соловьев и Владимир Эрн как новаторы жанра. *Соловьевские исследования*. 2011. № 4. С. 146–156. [Polyakova I. A. Philosophical biography: Vladimir Solovyov and Vladimir Ern as innovators of the genre. *Solovyov Studies*, 2011, (4): 146–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/okcyvx>
- Раренко М. Б. Биография: эволюция и гибридизация жанра: аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017. 68 с. [Rarenko M. B. *Biography: Evolution and hybridization of the genre: Analytical review*. Moscow: INION RAS, 2017, 68. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvkhil>
- Холиков А. А. Биография писателя как жанр. М.: URSS, 2010. 91 с. [Kholikov A. A. *Biography of a writer as a genre*. Moscow: URSS, 2010, 91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/quojcd>
- Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. Princeton: Princeton University Press, 1973, 755.
- Brunhölzl F. *Histoire de la Littérature Latine du moyen âge*. Turnhout, 1990, tome 1, vol. 2, 328.
- Innes M. The classical tradition in the Carolingian Renaissance: Ninth-century Encounters with Suetonius. *International Journal of the Classical Tradition*, 1997, 3(3): 265–282.
- Jacobsen P. C. Il Secolo IX. Letteratura Latina Medievale (Secoli VI–XV), a cura di C. Leonardi. *Firenze Sismel Edizioni del Galluzzo*, 2005, 75–151.
- Previte Orton C. W. Review of Einhard's Life of Charlemagne, by H. W. Garrod & R. B. Mowat. *The Classical Review*, 1915, 29(6): 186–188.
- Sot M., Veyrard-Cosme C. The Life of Charlemagne: The issues surrounding a new translation. *Revue historique*, 2014, 672(4): 875–887. <https://doi.org/10.3917/rhis.144.0875>
- Sulpicius Severus' Vita S. Martini*, ed. P. Burton. Oxford: Oxford University Press, 2017, 368.

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/zidwvl>

Формы и функции речевого общения в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского

Рудакова Светлана Викторовна

Магнитогорский государственный технический университет

им. Г. И. Носова, Россия, Магнитогорск

<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>

Scopus Author ID: 57191910141

rudakovamasu@mail.ru

Зайцева Татьяна Борисовна

Магнитогорский государственный технический университет

им. Г. И. Носова, Россия, Магнитогорск

<https://orcid.org/0000-0003-3440-2473>

Scopus Author ID: 57191908746

Власкин Александр Петрович

независимый исследователь, Россия, Магнитогорск

<https://orcid.org/0000-0002-8510-6685>

Аннотация: Актуальность статьи состоит в обращении к Ф. М. Достоевскому, творчество которого созвучно нашему времени. Писатель задумывался и осмысливал проблемы, волнующие представителей и XXI века. Среди вопросов, на которые отзывается автор, оказывается и проблема общения, речевого взаимодействия героев, одна из обсуждаемых проблем в современной гуманитаристике. Основное внимание в статье сосредоточено на анализе романа Ф. М. Достоевского «Бесы». На основе системного подхода, а также герменевтического, аналитического, статистического методов анализа художественного текста исследована проблема общения в произведении русского писателя. Рассмотрены особенности речевого вхождения в роман основных героев, выявлены главные приметы их речевого портрета. Герои Ф. М. Достоевского, на которых сфокусировано внимание: Дарья Шатова, Петр Верховенский, Ставрогин, Лебядкин, Марья Лебядкина, Кириллов. Рассмотрены разнообразные формы и функции речевого общения. Выявлено, что Ф. М. Достоевский потребность в общении для человека понимает как одну из самых основных и стойких. Герои автора испытываются им, в том числе в отношении этой потребности. Именно в общении проявляется и позиция героев, и их жизненная состоятельность.

Ключевые слова: Достоевский, «Бесы», общение, формы речевого общения, функции речевого общения

Цитирование: Рудакова С. В., Зайцева Т. Б., Власкин А. П. Формы и функции речевого общения в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского. *СибСкрипт*. 2024. Т. 26. № 1. С. 150–160. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-1-150-160>

Поступила в редакцию 02.10.2023. Принята после рецензирования 13.11.2023. Принята в печать 20.11.2023.

full article

Forms and Functions of Speech Communication in F. M. Dostoevsky's *Demons*

Svetlana V. Rudakova

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk

<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>

Scopus Author ID: 57191910141

rudakovamasu@mail.ru

Tatyana B. Zaitseva

Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk

<https://orcid.org/0000-0003-3440-2473>

Scopus Author ID: 57191908746

Alexandr P. Vlaskin

independent researcher, Russia, Magnitogorsk

<https://orcid.org/0000-0002-8510-6685>

Abstract: Fyodor Dostoevsky's novels resonate with the vibes of the current epoch: the fundamental issues that his personages tried to fathom are as relevant now as they were in the XIX century. The problem of communication is one of such issues: oral verbal interaction between people is one of the most disputed problems in modern humanities. The authors relied on the systematic approach, as well as on hermeneutical, analytical, and statistical methods,

to analyze the peculiarities of verbal communication in F. M. Dostoevsky's *Demons*. The analysis covered the way the author introduced the main characters (Daria Shatova, Pyotr Verkhovensky, Stavrogin, Lebyadkin, Marya Lebyadkina, Kirillov) through their speech and made it possible to build their speech profiles. As for the forms and functions of speech communication, the authors believe that F. M. Dostoevsky understood the need for human communication as fundamental and urgent. The writer tested his personages for this need: it was through interpersonal communication that Dostoevsky's characters manifested their existence and attitudes.

Keywords: Dostoevsky, Demons, communication, forms of speech communication, functions of speech communication

Citation: Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Vlaskin A. P. Forms and Functions of Speech Communication in F. M. Dostoevsky's *Demons*. *SibScript*, 2024, 26(1): 150–160. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-25-1-150-160>

Received 2 Oct 2023. Accepted after peer review 13 Nov 2023. Accepted for publication 20 Nov 2023.

Введение

В современном мире как в гуманитарной, так и в социальной сфере возрастает интерес к проблеме коммуникации, общения, диалога, что обуславливает появление множества работ, посвященных этому вопросу, в том числе и тех, в которых систематизируются и классифицируются подходы к изучению данного феномена. Так, в ряде исследований доказывалось, что коммуникация, общение являются основной целью существования языка [Иссерс 2020], что диалог – это своеобразное взаимодействие собеседников [Грайс 1985]. Предлагается это речевое взаимодействие рассматривать в когнитивно-дискурсивном [Баженова 2021; 2022], в коммуникативно-прагматическом [Баранов, Крейдлин 1992; Падучева 1982], в коммуникативно-стилистическом [Винокур 2007] аспектах и с использованием принципов современного дискурс-анализа [Матвеева 1994]. При изучении коммуникации выделяют и различные способы речевого воздействия одного собеседника на другого [Баженова 2021; Винокур 2007; Стернин 2012].

«О формах и путях человеческого общения художественная литература дает нам узнать больше, чем может дать наука» [Днепров 1978: 150]. Это справедливое замечание В. Д. Днепровского позволяет понять, почему проблема общения часто привлекает внимание исследователей творчества того или иного писателя [Баженова 2022; Пруцков 1979; Сливицкая 1988]. Все, что может заинтересовать в произведении, приходит через общение – героев между собой, с самими собой и с целым миром, а также автора с читателями. Внимание к бытию героев – это внимание к самому состоянию общения, к его содержанию и качеству. Потому что «быть – значит общаться. <...> Быть – значит быть для Другого и через него – для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь

себя, он смотрит в глаза другому или глазами другого» [Бахтин 1979b: 312].

Ф. М. Достоевский в осмыслении и представлении общения, как и во многом другом, оказывается самообытным художником и мыслителем. Крупнейшие реалисты, его современники – И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой – также придавали общению героев огромное значение. У них оно могло играть важную роль в становлении и раскрытии образов героев, в движении сюжета. Но общение никогда не ставилось в произведениях этих писателей в центр внимания, никогда не становилось целью художественного исследования жизни. У Ф. М. Достоевского же с самых первых его шагов в мире литературы общение выводится на передний план. Уже в «Бедных людях» оно, например, прямо определяет жанр – роман в письмах, поэтому вне общения Макара Девушкина и Вареньки Доброселовой вообще не остается никакого содержания. Более того, общение героев раскрывается здесь как одна из основных жизненных ценностей. Пока существует возможность общения с близкой душой, ничего для Макара до конца не потеряно. С утратой этой возможности теряется и всякая жизненная перспектива (I: 107).

Если в первом романе Ф. М. Достоевского общение было главной, но однозначно понятой жизненной ценностью, в свете которой и представлено все содержание произведения, то в последующем творчестве писатель исследует эту ценность всесторонне. Его герои пытаются, например, от общения с окружающими отказываться – появляется тип *подпольного сознания*. Ф. М. Достоевского при этом занимают вопросы: насколько серьезными могут быть претензии на принципиальное одиночество? Может ли человек его вынести и как долго? Какими последствиями для него это обернется?

Методы и материалы

Методология данной работы определяется использованием системного подхода, герменевтического, аналитического, статистического методов анализа художественного текста. Источником литературного материала стали тексты Ф. М. Достоевского из его полного собрания сочинений¹ и Национальный корпус русского языка (НКРЯ)². В НКРЯ в подкорпусе художественных произведений Ф. М. Достоевского выявлено 26 документов, содержащих 1655264 слова, в подкорпусе «Бесы» Ф. М. Достоевского в 1 документе – 208384 слова.

Результаты

У Ф. М. Достоевского в самых разных произведениях (в ранних и поздних) можно найти всю палитру богатых возможностей человеческого общения. В этом отношении он сопоставим с Л. Н. Толстым [Пруцков 1979; Сливичкая 1988]. У обоих «общение взглядом», например, «заклучает в себе целый мир психологического и даже философского содержания» [Днепров 1978: 152]. А ведь есть еще язык интонации, мимики, жеста, позы – невербальные компоненты общения. Понимание важности общения, коммуникации в романах Ф. М. Достоевского отмечалось немногими исследователями [Баженова 2022; Бахтин 1979а; Жуков 2020; Исупов 2003].

Наше внимание будет сосредоточено на анализе особенностей общения героев романа «Бесы». Обусловлен этот выбор несколькими факторами. Интерес к этому, как и другим романам Ф. М. Достоевского, не ослабевает. Однако в фокусе внимания исследователей оказываются вопросы мифологии власти [Postnikova et al. 2017], вопросы поэтики романа [Баталова 2020; Дубеник 2010; Колпаков 2002; Неклюдов 2010], идеологические аспекты [Власкин и др. 2019: 46; Володин 1989], систематизация оценок и подходов исследователей к анализу этого произведения [Бялик 1983], особенности восприятия этого произведения в культурно-историческом пространстве России 1860-х гг. [Белов 2013]. К проблеме же коммуникации в романе «Бесы» обращались только несколько исследователей, затрагивая вопрос о классификации диалогов в этом произведении [Рождественская, Эсалнек 2018], о специфике диалога поколений [Терентьев 2022], о сплетне, побуждающей читателя задуматься о коммуникации [Пируская 2015].

Как представляется нам, в «Бесах» общению героев по сравнению с иными романами уделяется особое внимание писателя. В двух предыдущих («Преступление и наказание», «Идиот») образная структура была во многом как бы центростремительной. Несмотря на все противоречивое многообразие воспроизводимой действительности, в обоих случаях единый центр – образ главного героя – ориентировал на себя весь художественный материал и читательское внимание. Вокруг Раскольникова и Мышкина нет «конкурентов» по значимости судьбы, образа, его роли в сюжете. В «Бесах» же конкуренты по названым показателям есть. Сразу несколько персонажей претендуют здесь на роль центрального героя – это Ставрогин, Петр Верховенский, Степан Трофимович Верховенский и, наконец, (согласно точке зрения Ю. Ф. Карякина [Карякин 1983; 1989]) и сам рассказчик-Хроникер. Таким образом, романная структура здесь, скорее, центробежная. Главное в «Бесах» – не концепция образа, характера, судьбы (как в предыдущих романах), а концепция явления общественной жизни, исторического времени, для которого характерна «бесовщина», размышление об одержимости, которая «не обязательно носит политическую окраску» [Власкин, Рудакова 2021: 122].

Очевидно, что и проявить себя в полной мере «бесовщина» может, и разоблачить ее автор способен именно через общение героев в самом разнообразном его виде и содержании. Ведь «бесовщина» – это особое состояние героев, их отношение друг к другу, их особое «бытие». В «Бесах» следует искать не только особого, «бесовского» общения, но и в самом общении этом, в его характере, содержании и цели следует видеть важные стороны концепции романа в целом.

Начнем с традиционного средства общения – с речи персонажей. Не только значение речи, но и ее оформление – состав, звучание и другие признаки – о многом может сказать. В «Бесах» царит какофония звуков, интонаций, каждый герой ведет свою «партию» с характерной для него тональностью. Вот небольшая выборка авторских ремарок, относящихся к характеру речи персонажей: *кричать* (86 примеров в НКРЯ), *прошептать* (32), *оборвала* (16), *отрезать* (15), *проворчать* (14), *осведомиться* (13), *пролепетать* (13), *возвестить* (11), *лепетать* (11), *бормотать* (10),

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1973. По тексту ссылки на издание оформлены в круглых скобках с указанием тома и страницы. Слова полужирным шрифтом выделены авторами статьи.

² НКРЯ. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 11.08.2023).

заревать (8), *петь* (7), *прогремять* (7), *ввернул* (6), *шептать* (6), *шептать* (5), *взвизгнуть* (5), *орать* (2), *отчеканила* (2), *сыпать бисером* (2). К перечню этому (его можно было бы продолжить) хорошим комментарием может служить один из эпиграфов романа, из «Бесов» А. С. Пушкина.

Разнообразие, неблагозвучие интонаций оставляет общее впечатление действительно как бы «бесовского хоровада» в общении. Однако в более конкретном рассмотрении открывается и вполне определенная упорядоченность в звучании голосов.

Прежде всего, в речи каждого персонажа почти всегда наблюдаются устойчивые признаки, присущие именно ему и его характеризующие. В. Д. Днепроу указывает: «Достоевский вообще любит сразу сообщить о входящем в роман персонаже нечто важное или даже основное, сразу привести его нравственную формулу или драматическую формулу противоречий» [Днепров 1978: 156].

Но в «Бесах» именно с голоса, с манеры говорить или слушать часто и начинается наше знакомство с очередным персонажем.

Вот как появляется, например, Лиза Тушина: *Это он! Степан Трофимович, это вы? Вы? – раздался свежий, резвый, юный голос, как какая-то музыка подле нас* (X: 86). Сочетание эпитетов и составляет общую примету Лизы. Интересно здесь же заметить, что сама по себе музыкальность интонаций еще не является облагораживающей чертой. У Лизы она сочетается со свежестью, резвостью и оставляет впечатление естественности проявления чувств в общении. У Ставрогина с момента его появления на сцене, в первой же реплике автор дает нам заметить тоже своеобразную музыкальность в обращении к Марье Лебядкиной: *Вам нельзя быть здесь, – проговорил ей Николай Всеволодович ласковым, мелодическим голосом* (X: 146).

Чуть ниже о мелодическом голосе Ставрогина автор-рассказчик упоминает еще раз, как бы давая понять, что не оговорился, что это – одна из постоянных примет образа. Для характеристики человеческого голоса более уместен эпитет *мелодичный*. Видоизменяя его, Достоевский передает впечатление некой искусственности, почти безжизненности интонаций Ставрогина в данной ситуации общения (как и далее во многих других).

Еще один яркий пример интонационного вхождения персонажа в роман с очевидным характерным признаком – появление Кармазинова: *...он медовым, хотя несколько крикливым голосом спросил меня* (X: 71).

Ниже Хроникер открытым текстом сообщает свое впечатление от интонаций Кармазинова: *Скверный крик; скверный голос!* (X: 71). С каждым новым появлением на сцене этого персонажа варьируется и разрабатывается первоначальный признак – крикливость, жеманность.

Такой же первичный и постоянный признак, поясняемый самим рассказчиком, – визгливость Прасковьи Ивановны Дроздовой: *...взвизгнула она, кладя в этот взвизг, по обыкновению всех слабых, но очень раздражительных особ, всё, что накопилось раздражения* (X: 129).

Заметим сразу, что пояснения к интонациям и манерам речи автор допускает лишь в тех случаях, когда выводит на сцену персонажей «одномерных», не имеющих скрытого «подтекста души». Такие персонажи на всем протяжении романа совсем или почти не меняются, и в предыстории у них – то же, что в настоящем. Их характеристики если и разворачиваются в романе, то только вширь, а не вглубь.

Есть в романе другие персонажи – тоже с почти неизменными свойствами, но хотя бы частично (или во многом) «закрытые» для прямых однозначных характеристик. К этой группе относятся, например, Дарья Шатова, Липутин, Лебядкин, Лиза Тушина и ряд других. Их участию в общении могут быть свойственны постоянные признаки, но лишь как приметы, чаще всего внешние, суть характера затрагивающие, но не раскрывающие вполне. Если же и встречаются по отношению к ним разоблачающие характеристики, то лишь со стороны тех персонажей, кто и сам не далеко ушел. Характеристики эти, впрочем, могут быть довольно меткими и все-таки не исчерпывающими свой объект.

Вот, например, Дарья Шатова. Постоянный признак ее речи – ровный, тихий, по видимости, спокойный тон: *...трудно было чем-нибудь надолго изумить эту девушку и сбить ее с толку... Проговорила она... свои ответы не торопясь, тотчас же отвечая на каждый вопрос с точностью, тихо, ровно, безо всякого следа первоначального своего волнения и без малейшего смущения* (X: 133). Комментарий принадлежит Хроникеру, и потому здесь нет однозначного отношения. А вот Лиза, например, заклемила Дашу, свою соперницу, афористично и зло: *C'est un ange, но только несколько скрытный* (X: 98). В самом деле, сочетание ясного, ровного, спокойного тона в общении и скрытности лишь кажется парадоксальным. Для «Бесов» это глубоко закономерное сочетание.

Вот что сказано об одном из самых скрытных персонажей переднего плана при первом же его появлении –

о Петре Верховенском: *Говорит он скоро, торопливо, но в то же время самоуверенно, и не лезет за словом в карман. Его мысли спокойны, ...отчетливы и окончательны... Выговор у него удивительно ясен; слова его сыплются, как ровные, крупные зернушки, всегда подобранные и всегда готовые к вашим услугам* (X: 143). Остановимся на образе Петра Верховенского подробнее. *Выговор у него удивительно ясен, слова, всегда готовые к вашим услугам* – все это обещает полноценное по форме и содержанию общение. И во многих случаях роль, которую берет на себя и с успехом выполняет Петр Степанович, вполне как будто отвечает этим обещаниям. Это роль добровольного и искусного комментатора, разъяснителя, всеобщего примирителя. Сам герой признает: *Есть вещи, ...о которых не только нельзя умно говорить, но о которых и начинать-то говорить неумно* (X: 150). И след за этим он именно умно дает разъяснения самым запутанным ситуациям, оправдывая себя тем, что *третьему человеку гораздо легче объяснить, чем самому заинтересованному!* (X: 150).

Роль Петра Верховенского в такого рода разъяснительном общении невольно разоблачает Ставрогин, который, быть может, единственный из персонажей временами видит его насквозь: *Он именно строчит, когда рассказывает; в голове у него канцелярия. ...в качестве реалиста он не может солгать и что истина ему дороже успеха... разумеется, кроме тех особенных случаев, когда успех **дороже истины*** (VI: 156).

Для понимания образа Петра Верховенского и его значения в романе важна не только готовность этого персонажа жертвовать истиной ради успеха, но и стремление его по-канцелярски точно, однозначно *прострочить* окружающую художественную действительность своими навязчивыми разъяснениями. В мире Ф. М. Достоевского такая канцелярская точность, отчетливость и окончательность уже сами по себе не могут претендовать на истинность. Здесь полезно еще раз обратиться к пронизательным формулировкам В. Д. Днепра: «Достоевский поэтически воссоздает действительность, в которой заложенная в ней тайна... И как художник он только приподнимает завесу тайны, но не сдергивает ее» [Днепров 1978: 155].

Вот и в общении реакция героев на неясность, таинственность бывает более выраженной, чем на ясную информацию. Например: *Причины начинающегося разрыва покамест были еще для Варвары Петровны таинственны, а стало быть, еще пуще обидны... до нее уже стали доходить некоторые странные слухи, тоже чрезмерно ее раздражавшие, и именно своею неопределенностью* (X: 129).

Но вернемся к Верховенскому. Особенно показательно, что Петр Степанович не только умело разъясняет трудные случаи сам – он искусен и как организатор общения, замешанного на полуправде и чреватого успехом, который дороже истины. Тогда он и сам, несмотря на всю свою торопливость, готов терпеливо послушать собеседника, умело настроенного на нужные тона и направленность разговора. Вот два показательных примера.

Разъяснив «благородный характер» отношений Ставрогина с Марьей Лебядкиной, Верховенский привел в восторг его мать Варвару Петровну: *О, как я хорошо сделала, что допустила вас говорить!* (X: 150). Теперь она уже сама готова безудержно развивать его логику.

Еще более явное управление общением демонстрирует он в последней сцене с Кирилловым. В начале: *Но если вы чувствуете потребность, так сказать, излить себя, я к вашим услугам* (X: 468). Затем: *Он не мог разрешить, выгодно или невыгодно продолжать в такую минуту такой разговор, и решил «предаться обстоятельствам»* (X: 470). И наконец – финал, когда Кириллов готов написать любую бумагу, которую продиктует Верховенский: *Петр Степанович схватился с места и мигом подал чернильницу, бумагу и стал диктовать, ловя минуту и трепеца за успех* (X: 472).

Итак, Петр Верховенский – виртуоз корыстного общения, в котором он может повести за собой собеседника к нужному итогу, всякий раз находя в человеке его слабое место и искусно направляя его слова и поступки. В случае с Варварой Петровной ему помогает ясное понимание ее натуры, в случае с Кирилловым – интуитивно взятый тон разговора, т. е. в обоих случаях, как и во всех иных ситуациях общения, непосредственно организованного этим персонажем, он выступает фактически в роли искусителя. Искусшает он людей на сладость, на скрытую или прямую подлость, на эгоизм, на преступное легкомыслие. Искусшает обычно страхом, обманчивой свободой, ложной эстетикой или попросту деньгами.

В общении роль искусителя проявляется особенно наглядно, когда Верховенский заставляет собеседника не высказаться, а напротив – *умолчать* о чем-то одинаково очевидном для них обоих и неясном для окружающих. Остановимся на двух примерах.

Вот Верховенский разоблачает Лебядкина, который заинтересован из корысти соблюдать тайну брака своей сестры со Ставрогиным. Теперь он провинился, слишком явно преследуя свои интересы. Искуситель использует свой обычный прием – полуправду:

он говорит о корысти, не упоминая о тайне. Необычна здесь игра Верховенского со своей жертвой. Оправдывая свою репутацию общительного, откровенного, заинтересованного в истине человека, он, по видимости, предлагает Лебядкину говорить, а по сути – заставляет молчать: *...я прошу вас только ответить: ...правда ли всё то, что я говорил, или нет? Если вы находите, что неправда, то вы можете немедленно сделать свое заявление* (X: 154).

По тому же принципу строит Петр Степанович свой диалог с Виргинским. Этот человек *редкой чистоты сердца* (X: 28) как будто не может согласиться с необходимостью убийства, даже если речь идет о предателе:

Я против; я всеми силами души моей протестую против такого кровавого решения! – встал с места Виргинский.

– Но? – спросил Петр Степанович.

– Что но? – Вы сказали но... и я жду (X: 421).

Оба диалога роднит то, что Верховенский как будто заставляет собеседника говорить, вынуждая его в то же время отказываться от собственного голоса, навязывая свой. Срабатывает это благодаря тому, что искуситель Верховенский умеет разглядеть в человеке иерархию принципов, побудительных стимулов и строит общение на противопоставлении этих стимулов друг другу. В случае с Лебядкиным – это корысть против человеческого достоинства, с Виргинским – принципы «общего дела» против «чистоты сердца». В обоих случаях важно, что диалог проходит «на людях». Верховенский искушает свои жертвы стыдом в глазах окружающих, делая тем самым этих окружающих своими соучастниками в общении, свидетелями «постыдного поведения» собеседника, его уклонения от «прямодушного» диалога.

Роль искусителя в общении – это скрытая роль Верховенского. Есть у него в запасе и роли демонстративные. Его ролевое поведение является важным фактором успеха в общении, которое он строит и ведет к намеченным целям. В любом общении он прежде всего – политик. А в политике он, по собственному признанию, – *мошенник, а не социалист* (X: 325). Это именно его «бытие», которое вполне выражает себя в каждой ситуации, непосредственно организованной этим персонажем, он выступает фактически в роли искусителя.

Даже саморазоблачаясь в глазах, например, Ставрогина, признаваясь в своей роли мошенника и бездарности, Верховенский в то же время полноценно (со своей точки зрения) общается с ним, преследует свои цели – настраивает Ставрогина на откровенность,

на снисходительность: *Я вру, вру, а вдруг и умное слово скажу, именно тогда, когда они все его ищут. Они окружают меня, а я опять начну врать* (X: 179).

Если про Дарью Шатову сказано *скрытый ангел*, то о Петре Верховенском с еще большим основанием можно сказать *откровенный бес*. Хотя, как можно было убедиться, у этого явного беса и откровенность-то мнимая. Его торопливость в фальшивых разъяснениях на любой случай жизни, всегдашняя услужливость в общении, *крупные зернушки* точно подобранных слов, удивительно ясный выговор – все это сродни ясному, ровному, спокойному тону Дарьи, которая ведь тоже умеет тотчас отвечать на каждый вопрос с точностью. В бурлении страстей, в атмосфере тайн, болезненных заблуждений и прозрений такое как будто правильное общение выглядит ненормальным, подозрительным. По сути своей такое общение оборачивается своей противоположностью – замкнутостью человека на самом себе. У Дарьи Шатовой – это замкнутость на роль добровольной жертвы Ставрогина. У Петра Верховенского – замкнутость на свои мошеннические цели.

При внимательном рассмотрении оказывается, что в романе почти нет персонажей, вполне готовых и способных к нормальному, ничем не искаженному общению. Среди тех, кто может претендовать на роль центрального героя, это лишь Хроникер. Но таким образом проясняется единый важный признак характерности того или иного персонажа – своеобразие его ущербности в общении, характер присущих ему отклонений от условного нормального уровня.

Один из самых ярких примеров отклонения от нормального общения представлен в образе Лебядкина. Поведение этого персонажа характеризует его достаточно однозначно – это неотесанный, взбалмошный, эгоистичный человек. Ему не чужды обычные претензии опустившихся людей: Дарью Шатову он *крепостною девкой Дашкой зовет* (X: 133), себя «благороднейшим лицом» всем рекомендует. Раньше состоял в добровольных шутах у Ставрогина, теперь жалеет, что время это прошло, и пробавляется шантажом своего благодетеля. Образ Лебядкина остался бы плоским, если бы автор не дал ему «слова» в романе. Манера речи этого персонажа, само его отношение к общению уточняют и углубляют наше представление о нем.

Уже первая, самая краткая характеристика Лебядкина включает упоминание о его речи: *Он только умел крутить усы, пить и болтать самый неловкий вздор, какой только можно вообразить* (X: 29). Во вздорной болтовне еще нет особых странностей

и отклонений – это было свойственно и другим персонажам Достоевского (например, Мармеладову, Келлеру, генералу Иволгину). Но вот Хроникер более подробно характеризует манеру Лебядкина говорить и вести себя в обществе: *Попав не в свое общество, такой господин обыкновенно начинает робко, но уступите ему на волосок, и он тотчас же перескочит на дерзости* (X: 140).

В характеристике Лебядкина можно усмотреть и следы эгоизма (*не слушал вопросов, говорил о себе*), и беспорядочность натуры (*перескакивал на другую фразу* (X: 140)). В своих монологах и даже коротких репликах-ответах герой путается, непрерывно поправляет себя, пытается не столько что-то сообщить, сколько заявить претензию на образованность и на глубокомыслие. Последнее дается ему с немалым трудом, но он вновь и вновь повторяет попытки пробиться сквозь путаницу ассоциаций и что-то высказать. После одной из таких попыток, например, *он дышал тяжело, как после какого-то трудного подвига* (X: 139).

Порой речевые затруднения в общении заставляют Лебядкина прибегать к жестам. Например, отчаявшись сказать без всякой двусмысленности о слабоумии сестры, он это показывает: *... в таком положении – это значит не в таком положении... в смысле, пятнающем репутацию... на последних порах... – внезапно заключил он, ткнув себя пальцем в середину лба* (X: 138).

Этот пример никак не может свидетельствовать о «благородном страдании», о котором говорил Версиров, но интересна сама возможность замены слова жестом в общении. В тех же случаях, когда Лебядкина томит «высокая» неизреченность, он прибегает к еще более характерной замене – к стихам. Роль стихов он понимает своеобразно. Они у него – именно заменитель прозы в трудных случаях. В романе сам он трижды представляет свои «шедевры» (однажды его стихи читает с эстрады Липутин). И во всех случаях стихи для него – явно не самоцель, а лишь средство. Он, например, облагораживает ими свое дерзкое обращение к Лизе Тушиной. В другом случае свою басню «Таракан» он предлагает как ответ на роковой для него вопрос о тайне, связанной с его сестрой и Ставрогиним.

Подводя итог поэтическому творчеству Лебядкина, можно считать, что оно для него – «высокое косноязычие» в самом прямом смысле этого выражения. Он как будто спасается в рифмоплетство, когда отчаивается выйти из трудного положения прозаическим путем или когда подозревает себя в пошлости помыслов и поступков. Стихи Лебядкина – апелляция к искусству в надежде найти оправдание своей пошлости.

Другой, менее выраженный случай минутного просветления Лебядкина – упомянутый диалог с Петром Верховенским. Как будто в ответ на издевательства последнего в Лебядкине проявляется подлинное человеческое достоинство. В эти минуты он терпеливо сносит свой «крест». Примечательно, что вслед за этим в подобной же ситуации оказывается Степан Трофимович. Он также терпеливо сносит издевательства Петра, своего сына, на что Хроникер замечает: *Правда, и виноват же был Степан Трофимович! Но вот что решительно изумило меня тогда: то, что он с удивительным достоинством выстоял и под «обличениями» Петруши, ...и под «проклятием» Варвары Петровны. Откуда взялось у него столько духа?* (X: 162). Уже одно то, что Верховенский-старший и Лебядкин оказываются товарищами по несчастью и с одинаковым достоинством «несут свой крест», может многое оправдать в поведении последнего.

Уместно будет обратиться теперь к образу Марьи Лебядкиной, у них с братом фамильная черта – непосредственность в поведении, которая сказывается и в общении. Правда, у Марьи-Хромоножки отклонения от нормы общения еще более яркие, а значит и более характерные. Это, во-первых, абсолютная открытость собеседнику, искренность и умение доверчиво радоваться каждому моменту жизни. Радость – одна из ее постоянных примет: *Разговору я всегда рада... Не понимаю я, как это люди скучают. Тоска не скука. Мне весело* (X: 114, 115). Ее радость – не от инфантильности, под нее подведена своя мировоззренческая база: *И всякая тоска земная – радость нам есть; а как напоишь слезами своими под собой землю на пол аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься* (X: 116). Но при всей кажущейся «благостности» образа Хромоножки, он все-таки остается явным отклонением от нормы. Это благостность юродливой. И в манере общения заметна явная ущербность. Она, например, в некоторых случаях попросту не умеет общаться и учится этому в ходе разговора, изумляя собеседников: обращается к незнакомым людям *тётя* и *Лиза* только потому, что сами они так называют друг друга (X: 128). Или другой случай: Шатов и Хроникер навестили Лебядкину, а она при этом разговаривает только о первом, абсолютно не замечая второго. Более того, в присутствии Лебядкиной Шатов свободно говорит о ней с Хроникером.

Можно заметить, что в образе Лебядкиной многое идет от образа князя Мышкина из предыдущего романа Достоевского. И в отношении к окружающим, в общении с ними они похожи – доверчивы

до наивности и проницательны до пророчества. Важное отличие Лебядкиной от Мышкина состоит в ненормальной ее мечтательности. Она как будто попеременно живет то в мире реальном, то в своих иллюзиях. Вот и Ставрогин двоится в ее сознании при последней встрече: говорит она с ним и о нем как о постороннем. Он для нее – и светлая мечта, и жуткая реальность.

Воспоминания о ребенке, гадание на картах, долгие часы у зеркала – все это приметы особой мечтательности, когда человек уходит от реальности в общение с мечтой, с судьбой, с самим собою наконец. Для себя этого вполне хватает, и потому редкое обращение к людям может быть абсолютно бескорыстным. Такая отстраненность от мира реальности дает и особое зрение, даже пророческое. Но в мире этом пророки, юродивые всегда оставались посторонними. И их позиция уж никак не может быть нормой, потому и называли их ненормальными.

Образ Кириллова в романе очень важен. Первая же встреча с Кирилловым позволяет проницательному Хроникеру выделить в нем самое странное и, быть может, главное для понимания этого образа – ущербность речи: *Он казался несколько задумчивым и рассеянным, говорил отрывисто и как-то не грамматически, как-то странно переставлял слова и путался, если приходилось составить фразу подлиннее* (X: 75), Такая особенность речи требует осмысления, не сразу раскрывает свое значение.

Одна из основных, часто встречающихся примет Кириллова в романе – его замкнутость, необщительность. Он весь погружен в свою идею, закрыт для общения, о чем говорит и его рассеянность, и *черные глаза без блеску*. Само по себе это как будто не может служить ему в осуждение – важно, чем чревата его задумчивость. Ведь может быть – спасительной, облагораживающей мыслью?

Не будем вдаваться в рассмотрение содержательного состава идей этого персонажа. Это подробно прокомментировано в научной литературе [Володин 1989]. Но показательно, что антигуманный, враждебный самой жизни характер идей Кириллова в полной мере сказывается в приметах его «бытия», в ущербности его отношений с людьми, в отклонениях от норм общения. Вот как сам персонаж определяет свою позицию в общении с людьми: *...я никогда никому не говорю. Я презираю чтобы говорить... Если есть убеждения, то для меня ясно* (X: 77). Из этого можно заключить, что для Кириллова его убеждения являются самоцелью, а не средством определения своей позиции в мире людей. Они – не средство приобщения к этому миру,

а иллюзия обособления от него (от мира, в котором *все подлецы, и это всё равно*, как сам он заключает). Очевидно, что попытки обособиться от мира людей, замкнутость на своих идеях как на самоцель, стремление пожертвовать собою и всем для этих идей не могут пройти даром для личности героя. Идеи по сути своей враждебны жизни, и жертва «собою и всем» принимается. Разрушение личности начинается с нарушения речи. Речь атрофируется за ненужностью, ведь Кириллов *презирает, чтобы говорить*. Не случайно, быть может, в романе оговаривается, что и живет этот персонаж один с *глухой старухой*.

Один из наиболее думающих и близких автору персонажей – Шатов – говорит с Хроникером о Кириллове с досадой и осуждением: *Русский атеизм никогда дальше каламбура не заходил, – проворчал Шатов... – Нет, этот, мне показалось, не каламбуристик; он и просто говорить, кажется, не умеет, не то что каламбуришь* (X: 100). Каламбур – это своего рода замкнутость мысли на саму себя, на оригинальность своего выражения. Не случайно каламбурирует в романе Степан Трофимович Верховенский – довольно бестолковый в общении, замкнувшийся и заблудившийся в своем либерализме персонаж. Не случайно один из самых симпатичных персонажей, Маврикий Николаевич, лишь однажды скаламбурил, чем вызвал справедливое недоумение Лизы Тушиной: *Боже, да ведь он хотел сказать каламбур! – почти в ужасе воскликнула Лиза. – Маврикий Николаевич, не смейте никогда пускаться на этот путь!* (X: 157).

Что касается Кириллова, то Шатов не так уж далек от истины, связывая его убеждения с каламбуром. Мирозренческое явление при этом сравнивается со «словом», замкнутым на само себя, мнимо достаточным и потому ущербным. «Слово», как и убеждения, должно быть открыто общению и служить средством соединения людей, очищения их от скверны, «бесовщины» любого рода. Убеждения Кириллова, да и «слова» его (предсмертная записка, например) – лишь служат Петру Верховенскому. Закономерно, что в сцене их последнего свидания возникают вспышки взаимопонимания и согласия между ними – и именно по поводу последнего обращения Кириллова к людям и ко всему миру. Верховенский диктует ему записку. Здесь перед нами процесс деградации и разрушения личности, зашедший уже слишком далеко. Налицо и приметы полуразложившейся речи, когда обычных слов недостаточно, и нужны *рожи с высунутым языком, лозунги на французском языке в роли ругательств и тому подобные средства*.

Жизненный итог Кириллова позволяет сопоставить его образ с Раскольниковым. Их роднит во многом сходный нравственный опыт, который героем «Бесов», правда, так и не был осмыслен: «Бесчеловечная идея опровергается не логическим пересмотром, а тем, что она загоняет героя в безвыходные тупики, тем, что из нее выходит на деле» [Днепров 1978: 232]. Кириллов, как и Раскольников, хотел бы видеть в осуществлении своей идеи спасительную миссию: *Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех ладей и в следующем же поколении переродит физически* (X: 472). На деле же он губит не только себя, но и Шатова, и жену его, и ребенка. Это опять-таки напоминает незапланированное убийство Раскольниковым Лизаветы (возможно, беременной).

Заключение

Формы и функции речевого общения персонажей в «Бесах» действительно чрезвычайно разнообразны и показательны. Фактически каждый достаточно разработанный автором образ романа можно рассмотреть под этим углом зрения и что-то дополнительно для себя в нем прояснить. Значимо ли само по себе это постоянство роли общения в структуре образа? Несомненно. Ф. М. Достоевский хорошо понимал, что потребность в общении для человека – одна из самых основных и стойких. Он испытывал эту потребность «на износ», на живучесть особенно пристрастно. Показательно, например, как тянутся к общению отверженные герои: Шатов в «Бесах» советует Ставрогину сходить к Тихону – и тот идет...

Даже в крайних, болезненных формах одиночества герои Достоевского испытывают потребность в общении. Герои-самоубийцы тянутся к нему даже накануне смерти. Фактически только с исчезновением этой потребности порываются их последние связи с людьми и миром – и мир отпускает их.

В произведениях Ф. М. Достоевского от характера общения могут зависеть судьбы героев, оно может

являться и средством, и целью художественных исканий. Самостоятельность героев чаще всего оборачивается их разобщенностью. И тогда общение может совмещать функции средства и цели.

Анализ коммуникации в «Бесах» раскрывает важные стороны концепции романа: «бесовщина» предстает как *симптом трагического хаоса и неустойчивости мира, специфическое отражение общей болезни переходного времени, переживаемого Россией и человечеством* (XII: 255), что наглядно воплощается в специфике речевого общения героев, характерными чертами которого становятся проявление ущербности, болезненной замкнутости персонажей в общении с людьми, искусственность, отрыв от живой жизни, стремление с помощью манипуляций внести в этот мир разлад, породить смуту. Нарушения в общении свидетельствуют о разрушении личности, становятся знаком приближающейся социальной катастрофы.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. В. Рудакова – разработка идеи проекта, руководство реализацией, подготовка текста. Т. Б. Зайцева – анализ материала, подготовка текста, формулирование выводов исследования. А. П. Власкин – разработка концепции, методологии и теоретической базы, систематизация результатов.

Contribution: S. V. Rudakova designed the concept, supervised the research, and wrote the article. T. B. Zaitseva analyzed the material, wrote the draft, and formulated the conclusions. A. P. Vlaskin developed the research concept, methodology and theoretical foundations of the project, and systematized the results.

Литература / References

- Баженова Я. Г. Манипулятивные речевые стратегии в диалогической коммуникации на русском языке: когнитивно-дискурсивный аспект коммуникации. *Когнитивные исследования языка*. 2021. № 3. С. 300–303. [Bazhenova Ya. G. The manipulative speech strategies in Russian dialogic communication: cognitive-discursive aspect. *Cognitive studies of language*, 2021, (3): 300–303. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vruyru>
- Баженова Я. Г. Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского. *Научный диалог*. 2022. Т. 11. № 4. С. 9–28. [Bazhenova Ya. G. Artistic functions of models of manipulative speech interaction in dialogues of heroes by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi Dialog*, 2022, 11(4): 9–28. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28>

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога. *Вопросы языкознания*. 1992. № 2. С. 84–99. [Baranov A. N., Kreydlin G. E. Illocutionary compulsion in the structure of dialogue. *Voprosy Jazykoznanija*, 1992 (2): 84–99. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ogjrpf>
- Баталова Т. П. Поэтика завершения в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Проблемы исторической поэтики*. 2020. Т. 18. № 1. С. 260–275. [Batalova T. P. The poetics of completion in the novel by F. M. Dostoevsky "Demons". *Problemy Istoricheskoy Poetiki*, 2020, 18(1): 260–275. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15393/j9.art.2020.7502>
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979а. 320 с. [Bakhtin M. M. *Problems of Dostoevsky's Poetics*. 4th ed. Moscow: Sov. Rossiia, 1979a, 320. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vqmuuv>
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979б. 423 с. [Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow: Iskusstvo, 1979b, 423. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vqmufp>
- Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы»: некоторые аспекты восприятия. *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*. 2013. № 4. С. 130–136. [Belov S. V. "Demons" by Fyedor M. Dostoevsky: some aspects of perception. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kultyury i iskusstv*, 2013, (4): 130–136. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rmspuh>
- Бялик Б. А. К спорам о «Бесах» (Полемические заметки). *Вопросы литературы*. 1983. № 1. С. 136–176. [Byalik B. A. Dostoevsky's Demons disputed: Polemical notes. *Voprosy Literatury*, 1983, (1): 136–176. (In Russ.)]
- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 3-е изд. М.: URSS, 2007. 171 с. [Vinokur T. G. *Speaking and Listening: Variants of speech behavior*. 3rd ed. Moscow: URSS, 2007, 171. (In Russ.)]
- Власкин А. П., Рудакова С. В. Метасмыслы заглавий романов Достоевского. *Libri Magistri*. 2021. № 2. С. 117–127. [Vlaskin A. P., Rudakova S. V. Metameanings of the titles of F. M. Dostoevsky's novels. *Libri Magistri*, 2021, (2): 117–127. (In Russ.)] https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_16_2_117
- Власкин А. П., Рудакова С. В., Зайцева Т. Б. Художественная избыточность в философском содержании произведений Ф. М. Достоевского. *Libri Magistri*. 2019. № 2. С. 39–50. [Vlaskin A. P., Rudakova S. V., Zaitseva T. B. Artistic redundancy in the philosophical content of the works F. M. Dostoevsky's. *Libri Magistri*, 2019, (2): 39–50. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ctmjdd>
- Володин Э. Ф. Вызов и ответ (идеологические альтернативы «Бесов»). *Контекст – 1988*, ред. кол.: Н. К. Гей, П. В. Палиевский, В. Р. Щербина. М.: Наука, 1989. С. 10–38. [Volodin E. F. Challenge and response: ideological alternatives of Demons. *Context – 1988*, ed. board: Gey N. K., Palievskiy P. V., Shcherbina V. R. Moscow: Nauka, 1989, 10–38. (In Russ.)]
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение. *Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика*, общ. ред. Е. В. Падучева. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237. [Grice H. P. Logic and speech communication. *New in foreign linguistics. Iss. 16. Linguistic pragmatics*, ed. Paducheva E. V. Moscow: Progress, 1985, 217–237. (In Russ.)]
- Днепров В. Д. Идеи. Страсти. Поступки. Из художественного опыта Достоевского. Л.: Сов. писатель, 1978. 384 с. [Dneprov V. D. *Ideas. Passion. Actions. From Dostoevsky's artistic experience*. Leningrad: Sov. pisatel, 1978, 384. (In Russ.)]
- Дубеник Е. А. Литературные ассоциации в романе Ф. М. Достоевского «Бесы»: типология приемов создания (цитаты, реминисценции, аллюзии). *Филология и человек*. 2010. № 4. С. 148–153. [Dubenik E. A. Literary associations in F. M. Dostoevsky's Demons: typology of creative techniques, i.e., quotations, reminiscences, and allusions. *Filologiya i chelovek*, 2010, (4): 148–153. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ndtwwf>
- Жуков В. Д. К проблеме коммуникации в творчестве Ф. М. Достоевского. *Социальные коммуникации: философские, политические, культурно-исторические измерения*: I Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Кемерово, 17 апреля 2020 г.) Кемерово: КемГУ, 2020. С. 87–91. [Zhukov V. D. Communication in F. M. Dostoevsky's works. *Social Communications: philosophical, political, cultural, and historical dimensions*: Proc. I All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Kemerovo, 17 Apr 2020. Kemerovo: KemSU, 2020, 87–91. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/bcwgkk>
- Иссерс О. С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий. *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 2. С. 243–256. [Issers O. S. More than half a century under the umbrella of communication strategies. *Communication Studies*, 2020, 7(2): 243–256. (In Russ.)] [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).243-256](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256)

- Исупов К. Г. Метафизика общения в мире Достоевского. *Достоевский и мировая культура*. 2003. № 19. С. 19–40. [Isupov K. G. Metaphysics of communication in Dostoevsky's world. *Dostoevskii i mirovaia kultura*, 2003, (19): 19–40. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/yawwpr>
- Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века. М.: Сов. писатель, 1989. 646 с. [Karyakin Yu. F. *Dostoevsky and the eve of the XXI century*. Moscow: Sov. pisatel, 1989, 646. (In Russ.)]
- Карякин Ю. Ф. Зачем хроникер в «Бесах»? *Достоевский. Материалы и исследования*, гл. ред. В. Г. Базанов. Л.: Наука, 1983. Т. 5. С. 113–131. [Karyakin Yu. F. What is the role of the chronicler in Demons? *Dostoevsky. Materials and research*, ed. Bazanov V. G. Leningrad: Nauka, 1983, vol. 5, 113–131. (In Russ.)]
- Колпаков А. Ю. Поэтика романа Ф. М. Достоевского «Бесы». Красноярск: КГПУ, 2002. 114 с. [Kolpakov A. Yu. Poetics of F. M. *Dostoevsky's Demons*. Krasnoyarsk: KSPU, 2002, 114. (In Russ.)]
- Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст. In: Битенская Г. В., Богуславская Н. Е., Гиниатуллин И. А., Кожевникова Н. А., Майданова Л. М., Матвеева Т. В., Мурзин Л. Н., Сахарный Л. В., Сиротинина О. Б., Чернухина И. Я. *Человек – Текст – Культура*. Екатеринбург: Полиграфист, 1994. С. 125–140. [Matveeva T. V. Non-coercive dialogue as a text. In: Bitenskaya G. V., Boguslavskaya N. E., Giniatullin I. A., Kozhevnikova N. A., Maydanova L. M., Matveeva T. V., Murzin L. N., Sakharny L. V., Sirotinina O. B., Chernukhina I. Ya. *Man – text – culture*. Ekaterinburg: Polifrafist, 1994, 125–140. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wzhfir>
- Неклюдов С. А. К проблеме места и роли главы «У Тихона» в архитектонике романа «Бесы». *Вест. Моск. ун-та. Серия 9. Филология*. 2010. № 6. С. 99–106. [Neklyudov S. A. Towards the problem of the place and role of the chapter At Tikhons in the architectonics of the novel The Devils. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2010, (6): 99–106. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ncypmd>
- Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313. [Paducheva E. V. Pragmatic aspects of dialogue coherence. *Izvestiia AN SSSR. Seriiia literary i iazyka*, 1982, 41(4): 305–313. (In Russ.)]
- Пирусская Т. А. Сплетня как авторефлексивный механизм в романах Достоевского «Бесы» и Джордж Элиот «Мидлмарч». *Вопросы литературы*. 2015. № 2. С. 193–216. [Pirusskaya T. A. Gossip as a self-reflexive mechanism in the novels "The possessed" by Dostoyevsky and "Middlemarch" by George Eliot. *Voprosy Literature*, 2015, (2): 193–216. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tvtp1t>
- Пруцков Н. И. Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. In: Пруцков Н. И. *Русская литература XIX века и революционная Россия*. М.: Просвещение, 1979. С. 33–98. [Prutskov N. I. L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky. In: Prutskov N. I. *Russian Literature of the XIX century and revolutionary Russia*. Moscow: Prosveshchenie, 1979, 33–98. (In Russ.)]
- Рождественская О. Ю., Эсалнек А. Я. Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в аспекте диалогизма. *Мир науки, культуры, образования*. 2018. № 2. С. 613–616. [Rozhdestvenskaya O. Yu., Esalnek A. Ya. F. Dostoevsky's novel "Demons" in the aspect of dialogism. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2018, (2): 613–616. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uorlkc>
- Сливицкая О. В. «Война и мир» Л. Н. Толстого. Проблемы человеческого общения. Л.: ЛГУ, 1988. 189 с. [Slivitskaya O. V. *War and Peace by L. N. Tolstoy. Problems of human communication*. Leningrad: LSU, 1988, 189. (In Russ.)]
- Стернин И. А. Основы речевого воздействия. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с. [Sternin I. A. *Fundamentals of speech influence*. Voronezh: Istoki, 2012, 178. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qydwzt>
- Терентьев А. Ю. Особенности коммуникации между поколениями в романе Ф. М. Достоевского «Бесы». *Мировая литература глазами современной молодежи. Цифровая эпоха: VIII Междунар. молодежной науч.-практ. конф.* (Магнитогорск, 19–20 октября 2022 г.) Магнитогорск: МГТУ, 2022. С. 218–222. [Terentev A. Yu. Characteristic features of communication between generations in F. M. Dostoevsky's novel "Demons". *World literature as seen by modern youth. The Digital Age: Proc. VIII Intern. Youth Sci.-Prac. Conf.*, Magnitogorsk, 19–20 Oct 2022. Magnitogorsk: NMSTU, 2022, 218–222. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/vzjwsh>
- Postnikova E. G., Volkova V. B., Tsurkan V. V., Kozko N. A. Mythology of power in works of M. Y. Saltykov-Shchedrin and F. M. Dostoevsky. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts SGEM2017: Proc. Conf.*, Albena, 24–30 Aug 2017. Sofia: STEF92 Technology Ltd., vol. 2, 547–554. <https://www.elibrary.ru/akkwvg>

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь, КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia), vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 12.02.2024.

Дата выхода в свет 28.02.2024.

Печать офсетная. Бумага Sveto Соу.

Формат А4. Усл. печ. л. – 19,3. Уч.-изд. л. – 17.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

